198651.

198 —
651

Москва,
Апр. 1918.

Филиппъ Гиббсъ.

198
651

ДУША ВОЙНЫ

Впечатлѣнія корреспондента
съ Западнаго фронта.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Е. ЛОХТИНА.

10244/3

МОСКВА—1917.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1185787

Типо-литографія Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“. Б. Якиманка, д. 32.

Государственная публичная

СОДЕРЖАНІЕ:

Предзнаменованія.
Мобилизація.
Война, окруженная тайной.
Отступленіе.
Начало отлива.
Нашествіе.
Послѣдній оплотъ бельгійцевъ.
Душа Парижа.
Солдаты Франціи.
Люди въ хаки.
Заключеніе.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЯ.

1.

Кто могъ бы проникнуть въ глубь души взволнованной Англіи въ тѣ іюльскіе дни, когда передъ взоромъ ея народныхъ массъ внезапно появился грозный призракъ войны, угрожая всему, что казалось такъ мирно и спокойно въ нашей повседневной жизни? Англія испытала въ тѣ лѣтніе дни ударъ, который поразилъ ея умъ и сердце, подобно тому, какъ человѣкъ, равнодушный къ добру и истинѣ, вдругъ испытываетъ его на религіозномъ митингѣ, когда страстный проповѣдникъ разбиваетъ жесткую кору его равнодушія и убѣждаетъ его, что смерть и страшный судъ не за горами, и что онъ со всею грѣховностью его жизни будетъ ввергнутъ въ горнило духовной агоніи. Онъ возвращается домой, чувствуя себя измѣнившимся человѣкомъ въ измѣнившемся мірѣ. Даже невинное тиканье часовъ на каминѣ его гостиной говоритъ ему зловѣщимъ голосомъ, напоминающимъ громовые удары. Смерть приближается къ нему все ближе и ближе съ каждымъ ударомъ маятника. Его маленькій домъ, его домашняя обстановка, ежедневная рутина его труда ради мірскихъ благъ, его мелочная непріязнь къ сосѣдямъ, все это кажется ему пустымъ, ничтожнымъ и теряетъ всякое значеніе, такъ какъ судъ Божій близокъ. Его самодовольство, постоянное лицемѣріе, съ которымъ онъ обходитъ правду, разбиты навсегда. Онъ чувствуетъ себя какъ бы обнаженнымъ и трепещетъ, хватаясь единственно за надежду, что у него еще хватитъ времени измѣнить свой характеръ къ лучшему, пріобрѣсти новую духовную силу и совершить хоть кое-что изъ того, что онъ оставилъ безъ вниманія—о, если бы вернуть прошлое!—прежде чѣмъ врагъ схватится съ нимъ въ послѣдней роковой борьбѣ.

Таково, только съ меньшей простотой и сознательностью, было настроеніе Англіи въ тѣ немногіе дни, которые слѣдовали за австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи и вызовомъ Германіи обращенныхъ къ Франціи и Россіи. По крайней мѣрѣ, именно такъ можно изобразить умственное состояніе правящихъ, политическихъ и, такъ называемыхъ, интеллектуальныхъ классовъ страны, которые могли прочесть правду между строкъ дипломатическихъ депешъ и отчетливо видѣть тѣнь смерти, крадущейся по полямъ Европы, и слышать глухой рокотъ ея барабана.

Нѣкоторые изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей и политиковъ должны были провести мучительные дни и ночи въ концѣ іюля. Они тоже, подобно грѣшнику на митингѣ, ждали приближенія Страшнаго суда. Къ чему было теперь ихъ мелочное честолюбіе и ихъ ничтожное соперничество? Они также чувствовали себя превосходно въ ихъ самодовольствѣ, эти лицемѣры, осторожно обходящіе правду и раздувающіе искры, не обращая вниманія на то, что все можетъ запылать кругомъ. Если бы они могли вернуть прошлое и начать все сызнова! Боже великій, была ли эта ужасная война съ Германіей неизбѣжной и, въ худшемъ случаѣ, было ли еще время очистить страну отъ ржавчины и приготовиться къ страшной борьбѣ?

2.

Все измѣнилось въ Англіи въ нѣсколько дней. То, что считалось важнымъ, перестало быть имъ. Вооруженіе Ульстера и ирландскихъ націоналистовъ, избирательныя права женщинъ, облегченіе развода, манія ночныхъ клубовъ—остался ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ вопросахъ? Обуреваемые не только страхомъ, но и болѣе благороднымъ чувствомъ—выбраться изъ трясины житейской глупости, вожди Англіи прекратили свою вражду. Къ нимъ доносились голоса изъ далекаго прошлаго. Ихъ кровь кипѣла, повинуясь старымъ чувствамъ и старымъ традиціямъ, которыя, казалось, принадлежали къ историческому хламу, покоившемуся на чердакахъ вмѣстѣ съ изъѣденными молью уборами ихъ предковъ.

Но все же, я долженъ сказать, въ теченіе тѣхъ іюльскихъ дней въ Англіи не было жажды крови. Не было видно стараго джингоизма, воспламенявшаго огромныя толпы передъ бурской войной, и не замѣчалось его признаковъ. Среди вдумчивыхъ людей чувствовался какъ бы родъ недовѣрія къ тому, что война дѣйствительно случится, и за этой недовѣрчивостью скрывалось нѣкое трагическое предчувствіе и родъ нѣкотораго стыда—предчувствіе того, что тайныя силы работали въ пользу войны совершенно внѣ контроля европейскихъ демократій, желавшихъ жить въ мирѣ и согласіи, и стыда, что сама цивилизація, всѣ идеалы, интеллектуальная дѣятельность и демократическій прогрессъ въ Европѣ могли быть отброшены назадъ въ первобытное варварство войны съ ея поголовной безсмысленной бойней и распарываніемъ человѣческаго тѣла штыками—„героическими атаками“, какъ они именуются въ газетахъ—и съ ея проповѣдью ненависти другъ къ другу. Значитъ, человѣчество все еще подобно звѣрю, какъ оно было двадцать вѣковъ тому назадъ, и вѣсть христіанства все еще не услышана людьми? Соціалистическія ученія, гаагскія конвенціи, умственный прогрессъ современной демократіи оказались вполнѣ несостоятельными, и если эта война явится на свѣтъ не волей самихъ народовъ, но благодаря международнымъ интригамъ европейскихъ дипломатовъ, гордости военной касты и алчности политическихъ торгашей, поля Европы снова будутъ

политы кровью нашихъ лучшихъ согражданъ, и смерть снова будетъ собирать свою ужасную жатву. Неужели ничто не въ состояніи остановить это кровавое дѣло?

3.

Я думаю, что средніе классы въ Англіи—простые мужчины и женщины, не принадлежавшіе къ профессіональнымъ политикамъ и къ интеллектуальнымъ кружкамъ—были ошеломлены быстрымъ развитіемъ международной „ситуаціи“, какъ это называется въ газетахъ, раньше дѣйствительныхъ объявленій войны, слѣдовавшихъ одно за другимъ подобно громовымъ ударамъ, предвѣщавшимъ міровую бурю. Вѣрно ли было, что Германія чувствовала къ намъ смертельную вражду и была проникнута военнымъ честолюбіемъ, которое должно было превратить въ бойню Европу? Или это была только газетная болтовня для того, чтобы дать читателямъ сенсаціонныя извѣстія къ завтраку? Какъ могли они рѣшить, эти простые невѣжественные люди, которые всегда жаждали прямыхъ правдивыхъ фактовъ? Многіе годы повременная печать Англіи рѣзко дѣлилась на двѣ части по отношенію къ честолюбивымъ замысламъ Германіи, совершенно такъ же, какъ она дѣлилась относительно тарифной реформы или самоуправленія Ирландіи. Либеральная пресса издѣвалась надъ поднимавшими волосы дыбомъ страхами консервативной печати, а послѣдняя отвѣчала на насмѣшки еще болѣе свирѣпыми атаками на германскую дипломатію и еще болѣе рѣшительными попытками разсорить оба народа. Либеральная печать распространялась любовно о братскомъ чувствѣ германскаго народа къ его англійскимъ родичамъ. Консервативная выискивала зажигательныя статьи и рѣчи повелителей армій и политиковъ юнкерства. Все это обыденному человѣку казалось пустымъ словопреніемъ, такимъ же далекимъ отъ сада его пригороднаго домика, въ которомъ онъ выращивалъ свои розы, или отъ площадки для гольфа, гдѣ онъ проводилъ свои субботніе вечера, какъ и споры о каналахъ на Марсѣ. Правда, по временамъ, въ моменты политическаго оживленія онъ примыкалъ къ той или другой сторонѣ и присваивалъ себѣ газетныя фразы, заявляя съ увѣренностью, которой въ сущности онъ не чувствовалъ, что германскій флотъ является угрозой нашему морскому могуществу, или выражая презрѣніе ко всему этому милитаризму и свою вѣру въ международную солидарность новой демократіи. Однако, ему и въ голову не приходило, что можетъ настать день, когда онъ, житель пригорода, долженъ будетъ сражаться за свой собственный очагъ и испытывать невыносимые ужасы войны, когда розы въ его саду будутъ втоптаны въ грязь и забрызганы кровью, и когда его домъ рухнетъ наподобіе карточнаго домика, такъ что фотографіи его семьи, дѣтскія игрушки, піанино, купленное имъ въ разсрочку, всѣ семейные пенаты, которымъ онъ поклонялся, все будетъ смѣшано въ одной грудѣ развалинъ—какъ это и было впослѣдствіи въ Скарборо и Хартльпулѣ, Ипсвичѣ и Саусендѣ.

Средніе классы Англіи старались успокоить себя даже въ предпослѣдній часъ, не вѣря тому, что ихъ ждало.

— Невозможно!—кричали они.—Этому нельзя повѣрить. Это только газетные страхи.

Но часы шли, тѣнь войны все приближалась и, наконецъ, покрыла собой Европу.

4.

На Флитъ-стритѣ *), который соединенъ телеграфной проволокой со всѣмъ міромъ, царила лихорадочная дѣятельность. Стѣны и столы были покрыты картами. Фотографіи, справочники, путеводители, телеграммы валялись въ безпорядкѣ на полу комнатъ редакторовъ. Цѣлыя процессіи искателей приключеній поднимались по ступенямъ зданій на этой улицѣ съ заявленіями о своей бывшей службѣ на поляхъ битвъ Европы, тѣ люди, которые куда-то исчезаютъ въ промежутокъ между одной войной и другой и появляются на свѣтъ, какъ только издалека почувствуется запахъ крови. Съ ними вмѣстѣ въ редакціи потянулись десятки новичковъ съ спортивными инстинктами и самоувѣренностью бродячихъ натуръ, жаждущихъ быть въ центрѣ событій, готовыхъ итти на какихъ угодно условіяхъ и принять на себя всяческій рискъ, только бы видѣть интересныя зрѣлища. Спеціальные корреспонденты, фотографы, младшіе репортеры газетнаго штаба, помощники редактора, появившіеся на свѣтъ Божій изъ темныхъ комнатокъ съ лихорадочно горящими глазами, утомленными постояннымъ чтеніемъ корректуръ, проходили одинъ за другимъ по лѣстницамъ въ поискахъ за счастьемъ. Имъ представлялся случай видѣть величайшую драму въ жизни съ ея настоящими аксессуарами: дѣйствительные трупы, дѣйствительную кровь и дѣйствительные ужасы. Такого случая нельзя было пропустить ни одному самоуважающему журналисту, для котораго вся жизнь ничто иное, какъ представленіе, которое онъ описываетъ и критикуетъ, находясь въ первыхъ рядахъ креселъ.

Тѣмъ не менѣе въ редакціяхъ на Флитъ-стритѣ не было увѣренности въ томъ, что готовитъ будущее. Даже тѣ руководители иностранныхъ отдѣловъ, которые, какъ полагаютъ, обладаютъ точнымъ знаніемъ самой сути международной политики, колебались въ своихъ утвержденіяхъ. Они вели безконечные дебаты надъ картами и телеграммами. „Война неминуема!“ „Англія не будетъ воевать!“ „Серъ Эдуардъ Грей соберетъ международную конференцію“. „Германія только пугаетъ. Она присмиритъ въ послѣднюю минуту. Какъ можетъ она вести войну съ Франціей, Россіей и Англіей?“ „Англія будетъ держаться въ сторонѣ“. „Но наша честь? Какъ же нашъ союзъ съ Франціей?“

Всѣ эти споры, мнѣнія и утвержденія были только показателями глубокаго невѣжества. Флитъ-стритъ не зналъ истины, несмотря на догматизмъ его передовицъ, и не старался серьезно

*) Улица Лондона, на которой находится большинство редакцій газетъ.

отыскать ея. Всѣ тысячи статей, выпущенныхъ съ этой улицы по поводу нашихъ отношеній съ Германіей, представляли изъ себя только индивидуальныя мнѣнія, окрашенныя традиціонной политикой каждой газеты, предразсудками авторовъ и вліяніемъ партійныхъ интересовъ. Флитъ-стритъ только представлялъ изъ себя болѣе интенсивную и чуткую копію психологіи всей страны, которая въ эти дни гигантскаго кризиса была охвачена сомнѣніемъ и, несмотря на всю свою энергію, не хотѣла вѣрить въ ужасную возможность того, что черезъ нѣсколько дней Англія можетъ быть вовлечена въ величайшую войну со времени Наполеона и должна будетъ отчаянно биться за свое существованіе.

5.

Я также не вѣрилъ въ возможность войны, отправляясь на континентъ. Это было 29-го іюля, и Англія еще не подняла перчатки, брошенной Германіей въ лицо европейскому миру.

— Я возвращусь черезъ нѣсколько дней, — говорилъ я, прощаясь.—Призракъ войны еще далекъ отъ насъ. Мысль о войнѣ слишкомъ смѣшна и ужасна.

Ночью передъ отъѣздомъ изъ Англіи, получивъ нужныя бумаги, я лежалъ съ открытыми глазами, и предо мной носилась отвратительная тѣнь того, что созрѣвало въ совѣтахъ Европы. Я гналъ прочь это кровавое видѣніе при помощи старыхъ аргументовъ, старыхъ фразъ, ставшихъ избитыми подъ перомъ тысячи авторовъ.

Война съ Германіей! Война, во время которой половина населенія Европы бросится другъ на друга, милліоны противъ милліоновъ людей, принадлежащихъ къ народамъ высочайшей цивилизаціи. Нѣтъ, это немыслимо, невозможно! Къ чему Англіи начинать войну съ Германіей или Германіи вести войну съ Англіей? Мы близки другъ къ другу по крови и характеру, мы связаны другъ съ другомъ тысячами узъ прошлаго, науки, торговли и дружбы. Всѣ лучшіе умы Германіи расположены къ намъ...

6.

Два года тому назадъ въ Гамбургѣ я слышалъ рѣчи обо всемъ этомъ, повидимому искреннія, проникнутыя чувствомъ расовой дружбы. Тотъ юный поэтъ, который подружился со мной, который привезъ меня къ себѣ въ деревню, и чья прелестная жена нарвала для меня розъ въ своемъ саду и сказала мнѣ на своемъ миломъ англійскомъ языкѣ: „Я посылаю съ ними мою любовь Англіи“—былъ ли онъ лжецомъ, когда онъ произносилъ прекрасныя и трогательныя слова о преклоненіи нѣмцевъ передъ англійской литературой и жизнью и когда — это было поздно вечеромъ, и мы выпили вина — онъ взялъ меня подъ руку и сказалъ: „Если бы когда-нибудь случилась между нами война, я и всѣ мои друзья въ Гамбургѣ стали бы оплакивать это преступленіе и трагедію“.

Въ эту поѣздку въ Гамбургъ насъ, англійскихъ журналистовъ угощали банкетами какъ королей. Столы были увѣшаны цвѣтами въ нашу честь, и тысяча любезностей была оказана намъ съ самой радушной вѣжливостью. Что же, были они всѣ лгуны, эти улыбавшіеся нѣмцы, чокавшіеся съ нами?

Только за нѣсколько недѣль до того, какъ тѣнь войны повисла надъ нами черной тучей, большая компанія нѣмецкихъ журналистовъ пріѣхала къ намъ съ обратнымъ визитомъ, и опять я слышалъ рѣчи о кровномъ братствѣ двухъ народовъ, правда, нѣсколько утомленными этими выдохшимися фразами, но довольный, что я опять среди этихъ друзей-нѣмцевъ, у которыхъ я побывалъ въ гостяхъ. Мы опять чокались, пѣли „God save the King“ и „Wacht am Rhein“, сравнивали характеръ нѣмецкой и англійской литературы, нѣмецкихъ и англійскихъ женщинъ, обмѣнивались крѣпкими рукопожатіями и говорили: „Auf wiedersehen!“ Были ли мы всѣ лжецами въ этой комнатѣ, и зналъ ли кто изъ присутствовавшихъ, что въ то время, какъ слова дружбы срывались съ его устъ, въ сердцѣ его горѣла ненависть, и его страна втихомолку готовилась къ великой и жестокой войнѣ? Слышалъ ли кто-нибудь изъ этихъ нѣмецкихъ журналистовъ далекіе раскаты Крупповскихъ пушекъ, которыя уже тогда испытывались для войны съ Франціей и Англіей? Теперь я вѣрю, что нѣкоторые изъ нихъ должны были это знать...

7.

Можетъ быть, и я долженъ бы знать это, вспоминая мою поѣздку по Германіи за два года до этого банкета.

Это произошло послѣ Агадирскаго инцидента, когда я былъ посланъ моей газетой въ Германію съ миссіей голубя мира, а именно собрать доброжелательныя чувства расположенія къ Англіи отъ выдающихся личностей, которыя пожелали бы, благодаря интеллектуальной дружбѣ къ намъ, полить масломъ разбушевавшіяся воды, глубоко взволнованныя нашимъ вызовомъ германской политикѣ. У меня была цѣлая куча рекомендательныхъ писемъ, которыми я воспользовался въ Берлинѣ и Лейпцигѣ, въ Франкфуртѣ и Дюссельдорфѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ.

Первый, къ кому я обратился съ моимъ похвальнымъ намѣреніемъ, былъ извѣстный демократъ, который зналъ половину членовъ нашей Палаты общинъ и могъ похлопывать по спинѣ нашихъ либераловъ съ большей фамильярностью, чѣмъ я осмѣлился бы когда-нибудь проявить. Имъ было потрачено много времени и труда на организацію дружественныхъ визитовъ между рабочими и муниципалитетами обѣихъ странъ. Когда я передалъ ему рекомендательное письмо, онъ былъ нѣсколько сдержанъ и какъ бы смущенъ. Въ скоромъ времени онъ удалился изъ комнаты на нѣсколько минутъ, и я увидалъ на его конторкѣ нѣмецкую газету съ передовой статьей, подписанной его именемъ. Я прочиталъ ее и былъ изумленъ, найдя въ ней яростный выпадъ противъ Англіи, требующій отъ нѣмцевъ, чтобы они не за-

бывали и не прощали обиды, нанесенной имъ нами въ Марокканскомъ кризисѣ. Когда хозяинъ вернулся, я осмѣлился спросить его относительно этой статьи, и онъ объявилъ, что его старая дружба къ Англіи исчезла. Онъ не имѣлъ возможности дать мнѣ выраженія расположенія къ Англіи.

Я не могъ получить выраженія доброжелательства ни отъ одного общественнаго дѣятеля въ Германіи. Я помню сердитый разговоръ съ однимъ духовнымъ лицомъ въ Берлинѣ, личнымъ другомъ Кайзера, хотя въ теченіе многихъ лѣтъ я горячаго поклонника Англіи.

Онъ ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ, ступая неслышными шагами по мягкому ковру.

— Теперь не время для медовыхъ рѣчей! — сказалъ онъ. — Англія оскорбила насъ. Такіе поступки не могутъ быть терпимы великой націей, какъ мы. На нихъ существуетъ лишь одинъ отвѣтъ, а именно на остріе меча!

Я осмѣлился упомянуть о вліяніи христіанства, которое могло бы удержать человѣчество отъ жестокостей войны.

— Но вѣдь церковь должна проповѣдывать евангеліе мира? Иначе она противорѣчитъ духу ученія Христа.

Онъ рѣшилъ, что я намѣревался оскорбить его, и черезъ нѣсколько минутъ позвонилъ въ знакъ того, чтобы я ушелъ.

Даже Эдвардъ Бернштейнъ, великій вождь соціалъ-демократовъ, не могъ дать мнѣ ничего утѣшительнаго для моей газеты.

— Духъ національности, — сказалъ онъ—я записалъ его слова,— сильнѣе, чѣмъ абстрактные идеалы. Пусть Англія не дѣлаетъ ошибки. Если война будетъ объявлена завтра, соціалъ-демократы выступятъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества... И вы должны допустить, что Англія или, вѣрнѣе, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, слишкомъ сильно испытываетъ нашу гордость и терпѣніе!

Моя миссія не удалась. Я возвратился безъ всякихъ выраженій добрыхъ чувствъ къ намъ со стороны нѣмецкихъ общественныхъ дѣятелей, и съ тяжелой мыслью о скрытыхъ огняхъ, тлѣющихъ въ Германіи, тѣхъ огняхъ ненависти, которые не легко потушить при помощи дружественныхъ или сентиментальныхъ статей англійской либеральной печати. Однако, среди обыкновенной публики въ вагонахъ и ресторанахъ, пивныхъ и отеляхъ я не находилъ враждебности ко мнѣ, какъ къ англичанину. Скорѣе нѣмцы сами шли мнѣ навстрѣчу, стараясь относиться ко мнѣ дружески. Нѣсколько студентовъ Лейпцигскаго университета взяли меня на общественный балъ, выразили мнѣ свое восхищенье англійскимъ спортомъ и спросили мое мнѣніе относительно сравнительныхъ достоинствъ различныхъ англійскихъ боксеровъ, при чемъ я долженъ былъ признаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ. Они были славные молодые люди, и мнѣ они очень понравились. Въ различныхъ городахъ Германіи я восхищался веселой оживленной Gemuthlichkeit народа, великолѣпной организаціей ихъ гражданственности, ихъ промышленностью и народнымъ духомъ. Находясь среди нѣмцевъ, я думалъ о возможности той

неизбѣжной войны—unvermeidliche Krieg—которая служила предметомъ обсужденія всѣхъ нѣмецкихъ газетъ. Хотѣли ли эти люди войны съ Англіей или войны вообще? Смѣхъ клерковъ и приказчицъ, толпящихся по Фридрихштрассе, мирное благодушіе буржуазной толпы, мужей и женъ, дѣвушекъ и ихъ обожателей, разгоряченной жаркой атмосферой ярко освѣщенныхъ пивныхъ, казалось, дѣлало мой вопросъ нелѣпымъ. Духъ германскаго народа казался совершенно миролюбивымъ и демократичнымъ. Безъ сомнѣнія совокупность здраваго смысла всѣхъ этихъ людей средняго класса должна спасти ихъ отъ всякихъ преступныхъ авантюръ, предложенныхъ военной кастой, которая бряцаетъ саблей при всякомъ удобномъ случаѣ. Итакъ, я вернулся домой съ путаницей понятій...

8.

Маленькій милый человѣчекъ явился года два тому назадъ въ Лондонъ, и его прибытіе было отмѣчено въ газетахъ. Оказывалось, онъ былъ великій статистикъ. Онъ былъ посланъ правительствомъ какъ Канады, такъ и Соединенныхъ Штатовъ изготовить какой-то „статистическій обзоръ Европы“. Меня послали отыскать его гдѣ-то въ Темплѣ и заставить его поговорить о статистикѣ.

Но послѣ того, какъ я ему представился, онъ тщательно заперъ двери и съ озабоченнымъ взглядомъ черезъ его золотые очки задалъ мнѣ странный вопросъ:

— Что, вы честный молодой человѣкъ и добрый патріотъ?

Я не могъ представить ввѣрительной грамоты на честность или патріотизмъ, но выразилъ надежду, что я не лишенъ ни того, ни другого.

— Я думаю, вы явились сюда говорить со мной о моихъ статистическихъ работахъ?

Я согласился, что такова была дѣйствительно моя миссія.

— Онѣ не важны,—сказалъ онъ,—въ сравненіи съ тѣмъ, что я вамъ скажу. Я хочу говорить съ вами о Германіи. Англійскій народъ долженъ знать, что я узналъ въ продолженіе цѣлаго года моего пребыванія въ этой странѣ, гдѣ я жилъ все время въ обществѣ чиновниковъ. Серъ, мнѣ кажется, что англійскій народъ не знаетъ, что весь духъ интеллектуальной Германіи направленъ на войну съ Англіей. Вотъ, что властвуетъ надъ ихъ мыслями и мечтами, надъ всей дѣятельностью нѣмецкаго народа!

Цѣлый часъ маленькій лысый человѣкъ говорилъ мнѣ о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ относительно вражды Германіи къ Англіи въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ пребыванія въ нѣмецкихъ правящихъ кругахъ. Онъ желалъ дать эти свѣдѣнія какой-нибудь вліятельной и солидной англійской газетѣ. Онъ полагалъ, что англійскій народъ имѣетъ право знать это.

Я пошелъ обратно въ редакцію гораздо болѣе встревоженнымъ, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы признаться даже самому себѣ. Въ голосѣ маленькаго человѣка, находившаго время интересоваться

и другими вещами, кромѣ своего „статистическаго обзора Европы“, звучалъ неподдѣльный ужасъ. Казалось, что онъ считалъ себя обладателемъ важной и страшной тайны, угрожающей судьбѣ всей нашей имперіи. Однако, никто не хотѣлъ вѣрить ему, когда онъ высказалъ свою тайну, несмотря на все его рвеніе. Мой редакторъ не хотѣлъ вѣрить ему, и ни одно изъ его словъ не было опубликовано ни въ моей газетѣ, ни въ какой-либо другой. Все-таки, по временамъ, я вспоминалъ о немъ и думалъ, не было ли во всѣхъ тѣхъ предостереженіяхъ, которыя доходили до насъ, ужасной истины, которая во всей своей звѣрской неприглядности когда-нибудь жестоко посмѣется надъ всѣми тѣми въ Англіи, кто вѣрилъ, что дружественныя отношенія съ Германіей могутъ быть поддерживаемы съ помощью дружескихъ фразъ. Тѣмъ временемъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ не обнаруживало своихъ секретовъ и не давало никакихъ указаній народу какъ относительно опасности, такъ и задачъ политики—народу, который долженъ былъ платить кровью за свое незнаніе.

9.

Когда я стоялъ на палубѣ парохода въ гавани Дувра, смотря на Англію, бѣлые утесы которой слабо вырисовывались во мракѣ, на меня нашла трагическая увѣренность въ томъ, что вызовъ войны дойдетъ и до Англіи, требуя въ жертву ея сыновей. Можетъ быть, это должно было случиться даже въ эту ночь. Второй помощникъ капитана подошелъ къ борту парохода и вперилъ свой взоръ на черную, какъ чернила, воду, по которой скользили блестящія бѣлыя полосы, когда прожекторы далекихъ боевыхъ судовъ пробѣгали по морю.

— Боже мой!—сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

— Вы думаете, что это случится сегодня?—спросилъ я такъ же тихо. Мы говорили такъ, какъ будто бы боялись чего-то.

— Похоже на то. Германскій флотъ не сталъ бы дожидаться объявленія войны, если бы нѣмцы думали, что могутъ застать насъ врасплохъ... Но они не придутъ. Мы готовы ихъ встрѣтить—здѣсь, по крайней мѣрѣ!

Онъ метнулъ большимъ пальцемъ руки на огромныя темныя массы, виднѣвшіяся среди мрака гавани и отражавшія кое-гдѣ въ водѣ свои металлическія части. Это были крейсера и подводныя лодки, стоявшіе у входа въ портъ.

— Здѣсь ихъ масса! — сказалъ помощникъ капитана. — Они стоятъ по всему проливу... Запасные уже призваны, нынѣче ночью ихъ привезли въ Дувръ. А публика еще не понимаетъ, что это значитъ. Спитъ спокойно.

Онъ опять обратилъ свой взглядъ на море, и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ снова не заговорилъ.

— Странно, не правда ли? Всѣ спятъ сегодня ночью, какъ будто бы ничего и не случилось. А между тѣмъ черезъ нѣсколько часовъ, быть можетъ, начнется адъ. Да, вотъ что начнется скоро—адъ и проклятія, если я знаю что-нибудь о войнѣ.

— Что это такое?—спросилъ я, указывая впередъ. Съ каждой стороны порта два прожектора выпустили прямой лучъ свѣта, и въ этомъ сіяніи проскользнула на поверхности воды какъ бы золотая змѣя съ блестящей чешуей.

— Чайки, — сказалъ помощникъ капитана. — Должно быть, испуганы всѣмъ этимъ свѣтомъ. Онѣ что-то чуютъ. Можетъ быть, онѣ уже почуяли—кровь!

Онъ сказалъ со смѣхомъ, но это былъ странный смѣхъ.

10.

Въ помѣщеніи ресторана около дюжины людей пили у стойки. Они сильно шумѣли и уже были навеселѣ. По ихъ акценту легко было догадаться, что они изъ Манчестера, а по ихъ дорожнымъ мѣшкамъ было очевидно, что они совершаютъ короткую экскурсію въ Парижъ. Служащій компаніи Кука обѣщалъ имъ, что они чудесно проведутъ время. Въ Парижѣ масса хорошенькихъ женщинъ. Они хлопали его по спинѣ и называли „стариной".

Спокойный господинъ, сидѣвшій противъ меня въ кожаномъ креслѣ—впослѣдствіи я встрѣтилъ его въ Британскомъ посольствѣ въ Парижѣ,—поймалъ мой взглядъ и улыбнулся.

— Они, кажется, не очень-то озабочены международнымъ кризисомъ. Быть можетъ, легче будетъ попасть въ Парижъ, чѣмъ выбраться оттуда.

— А теперь выпьемъ круговую, братцы!—воскликнулъ одинъ изъ туристовъ.

На палубѣ пѣли. Это была Марсельеза. Я пошелъ по направленію звука и нашелъ группу молодыхъ французовъ, которые стояли у кормы парохода и прощались съ Англіей въ то время, какъ гудѣла сирена, заглушая лязгъ цѣпей и трескъ опускаемыхъ сходней. Эти французы были вызваны въ свое отечество для защиты родины и въ противоположность захмѣлѣвшимъ англійскимъ туристамъ были опьянены патріотическимъ энтузіазмомъ.

— Vive l' Angleterre! *).

Съ набережной послышался отвѣтъ:

— Vive la France! **).

Съ этимъ возгласомъ мы отчалили и вышли въ открытое море. Яхта съ бѣлыми парусами, ярко освѣщенная лучемъ прожектора, такъ что она казалась волшебнымъ кораблемъ въ видѣніи сна, вошла въ портъ и затѣмъ исчезла во мракѣ ниже адмиралтейской гавани.

— Странно видѣть яхту въ эту ночь!—сказалъ я помощнику капитана.—Что ей здѣсь нужно?

— Я самъ хотѣлъ бы знать. На ней и шкиперъ, и команда нѣмцы. Шпіоны они всѣ, вотъ что я думаю. Но, повидимому, никто этимъ не интересуется.

---

*) „Да здравствуетъ Англія"!

**) „Да здравствуетъ Франція"!

Но нами интересовались. Когда нашъ пароходъ пересѣкалъ проливъ, прожекторы съ англійскихъ военныхъ судовъ направляли свои лучи на насъ, заливая насъ свѣтомъ отъ носа до кормы, постоянно слѣдуя за нами, превращая нашу палубу и мѣдныя части въ сіяющее серебро и сверкающее золото. Когда на меня падали эти ослѣпительные лучи, я чувствовалъ, что глаза боевыхъ судовъ проникали въ глубь моей души, и я перешелъ на другую сторону парохода, какъ будто смущенный ихъ пристальными взорами. Я смотрѣлъ на берегъ съ его мигающими огоньками и неясно вырисовывающимися утесами и желалъ, чтобы я могъ при помощи какого-нибудь прожектора заглянуть въ душу Англіи въ эту ночь, когда рѣшалась ея судьба. За утесами Дувра въ глубокомъ мракѣ ночи Англія спала. Не слышалъ ли ея народъ, какъ бой барабановъ смерти становился все громче и громче на поляхъ Европы, точно такъ же, какъ я въ ту минуту слышалъ ихъ грохотъ въ моихъ ушахъ, заглушавшій свистъ вѣтра?

МОБИЛИЗАЦІЯ.

1.

Громовой ударъ раздался среди голубого неба и блестящаго сіянія солнца, которое ослѣпительно освѣщало бѣлыя зданія Парижа и бросало тѣни тополей на длинныя прямыя дороги среди полей Франціи. Дѣти играли какъ обыкновенно въ садахъ Тюльери, и ихъ няньки въ бѣлыхъ чепчикахъ шили и болтали въ тѣни опаленныхъ солнцемъ деревьевъ. Старый любитель птицъ попрежнему звалъ воробьевъ, которые слетались на его плечи и клевали хлѣбъ изъ его рта, и полишинель попрежнему исполнялъ свою потѣшную драму въ театрѣ Пти-Гиньоль, передъ хохочущей толпой мальчиковъ и дѣвочекъ. Пароходики на Сенѣ перевозили тяжелый грузъ ищущихъ развлеченій въ Севръ и другія мѣста отдыха на рѣкѣ. Элегантныя дамочки демимонда въ Pavillon Bleu въ Сенъ-Клу пили маленькими глотками розовый сиропъ со льдомъ, говорили въ тысячный разъ: „Ciel, comme il fait chaud!“ *) и хлопали по рукамъ молодыхъ людей съ орлиными носами, съ бѣлыми поджилетниками, въ блестящихъ сапогахъ и другихъ символахъ высокой цивилизаціи. Американцы въ панамахъ на затылкѣ бродили по Rue de Rivoli, останавливаясь передъ послѣдними этюдами голыхъ женщинъ, выставленныхъ въ витринахъ, а ночью шли за приключеніями на Монмартръ, туда, гдѣ оркестръ въ Bal Tabarin попрежнему наигрывалъ безумное танго, прерываемое пѣньемъ съ дикимъ выкрикиваньемъ, и туда, гдѣ толпы накрашенныхъ дамъ съ томными глазами въ Folies Bergère попрежнему прохаживались въ фойэ среди волнъ спертаго, пропитаннаго духами воздуха. Маленькіе столики были разставлены по тротуарамъ на бульварахъ, и рестораны подъ тентами были заполнены тѣми французскими буржуа и ихъ женщинами, которые не разстаются съ Парижемъ даже и въ жаркое время года, предпочитая видъ своихъ знакомыхъ улицъ Діеппу и Ле-Туке. Это былъ тотъ же самый старый Парижъ, переполненный туристами компаніи Кука и полный мелодіи жизни, какъ она наигрывается гудками автомобилей, шумомъ паровыхъ трамваевъ, пронзительными голосами камло, выкрикивающихъ „La Presse! La Presse!“ и легкимъ смѣхомъ женщинъ.

---

*) „Солнышко хорошо грѣетъ“.

Внезапно ударилъ громъ, предвѣщая войну, и въ нѣсколько дней Парижъ измѣнился какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла. Большинство дѣтей исчезло изъ садовъ Тюльери со своими няньками въ бѣлыхъ чепчикахъ, и воробьи напрасно искали своего благодѣтеля, кормильца птицъ. Полишинель издалъ послѣдній крикъ ужаса и исчезъ, когда театръ Пти-Гиньоль былъ уложенъ въ ящики, чтобы дать мѣсто болѣе трагическимъ сценамъ. На Монмартрѣ настала тишина, и музыканты оркестровъ упаковали инструменты и спѣшили съ испуганными лицами въ Берлинъ, Вѣну и Будапештъ. Не шло болѣе пароходовъ къ Севру и Сенъ-Клу съ толпами ищущихъ развлеченія. Сена была странно спокойна подъ своими мостами, и въ Pavillon Bleu не сидѣло больше изящныхъ созданій, тянущихъ розовые сиропы со льдомъ и бьющимъ по рукамъ горбатоносыхъ юношей, которые платили за нихъ. Женщины прятались по своимъ комнатамъ, вопрошая Бога — обыкновенно и до войны онѣ задавали Богу курьезные вопросы—какъ будутъ онѣ жить теперь, когда ихъ возлюбленные ушли сражаться, не оставя имъ ничего кромѣ воспоминанія о послѣднемъ поцѣлуѣ, орошенномъ слезами. Этого было слишкомъ мало, чтобы прожить много, много дней.

2.

Въ послѣдніе дни іюля и первые августа Парижъ былъ оглушенъ какъ громомъ угрозой, которая приближалась быстро и рѣшительно. Война! Но почему? Почему, во имя Бога, Франція вынуждена вести войну, къ которой она не была готова, которой она не хотѣла, только потому, что Австрія обратилась съ ультиматумомъ къ Сербіи, требуя наказанія этой націи разбойниковъ за убійство никому ненужнаго эрцгерцога? Германія была позади всего этого, Германія усложняла событія, раздражая Россію, хмурясь на Францію и бряцая мечомъ въ ножнахъ такъ, что шумъ раздавался по всей Европѣ. Ну и пусть ее бряцаетъ, пока Франція можетъ держаться въ сторонѣ и хранить тотъ миръ, которому она обязана всѣмъ своимъ благополучіемъ со времени кошмара 1870 года.

L'année terrible! *). Во Франціи было много людей, которые помнили этотъ трагическій годъ, и теперь, послѣ сорока четырехъ лѣтъ, они вспомнили прежнее и содрогнулись. Они видѣли ужасы войны и знали, что она такое: разстройство всей жизни, гибель молодого поколѣнія, звѣрская жестокость, мученія женщинъ, нищета и раззореніе. Франція должна была тогда склонить свои колѣни и испытать высшую степень униженія, которая могла выпасть на долю гордой націи. Но она оправилась чудеснымъ образомъ, и постепенно даже ея желаніе отмщенія, страстная надежда, что когда-нибудь она отплатитъ за всѣ оскорбленія и жестокости, остыло и исчезло. Даже изъ-за мести не стоило вести войну. Даже возвращеніе потерянныхъ провинцій не стоило жизни

*) Страшный годъ.

всѣхъ тѣхъ тысячъ молодыхъ людей, которые должны оплатить кровью цѣну побѣды. Эльзасъ и Лотарингія представляли изъ себя только романтическое воспоминаніе, поддерживаемое въ памяти лишь кучкой горячихъ головъ и идеалистовъ, которые разъ въ годъ собирались у статуи на Place de la Concorde, клали вѣнки, произносили съ энтузіазмомъ рѣчи, которыя звучали фальшиво, и клялись въ своей вѣрности утраченнымъ провинціямъ—quand meme! Въ этихъ ежегодныхъ церемоніяхъ было много благерства, надъ которымъ смѣялись французы, обладавшіе здравымъ смысломъ. Эльзасъ и Лотарингія были онѣмечены. Француз найдетъ тамъ немногихъ, говорящихъ на его языкѣ. Старыя узы чувства почти износились, и во Франціи не было партіи, которая рискнула бы пропагандировать войну съ Германіей ради двухъ потерянныхъ провинцій. Такого рода политика была бы преступленіемъ противъ самой Франціи, которая забыла о мести и проникнута только однимъ стремленіемъ — добиваться своихъ идеаловъ и совершать свою задачу мирнымъ путемъ.

3.

Ни въ Парижѣ, ни въ другихъ городахъ Франціи не было ни дикаго взрыва шовинистической лихорадки, ни враждебныхъ демонстрацій противъ Германіи въ тотъ день перваго августа, когда весь французскій народъ ждалъ рокового рѣшенія, которое могло призвать всѣхъ здоровыхъ людей къ знаменамъ, остановить всю дѣятельность нормальной жизни страны и потребовать страшной жертвы крови и слезъ. Замѣтно было лишь какое-то умственное оцѣпенѣніе, которое, повидимому, охватило всѣхъ настолько, что они не могли разсуждать логически, но только гнали отъ себя страшную возможность съ помощью одного слова, произносимаго страстно и повторяемаго тысячу разъ въ день: „Incroyable!“

4.

Слово „невѣроятно“ гудѣло у меня въ ушахъ. До меня доносился звукъ его, когда я бродилъ по бульварамъ. Оно входило какъ припѣвъ въ концѣ каждой фразы, произносимой каждой группой мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ около кафе и пробѣгавшихъ каждый выпускъ безчисленныхъ газетъ, которыя выпускались ежечасно. Это слово я получалъ отъ всѣхъ, когда я пытался найти ключъ къ секретнымъ дѣйствіямъ дипломатіи, и оно служило отвѣтомъ на вопросъ о войнѣ или мирѣ: „C'est incroyable!“ Трудно было повѣрить, французы не хотѣли вѣрить, чтобы безъ всякаго вызова съ ея стороны Германія стремится обдуманно принудить къ войнѣ Тройственное Согласіе и залить кровью Европу. У многихъ французовъ, съ которыми я лично встрѣчался, кромѣ недовѣрія и оцѣпенѣнія замѣчалась затаенная боязнь, что Франція неподготовлена къ великому испытанію, и что война найдетъ ее раздѣленной на партіи, неорганизованной и неподготовленной,

развращенной и продажной въ нѣкоторыхъ ея правительственныхъ учрежденіяхъ. Соціалисты и синдикалисты, боровшіеся противъ трехлѣтней воинской повинности, могли отказаться выступить въ походъ! Только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одинъ изъ депутатовъ намекнулъ на серьезные скандалы въ дѣлѣ снабженія и вооруженія арміи. На память приходила исторія 1870 года съ ея ужасной дезорганизаціей и неподготовленностью и тяжело ложилась на сердце тѣхъ французскихъ интеллигентовъ, которые, держась въ сторонѣ отъ политики, не довѣряютъ всѣмъ политикамъ, весьма мало полагаясь на ихъ честность и ихъ способности. Кто могъ сказать, будетъ ли въ состояніи Франція, новая Франція, какъ ее называютъ, подняться выше своихъ старыхъ недостатковъ и противопоставить опасности этой войны сильный, здоровый и недѣлимый духъ?

5.

1-го августа начался наплывъ публики въ банки съ требованіями о возвратѣ вкладовъ. Я проходилъ мимо одного изъ нихъ и видѣлъ, какъ двери его были осаждены тысячами мужчинъ и женщинъ средняго класса, вытянувшимися въ длинный хвостъ и ожидавшими своей очереди очень спокойно, съ непривычными для парижской толпы спокойствіемъ, для того чтобы выбрать сбереженія всей жизни или капиталъ ихъ предпріятій. Подобныя же толпы стояли около другихъ банковъ, и на всѣхъ лицахъ этихъ людей было выраженіе озабоченности и страха, какъ будто бы все, изъ-за чего они боролись и трудились, награда за всю ихъ грошовую экономію и скаредность, уловки и плутни, за постоянные самоотказы и за умерщвленіе души, могло быть внезапно вырвано отъ нихъ, оставивъ ихъ нищими. Трепетъ пробѣжалъ по одной такой толпѣ, когда на лѣстницу банка вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ нѣсколько словъ. Въ этомъ трепетѣ послышался какъ бы вздохъ, а затѣмъ громкій ропотъ и кое-гдѣ гнѣвные протесты. Кассиры ушли и по чекамъ больше не платили.

— Мы разорены!—сказала одна женщина.—Война отберетъ у насъ всѣ наши деньги. Боже мой!

Она протолкалась черезъ толпу съ неподвижнымъ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами.

6.

Страшно было, какъ въ одинъ только день все золото исчезло изъ Парижа. Я не видалъ его блеска рѣшительно нигдѣ, если только я не вынималъ его изъ моихъ кармановъ. Даже серебро было рѣдко, причемъ каждый старался размѣнять на мелочь бумажки, которыхъ не принимали въ магазинахъ. Когда я положилъ одну изъ нихъ на столъ въ Café Tourtel, лакей покачалъ головой и сказалъ: „La petite monnaie, s'il vous plait!“ *) Въ другомъ

*) „Позвольте маленькую монету“.

мѣстѣ, гдѣ я положилъ золотую монету, лакей схватилъ ее, какъ будто она была рѣдкой и удивительной вещью, и затѣмъ далъ мнѣ сдачу бумажками, новыми пятифранковыми билетами, выпущенными правительствомъ. Вечеромъ на стѣнахъ были расклеены официальныя объявленія, запрещающія вывозъ зерна и муки. Публика читала ихъ и говорила: „Это, значитъ, война!“ Другой знакъ надвигавшихся событій, произведшій еще большее впечатлѣніе на парижанъ, было внезапное уменьшеніе въ объемѣ вечернихъ газетъ. Онѣ были выпущены только въ два листа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ видѣ одного листка благодаря предстоящей возможности бумажнаго голода, въ случаѣ если бы началась война и отрѣзала доставку запасовъ въ Парижъ, когда желѣзныя дороги были бы заняты мобилизаціей войскъ.

7.

Городъ былъ очень спокоенъ и снаружи казался такимъ же, какъ и во всякій другой августовскій день. Но подъ этимъ кажущимся спокойствіемъ росла и поднималась тревога, и нервы населенія были такъ взвинчены, что всякій внезапный звукъ заставлялъ людей вскакивать со своихъ стульевъ на тротуарахъ, около кафе ресторановъ. Парижъ боялся самого себя. Какой сумятицы, бунта или преступной демонстраціи, разразившейся внезапно, нельзя было ожидать отъ этой подозрительной тишины? Апаши и анархисты могли быть охвачены кровавымъ безуміемъ, которое опьяняетъ людей во время войны. Соціалисты и синдикалисты могли отказаться итти на войну и могли сами возстать въ защиту своего нежеланія воевать. Какое-нибудь политическое преступленіе могло раздуть эти тлѣющія страсти въ страшное пламя и вызвать адскія сцены на улицахъ. Такъ, населеніе Парижа ждало будущаго и съ волненіемъ прислушивалось къ біенію пульса города.

Рѣзкое стакатто револьверныхъ выстрѣловъ, раздававшееся на Rue de Monmartre въ ночь на 31 іюля заставило содрогнуться весь городъ, какъ будто бы это былъ сигналъ для преступнаго заговора, который могъ погубить Францію, внеся въ нее раздоръ въ то время, когда врагъ стоялъ на ея границѣ.

Самъ я не слышалъ этихъ выстрѣловъ, но только крики продавцовъ газетъ, оповѣстившихъ объ этомъ почти тотчасъ же весь Парижъ. Только случайная встрѣча со знакомымъ отвлекла меня отъ намѣренія пойти обѣдать въ ресторанъ Croissant, гдѣ совершилось преступленіе и какъ разъ въ тотъ часъ, когда я долженъ былъ тамъ находиться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Франція была охвачена желѣзнодорожной забастовкой, развившейся почти до революціи, я часто бывалъ въ Croissant въ два, три или четыре часа ночи, потому что этотъ ресторанъ получилъ разрѣшеніе отъ полиціи торговать всю ночь ради удобства журналистовъ. Ночныя птицы другого рода находили тамъ пріютъ въ это время: дамы, которыя не спятъ ночью, и странныя личности, которыя никогда не ложатся въ постель. Въ одну

ночь я наткнулся тамъ на подозрительную компанію, тайную клику парижскихъ анархистовъ, которые праздновали тогда побѣду надъ французскимъ закономъ. Ихъ глаза сверкали на блѣдныхъ лицахъ, какъ раскаленные угли. Они запускали свои длинные тонкіе пальцы въ косматые волосы и произносили страстныя рѣчи въ полголоса, наклоняясь другъ къ другу.

Въ этомъ интересномъ мѣстѣ, на этомъ самомъ бархатномъ креслѣ, гдѣ я сидѣлъ, наблюдая компанію анархистовъ, наканунѣ войны былъ убитъ Жоресъ. Ветеранъ, ораторъ французскаго соціализма, тотъ, кто могъ до такой степени волновать страсти толпы, какъ я не разъ былъ этому свидѣтель, что по его мановенію они объявили бы войну всѣмъ правительственнымъ властямъ, былъ убитъ, когда онъ сидѣлъ спиною къ открытому окну, отдѣленному отъ улицы тонкой занавѣской. Молодой убійца, патріотъ, какъ онъ называлъ себя, былъ возбужденъ до истерической ненависти къ человѣку, который пытался ослабить боевую мощь Франціи, протестуя противъ трехлѣтней службы въ войскахъ. Безуміе войны охватило душу убійцы, и хотя Жоресъ призывалъ французскихъ соціалистовъ выступить какъ одинъ человѣкъ въ защиту „La Patrie“, этотъ юный неврастеникъ выбралъ его первой жертвой той гигантской жертвы крови, которая съ тѣхъ поръ струится. Жоресъ, честный въ своемъ желаніи устроить лучшую жизнь для измученныхъ рабочихъ Франціи, былъ смертельно раненъ выстрѣломъ черезъ окно, и пунцовый бархатъ его кресла былъ окрашенъ еще болѣе темными пятнами.

8.

Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ со времени этого убійства вся Франція была въ страхѣ. Казалось возможнымъ, что это преступленіе можетъ вызвать взрывъ страстей среди послѣдователей вождя соціалистовъ. Были спѣшно расклеены по стѣнамъ объявленія военнаго губернатора, выражавшія отвращеніе къ убійству великаго француза, обѣщавшія справедливое наказаніе за преступленіе и призывавшія народъ остаться спокойнымъ во время великаго народнаго кризиса, который долженъ былъ рѣшить судьбу Франціи.

Никто не возсталъ противъ этого призыва. По странной иронiи судьбы смерть Жореса усилила правительство, на которое онъ нападалъ всю свою жизнь, и мертвое тѣло вѣстника раздора стало на пути къ могилѣ символомъ объединенной Франціи, повиновенія ея законамъ и воинскаго духа, который онъ осмѣивалъ и порицалъ въ старые дни бунта. Въ бурный день я видѣлъ красное знамя революціоннаго соціализма, развѣвавшееся на Place de la Concorde передъ гробомъ, въ которомъ покоился прахъ вождя. Флагъ за флагомъ кроваво-краснаго цвѣта тянулся мимо меня, дерзко горя на ослѣпительномъ солнцѣ, а позади шествовали представители всѣхъ партій въ государствѣ, включая и тѣхъ, кто оговаривалъ Жореса при жизни какъ предателя, революціонера и какъ наибольшее зло во Франціи. Первый разъ въ

исторіи республиканцы и клерикалы шли въ процессіи за кроваво-краснымъ знаменемъ.

9.

Часть французской арміи, состоящая на дѣйствительной службѣ, была уже послана къ границамъ. Прежде чѣмъ первый шопотъ войны достигъ до ушей публики, значительныя силы были уже посланы въ пограничные города, чтобы увеличить находящіеся тамъ гарнизоны. Но главная армія страны продолжала вести обыкновенную жизнь гражданъ. Для того, чтобы оказать сопротивленіе величайшей военной державѣ въ Европѣ, уже придвинувшей къ границамъ огромныя массы людей и машинъ, Франція должна была призвать къ оружію все свое мужское населеніе, которое было обучено военному дѣлу.

Aux armes, citoyens!
Formez vos batallions! *).

Призывъ запасныхъ къ оружію произошелъ безъ всякихъ громогласныхъ рѣчей и звуковъ трубъ. Въ противоположность сценамъ въ первые дни послѣ объявленія войны 1870 года въ Парижѣ не было уличныхъ процессій. Ни одна накрашенная красавица съ подмостковъ не махала трехцвѣтнымъ знаменемъ подъ крики „à Berlin!“ Ни одинъ изъ ораторовъ толпы не взбирался на столъ кафе и не размахивалъ руками въ знакъ вызова врагу и не пророчествовалъ о быстрой побѣдѣ.

Спокойствіе Парижа было изумительно, и первые приказы о мобилизаціи были приняты публикой такъ же, какъ и какое-нибудь объявленіе, приложенное къ газетѣ въ видѣ отдѣльнаго листа. Однако, въ сотняхъ тысячъ домовъ по всей Франціи и во всѣхъ особнякахъ и квартирахъ Парижа происходила сцена трагическаго спокойствія, когда призывные билеты были вручены молодымъ людямъ въ гражданскомъ платьѣ, тѣмъ, кто сидѣлъ за столомъ со старой матерью и молодой женой, и тѣмъ, кто находился въ мансардѣ со сладкимъ видѣньемъ въ мечтахъ или съ дѣвицей, которая гнала прочь это видѣніе, или съ товарищами, съ которыми они вмѣстѣ выступали въ великихъ приключеніяхъ между Quartier Latin и Монмартскимъ холмомъ.

Часъ насталъ!

10.

Съ этимъ небольшимъ кускомъ бумаги, призывающимъ каждаго явиться на сборный пунктъ, явилась сама судьба и коснулась слегка плеча запасного. Но какъ ни легко было ея прикосновеніе, я знаю, что для многихъ молодыхъ людей оно было ра-

*) Слова изъ Марсельезы.

вносильно оглушительному удару, и что нѣкоторымъ изъ нихъ казалось, какъ будто ледяные пальцы смерти уже сжались вокругъ ихъ горла.

Мнѣ казалось, что я слышу молчаніе, воцарившееся въ комнатахъ, когда молодые люди растерянно смотрѣли на призывные листы съ ихъ офиціальнымъ содержаніемъ, и когда въ теченіе того же краткаго мгновенья передъ ними предстало все, что означаетъ жизнь и смерть. Былъ ли этотъ клочекъ бумаги вѣстью самой смерти? Гдѣ-нибудь въ Германіи уже была готова маленькая стальная пуля и кусокъ снаряда, ожидающіе того француза, для котораго они были предназначены судьбой. Какъ долго придется ждать этой пули? Возможно, что только день или два, вопросъ нѣсколькихъ часовъ, быстро уходящихъ въ вѣчность... Возможно, что въ эту минуту раздался крикъ, имя, произнесенное дрожащимъ голосомъ, или только стонъ, предчувствіе горя, ужаса и тоски со стороны старой матери или молодой женщины, хорошія чувства которой и сварливый нравъ, себялюбіе и самоотверженье казались всѣмъ, что наполняло жизнь молодого человѣка.

— Jean!.... Mon petit!.... O, mon pauvre petit! *).

— C'est pour la patrie.... mon devoir.... Je reviendrai bientôt.... Courage, ma femme! **).

Courage! Сколько тысячъ разъ это слово было произнесено въ ночь мобилизаціи женщинами, которыя видѣли внезапную блѣдность мужчинъ, и мужчинами, которые слышали плачъ женщинъ? Я слышалъ это слово, произносимое иногда грубо мужчинами, боявшимися упасть въ обморокъ, и высказанное съ трогательною нѣжностью другими мужчинами, увѣренными въ своей силѣ, но жалѣвшими женщинъ, духъ которыхъ измѣнилъ имъ при видѣ близкаго призрака смерти.

11.

Вскорѣ послѣ перваго августа я видѣлъ, какъ происходила мобилизація во Франціи, этотъ призывъ націи къ оружію, отъ Парижа до восточной границы, и драма не волнуетъ меня и въ настоящее время, когда я пишу эти строки, хотя съ тѣхъ поръ уже прошло много мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я видѣлъ болѣе страшныя сцены на поляхъ битвъ. Да, болѣе страшныя, но не такія трогательныя. Даже тогда, при блескѣ августовскаго солнца, прежде чѣмъ была пролита кровь, и зловѣщій призракъ войны не поднялся угрюмо надъ Европой, я уже представлялъ себѣ всю мучительную трагедію, которая должна была скоро случиться при видѣ блестящей красоты того эскадрона кавалеріи, который выходилъ изъ своихъ казармъ для выступленія на фронтъ. И люди, и лошади были великолѣпны: щеголеватые, прекрасно

*) — „Жанъ, мое дитя, мое бѣдное дитя!“

**) — „Это для родины... мой долгъ... я вернусь скоро, не падай духомъ, жена!“

обученные, во всей гордости жизни. Выѣхавъ на улицы Парижа, они двинулись съ тѣмъ оттѣнкомъ фатовства, который всегда появляется у француза, когда на него смотритъ публика. Даже лошади вскидывали вверхъ свои головы, какъ бы понимая восхищеніе зрителей. Въ толпѣ были сотни женщинъ, махавшихъ платками, выбѣгавшихъ впередъ, чтобы бросить пучки цвѣтовъ кавалеристамъ, которые ловили ихъ и прикрѣпляли къ кепи и мундирамъ. Офицеры — молодые дэнди — уже держали въ рукахъ большіе букеты и цѣловали цвѣты въ знакъ преклоненія предъ женщинами Франціи. Въ толпѣ не было слезъ. Многія жены и возлюбленныя этихъ молодыхъ солдатъ должны были влѣзть на тумбы мостовой, чтобы видѣть, какъ они проходили. Даже острая боль разлуки была позабыта въ эти моменты, при блескѣ солнца, среди энтузіазма и гордости, поднимавшихся въ груди зрителей при видѣ этихъ великолѣпныхъ всадниковъ, шедшихъ сражаться за Францію. Я нигдѣ не замѣтилъ слезъ, кромѣ моихъ собственныхъ, потому что, долженъ признаться, внезапно мои глаза покрылись туманомъ, и я былъ охваченъ какъ бы ознобомъ и дрожью подъ лучами ослѣпительнаго солнца. При видѣ этихъ блестящихъ всадниковъ мнѣ представилось поле сраженія, покрытое людьми и лошадьми, лежащими мертвыми и изувѣченными подъ горячими лучами августовскаго солнца. Я какъ бы чувствовалъ запахъ крови, потому что я уже побывалъ среди отвратительныхъ и горестныхъ сценъ войны и видѣлъ повозки смерти, возвращавшіяся съ полей битвы и обозы съ ранеными, медленно двигавшіеся по избитымъ дорогамъ изъ Адріанополя съ людьми, которые только-что были сильны и здоровы, а теперь были изувѣчены и страшны благодаря страданіямъ. Цвѣты въ рукахъ этихъ кавалерійскихъ офицеровъ казались мнѣ похоронными вѣнками, и женщины, выбѣгавшія изъ толпы съ букетами для солдатъ, какъ бы приносили имъ гирлянды смерти.

12.

Въ тѣ первые дни войны я видѣлъ много сценъ прощанья на улицахъ Парижа. Онѣ встрѣчались на каждомъ шагу, и, наконецъ, ихъ можно было наблюдать равнодушно, потому что пафосъ ихъ становился монотоннымъ. Интересно было наблюдать, какъ люди прощались со своими женами и дѣтьми, и товарищами на углу улицы или посерединѣ бульваровъ. Сотни разъ я видѣлъ, какъ солдатъ, надѣвшій форму послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ запасѣ, поворачивался вдругъ къ женщинѣ, еле передвигавшей возлѣ него ноги, или къ группѣ стоявшихъ возлѣ него и говорилъ: „Alors, il faut dire,“ „Adieu et“ „Au revoir“! *). Можно было подумать, что онъ уѣзжалъ на воскресенье и вернется въ слѣдующій понедѣльникъ. Только по длительному поцѣлую, съ которымъ онъ обнималъ женщину, поднимавшую къ нему свое блѣдное лицо, и по стремительности, съ которой онъ

*) Нужно сказать: «до свиданія»!

отрывался отъ нея и поспѣшно уходилъ, теряясь въ толпѣ, можно было понять, что это было послѣднее прощанье мужчины и женщины, любившихъ другъ друга, и что каждый изъ нихъ въ этотъ моментъ видѣлъ тѣнь смерти, которая должна разлучить ихъ въ этой жизни. Стоицизмъ француженокъ былъ удивителенъ. Онѣ не стонали и не жаловались. Онѣ отдавали своихъ мужей и сыновей отечеству—„la Patrie“ съ покорностью и религіозностью женщинъ, которыя посвящаютъ свои сердца Богу. Духовный пылъ, проникающій чувство патріотизма во Франціи и придающій красоту любви къ родинѣ, безъ чего патріотизмъ только низкая и невѣжественная ненависть къ людямъ другихъ національностей, укрѣплялъ и поддерживалъ ихъ.

13.

По временамъ, наблюдая эти сцены, я негодовалъ на гнусность цивилизаціи, которая допускаетъ, чтобы людей подобно овцамъ посылали на бойню. Боже мой! Эти бѣдняки изъ рабочихъ кварталовъ Парижа, эти молодые крестьяне съ полей, эти полуголодные клерки изъ парижскихъ конторъ, ихъ согласія не спрашивали при объявленія войны. Что они могли знать относительно международной политики? Почему должны они служить пѣшками въ партіи, разыгрываемой безъ всякаго вниманія къ человѣческой жизни дипломатами, повелителями армій и могущественными финансистами? Эти бѣдные неразвитые люди, неприспособленные къ жизни, съ болѣзненно-желтыми лицами клириковъ въ мундирахъ, висѣвшихъ мѣшками на ихъ маленькомъ тѣлѣ, почему должны они быть пойманы въ ловушку этой страшной машины, называемой „войной“, и выпущены какъ мыши противъ псовъ смерти? Эти крестьяне съ сутулой спиной, съ развинченными членами и неуклюжей походкой, которые собирали урожаи Франціи, работая весь свой вѣкъ на поляхъ, почему должны они итти подъ градъ снарядовъ, которые оторвутъ ихъ сильныя руки и напитаютъ безплодныя поля ихъ кровью? Они должны были оставить все то, что придавало значеніе и цѣль ихъ существованію, какъ будто бы ихъ посылало Божество вмѣсто кучки политиковъ, дьявольски безразличныхъ къ человѣческой жизни. Какъ долго будутъ терпѣть этотъ фетишъ международной интриги цивилизованныя демократіи, которыя не знаютъ ненависти другъ къ другу, пока она не разгорится благодаря вождямъ и затѣмъ, въ самой войнѣ, благодаря свирѣпости, присущей человѣческой натурѣ?

14.

Я отправился на восточную границу въ первый день мобилизаціи. Былъ вечеръ, когда я попалъ на Западный вокзалъ. Станція была наполнена разгоряченной толпой штатскихъ и солдатъ, протискивающихся къ кассамъ въ напрасныхъ поискахъ добиться указанія объ отходѣ поѣздовъ въ отдаленные города Франціи.

Желѣзнодорожные служащіе не могли дать никакихъ точныхъ справокъ. Желѣзнодорожная линія была подъ военнымъ контролемъ. Много поѣздовъ было совсѣмъ отмѣнено, а другіе шли безъ расписанія. Я могъ только догадываться о томъ, что волновало отдѣльныхъ лицъ въ этой толпѣ. Казалось, что многіе изъ нихъ провинціалы, застигнутые войной въ Парижѣ и старавшіеся попасть домой, прежде чѣмъ дороги будутъ окончательно забиты воинскими поѣздами. Одинъ изъ подданныхъ нейтральной страны обратился ко мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, говорить на которомъ было опасно въ Парижѣ. Онъ былъ швейцарецъ, пріѣхавшій въ Парижъ по дѣлу на нѣсколько дней, оставивъ свою жену въ деревнѣ вблизи Базеля. Это была его жена, о которой онъ говорилъ, не умолкая:

— Ach, mein armes Weib! Sie hat Angst für mich! *).

Я пожалѣлъ этого маленькаго человѣчка въ дешевомъ костюмчикѣ и гибкой соломенной шляпѣ, у котораго на глазахъ были слезы, и не хватало храбрости обратиться къ станціоннымъ служащимъ, потому что онъ не зналъ ни одного слова по-французски. Я пошелъ для него за справкой. Послѣ получасовой давки въ толпѣ и спросивши дюжину носильщиковъ, которые пожимали плечами и говорили: „Je n'en sais rien!“ я пришелъ назадъ съ плачевнымъ извѣстіемъ, что послѣдній поѣздъ уже ушелъ въ Базелъ. Маленькій швейцарецъ стоялъ посреди своихъ вещей, спиною къ стѣнѣ, отыскивая меня озабоченными глазами и, когда я сообщилъ ему печальную вѣсть, слезы потекли по его лицу.

— Was kann ich thun? Mein armes weib hat angst für mich! **).

Я не могъ ничѣмъ помочь ему въ этотъ вечеръ, какъ бы ни озабочена была его бѣдная жена и я пересталъ говорить съ нимъ, потому что мой плохой нѣмецкій языкъ уже обратилъ вниманіе стоявшихъ около меня, и они бросали на меня грозные и подозрительные взгляды, какъ будто бы я былъ шпіонъ.

15.

Черезъ часъ послѣ этого я нашелъ поѣздъ, отправлявшійся въ Нанси, хотя желѣзнодорожные служащіе и увѣряли меня, что такого поѣзда не будетъ. Однако, я довѣрялъ болѣе молодому французскому офицеру, который далъ мнѣ слово, что я попаду въ Нанси, если я сяду въ вагонъ, передъ которымъ онъ стоялъ. Самъ онъ ѣхалъ до самаго Туля.

Я могъ видѣть по малиновому бархату его кепи, что онъ былъ военнымъ докторомъ, и по печальному взору его глазъ, что ему было грусто оставлять прекрасную женщину, которая провожала его. Они говорили со мной по-англійски.

— Эта война будетъ ужасна! — сказала дама. — Она такъ безсмысленна и такъ безполезна. Къ чему хочетъ воевать съ нами Германія? Между нами не было ссоры, и мы хотѣли жить въ мирѣ!

*) О, моя бѣдная жена, я боюсь за нее!
**) „Что мнѣ дѣлать? Я боюсь за мою бѣдную жену“!

Молодой офицеръ сдѣлалъ внезапно жестъ отвращенія.—Глупое отвратительное преступленіе! Это преступленіе противъ человѣчества!

Затѣмъ онъ очень серьезно задалъ мнѣ вопросъ и ждалъ моего отвѣта съ очевиднымъ безпокойствомъ. — Присоединится ли къ намъ Англія?

Я сказалъ „да"! съ видомъ абсолютнаго убѣжденія, хотя въ эту ночь Англія еще не дала своего рѣшенія. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ мнѣ задавали этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать. Парижане становились нетерпѣливыми, такъ какъ Англія все еще молчала. Англичане въ Парижѣ начинали испытывать безпокойство. Если Англія не сдержала бы своего слова, хотя и не оформленнаго документомъ, быть англичаниномъ въ Парижѣ было бы опасно и позорно. Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей уже начали ощупывать свое горло нервными пальцами.

— Я тоже такъ думаю! — сказалъ офицеръ, услышавъ мой отвѣтъ. — Въ противномъ случаѣ Англія покрыла бы себя позоромъ!

16.

Платформа была биткомъ набита молодыми людьми. Многіе изъ нихъ были офицеры въ новенькихъ съ иголочки мундирахъ, но большинство все еще носило штатское платье, въ которомъ они покинули свои фабрики или квартиры, для того, чтобы присоединиться къ своимъ частямъ, повинуясь приказу мобилизаціи. Молодой докторъ выпустилъ руку своей жены, для того, чтобы отвѣтить о чемъ-то старому полковнику его же службы. Дама обернулась ко мнѣ и заговорила въ интимномъ тонѣ, какъ будто бы мы были старыми друзьями.

— Представляете ли вы себѣ, что это значитъ? Я чувствую, что я должна плакать, потому что мой мужъ оставляетъ меня... У насъ трое дѣтей... Но слезы только въ моемъ сердцѣ. Мнѣ кажется, какъ будто онъ уѣзжаетъ только на два дня, а между тѣмъ онъ можетъ и не вернуться. Вѣроятно, я завтра буду плакать.

Она не плакала даже тогда, когда послышался сигналъ къ отходу поѣзда, и мужъ обнялъ и держалъ ее долго въ своихъ объятіяхъ, шепча ей что-то. Не видалъ я слезъ и на глазахъ другихъ женщинъ, когда онѣ посылали послѣднія слова прощанія. Только страшная блѣдность на ихъ лицахъ показывала скрытую агонію.

17.

Въ углу, противъ меня, сидѣлъ тощій и блѣдный молодой человѣкъ, немного подъ хмѣлькомъ, при чемъ его возбужденное воображеніе было какъ бы ареной, по которой пробѣгали одна

за другой страшныя и трагическія мысли. Онъ распозналъ во мнѣ англичанина и съ громкимъ возгласомъ „Camarade“! трясъ мнѣ руку не одинъ, а десятки разъ въ теченіе первой части нашего путешествія.

Онъ началъ монологъ, казавшійся безконечнымъ, при чемъ его голосъ то поднимался до мятущагося крика, то опускался до глухого шепота. Онъ принадлежалъ къ типу апаша и появился на свѣтъ въ одномъ изъ тѣхъ грязныхъ и отвратительныхъ притоновъ, которые скрываются подъ бѣлою красотою Парижа. Я помню кое-что изъ его словъ, хотя я не въ состояніи передать ни бѣшенства его страстей, ни безконечнаго пафоса его жалости къ самому себѣ.

— Я оставилъ жену, женщину, которая любитъ меня и видитъ во мнѣ что-то больше, чѣмъ ничтожество. Сказать вамъ, какъ я покинулъ ее, мосье? Умирающей въ больницѣ въ Шарантонѣ. Я никогда больше не увижу ея. Я никогда больше не возьму ея тонкаго блѣднаго лица въ мои грязныя руки и не скажу: „Ты и я отвѣдали прелести жизни, малютка, когда мы вмѣстѣ умирали съ голоду!“ Потому что жизнь хороша, мосье, но скоро я умру въ одномъ мѣстѣ, а моя жена въ другомъ. Я оставилъ ребенка, маленькую дѣвочку, что будетъ съ ней, когда меня убьютъ? Я оставилъ ее у консьержа, который обѣщался позаботиться о ней—не изъ-за денегъ, вы понимаете, потому что у меня ихъ нѣтъ. Моя дѣвочка никогда больше не увидитъ меня, и я не увижу, какъ она превратится въ взрослую женщину. Потому что я ѣду умирать. Можетъ быть, завтра или послѣ завтра для меня не будетъ больше жизни. Моя рука — вы видите, я могу схватить ей что угодно, могу двигать ею и туда, и сюда, пожимать вашу руку, camarade, привѣтствовать ею Францію—comme ça! Но завтра или послѣ завтра она будетъ недвижима, мертвая, какъ и все мое тѣло. Странно! Здѣсь я живъ, сижу и говорю съ вами. А завтра или черезъ день мой трупъ будетъ лежать на полѣ битвы, какъ кусокъ земли. Я могу видѣть мой трупъ съ его бѣлымъ лицомъ и вытаращенными глазами. Уфъ! Грязное зрѣлище, трупъ человѣка. Здѣсь, въ моемъ сердцѣ что-то говоритъ мнѣ, что я буду убитъ очень скоро, можетъ быть, при первомъ выстрѣлѣ. Но знаете ли, я не буду грустить, умирая... Я буду радъ, мосье! А почему радъ, спросите вы? Потому что я люблю Францію и ненавижу Германію, которая навязала намъ эту войну. Я иду сражаться—я, соціалистъ и синдикалистъ—для того, чтобы мы могли покончить съ войной, чтобы дѣти Франціи могли мирно спать, и женщины выходить изъ своихъ жилищъ безъ страха. Эта война должна быть послѣдней войной. Это война права противъ несправедливости. Когда съ ней покончатъ, народъ больше никогда ея не испытаетъ. Насъ, идущихъ теперь умирать, будутъ помнить, потому что мы дали миръ человѣчеству. Это будетъ нашей наградой, хотя мы и не будемъ знать объ этомъ, а будемъ гнить въ землѣ! Тяжко знать, что, можетъ быть, завтра я буду мертвъ. Я вижу мой трупъ...

18.

Въ то время, какъ нашъ поѣздъ мчался по Франціи по направленію къ Нанси, мы слышали гулъ и видѣли волненіе народа, вооружавшагося и стремившагося потокомъ къ границамъ навстрѣчу непріятелю. Всю ночь напролетъ, когда мы замедляли ходъ, проѣзжая черезъ города и деревни и подъ желѣзнодорожными мостами, пѣснь Марсельезы вливалась въ окна вагона и затѣмъ рыдала въ отдаленіи какъ грустная жалоба, когда нашъ паровозъ вскрикивалъ и бѣжалъ дальше. При звукѣ національнаго гимна одинъ изъ офицеровъ въ нашемъ вагонѣ просыпался, открывалъ глаза и поднималъ свою голову, которая была опущена на грудь, и прислушивался съ видомъ недоумѣнія, какъ будто бы онъ не могъ уяснить себѣ еще до сихъ поръ, что Франція ведетъ войну, и онъ на пути къ фронту. Но всѣ другіе спали, и молчаливый офицеръ, чья благородная осанка и грустное лицо произвели на меня впечатлѣніе, по временамъ улыбался во снѣ и бормоталъ нѣсколько словъ, среди которыхъ, какъ мнѣ казалось, я слышалъ имя женщины.

При восходѣ солнца и его блѣдномъ утреннемъ сіяніи я видѣлъ, какъ собираются французскіе солдаты. Они переходили черезъ мосты со сверкающими на солнцѣ ружьями, и синія шинели, и красные шаровары пѣхоты придавали имъ издали сходство съ оловянными солдатиками. Но кромѣ того, батальоны ихъ толпились рядомъ съ желѣзнодорожной линіей у переѣздовъ, въ ожиданіи прохода нашего поѣзда, и съ составленными ружьями стояли на перронахъ, такъ что я могъ видѣть выраженіе ихъ глазъ и наблюдать ихъ лица. Они были прекрасными молодыми людьми съ твердо очерченными и рѣдкими профилями, что обѣщало побѣду Франціи. Среди нихъ не было слышно крика и не было замѣтно ни патріотическихъ демонстрацій, ни какого-либо возбужденія. Они стояли спокойно и терпѣливо, дожидаясь своихъ поѣздовъ, болтая между собой, улыбаясь и куря папиросы, подобно солдатамъ, отправляющимся на ежегодные маневры. Жители городовъ и деревень, которые толпились около солдатъ и около переѣздовъ, наблюдая нашъ поѣздъ, были болѣе демонстративны. Они махали намъ руками и кричали: „Bonne chance“! *), а мальчики и дѣвочки опять пѣли Марсельезу пронзительными голосами. На каждой станціи, гдѣ мы останавливались, а мы не пропускали ни одной изъ нихъ безъ остановки, дѣвушки ходили по платформѣ съ корзинами фруктовъ, которыми онѣ безплатно угощали ѣдущихъ съ нами солдатъ. Иной разъ онѣ получали плату въ видѣ поцѣлуевъ, совершенно просто и безъ всякой застѣнчивости, поднимая свои лица къ губамъ загорѣлыхъ молодыхъ людей, которые передвигали на затылокъ свои кепи и высовывались изъ оконъ вагоновъ.

— Возвращайся цѣлымъ и невредимымъ, mon petit **), — сказала одна дѣвушка.

*) „Желаю успѣховъ“.
**) „Мой малютка“.

— Я не надѣюсь вернуться,—отвѣчалъ солдатъ,—но я умру, сражаясь до конца.

19.

Поля были залиты золотыми лучами солнца, и тяжелая листва деревьевъ колебалась и какъ бы напѣвала нѣчто при легкомъ вѣткѣ. Бѣлыя прямыя дороги съ безконечными рядами тополей, стоящихъ на подобіе часовыхъ, тянулись далеко среди полей и холмовъ, и въ клубахъ сѣроватой пыли, поднимавшейся на подобіе дыма, проходили полки пѣхоты, пушки медленно двигались по дорогамъ подъ яркими лучами солнца, которое блестѣло на стальныхъ дугахъ полевой артиллеріи и превращало въ серебро каждую спицу колеса. Я слышалъ скрипъ колесъ, грохотъ передковъ, крики возницъ своимъ запряжкамъ, и дрожь проходила по моему тѣлу каждый разъ, когда мы обгоняли одну изъ этихъ баттарей, такъ какъ я зналъ, что въ скоромъ времени эти орудія, которыя провозились по большимъ дорогамъ Франціи, будутъ окутаны дымомъ еще болѣе густымъ, чѣмъ пыль, вздымавшаяся надъ ними, когда они будутъ извергать снаряды въ невидимаго врага, пушки котораго отвѣтятъ имъ ревомъ смерти.

Пушки и люди, лошади и повозки, безконечные обозы, цѣлыя арміи, марширующія къ границѣ, поѣзда съ солдатами на всѣхъ боковыхъ вѣтвяхъ желѣзной дороги, солдаты, стоявшіе на бивакѣ на дорогахъ и на рыночныхъ площадяхъ, длинныя вереницы молодыхъ людей въ штатскомъ, несущихъ узелки къ сборнымъ пунктамъ, гдѣ они должны были обмѣнять свое платье и весь образъ ихъ жизни, всѣ эти картины войны, которыя были видны изъ оконъ, проходили передо мной миля за милей до тѣхъ поръ, пока я не закрывалъ свои глаза, чтобы отдохнуть отъ всего блеска и сіянія этого калейдоскопа, отъ кроваво-краснаго цвѣта этихъ французскихъ шароваръ, продвигавшихся среди полей, отъ грязно-синяго оттѣнка шинелей всѣхъ этихъ солдатъ, отъ блеска всѣхъ этихъ колесъ. Что означаетъ этотъ поднимающійся волнами приливъ вооруженныхъ людей? Что будетъ онъ значить черезъ нѣсколько дней, когда другой приливъ людей ударится съ шумомъ и грохотомъ объ эту волну, пытаясь поглотить Францію и, прорвавши ея плотины, затопитъ ее волнами крови? Какъ безсмысленно казалось, что эти добродушные молодые люди, болтавшіе съ дѣвушками около нашего вагона, пока мы ожидали сигнала къ отправленію, идутъ убивать другихъ добродушныхъ людей, которые, быть можетъ, тоже цѣлуютъ дѣвушекъ въ Германіи въ благодарность за цвѣты и фрукты.

20.

На одной изъ станцій по близости къ Тулю, до меня донеслись первыя слова ненависти къ врагу. Я услышалъ разговоръ двухъ солдатъ, ѣхавшихъ съ нами изъ Парижа. Они слышали,

что нѣсколько нѣмцевъ было уже взято въ плѣнъ у границы, и они негодовали на то, что плѣнные были еще живы.

— Плѣнные! Ба! Nom de chien! *). Я скажу вамъ, что я сдѣлалъ бы съ плѣнными нѣмцами!

Этотъ солдатъ не желалъ ничего хорошаго плѣннымъ нѣмцамъ. Онъ пустился въ длинныя и сложныя подробности относительно того, какъ онъ вывернулъ бы ихъ кишки своимъ штыкомъ и вырвалъ бы ихъ внутренности своимъ ножомъ. У его собесѣдника было больше воображенія. Онъ изобрѣлъ болѣе хитроумные способы мученій, чтобы нѣмцы не могли умереть такъ скоро.

Я наблюдалъ обоихъ солдатъ, когда они говорили. У нихъ были лица убійцъ, съ налитыми кровью глазами и грубыми чертами, распухшими отъ пьянства и порока. Въ очертаніи рта и въ хрипломъ смѣхѣ сказывалась жизнь, полная жестокости. Ихъ руки сжимались, и ихъ мускулы конвульсивно дергались, когда они растравляли себя жаждой крови.

21.

Эти люди не были типичными представителями солдатъ Франціи. Въ главной квартирѣ Нанси, гдѣ я ждалъ нѣкоторое время коменданта въ караульнѣ, я говорилъ со многими изъ солдатъ и нашелъ ихъ славными ребятами добраго, здороваго и жизнерадостнаго типа. Когда они услышали, что я военный корреспондентъ, они забросали привѣтствіями и вопросами. „Вы англійскій журналистъ? Вы хотите итти съ нами? Это хорошо! Каждый англичанинъ намъ товарищъ, и мы дадимъ вамъ много матеріалу, о которомъ стоитъ написать!“

Они показали мнѣ свои ружья и свое походное снаряженье, просили меня взвѣсить ихъ мѣшки и хохотали, когда я сказалъ, что непремѣнно упалъ бы подъ такой тяжестью. Въ каждомъ черномъ мѣшкѣ, кромѣ легендарнаго маршальскаго жезла, французскій солдатъ носитъ полную смѣну бѣлья, запасную пару башмаковъ, провизію на два дня, состоящую изъ супа въ сухомъ видѣ, шоколада и другихъ съѣдобныхъ вещей и въ довершеніе всего шерстяной ночной колпакъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить жестяную флягу для воды, наполненную виномъ въ началѣ войны, поясъ съ патронами, ружье, шинель скатанную за плечами и другія вещи.

Красныя панталоны, синяя шинель и маленькое кепи, хотя и прославленныя во многихъ битвахъ, казались мнѣ неподходящими къ условіямъ современной войны, но солдатъ объявилъ мнѣ, что они не могли бы сражаться съ тѣмъ же самымъ одушевленіемъ, если бы они носили другую форму, а не ту, что принадлежитъ къ славнымъ традиціямъ Франціи.

22.

Когда меня привели къ полковнику Дюпену, помощнику генерала Фоша, онъ съ улыбкой привѣтствовалъ меня, хотя я са-

*) „Чортъ возьми!“

мовольно пробрался въ военную зону, и пожелалъ узнать, что я думалъ о его „дѣтяхъ", каково было мое мнѣніе о мобилизаціи, и каковы были мои впечатлѣнія о томъ, какъ Франція откликнулась на призывъ къ оружію. Я отвѣчалъ искренно и, когда я заговорилъ о поражающей готовности, съ которой всѣ классы населенія объединились въ защиту родины, на глазахъ полковника Дюшена внезапно появились слезы, которыхъ онъ и не старался скрыть.

Это прямо-таки величественно! Всякая разница въ политикѣ исчезла. Мы одинъ народъ, и у насъ одинъ идеалъ, одна забота—La France!

Затѣмъ полковникъ перешелъ къ цѣли моего визита, получить позволеніе сопровождать французскія войска.

— Это очень трудно, — сказалъ онъ. — Генералъ сдѣлалъ бы все, что можно, для васъ—онъ любитъ англичанъ—но французскіе корреспонденты не допущены на границу, и мы едва ли можемъ сдѣлать исключеніе для васъ. Однако, я передамъ вашу просьбу генералу.

23.

Въ ожиданіи отвѣта генерала я пошелъ побродить по Нанси и понаблюдать сцены мобилизаціи. Въ городѣ было введено военное положеніе. Продовольствіе находилось подъ строгимъ контролемъ коменданта. Каждый автомобиль и телѣга были взяты для нуждъ арміи, и каждый способный носить оружіе горожанинъ былъ призванъ къ знаменамъ. Я былъ единственнымъ гостемъ въ Грандъ-Отелѣ, и управляющій съ женой прислуживали мнѣ сами. Они были поражены, увидѣвъ меня въ городѣ.

— Вы здѣсь единственный иностранецъ, — сказали они, — за исключеніемъ тѣхъ, что находятся подъ стражей въ ожиданіи высылки на Швейцарскую границу! Смотрите, вотъ идутъ послѣдніе изъ нихъ!

Я увидѣлъ черезъ стеклянныя двери отеля около двухсотъ человѣкъ, шедшихъ по площади среди солдатъ съ примкнутыми штыками. Они тащили узлы и, казалось, уже изнемогли подъ ихъ тяжестью. Но я думаю, тяжелѣе всего было у нихъ на сердцѣ. Я могъ видѣть, что эти молодые люди, — лакеи, парикмахеры и торговцы, по большей части швейцарцы—были невольными жертвами трагедіи войны, которая внезапно оторвала ихъ отъ ихъ занятій, разбила въ дребезги ихъ маленькія надежды и вышвырнула ихъ изъ страны, которая давала имъ до сего времени дружескій пріемъ. По другую сторону штыковъ шло нѣсколько женщинъ, которыя плакали и кричали „Adieu!" своимъ бѣлокурымъ возлюбленнымъ. Одна изъ нихъ, бѣжавшая рядомъ, подняла новорожденнаго младенца между стражей такъ, что его маленькое сморщенное личико коснулось щеки одного молодого человѣка, у котораго въ глазахъ видна была агонія.

Въ эту ночь меня разбудили рѣзкіе сигналы рожка и, подойдя къ окну моей спальни, я услышалъ топотъ лошадиныхъ копытъ

и увидѣлъ темныя массы кавалеріи и пушекъ, проходившія во мракѣ по направленію къ врагу. Однако, звуки стрѣльбы не потрясали стеколъ моего окна. Все казалось совершенно спокойно отъ Нанси до границы. Тѣмъ не менѣе я думалъ, что прежде чѣмъ заалѣетъ востокъ, нѣмецкая лавина людей и пушекъ могла перекатиться черезъ границу, и если бы я остался день, другой въ Нанси, я могъ бы видѣть, какъ сверкаютъ остроконечныя каски врага на улицахъ города. Мнѣ сказали, что если французскія войска отступятъ отъ границы къ крѣпостямъ Бельфора и Туля, Нанси защищать не будутъ.

Когда я проснулся на другой день, я услышалъ женскій голосъ, пѣвшій на дворѣ. Какъ странно, что женщина можетъ распѣвать въ незащищенномъ городѣ, подвергающемся такой опасности! Однако, въ глазахъ дѣвушекъ на улицахъ не было страха. Германское нашествіе еще не пугало тогда ихъ своими неописуемыми звѣрствами.

24.

Я не могъ остаться въ Нанси. Только французское военное министерство могло дать разрѣшеніе корреспонденту присоединиться къ войскамъ. Эхо нѣмецкихъ шаговъ ни разу не раздавалось во время войны въ этомъ городѣ, и спокойствіе женщинъ не было нарушено отвратительными сценами ужаса. Однако, со времени тѣхъ августовскихъ дней 1914 года много женскихъ лицъ блѣднѣло при видѣ крови—при видѣ пропитанныхъ багровыми пятнами носилокъ, въ которыхъ раненые прибывали съ границы, такой спокойной, когда я ночью слушалъ у открытаго окна. Тѣ солдаты, съ которыми я говорилъ въ главной квартирѣ—сколько осталось изъ нихъ въ живыхъ? Они дрались въ Эльзасъ и Лотарингіи, когда батальоны теряли большую часть людей подъ губительнымъ орудійнымъ огнемъ, и шли впередъ, отступали и опять шли впередъ въ приливѣ и отливѣ борьбы, по мертвымъ тѣламъ своихъ товарищей и разлагающимся грудамъ нѣмецкихъ труповъ, превращавшихъ поля и лѣса въ одно сплошное зловоніе, откуда появлялись безумныя и искалѣченныя существа и счастливцы легко раненые, по разсказамъ которыхъ было ясно, что они избавились отъ ада. Я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ нихъ и чуть не падалъ въ обморокъ, когда я слушалъ ихъ разсказы, а впослѣдствіи на западной сторонѣ французскаго фронта я встрѣтился съ драгунами Бельфора, которыхъ я видѣлъ раньше въ сіяніи августовскихъ дней. Тогда они были великолѣпны въ ихъ свѣжихъ мундирахъ, на ихъ прекрасныхъ лошадяхъ, убранныхъ цвѣтами. При второй встрѣчѣ они были грязны и измучены войной, лошади ихъ прихрамывали съ опущенными головами, и они ѣхали, какъ люди, которые видѣли гибель многихъ товарищей и были хорошо знакомы со смертью. Они были прекрасны, эти грязные, усталые, угрюмые люди. Но это былъ совсѣмъ другой родъ красоты, заставившій меня почувствовать странный ознобъ, когда они проходили мимо.

ВОЙНА, ОКРУЖЕННАЯ ТАЙНОЙ.

1.

Всего удивительнѣе въ современной войнѣ та таинственность, которая окружаетъ передвиженіе армій и сраженія. Для цивилизованнаго міра, привыкшаго къ подробнымъ описаніямъ всѣхъ новостей, было что-то поразительное въ томъ покровѣ молчанія, который былъ наброшенъ на дѣйствія армій, противопоставленныхъ одна другой на границахъ. Однимъ почеркомъ военной цензуры пресса была приведена къ молчанію. Всѣ линіи сообщенья были внезапно прерваны. Напримѣръ, я говорилъ изъ Парижа съ Англіей и вдругъ остановился съ полуоконченной фразой передъ телефономъ, который прекратилъ дѣйствіе. Наказанія и штрафы грозили всякой газетѣ, которая осмѣлилась бы опубликовать хоть одно слово о военныхъ дѣйствіяхъ помимо оффиціальныхъ communiqués, выпускаемыхъ съ тѣмъ, чтобы скрыть дѣйствительное положеніе дѣлъ. Только тщательно изучая планы мѣстностей изо-дня въ день и, такъ сказать, микроскопически читая между строкъ, можно было ощупью набрести на что-нибудь, приближающееся къ точному факту, который могъ обнаружить побольше того расплывчатаго оптимизма и патріотическихъ фразъ, которыми были проникнуты первыя сообщенія военнаго министерства. По временамъ въ эти сообщенья вкрадывалось какое-нибудь названіе, которое послѣ взгляда на карту вызывало состояніе озабоченности и сомнѣнія. Возможно ли, чтобы непріятель достигъ такого-то пункта? Если такъ, передвиженіе нѣмцевъ было изумительно и угрожало Франціи. Но господинъ Маркизъ де-Мессими, французскій военный министръ, былъ въ поразительно хорошемъ настроеніи духа. Онъ увѣрялъ французовъ день за днемъ, что ихъ героическая армія быстро подвигается впередъ. Онъ не сообщалъ подробностей постоянныхъ побѣдъ. Онъ не опубликовывалъ списки потерь. Сначала казалось, какъ будто бы война была безкровной.

2.

Я припоминаю одну парижскую картину въ первые дни августа. Въ большой комнатѣ, направо отъ лѣстницы, ведущей въ военное министерство, группа людей въ штатскихъ костюмахъ

сидить въ золоченыхъ креслахъ съ озабоченнымъ видомъ, какъ бы ожидая какой-то роковой вѣсти. У нихъ интересныя лица. Мои пальцы такъ и просятъ набросать ихъ на бумагу, но только Стейленъ былъ бы въ состояніи зарисовать эти парижскіе типы, которые, повидимому, принадлежатъ къ литературной братіи или же къ парижской богемѣ. Что имъ нужно въ военномъ министерствѣ? Они безъ устали курятъ папиросы, говорятъ tête à tête, или пристально смотрятъ на стальныя каски и кирасы, развѣшенныя по стѣнамъ, или на большіе стеклянные канделябры, висящіе съ потолка, какъ будто бы они могутъ сдержать свое нетерпѣніе, только устремивъ свои взоры на какой-нибудь неподвижный предметъ. Среди вызолоченныхъ креселъ, подъ зеркалами ампиръ, отражающими свѣтъ, стоятъ три желѣзныхъ кровати съ матрацами, набитыми соломой. По временамъ одинъ изъ присутствующихъ встаетъ съ кресла съ прямой спинкой и ложится во всю длину на одну изъ этихъ кроватей. Но спустя нѣсколько минутъ онъ безшумно встаетъ и прислушивается внимательно и нервно къ звуку рѣзкихъ шаговъ по блестящему паркету. Оказывается, всѣ эти люди ждутъ новостей. Они вскакиваютъ на ноги и толпятся вокругъ стола, когда входитъ господинъ съ охапкой бумаги, изъ которой онъ раздаетъ по листу каждой протянутой рукѣ. Это парижскіе журналисты получаютъ послѣдній бюллетень войны. Они читаютъ его молча, пожирая глазами нѣсколько строкъ, написанныхъ на машинкѣ. Вотъ она, роковая вѣсть! Эти клочки бумаги скажутъ имъ, хорошо ли идутъ дѣла Франціи или нѣтъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ сосѣду:

— Tout va bien! *)

Да, все идетъ хорошо, если вѣрить оффиціальнымъ бюллетенямъ, но на этомъ клочкѣ бумаги не много напечатано, и во всякомъ случаѣ совершенно не достаточно для людей, жаждущихъ детальнаго изложенія новостей. Можетъ быть, въ слѣдующей депешѣ фактовъ будетъ побольше. Газетные сотрудники опять придутъ сюда курить папиросы, смотрѣть на стальныя кирасы и испытывать свое терпѣнье. Эта маленькая сценка разыгрывается въ военномъ министерствѣ четыре раза въ день, и напряженная нервность всей страны скрывается за терпѣливымъ ожиданіемъ этихъ людей, долгъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы разсказать Франціи и всему міру, что этотъ день принесъ для французскаго оружія.

3.

Другая сцена приходитъ на память, когда я вспоминаю первые дни войны. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на Quai d'Orsay болѣе спокойствія, чѣмъ въ военномъ. Трудно представить себѣ, что это зданіе было сценою міровой драмы нѣсколько дней тому назадъ, и въ одной изъ его комнатъ нѣмецкій аристократъ сказалъ нѣсколько спокойныхъ словъ, попросивъ затѣмъ

*) „Все идетъ хорошо“.

нѣкоторыя бумаги, и эти слова бросили милліоны людей въ смертельную борьбу противъ другихъ милліоновъ, захвативъ въ эту борьбу все, что мы понимаемъ подъ цивилизаціей. Я пошелъ въ это зданіе и ждалъ нѣсколько времени въ той комнатѣ, гдѣ когда-то Наполеонъ III ходилъ изъ угла въ уголъ передъ войной, окончившейся злополучно для Франціи. Въ скоромъ времени бархатныя занавѣси раздвинулись, вошелъ ливрейный лакей и сказалъ: „Monsieur le Président vous attend“ *). Меня провели въ другую комнату, маленькій кабинетъ съ окнами, выходившими въ садъ, тѣнистый и зеленый, со старыми деревьями, сквозь листву которыхъ струились лучи солнца. Каменная богиня улыбалась мнѣ черезъ открытыя окна. Я видѣлъ ее уголкомъ глаза, когда я поклонился мосье Думергу, министру иностранныхъ дѣлъ, и на нѣкоторое время премьеръ-министру Франціи. Почему-то мое воображеніе было занято этимъ мирнымъ уголкомъ, гдѣ греческая богиня улыбалась въ зеленомъ полумракѣ.

Но мосье Думергъ улыбался тоже съ тѣмъ выраженіемъ tout va bien, которое представляло маску, прикрывавшую тревогу каждаго государственнаго человѣка, которому была извѣстна правда. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ фразъ онъ заговорилъ о ходѣ войны и о значеніи ея для міра.

— Сама цивилизація,—сказалъ онъ,—зависитъ отъ успѣховъ нашего оружія. Цѣлыми годами Германія играла роль забіяки, основывая свою политику на грубой силѣ и потрясая своимъ мечемъ передъ глазами человѣчества. Она дошла до маніи въ своей военной гордости. Она проповѣдывала философію нахальства. А теперь, послѣ объявленія войны, которой никто изъ насъ не искалъ, какъ ведутъ себя эти нѣмцы? Какъ варвары! Ихъ обращенье съ нашимъ посломъ постыдная неучтивость. Они вели себя по отношенію къ нашимъ консуламъ съ невѣроятной наглостью и грубостью. Варварская натура врага проявлялась до такой степени, что о ней всегда будутъ помнить. Къ счастью, на нашей сторонѣ европейская цивилизація. Всѣ культурные народы симпатизируютъ намъ. Они знаютъ, что Европѣ пришелъ бы конецъ, если бы Германская имперія съ ея политикой крови и желѣза, съ ея военной кастой и тиранніей усилилась бы еще больше и перешагнула границы всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Но въ окончательномъ исходѣ войны не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какія надежды можетъ питать Германія въ борьбѣ съ Великобританіей, сражающейся бокъ-о-бокъ съ Франціей, и съ Россіей, атакующей ея восточный фронтъ? Война можетъ затянуться надолго, она можетъ повести ко многимъ кровопролитнымъ битвамъ, но въ концѣ-концовъ врагъ будетъ уничтоженъ. Гдѣ хваленая организація Германіи? Наши плѣнные уже говорятъ намъ, что они умираютъ съ голоду, сражаясь съ нами. Кажется, что эти критики французской военной организаціи были уже деморализованы при первомъ выступленіи. Ils ont bluffé tout le temps! **). Я могу увѣрить васъ, что мы полны на-

*) „Господинъ президентъ Васъ ожидаетъ“.
**) Они всегда хвастаются.

деждъ и совершенно удовлетворены настоящимъ положеніемъ на театрѣ войны.

4.

Французскій министръ былъ „совершенно удовлетворенъ настоящимъ“. Его оптимизмъ ободрилъ меня, хотя его слова не объясняли того, что мнѣ хотѣлось знать, и не подняли уголка той завѣсы, которая скрывала шумъ битвъ и грохотъ орудій. Но французы уже захватили плѣнныхъ, и гдѣ-то въ пространствѣ шли массы людей, сражались и умирали.

Возвращаясь съ Quai d'Orsay послѣ прогулки, въ Champs Clysées въ золотыхъ сумеркахъ великолѣпнаго дня, когда лампы Парижа начали мигать, подобно звѣздамъ, въ свѣтлыхъ сумеркахъ и листвѣ самой прекрасной аллеи въ мірѣ, послышался топотъ копытъ, и я увидѣлъ кавалерійскій отрядъ. Это былъ эскадронъ Республиканской гвардіи, послѣдній вечерній патруль, объѣзжавшій вокругъ укрѣпленій Парижа. Я смотрѣлъ, какъ они промчались галопомъ подъ Тріумфальной аркой съ ихъ черными crinières, развѣвавшимися подобно дыму съ ихъ касокъ. Они проскакали по направленію къ западу, къ багровой полосѣ на синемъ небѣ, и когда я медленно пошелъ обратно къ сердцу Парижа, бульвары уже были спокойны, и въ бархатистомъ мракѣ, который охватилъ меня, царили миръ и спокойствіе. Только безмолвіе улицъ говорило мнѣ, что Франція вела войну.

5.

Очевидно, было безнадежно оставаться въ Парижѣ въ ожиданіи оффиціальнаго разрѣшенія сопровождать армію въ качествѣ корреспондента и проникнуть глубже въ сердце той тайны, которая съ каждымъ выпускомъ сообщеній военнаго министерства становилась все болѣе и болѣе непроницаемой. Чиновники были въ высшей степени любезны и всячески старались успокоить возбужденныя чувства тѣхъ, кто намѣревался быть военнымъ корреспондентомъ. „Вы получите разрѣшеніе черезъ нѣсколько дней, господа, если все будетъ итти также хорошо“. Они потребовали у насъ фотографическіе снимки въ двухъ экземплярахъ, медицинское свидѣтельство о здоровьѣ, рекомендаціи относительно нашихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, формальное прошеніе и объясненія частнаго характера. Но тѣмъ не менѣе война продолжалась, и мы ничего не видали.

Бюллетени возвѣстили о наступленіи французскихъ войскъ въ Эльзасѣ и занятіи Мюльгаузена и Альткирха, и вѣсти о великой побѣдѣ распространились по Парижу. Ликованіе моментально охватило улицы. Бульвары, странно спокойные до этого, наполнились мужчинами и женщинами, привлеченными изъ полумрака ихъ комнатъ этимъ сіяніемъ солнца побѣды. Магическая вѣсть гласила, что Эльзасъ возвращенъ Франціи... Только спустя много времени до Парижа донеслись странные и зловѣщіе

слухи о совершенно противоположномъ: о полкѣ, побросавшемъ свои ружья и бѣжавшемъ подъ градомъ снарядовъ, объ офицерахъ, разстрѣленныхъ своими, о генералѣ, исключенномъ со службы за тяжкія ошибки.

Больше новостей приходило изъ Льежа. Воображеніе Парижа, лишенное какой бы то ни было пищи, жадно ухватилось за кровавый банкетъ, данный храбрыми бельгійцами. По сообщеніямъ, приходившимъ безпорядочно днемъ и ночью, по четыре строчки въ одинъ разъ, можно было уяснить себѣ главные факты этого героическаго сопротивленія германскимъ легіонамъ. Мы какъ бы могли видѣть издалека огонь фортовъ вокругъ города, косившій наиболѣе прославленные полки нѣмецкой арміи, когда они шли на приступъ съ отчаянной храбростью.

— Если Льежъ еще держится, положеніе нѣмцевъ безнадежно,—говорили на парижскихъ бульварахъ. Льежъ держался долгое время и настроеніе Парижа было приподнято.

Но въ качествѣ журналиста, обязаннаго видѣть все своими глазами, я впалъ въ уныніе. Безполезно было оставаться въ Парижѣ, когда дни уходили одинъ за другимъ, и происходили событія, создававшія исторію. Офиціальное разрѣшеніе отлагалось до безконечности, вмѣсто него мы получали только красивыя и вѣжливыя фразы. Я рѣшилъ ѣхать на войну безъ разрѣшенія и вывѣдать ея тайны тѣмъ или другимъ способомъ. Съ этого времени начались мои приключенія, и скоро мои глаза привыкли къ трагическимъ зрѣлищамъ, а душа моя наполнилась невыносимыми горестями войны.

6.

Мои переживанья въ первые два мѣсяца войны представляютъ изъ себя какую-то странную смѣсь трагическаго и комическаго. Теперь они встаютъ передо мной, какъ какой-то длительный кошмаръ, вызванный пріемомъ гашиша или опіума, фантастическій, полный смутныхъ видѣній, постоянно мѣняющихся на подобіе калейдоскопа. Передо мной проносятся яркія сильно и рѣзко очерченныя картины въ промежуткѣ между тусклыми, еле освѣщенными сознаніемъ отрывками воспоминаній, призрачными фигурами, мелькнувшими на мгновеніе лицами, разговорами, внезапно начатыми и исчезнувшими также неожиданно. Я какъ бы испытываю мучительное душевное волненіе, страшное угнетеніе, сразу переходящее въ противоположное чувство дикой радости. Взрывы хохота въ моменты страшнаго упадка духа, слезы, поднимающіяся какъ бы отъ самаго сердца и осушаемыя при появленіи грубаго фарса, красота и безобразіе въ ихъ неожиданныхъ контрастахъ, горе страны, страхъ и ужасъ великаго народа, страданія женщинъ и дѣтей, невыносимыя муки множества людей съ разнообразнымъ горемъ, все это служитъ мрачнымъ фономъ для страшнаго кошмара на яву, отъ котораго не было пробужденія.

Я все время разъѣзжалъ въ продолженіе этихъ восьми или девяти историческихъ недѣль, по большей части съ двумя ком-

паньонами, милыми людьми, чье присутствіе и дружескія чувства были истиннымъ наслажденіемъ, несмотря на всѣ тѣ невзгоды, которыя встрѣчались намъ на каждомъ шагу. Не останавливаясь и безъ отдыха, въ теченіе этихъ недѣль, мы исколесили тысячи миль по всѣмъ направленіямъ и всѣми способами, въ воинскихъ поѣздахъ, въ скотскихъ вагонахъ, на автомобиляхъ, пѣшкомъ и на лошадяхъ. Сообщеніе между Франціей и Англіей въ тѣ дни было почти прервано, и для того, чтобы доставить наши корреспонденціи домой, мы часто должны были сами везти ихъ черезъ Ламаншъ, прибѣгая къ отчаяннымъ средствамъ, чтобы попасть въ французскій портъ во время отхода парохода въ Англію. Останавливаясь на Флитъ-стритѣ только на нѣсколько часовъ, мы опять спѣшили въ Дуврь или Фолькстонъ, чтобы опять окунуться въ лихорадочную жизнь тѣснимой врагомъ Франціи. Позднѣе нашей главной квартирой сдѣлался Парижъ, куда мы пробирались по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, забитыхъ воинскими грузами или предоставленныхъ исключительно для перевозки огромныхъ массъ войскъ, пріѣзжая почти всегда ночью, усталые отъ недостатка сна, всѣ въ грязи благодаря нечистотѣ скотскихъ вагоновъ, наполненныхъ немытыми мужчинами и женщинами, голодные послѣ скудныхъ раціоновъ бисквитовъ и сыра, настолько изнуренные умственно и физически, что меня нѣсколько разъ принуждены были нести на рукахъ по лѣстницѣ въ мою комнату, потому что я былъ такъ слабъ, что не могъ даже волочить ногъ и не былъ въ состояніи поднять руки отъ одѣяла. Я припоминаю, какъ одинъ изъ моихъ компаньоновъ, Стратегъ, сидѣлъ молча сзади меня въ таксомоторѣ, который тяжело пыхтѣлъ по безконечно прямымъ дорогамъ Франціи мимо деревень, покинутыхъ всѣмъ ихъ населеніемъ, до тѣхъ поръ, пока изношенная старая машина не могла двигаться дальше и не остановилась безнадежно на пустынной дорогѣ, далекой отъ всякаго жилья. Тогда Стратегъ признался, что онъ слабъ какъ новорожденный младенецъ и не можетъ пройти и десяти шаговъ для спасенія своей жизни. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что мой пріятель сильный человѣкъ, который съ самаго дѣтства не былъ въ рукахъ докторовъ. Его слабость, судорожное подергиванье около его рта, измученное выраженье его глазъ тогда насъ сильно напугали. Философъ, который еще не началъ чувствовать приступовъ своей старой тропической лихорадки, которая впослѣдствіи заставляла его метаться по кровати и выкрикивать странныя слова ночью, покачалъ головой и заговорилъ съ необычной важностью, которая всегда придаетъ ироническій и мудрый видъ человѣку, юморъ и иронія котораго часто заставляютъ собесѣдниковъ судорожно кривиться отъ внутренняго смѣха. Но когда философъ посмотрѣлъ на сѣро-пепельный цвѣтъ лица Стратега, въ его глазахъ не свѣтилась искра юмора.

— Мы развили слишкомъ большую скорость,—сказалъ онъ.— Мнѣ кажется, мы забыли, что у человѣческой машины тоже есть свой предѣлъ. Это не только физическая усталость! Это означаетъ израсходованье нервной энергіи. Все бѣдствіе вокругъ насъ,

эта проклятая штука тамъ,—онъ помахалъ своей рукой по направленію покрывавшихся мракомъ холмовъ, за которыми стояла огромная непріятельская армія,—зрѣлище всѣхъ этихъ бѣглецовъ, вышвырнутыхъ изъ ихъ городовъ и деревень, начинаетъ сказываться на насъ, друзья мои. Мы слишкомъ долго тратили нашъ запасъ силъ и теперь мы какъ разъ на пути къ тому, чтобы выдохнуться!

Но мы продолжали тратить нашу энергію, смѣшиваясь постоянно съ волнами бѣженцевъ, съ массами войскъ, двигавшихся впередъ на фронтъ или назадъ во время отступленія, узнавая кое-что о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, скрытомъ подъ покровомъ тайны отъ остального міра, встрѣчая людей, которые могли разсказать намъ правду и неоднократно, какъ бы чудомъ, избѣгая смерти, къ которой мы шли, не зная ни расположенія непріятеля, ни пути, по которому онъ наступалъ.

7.

Паника, вызванная войной, до тѣхъ поръ пока она не захватила огромныя массы людей, носила въ себѣ сначала черточки комедіи, я имѣю здѣсь въ виду бѣгство туристовъ, внезапно застигнутыхъ войной въ курортахъ Европы. Всѣ они, за рѣдкими исключеніями, прибыли во Францію, Швейцарію, Италію и Египетъ съ туго набитыми кошельками и въ полномъ убѣжденіи, не омрачаемомъ даже тѣнью сомнѣнія, что къ ихъ удобствамъ приложатъ всѣ старанія гиды кампаніи Кука, управляющіе отелями, британскіе и американскіе консулы, и что иностранцы всѣхъ классовъ будутъ низко кланяться передъ ними, показывать имъ интересныя зрѣлища, носить ихъ балансъ, даже лизать, если понадобится, подошвы ихъ сапогъ. Развѣ не была Европа ихъ увеселительнымъ садомъ, предоставляющимъ имъ за стоимость сезоннаго билета, древніе монументы, знаменитыя картины, закаты солнца надъ швейцарскими озерами, историческія зданія, отмѣченныя звѣздочками въ Бедекерѣ, особенности аборигеновъ, притоны разврата, чтобы созерцать ихъ съ сознаніемъ своей добродѣтели, и хорошіе отели, въ которыхъ было принято объѣдаться.

Спокойствіе этихъ богатыхъ американцевъ и состоятельныхъ англичанъ было внезапно нарушено какъ бы громовымъ ударомъ. Они съ тревогой узнали, что противъ нихъ были поспѣшно изданы строгіе законы, которые приводились въ исполненіе съ необыкновенной жестокостью. Собранные въ одну толпу подъ общимъ именемъ étrangers—надо замѣтить, что сами они всегда смотрѣли на туземцевъ только какъ на иностранцевъ—туристы получили приказъ удалиться изъ нѣкоторыхъ мѣстностей и городовъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ подъ угрозой интернированія ихъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ на все время войны. Но для того, чтобы оставить эти мѣстности и города, они должны были имѣть паспорта—а едва ли хотя бы одинъ амери-

канецъ имѣлъ такой документъ—и получить отъ полиціи послѣ строгаго допроса пропускъ, скрѣпленный военными властями.

Комедія началась съ перваго дня мобилизаціи и мало-по-малу превратилась въ настоящую трагедію, хотя сначала и было что-то комичное въ положеніи этихъ богачей, сразу низведенныхъ до уровня массы и нагруженныхъ бумажными деньгами, которыя стоили не больше турецкихъ облигацій, такъ что милліонеръ въ то время былъ не богаче нищаго, нельзя было не испытывать чувства жалости при видѣ ихъ унынія и бѣдствій.

Около commissariats de police въ Парижѣ и провинціальныхъ городахъ, какъ Дижонъ, Ліонъ и въ портахъ Кале, Булони и Діеппѣ длинныя вереницы этихъ туристовъ стояли другъ за другомъ и устало ожидали цѣлые часы, пока не придетъ ихъ очередь подвергнуться наблюденію полицейскихъ офицеровъ, угрюмыхъ и раздраженныхъ, благодаря постоянному потоку просьбъ и жалобъ, наблюденій относительно цвѣта ихъ глазъ и волосъ, формы ихъ носа и подбородка и „особыхъ примѣтъ“ ихъ красоты или безобразія.

— Я думаю, что я никогда больше не поѣду въ эту Европу!— сказала одна американская барыня, ожидавшая своей очереди цѣлыхъ пять часовъ на боковой улицѣ Парижа.—Жестоко и постыдно тренировать американскихъ гражданъ такъ, какъ будто бы они воры и мошенники. Я удивляюсь, почему президентъ Соединенныхъ Штатовъ не заявитъ свой протестъ противъ этого. Неужели здѣсь всѣ такъ невѣжественны, что имъ ничего не говоритъ имя Джошуа К. Шульца изъ Бостона въ штатѣ Массачусетсъ?

Писецъ коммиссара внутри зданія и ухомъ не повелъ при упоминаніи имени Джошуа К. Шульца изъ Бостона въ штатѣ Массачусетсъ. Для него это имя не было магическимъ, и, повидимому, онъ думалъ, что эта супруга выдающагося лица попросту была шпіонка съ американскимъ паспортомъ. Онъ держалъ ее на углу улицы нарочно, хотя она и ждала уже цѣлыхъ пять часовъ.

8.

Расписаніе поѣздовъ утратило все свое значеніе съ перваго часа мобилизаціи. Путеводитель сталъ сплошной ложью, и штатскіе пассажиры допускались только на нѣкоторые поѣзда, которые шли безъ предварительнаго извѣщенія ночью и днемъ по желанію военныхъ, въ зависимости отъ движенія воинскихъ поѣздовъ. Толпы туристовъ испытывали невыносимыя муки, которыя и я дѣлилъ вмѣстѣ съ ними. Я помню одну сцену въ Дижонѣ, которая можетъ служить примѣромъ того, что происходило. Вслѣдствіе того, что въ тотъ день въ Парижъ отправлялся только одинъ единственный поѣздъ, триста или четыреста человѣкъ должны были ждать его въ теченіе доброй половины ночи въ запертой комнатѣ для ожидающихъ, гдѣ стояла жара и духота, благодаря спертому воздуху. Напрасно пассажиры умоляли выпустить ихъ на платформу, гдѣ было больше воздуха и мѣста.

Часовой съ примкнутымъ штыкомъ стоялъ спиной къ нимъ и загражда̀лъ имъ выходъ. Старыя барыни сидѣли въ отчаяніи верхомъ на своемъ багажѣ. Слабая дама рядомъ со мной упала въ обморокъ въ этой душной атмосферѣ. Я замѣтилъ, что она становится все блѣднѣе и блѣднѣе, и слышалъ ея вздохи, такъ что, когда она зашаталась, я подхватилъ ее и держалъ до тѣхъ поръ, пока ея мужъ не пришелъ мнѣ на помощь и не освободилъ меня отъ нея. Француженка держала на груди младенца, который плакалъ и кричалъ, не переставая. Другія маленькія дѣти тоже громко плакали, и молодыя дѣвушки съ чувствительными нервами были раздражены въ высшей степени этимъ крикомъ и вызывающимъ тошноту запахомъ, который наполнялъ эту запертую комнату.

9.

Для привыкшихъ къ комфорту свѣтскихъ людей, которыхъ всегда баловала судьба, такой родъ путешествія былъ настоящей пыткой. Нѣкоторые изъ нихъ почувствовали въ первый разъ въ жизни голодъ съ его нестерпимыми муками. Мы останавливались на маленькихъ станціяхъ, а еще чаще между станцій, и американскіе милліонеры и англійскіе аристократы были озадачены, узнавъ, что всѣ ихъ деньги не въ состояніи купить хотя бы одинъ бутербродъ. Большинство буфетовъ было до гола очищено арміей, проходившей на фронтъ. Еще больше мученій вызывала невыносимая жажда во время утомительнаго и безконечнаго пребыванія въ вагонахъ въ тѣ жаркіе іюльскіе и августовскіе дни.

Нужно отдать справедливость, что въ общемъ эти туристы, гонимые по Европѣ приближающимся призракомъ войны, вели себя мужественно и терпѣливо. Нѣкоторые изъ нихъ понесли тяжелые убытки. Отъ Базеля и Женевы до Парижа и Булони желѣзныя дороги были завалены ихъ покинутымъ багажемъ, слишкомъ громоздкимъ, чтобы его помѣстить въ переполненные поѣзда. На дорогахъ Франціи стояли сломанные автомобили; стоившіе огромныхъ денегъ въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ. Однако, благодаря тому, что стихійныя бѣдствія войны заставляютъ смотрѣть равнодушно на все остальное, и такъ какъ свобода и жизнь гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ богатство или роскошь, то эти богачи въ несчастьѣ весело братались другъ съ другомъ, обсуждая свои странныя приключенія и дѣлясь послѣднимъ глоткомъ горячаго чая изъ термоса съ великодушными инстинктами потерпѣвшихъ крушеніе, которые дѣлятъ свои припасы на пустынномъ островѣ.

10.

Бѣгство ищущихъ развлеченій было первымъ показателемъ того, какъ сурово относется война къ мирнымъ людямъ и какъ принесетъ она въ жертву своей цѣли ихъ удобства и ихъ занятія. Слава и извѣстность оказывались просто глупостью, когда они встрѣчались съ законами войны. Я видѣлъ, какъ одинъ

господинъ съ европейской репутаціей потрясалъ своей визитной карточкой передъ желѣзнодорожными служащими только для того, чтобы быть отсунутымъ назадъ ружейнымъ прикладомъ. Получить мѣста въ вагонѣ, уже переполненномъ до удушья, нельзя было ни за какія деньги. Угроза написать обличительное письмо въ „Times“ нисколько не помогала старосвѣтскому англичанину, когда его поѣздъ переходилъ на запасной путь и стоялъ тамъ цѣлыми часами, чтобы дать дорогу воинскимъ поѣздамъ, безпрерывно слѣдовавшимъ одинъ за другимъ и днемъ и ночью. Войну вели народы, и всякій, кто бы ни стоялъ на ея пути, раздавливался или отшвыривался въ сторону съ жестокимъ безразличіемъ. Ни міровая извѣстность, ни борьба съ неумолимымъ рокомъ, ни женская красота, ни слабость дѣтей не значила теперь ровно ничего. Значеніе имѣли только солдаты, пушки и припасы для пушекъ и людей.

11.

Тѣ французскіе солдаты, которые были посланы на неизвѣстный фронтъ, не зная мѣста своего назначенія и съ запрещеніемъ спрашивали о немъ, скоро оправились отъ потрясенія, вызваннаго неожиданнымъ призывомъ ихъ къ знаменамъ, и отъ трагедіи ихъ поспѣшной разлуки съ женами, возлюбленными, и что дороже всего сердцу французовъ, съ ихъ старыми матерями. Энтузіазмъ заставилъ сверкать ихъ глаза и пылать ихъ щеки. Присущая живость французской расы восторжествовала надъ мрачностью и сомнѣніями, которыя предшествовали объявленію войны. Неужели они никогда не устануть пѣть Марсельезу? Неужели весь этотъ смѣхъ, который доносится изъ товарныхъ вагоновъ и изъ оконъ вагоновъ третьяго класса, превратится въ стоны раненыхъ въ концѣ ихъ пути? Мнѣ тяжело было думать о ихъ неизбѣжной судьбѣ, когда я смотрѣлъ на нихъ. Они привязали цвѣты къ ручкамъ вагоновъ и переплели гирляндами рѣшетки платформъ. На ихъ кепи красовались цвѣты. Полныя руки крестьянскихъ дѣвушекъ прикололи букеты къ мундирамъ линейныхъ солдатъ артиллеристовъ, кирасиръ, драгунъ и fusiliers marines. Въ хоръ Марсельезы врывались отрывки пѣсенъ, распѣваемыхъ въ кабачкахъ Монмартра и кафе-шантанахъ провинціальныхъ городовъ. Въ своихъ синихъ шинеляхъ и красныхъ шароварахъ они роились какъ пчелы на гигантскихъ поѣздахъ, которые проходили черезъ Гурнэ и Понтуазъ, Суанъ и Амьенъ. Сотни ихъ со смѣхомъ и шутками болтали ногами, усѣвшись на крышахъ вагоновъ. Они висѣли на желѣзныхъ лѣстницахъ тормозныхъ будокъ. Иной разъ шестеро ихъ съ покраснѣвшими отъ вѣтра лицами устраивались сзади трубы паровоза. На арго парижскихъ закоулковъ или на діалектѣ приморскихъ городовъ они перекидывались острыми словечками съ товарищами, ожидавшими поѣзда съ составленными ружьями на платформахъ, и шуточно объяснялись въ любви дѣвушкамъ, которыя бѣжали рядомъ съ ихъ поѣздами со смѣющимися глазами,

дерзкими языками и послѣднимъ прости: „Bonne chance, mes petits! Bonne chance et toujours la victoire!“*) На каждой остановкѣ художники рисовали мѣломъ уродливыя лица на дверяхъ вагоновъ, внизу которыхъ они помѣщали или надписи, относящіяся къ смерти Вильгельма и банкетамъ въ Берлинѣ, или объявленія о даровыхъ поѣздкахъ на Рейнъ. За нѣсколько англійскихъ папиросъ, которыхъ было слишкомъ мало для такой массы людей, они съ энтузіазмомъ устраивали мнѣ овація, какъ будто бы я представлялъ собой Англію.

— Vive l'Angleterre! Vos soldats, où sont'ils, camarade?**)

Гдѣ были англійскіе солдаты? Этотъ вопросъ всегда былъ у нихъ на языкѣ. Но я не могъ имъ отвѣтить. Это было странно: никакихъ свѣдѣній относительно отправки англійскихъ войскъ во Францію. Во французскихъ и англійскихъ газетахъ ни слова не было о британскихъ солдатахъ во Франціи. Случилась ли какая-нибудь необъяснимая задержка, или мы исполняли наше обязательство передъ Франціей втихомолку, и великая драма разыгрывалась при спущенномъ занавѣсѣ?

12.

Только на мгновенье приподнялся занавѣсъ, и лордъ Китченеръ далъ знать англійскому народу, что англійскіе солдаты высадились по ту сторону Ламанша. Даже и тогда мы, корреспонденты, которые знали больше этого, не должны были ни словомъ не обмолвиться о мѣстности, куда они направились. Но это ничего не значило, тамъ какъ они были здѣсь. Мы услышали совершенно случайно родную рѣчь въ провинціальномъ городѣ Франціи и неожиданно наткнулись на батальонъ солдатъ, одѣтыхъ въ хаки, идущихъ и поющихъ на дорогѣ. Впервые тогда зазвучала во Франціи глупенькая пѣсенка, которая по какой-то странной прихоти судьбы стала боевой пѣснью британской арміи „Jt's a long way to Tipperary“, подхваченная французскими крестьянами и французскими дѣвушками, которые, въ тѣ первые дни, въ первомъ благородномъ порывѣ энтузіазма пѣли ее хотя и со смѣшнымъ акцентомъ, но съ глубокимъ чувствомъ, какъ если бы это былъ гимнъ, пѣли ее со всей ихъ любовью къ Англіи, всей ихъ надеждой на помощь Англіи, со всѣмъ ихъ восхищеніемъ передъ этими гладко выбритыми юношами, идущими на войну, какъ спортсмены на большую игру. Я пріѣхалъ на одинъ день въ Парижъ, когда туда прибылъ генералъ Френчъ, и даже теперь я какъ бы слышу восклицанія: „Vive l'Angleterre“! которыя неслись за автомобилемъ, въ которомъ съ тріумфомъ послѣдовалъ нашъ генералъ. Приказчицы Парижа бросали цвѣты изъ оконъ, когда моторъ проходилъ мимо. Густыя толпы горожанъ тѣснились на узкой улицѣ Faubourg St. Honoré и ждали цѣлыми часами передъ посольствомъ, чтобы увидѣть хоть мелькомъ энер-

*) „Желаю успѣха, мальчики! Успѣха и постоянныхъ побѣдъ“.
**) „Да здравствуетъ Англія! Ваши солдаты, вѣдь, наши товарищи“?

гичное, суровое и сосредоточенное, лицо человѣка, который явился со своими легіонами помочь Франціи въ великій часъ нужды. Они говорили другъ другу о непоколебимости его характера, о его массивной челюсти, которая, какъ они выражались, откуситъ голову Германіи. Они кричали на манеръ англичанъ „Heep, heep, hooray"! когда они увидали впервые мундиры цвѣта хаки англійскихъ офицеровъ на ступеняхъ военнаго министерства. Прибытіе англійскихъ войскъ ободрило сердца французовъ. Имъ оно казалось залогомъ побѣды: „Съ Англіей, сражающейся бокъ-о-бокъ съ нами", говорили они, „мы скоро будемъ въ Берлинѣ"!

13.

Поѣздъ, наполненный Королевскими саперами, прибылъ на одну изъ станцій, гдѣ я ждалъ своей очереди. (Въ тѣ дни я проводилъ долгіе часы томительнаго ожиданія на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ). Впервые я могъ поговорить съ британскими Томми во Франціи, пожать имъ руку и пожелать имъ удачи. Какъ сильны были мои чувства при видѣ этихъ смѣющихся молодцовъ и при звукахъ лондонскаго акцента ихъ рѣчей! Они были такъ молодцоваты и такъ хорошо одѣты. Нѣкоторые изъ нихъ занимались своимъ туалетомъ въ вагонахъ, причесывая свои волосы какъ будто бы для пикника и бреясь передъ маленькими зеркалами, прибитыми къ сквозной рѣшеткѣ вагона платформы. Другіе, столпившись у открытыхъ дверей вагоновъ, со смѣхомъ отвѣчали французскимъ солдатамъ и крестьянамъ, которые хватали ихъ за руки и бормотами восторженныя слова привѣта.

— Забавный языкъ, Билль!—сказалъ одинъ изъ солдатъ.— Ничего не могу понять. Но видно они говорятъ что-то хорошее!

Невозможно было сомнѣваться, что французскіе солдаты говорили хорошее, привѣтствуя своихъ англійскихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ велъ себя какъ полоумный. Схвативъ за руку молодого сапера, онъ плясалъ вокругъ него, выкрикивая радостный припѣвъ: „Camarade! Camarade"! что было смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно. Не удивительно, думалъ я, что французскій народъ вѣрилъ теперь въ побѣду, когда имъ на помощь пришли британцы. Джингоистическая гордость охватила меня. Наши Томми лучшіе солдаты въ мірѣ! Они весело пошли на войну. Они не ставятъ ни въ грошъ стараго фонъ-Клука и всѣ его полчища. Эти странные люди, видящіе въ войнѣ только родъ грандіознаго спорта будутъ сражаться какъ герои. Въ сторонѣ отъ меня два моихъ пріятеля, Философъ и Стратегъ вели оживленные разговоры съ группой солдатъ. Я слышалъ взрывы хохота изъ вагона, откуда Томми смотрѣли на Философа. Онъ нашелъ уроженца Уаппинга и говорилъ съ солдатами на нарѣчіи Стратерордана-Боу, мѣсто, гдѣ онъ провелъ свои молодые годы. Стратегъ встрѣчался раньше съ саперами во многихъ мѣстахъ ихъ стоянокъ въ Англіи. Они были изумлены его познаніями въ ихъ профессіи. А что мы здѣсь дѣлаемъ? Корреспонденты? Да, скоро

будетъ что написать въ газетахъ! Когда поѣздъ тронулся съ махающими руками изъ каждаго вагона, со смѣющимися лицами, уже тронутыми солнцемъ Франціи, сопровождаемый прощальными криками „Счастливый путь, ребята!“ и „Bonne chance, camarades“, три англичанина молча отвернулись и не были въ состояніи говорить нѣсколько мгновеній. Почему это Философъ такъ забавно моргалъ глазами, какъ будто бы въ нихъ попала соринка? И почему Стратегъ сдѣлался вдругъ такимъ серьезнымъ, когда онъ смотрѣлъ на удалявшійся поѣздъ съ шапкой въ рукѣ, такъ что солнечные лучи блестѣли на его серебристо-сѣрыхъ волосахъ?

14.

Такъ британская армія прибыла во Францію, и удивительная глава въ противоположность всѣмъ прежнимъ хроникамъ была занесена въ исторію міра. Англійскіе батальоны располагались бивакомъ у старыхъ французскихъ зданій, которыя видѣли сцены революціи 1789 года, и въ тѣни тѣхъ церквей, колокола которыхъ весело звонили по случаю французскихъ побѣдъ или оплакивали своимъ похоронным звономъ французскія пораженія въ то старое время, когда наполеоновскіе генералы дрались съ англійскими полками ровно сто лѣтъ тому назадъ. Въ приморскихъ деревняхъ и городахъ, пропитанныхъ запахомъ дегтя, сѣтей, абсента и кислаго вина, я видѣлъ кавалерійскихъ лошадей въ каждомъ дворѣ. Улицы были завалены соломой, и англійскіе солдаты расхаживали въ предѣлахъ строго указанныхъ границъ, разсматривая почтовыя открытки съ картинками и подмигивая каждой французской дѣвушкѣ, которая смотрѣла на нихъ черезъ рѣшетчатое окно. Только офицеры высшаго ранга знали, куда они пойдутъ. Солдаты, лишенные всякаго любопытства, были вполнѣ удовлетворены сознаніемъ, что они на континентѣ и шли поколотить нѣмцевъ. На дорогахъ слышался шумъ и грохотъ англійскихъ пушекъ. Длинныя колонны людей, одѣтыхъ въ хаки, издали напоминавшіе извивающуюся коричневую змѣю, подвигались медленно по извилистымъ дорогамъ между сжатыми полями, съ разставленными на нихъ копнами или среди длинныхъ безконечно прямыхъ рядовъ тополей и по улицамъ причудливыхъ старыхъ городовъ и деревень съ выбѣленными домами, нависшими крышами и съ высокими каменными ступенями, ведущими въ амбары. Нѣкоторые изъ этихъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ почти ни въ чемъ не измѣнились съ того времени, какъ д'Артаньянъ и его мушкетеры въ дни Ришелье и Мазарини ѣхали по ихъ улицамъ въ поискахъ приключеній. И въ этихъ городахъ еще жилъ духъ д'Артаньяна, потому что среди нихъ выросли тѣ молодые кирасиры, которые выслѣживали улановъ въ проходахъ Вогезовъ, захватывая ихъ патрули, тотя бы нѣмцевъ было въ семь разъ больше, чѣмъ ихъ.

Англійскіе офицеры и солдаты не могутъ пожаловаться на ихъ встрѣчу во Франціи. Ихъ пріемъ былъ подавляющій, даже немного опьяняющій для молодыхъ солдатъ. Когда они прохо-

дили черезъ города, крестьянскія дѣвушки бѣжали по рядамъ съ огромными букетами полевыхъ цвѣтовъ которые онѣ раздавали въ руки солдатамъ. На каждой рыночной площади, гдѣ полки останавливались для отдыха, имъ предлагалось безплатное вино, и загорѣлыя руки этихъ солдатъ изъ Шотландіи и Англіи покрывались поцѣлуями дѣвушекъ, сразу влюблявшихся, въ своемъ поклоненіи героямъ, въ этихъ молодыхъ людей съ ихъ смѣющимися сѣрыми глазами. Въ тѣ первые дни войны ничего дурного не было ни въ этомъ поклоненіи женщинъ, ни въ сердцахъ нашихъ солдатъ, шедшихъ по Франціи подъ звуки „Типперари“. Каждый, одѣтый въ хаки, могъ считать себя героемъ и требовать къ себѣ поклоненія на каждой дорогѣ во Франціи, на каждомъ углу стараго французскаго города. И только со временемъ этотъ романъ поблѣднѣлъ, и сущность человѣческой природы, въ которой добро смѣшалось со зломъ, разбила нѣкоторыя изъ французскихъ иллюзій, потребовавъ желѣзной дисциплины въ англійской арміи и заставивъ бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ раскаяваться въ своемъ горячемъ порывѣ при первой встрѣчѣ съ англійскими солдатами.

15.

Въ то время, о которомъ я говорю, грубость и варварство войны еще не запятнала картины, написанной въ тонахъ хаки на зеленомъ фонѣ французской деревни. Я перечитываю одну изъ картинъ войны, которую я занесъ тогда въ мою тетрадку. Эта картина, проникнутая настроеніемъ тѣхъ минувшихъ дней, оказалась пророческой относительно того, что послѣдовало.

„Погода стоитъ великолѣпная. Спать ночью при дорогахъ и на поляхъ не представляетъ никакого неудобства. Мѣсяцъ заливаетъ поля Франціи своимъ серебрянымъ свѣтомъ и блеститъ на штыкахъ составленныхъ ружей британской арміи. Солдаты спятъ, покрывшись своими шинелями и положивъ подъ голову вмѣсто подушекъ свои ранцы. Каждая спящая фигура тонко очерчена этими серебряными лучами. Часовые ходятъ взадъ и впередъ по краю лагеря. Послѣдніе дни выдались невыносимо жаркими, и британскій Томми распахиваетъ свою куртку, оставляетъ рубашку открытой на груди и въ то время, какъ солнце придаетъ его лицу болѣе сильные, богатые тона, онъ идетъ, распѣвая лондонскія пѣсни, какъ будто бы онъ шелъ по дорогѣ изъ Уэйбриджа или Уокинга. Многіе изъ нихъ совсѣмъ юнцы, безбородые мальчики, которые еще не загрубѣли въ походной жизни и не получили боевого крещенія. Черезъ нѣсколько дней они не будутъ такими свѣжими и щеголеватыми. Передъ ихъ сѣрыми глазами будутъ постоянно носиться поля битвъ ночью, когда санитары ищутъ раненыхъ, лежащихъ среди мертвецовъ. Эти молодые люди еще не знаютъ того, что значитъ война, но они принадлежатъ къ той же породѣ людей, которая сто лѣтъ тому назадъ дралась подъ начальствомъ Веллингтона на Пиринейскомъ полуостровѣ. Нечего и сомнѣваться, что они поддер-

жать старыя традиціи своихъ полковъ и прибавять новую славу къ ихъ знаменамъ. Прежде чѣмъ кончится война эти англичане, распѣвающіе на своемъ пути въ своихъ нарядныхъ костюмахъ цвѣта хаки, будутъ всѣ оборваны и въ лохмотьяхъ, съ ногами, обернутыми соломой, съ колючей щетиной на подбородкахъ, съ руками и лицами, запачканными порохомъ, пылью, грязью и кровью. Ихъ юношеская свѣжесть исчезнетъ, но тѣ, кто останутся въ живыхъ, получатъ — можемъ ли мы сомнѣваться въ этомъ?—награду побѣдителей за непреклонное мужество и непоколебимую доблесть".

16.

Вскорѣ послѣ того, какъ были написаны эти строки, я наткнулся на сцену, которая вполнѣ оправдала мои предсказанія и даже оправдала ихъ слишкомъ быстро. На французской станціи, гдѣ пересѣкаются нѣсколько линій, послышалась англійская команда, и я увидѣлъ, какъ отрядъ людей въ хаки со знаками Краснаго Креста пробѣжалъ по платформѣ къ поѣзду, идущему съ сѣвера, съ носилками и бутылками съ водой. Отрядъ англійскихъ солдатъ прибылъ съ мѣста сраженія, называемаго Монсомъ. Меня вмѣстѣ съ французскими пассажирами съ другого поѣзда удерживали солдаты съ примкнутыми штыками, но я черезъ стальную щетину увидѣлъ группу Томми съ перевязанными головами, руками и ногами, выходящихъ изъ вагоновъ. Нѣкоторые изъ нихъ подвигались, поддерживаемые съ двухъ сторонъ сестрами милосердія. Ихъ лица, такія свѣжія, когда я видѣлъ ихъ на пути въ битву, стали сѣрыми и грязными и были выпачканы кровью. Ихъ мундиры цвѣта хаки были разорваны и изрѣзаны. Одинъ бѣдный мальчикъ жалобно стоналъ, когда его уносили на носилкахъ. Они были первой ужасной жатвой, скошенной безжалостнымъ жнецомъ. Я пристально смотрѣлъ на нихъ, испытывая родъ тошноты, гораздо болѣе мучительной, чѣмъ я испытывалъ въ послѣдствіи, когда я былъ свидѣтелемъ болѣе страшныхъ зрѣлищъ. Только тогда я понялъ, что въ этой войнѣ подъ покровомъ тайны, который я старался приподнять, людей дѣйствительно калѣчили и убивали, и что эту англійскую молодежь, израненную и изувѣченную привезли оттуда, откуда бѣжали толпы народа передъ нашествіемъ врага, котораго никто изъ нихъ не видалъ, но который подвигался подобно страшной черной тучѣ, ползущей по залитымъ солнцемъ холмамъ Франціи. Я успѣлъ перекинуться нѣсколькими словами съ однимъ изъ нихъ, раненымъ въ руку, хотя времени только хватило на мой вопросъ и на отвѣтъ, который не далъ мнѣ почти ничего.

— Намъ влетѣло здорово!—сказалъ сержантъ.

Онъ повторилъ эти слова, какъ будто въ нихъ заключалась вся истина.

— Намъ влетѣло здорово!

— Гдѣ?—спросилъ я.

Онъ махнулъ своей раненой рукой по направленію къ сѣверу и сказалъ: „У Монса".

— Вы хотите сказать, что мы разбиты, отступаемъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Мы хорошо ихъ угостили за это. Да, они изрядно поплатились. Но ихъ было слишкомъ много для насъ. Они лѣзли какъ вши... кишмя кишели... Мы не могли перебить ихъ всѣхъ... Тогда намъ влетѣло. Потеряли массу нашихъ... Я никогда не видалъ ничего подобнаго! Южная Африка?! Дѣтская игра по сравненію съ этой войной!

Онъ изобразилъ на лицѣ какой-то странный родъ улыбки безъ признака веселья въ его глазахъ и пошелъ дальше съ другими ранеными.

Монсъ! Я впервые слышалъ объ этой битвѣ. И наши войска сильно пострадали. Непріятеля было слишкомъ много для насъ. Было ли это отступленіе? А можетъ быть бѣгство?

17.

На эти невыраженные словами вопросы отвѣтилъ Философъ.

— Раненые всегда видятъ все въ черномъ цвѣтѣ. Не легкая задача, скажу я вамъ, остановить этихъ мерзавцевъ-нѣмцевъ, но я вѣрю въ правосудіе Бога. Великая Сила не допуститъ побѣды прусскаго милитаризма. Онъ обязательно будетъ сметенъ съ лица земли изъ-за присущей ему гнили. Все будетъ отлично, дражайшій!

Стратегъ изучалъ свою карту и старался угадать, что случится въ будущемъ.

— Монсъ. Я думаю, что нашей слѣдующей линіей защиты будетъ Ле-Като или Камбрэ. Если насъ сильно прижимаютъ, мы услышимъ также и о Сенъ-Кантэнѣ. Ясно, что мы отступаемъ, но я надѣюсь, что въ порядкѣ и сохранивъ линіи сообщенія.

— Ужасно!—сказалъ я.—Мы ничего не видимъ и не знаемъ. Рѣшительно ничего! Если бы намъ только попасть туда!

18.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы услышали громъ пушекъ, но мы увидали послѣдствія войны, кровь, отчаяніе и слезы очень скоро.

Французскія газеты, удѣляющія по необходимости весьма мало мѣста дѣйствительности, дающія только одинъ голый фактъ и страницу героическихъ фразъ, не могли намъ сказать, что за предѣлами Франціи врагъ дѣлалъ свое ужасное дѣло съ быстротой и жестокостью, и что послѣ задержки у Льежа его дѣятельность представляла страшную угрозу для союзныхъ армій. Я понялъ это во всей неприглядности истины, когда я очутился въ водоворотѣ бѣженцевъ.

Я уже коснулся волны паническаго бѣгства туристовъ, но это была просто шутка въ сравненіи съ дальнѣйшимъ, правда, нѣсколько жестокая. Послѣдовавшая за нею широко разлившаяся волна на этотъ разъ дѣйствительно несчастныхъ бѣглецовъ, до-

стигла высоты трагедіи, поглотившей всѣ мелочныя огорченія. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ съ начала августа я на каждомъ шагу сталкивался съ несчастными бельгійскими изгнанниками. Я окунулся въ самый омутъ ихъ горя, въ волны крови и хаосъ развалинъ, и находился въ самомъ разгарѣ ужасовъ, ожидая каждое мгновеніе смерти. Недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ я странствовалъ по раззореннымъ мѣстностямъ и говорилъ съ бельгійскими бѣженцами. Я отдавался этому потоку изгнанниковъ и наблюдалъ ихъ жизнь въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ ихъ жилищъ, гдѣ они располагались подъ открытымъ небомъ въ полной безнадежности, ничего не требуя отъ судьбы, нанесшей имъ такіе тяжкіе удары, и ничего не ожидая отъ будущаго. Однако, я живо помню мои первыя впечатлѣнія о жестокости войны къ этимъ простымъ людямъ, которые хотѣли жить въ мирѣ и не имѣли повода для ссоры ни съ кѣмъ изъ своихъ сосѣдей. Какъ бы въ какомъ-то страшномъ сновидѣніи я видѣлъ первыя толпы бѣжавшаго населенія Бельгіи: бѣдныхъ старухъ, сѣдые волосы которыхъ были растрепаны этимъ ураганомъ бѣдствія, приличныя черныя платья которыхъ были измяты, разорваны и запачканы въ стремленіи избѣжать ужасовъ нашествія, фламандскихъ матерей, прижимавшихъ къ груди младенцевъ, съ дико горящими глазами какъ у дикихъ звѣрей изъ-за страха за эти крошечныя существа, маленькихъ дѣтей, вырванныхъ изъ божественной безпечности дѣтства этимъ бѣгствомъ изъ домовъ, казавшихся имъ мірами, и терроризованныхъ неизвѣстнымъ ужасомъ, называемымъ Германіей, людей всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ, интеллигентовъ и крестьянъ, пожилыхъ буржуа, толщина которыхъ служила помѣхой въ ихъ бѣгствѣ, бѣдныхъ студентовъ, чьи усталыя отъ чтенія глаза были полны недоумѣнія, богатыхъ и вліятельныхъ людей, доведенныхъ до нищенства и униженія, учащихся дѣвушекъ, чье невѣденіе дѣйствительной жизни столкнулось лицомъ къ лицу съ безобразными и непристойными фактами, жестокими какъ адъ.

19.

Я думаю, что тѣмъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого исхода, невозможно передать бѣдствія бельгійцевъ. Даже находясь въ разгарѣ бѣгства, я въ первое время часто былъ охваченъ странной мыслью, что все это только фантазія, и что такіе факты не могутъ быть дѣйствительными. Впослѣдствіи я до такой степени привыкъ ко всему этому, что началъ думать, что міръ всегда былъ таковъ; что люди всегда куда-то бѣжали; семьи и толпы семействъ странствовали безцѣльно изъ города въ городъ, садясь въ поѣзда только потому, что они направлялись куда-то откуда-то; просиживая часами на узлахъ, въ которыхъ было все ихъ имущество, оставшееся послѣ разрушенія ихъ жилищъ; теряя на пути своихъ дѣтей безъ особеннаго безпокойства и подбирая другихъ дѣтей, о которыхъ они пеклись какъ о своихъ собственныхъ; не умываясь ни разу въ этомъ странствованіи, такъ что

изящныя женщины, душившіяся раньше тонкими духами, были грязны какъ цыганки и не стыдились своихъ запачканныхъ платьевъ и грязныхъ рукъ; питаясь, когда они находили пищу, подаваемую имъ какъ милостыню и проводя ночи на запасныхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ, въ угольныхъ сараяхъ и на заброшенныхъ поѣздахъ, поставленныхъ на покрытые травою рельсы; относясь равнодушно на подобіе бродячихъ собакъ къ тому, что готовитъ для нихъ будущее, послѣ того, какъ они потеряли все, что имъ принадлежало въ прошломъ.

20.

На запасныхъ путяхъ около Калэ можно было видѣть зрѣлище, которое указывало на пораженіе Бельгіи еще отчетливѣе, чѣмъ тысячи бѣженцевъ. Сотни бельгійскихъ паровозовъ были пущены черезъ границу во Францію, чтобы избѣжать рукъ непріятеля. Эти брошенные паровозы стояли длинными рядами съ печальнымъ видомъ безжизненности и заброшенности, и когда я смотрѣлъ на нихъ, я понялъ, что, хотя остатки бельгійской арміи еще сражаются въ послѣднихъ окопахъ и держатся въ Антверпенѣ противъ осадныхъ германскихъ орудій, надежды на долгое сопротивленіе бельгійцевъ не оставалось больше никакой. Эти машины, которыя должны были бы служить для перевозки бельгійскихъ солдатъ, провіанта и пушекъ, стояли неподвижно и представляли изъ себя мертвые символы побѣжденнаго и раззоренаго народа.

21.

Наконецъ, я увидалъ бельгійскихъ солдатъ во Франціи, хотя ихъ было немного въ сравненіи съ огромной арміей, которую впослѣдствіи послѣ паденія Антверпена я видѣлъ при ея отступленіи въ Дюнкирхенъ. Ихъ изнеможенный и подавленный видъ разсказалъ мнѣ ихъ горестную повѣсть. На первый взглядъ было что-то комичное въ обликѣ этихъ солдатъ, носящихъ на головахъ цилиндры. Они напомнили мнѣ батальоны лондонскихъ извозчиковъ, которые когда-то разбивали сорные ящики на улицахъ за то, что ихъ лишили цилиндровъ. Двубортные сюртуки этихъ солдатъ были какъ разъ скроены такъ же, какъ и у тѣхъ старозавѣтныхъ возницъ, которые возсѣдали наверху своихъ дряхлыхъ кэбовъ. Другія части бельгійцевъ носили смѣшныя маленькія кепи съ огромными козырьками, по большей части сломанными и висѣвшими съ унылымъ видомъ. Во время мира я посмѣялся бы надъ ними, но въ настоящее время въ этихъ угрюмыхъ грязныхъ людяхъ изъ Гента, перенесшихъ первый ударъ нѣмецкихъ атакъ, не было ничего смѣшного. Они, казалось, отупѣли отъ недостатка сна или отъ шума битвъ. Я спросилъ ихъ, куда они идутъ, но они только покачали головами и отвѣчали мнѣ мрачно:

— Мы не знаемъ. Мы ничего не знаемъ кромѣ того, что наша Бельгія погибла. Скажите, какія новости вамъ извѣстны?

22.

Новостей никакихъ не было—развѣ кромѣ тѣхъ, что можно было извлечь изъ безсвязныхъ разсказовъ бельгійскихъ бѣженцевъ. Французскія газеты все еще печатали туманныя и бодрыя статьи о военномъ положеніи Франціи и пополняли свои уменьшенные листы краснорѣчивыми панегириками въ честь храбрыхъ маленькихъ бельгійцевъ—les braves petits Belges. Война все еще была скрыта за непроницаемой стѣной молчанія и тайны. Однако, въ то время, какъ я пробирался тайкомъ по дорогамъ западной Франціи во второй половинѣ августа, для меня, какъ и для двухъ моихъ пріятелей, Философа и Стратега, подтвердившихъ мои худшія подозрѣнія, стало ясно, что положеніе какъ французской, такъ и бельгійской арміи было тяжело въ высшей степени. Несмотря на трудность приблизиться къ зонѣ военныхъ дѣйствій,—въ то время еще линія фронта была неизвѣстна—мы уже видѣли то, что не могъ скрыть отъ насъ ни одинъ цензоръ. Мы видѣли слишкомъ ясно, что военныя дѣйствія приближались къ намъ рѣшительно и быстро. Тѣнь мрачнаго ужаса надвигалась на поля Франціи, хотя эти поля и были освѣщены золотыми лучами солнца.

23.

За схлынувшей волной спасающихся туристовъ, обгоняя бельгійскихъ бѣженцевъ, появились новые потоки охваченныхъ паникой людей, на этотъ разъ уже французовъ. Они шли изъ сѣверныхъ городовъ—Лиля, Рубэ, Туркуэна, Армантьера и изъ множества деревень, далекихъ отъ враждебной арміи, которая, какъ мы воображали, полагаясь на офиціальныя сообщенія французскаго военнаго министерства, была остановлена въ Бельгіи. Бѣглецы изъ Лиля? Но развѣ Лилю угрожали войска кайзера? Нѣтъ, этого не можетъ быть, если только измѣна не свила своего гнѣзда во Франціи. Конечно, Лиль будетъ держаться, по крайней мѣрѣ, будетъ держаться такъ же долго, какъ и Льежъ! Развѣ мы не читали длинныхъ статей военныхъ экспертовъ во французскихъ газетахъ, описывающихъ твердыню этого города и неприступное положеніе его фортовъ? Однако, передо мной были бѣглецы изъ Лиля, которые слышали ревъ нѣмецкихъ пушекъ и принесли невѣроятныя исторіи объ отступленіи французскихъ войскъ, называя имя одного французскаго генерала съ горькимъ презрѣніемъ, и восклицая какъ и въ прежнюю войну „Nous sommes trahis“!

Бѣженцы съ сѣвера Франціи были въ такомъ же жалкомъ положеніи какъ и тѣ, что прибывали изъ Бельгіи, даже еще въ болѣе жалкомъ, потому что, когда они достигли портовыхъ городовъ, какъ Калэ, Булонь или Гавръ, всѣ гостиницы и дома были переполнены отъ чердаковъ до подваловъ, буфеты были опустошены, и комитеты для оказанія помощи были уже заняты страшной нуждой бѣглецовъ изъ Бельгіи.

24.

Я помню сутки, проведенныя мною въ Булони. Узкія улицы съ отвратительными испареніями, вызванными горячими лучами солнца, были заполнены волнующимися толпами, которыя становились все гуще и гуще, когда новые поѣзда прибывали изъ Калэ, Дюнкирхена и узловыхъ станцій сѣверныхъ линій. Бѣженцы несли съ собой остатки своего имущества, завязанныя въ одѣяла, простыни, полотенца и въ куски рваной бумаги. Узлы странныхъ формъ, содержащіе мѣдныя кастрюли, сковороды, часы, посуду и домашній скарбъ всякаго рода, а также особенно дорогія для бѣглецовъ вещи были сложены въ огромныя кучи на мостовыхъ или набережныхъ, гдѣ сидѣли цѣлыя семьи. Дюжія матери изъ Нормандіи и Пикардіи еле тащились по улицамъ съ дѣтьми, цѣпляющимися за ихъ юбки, съ младенцами, прижатыми къ ихъ груди вмѣстѣ съ большими французскими ковригами хлѣба, ихъ продовольствіемъ во время горькаго путешествія. Старые дѣды и бабки, видъ которыхъ какъ бы давалъ понять, что они до сихъ поръ ни разу не покидали своихъ деревень, шли держась за руки съ трясущимися головами и слезящимися глазами, растерянные отъ всей этой массы волнующихся людей, выбитыхъ, какъ и они, изъ жизненнной колеи. Состоятельные буржуа съ раздраженными нервами, благодаря волненію и усталости, искали помѣщенія гдѣ угодно и за какую угодно цѣну. Ихъ чуть не сбивали съ ногъ толпы лохматыхъ крестьянъ въ тяжелыхъ сабо, съ узлами за плечами, которые бродили по улицамъ въ поискахъ того же самаго для своихъ женщинъ и дѣтей, сонныхъ и еле плетущихся за ними. Я услышалъ, какъ одна женщина вдругъ закричала съ отчаяніемъ: „Je n'en peux pas!“ Измученная и не способная итти дальше, она вдругъ остановилась, бросила свои узлы и своихъ дѣтей и, прислонившись къ раскаленной солнцемъ стѣнѣ, провела загрубѣлой рукой по своему лбу со стономъ душевной боли:

— Dieu!.. C'est trop! C'est trop!*)

Цѣлый день эти сцены повторялись безъ конца пока, наконецъ, я не былъ въ состояніи выносить ихъ больше и ушелъ въ свой номеръ гостиницы, что заставило меня почувствовать, что я чудовище, такъ какъ я раздѣлялъ комнату только съ двумя моими друзьями. Когда стемнѣло, въ Булони стало тихо. Можетъ быть, благодаря какому-нибудь чуду всѣ эти бездомные нашли себѣ пріютъ... Я пробудился отъ тяжелаго сна и услышалъ шаги безчисленныхъ ногъ. Новая армія бѣженцевъ вошла въ городъ. Я услыхалъ жалобные голоса подъ моимъ окномъ, спорящіе и умоляющіе. Послышались удары въ дверь, выходившую на улицу.

— C'est impossible! Il n'y a pas de place! Il y a une foule, qui dort en plein air. Voyez! Voyez!**)

*) „Боже!... Это слишкомъ! Это слишкомъ!

**) Это невозможно. Мѣста нѣтъ. Цѣлая толпа спитъ подъ открытымъ небомъ. Посмотрите! Посмотрите!

Ночной привратникъ захлопнулъ съ бѣшенствомъ двери. Можетъ быть, и онъ почувствовалъ жалость на ряду съ бѣженствомъ, но что онъ могъ подѣлать, когда съ улицы требовали доступа туда, гдѣ уже шесть человѣкъ спало въ ванной и шестьдесятъ на полу въ залѣ, а неподвижныя фигуры, закутанныя въ одѣяла, подобно трупамъ, лежали по всѣмъ корридорамъ?

— Массы людей спятъ подъ открытымъ небомъ,—сказалъ онъ и, когда я высунулся изъ окна, всматриваясь во мракъ ночи и вдыхая воздухъ, проникнутый осеннимъ холодкомъ, я смутно разобралъ внизу на мостовой фигуры, лежавшія у входа въ дома и подъ стѣнами. Младенецъ заплакалъ своимъ тонкимъ голоскомъ. Подъ моимъ окномъ послышались рыданія женщины и мужской голосъ, успокаивающій ее.

— C'est la guerre*)!

Эти слова донеслись ко мнѣ, какъ бы въ видѣ отвѣта на вопросъ, возникшій въ моемъ умѣ, къ чему все это и зачѣмъ.

— C'est la guerre!

Да, это была война съ ея жестокостью къ женщинамъ и дѣтямъ во всей ея чудовищной нелѣпости, съ ея безсмысленнымъ разрушеніемъ всего того, что было создано цивилизаціей. Мирные люди не должны были ждать пощады, хотя они не просили войны и ненавидѣли ее.

ГЛАВА IV.

ОТСТУПЛЕНІЕ.

1.

Зловѣщія событія происходили при полномъ молчаніи французскаго правительства. Боже мой! Придется ли Франціи снова испытать страшный годъ—année terrible, второе изданіе 1870 года съ тою же самой повѣстью о неготовности, продажности въ высшихъ кругахъ, развалѣ организаціи и національномъ униженіи послѣ непоправимаго бѣдствія?

Самая неопредѣленность официальныхъ сообщеній и умѣлая подтасовка словъ для приданія розоваго оттѣнка мрачной дѣйствительности указывали тѣмъ, кто доискивался правды, на страшную неопредѣленность положенія. Однако, вся строгость цензуры съ ея драконовскими мѣрами съ цѣлью скрыть правду не могли утаить нѣкоторыхъ ужасающихъ фактовъ. Нельзя было зажать ротъ всѣмъ бѣженцамъ, хлынувшимъ, подобно потоку съ сѣвера, хотя и ни одинъ изъ ихъ разсказовъ не появился въ печати. Они прибывали съ новостями, что Лиль былъ осажденъ, что нѣмецкая волна катится на Армантьеръ, Рубэ, Туркуэнъ и Камбрэ, что французы и англичане поспѣшно отступаютъ. Вражеская кавалерія раскинулась огромнымъ вѣеромъ по сѣверу Франціи съ разъѣздами улановъ, проникавшими въ тѣ деревни,

*) Это война!

гдѣ старымъ французскимъ крестьянамъ и во снѣ не снилось быть близко къ боевой линіи, пока, поднявъ головы отъ картофельнаго поля или глядя на сложенный хлѣбъ, они не видѣли передъ собой остроконечныя каски и блескъ солнца на нѣмецкихъ карабинахъ.

Среди бѣглецовъ были и такіе, которые видѣли начало битвъ и бѣжали, прежде чѣмъ онѣ кончились. Я встрѣтилъ нѣсколько крестьянъ изъ Ле-Като, которые до ихъ бѣгства молча смотрѣли на знакомые имъ холмы, по которымъ проходила большая армія чуждыхъ для нихъ солдатъ. Первыми пришли англичане въ облакахъ пыли, которая покрыла какъ бы пудрой ихъ мундиры и побѣлила ихъ сожженныя солнцемъ лица. Они, казалось, отчаянно спѣшили и воздвигали земляные холмики, какъ дѣти, строящія домики изъ песку, и кидались въ придорожныя ямы, и ложились на животы на свекловичныхъ поляхъ. Они были веселы и громко хохотали, разбрасывая кругомъ жестянки отъ консервовъ и непристанно курили папиросы, лежа на землѣ, палимые солнцемъ, съ ихъ ружьями наготовѣ. Ихъ пушки повернулись кругомъ и уставили дула на возвышенность, откуда они пришли. Французскіе крестьяне стояли вокругъ нихъ, ухмыляясь на этихъ англичанъ, которые не понимали ни слова по-французски, но все время весело болтали на своемъ языкѣ. Война казалась страшно далекой. Птицы распѣвали пронзительнымъ хоромъ. Золотистые цвѣты блестѣли на зеленыхъ лужкахъ. Солнце припекало скаты холмовъ и кидало черныя тѣни отъ густой листвы деревьевъ. Это было мирное время жатвы, которое было знакомо этимъ крестьянамъ въ теченіе всей ихъ жизни. Вдругъ внезапно трескъ ружейныхъ затворовъ и быстрая перемѣна въ положеніи англійскихъ юныхъ солдатъ, которые устремили свои взоры къ сѣверу, гдѣ дюны мягко поднимались и опускались, заставило французскихъ крестьянъ обратить свои взоры въ эту сторону, прикрывая рукой глаза отъ горячаго солнца. Что это за сѣрая тѣнь, которая тамъ двигалась? Что означали эти искорки и вспышки огня въ этой сѣрой массѣ? Что такое представляли изъ себя всѣ эти тысячи существъ, на подобіе муравьевъ, ползущія по холмамъ? Тысячи и десятки тысячъ людей, лошади и пушки!

— Les Anglais? Toujours les Anglais*)?

Англійскій офицеръ странно засмѣялся, не обнаруживая радости въ своихъ глазахъ.

— Les Allemands, mon vieux. Messieurs les Boches**)!

— L'ennemi? Hon, pas possible***).

Но оказалось вполнѣ возможнымъ, что это и былъ непріятель, когда со стороны этой арміи муравьевъ на холмахъ вылетѣли маленькіе клубы бѣлаго дыма и язычки пламени, и когда почти тотчасъ же нѣкоторые изъ англійскихъ юношей, свернув-

---

*) Англичане? Всегда англичане?
**) Нѣмцы, старина, господа, боши!
— „Враги? Не можетъ быть!“

шись, легли на свои ружья, уткнувъ свои загорѣлыя лица въ горячую землю. Миръ поля жатвы былъ нарушенъ ревомъ пушекъ и свистомъ пуль. Въ синеву неба потянулись облака зеленоватаго дыма. Куски зазубренной стали, подобно летучимъ серпамъ, подкашивали деревья у дороги. Свекловичныя поля выбрасывали вверхъ землю, и огромныя ямы были вырыты невидимыми плугами.

На отдаленныхъ холмахъ позади облаковъ дыма и вспышекъ огня показалась безчисленная армія и двинулась внизъ по направленію къ этимъ британскимъ солдатамъ.

Тогда крестьяне бѣжали въ великомъ страхѣ и ужасѣ.

2.

Въ нѣкоторыхъ изъ портовыхъ городовъ сѣверной Франціи стояла необычайная тишина. Сначала, когда я переѣхалъ изъ Калэ въ Булонь и затѣмъ въ Гавръ, я не могъ понять этого. Въ Калэ я встрѣтилъ небольшіе отряды, выступавшіе изъ города рано утромъ, послѣ чего въ городѣ не было видно ни одного солдата. Въ Булони случилось то же самое, весьма спокойно, безъ звуковъ трубъ и грохота барабановъ. Не только ушли всѣ солдаты, но за ними послѣдовала и полиція. Я видѣлъ, какъ выстроенные въ ряды полицейскіе уходили, при чемъ каждый изъ нихъ несъ маленькій узелокъ, на подобіе бѣженцевъ, которые несли все ихъ оставшееся имущество завернутымъ въ одѣяло или въ носовой платокъ. У моря, на набережной, не осталось ни одного таможеннаго для осмотра багажа тѣхъ немногихъ путешественниковъ, которые переѣхали проливъ и, высадившись теперь на берегъ, были поражены тѣмъ, что ни одинъ носильщикъ не бросался къ ихъ чемоданамъ, и не слышно было привычнаго крика таможенныхъ: „Avez-vous quelque-chose à déclarer? Tabac? Cigarettes?..“ Въ первый разъ на памяти живущихъ, а можетъ быть, и въ исторіи порта, Булонская таможня покинула свою контору. Что все это значило? Почему улицы были такъ пусты, какъ будто въ городѣ свирѣпствовала чума?

Что-то въ родѣ страха передъ чумой замѣчалось во взглядѣ нѣсколькихъ рыбаковъ и портовыхъ рабочихъ, которые стояли группами на углахъ улицъ. Въ ихъ глазахъ замѣчался дикій страхъ, и они говорили, понизивъ голоса, какъ бы обсуждая свою горькую участь. Даже видъ домовъ съ окнами, закрытыми ставнями и съ заколоченными дверями какъ бы указывали на чуму. Городъ, въ которомъ раздавались звуки шаговъ британскихъ полковъ и звуки „Типперари“, эти улицы, на которыя вливались волна за волной толпы бѣженцевъ, представляли изъ себя царство безмолвія за исключеніемъ нѣсколькихъ тѣней, крадущихся въ сумеркахъ вечера и шепчущихъ зловѣщія рѣчи.

Ужасная истина озарила мой умъ. Порты Франціи были оставлены безъ защиты. Они были открыты для непріятеля, и если бы въ Калэ и Булонь въѣхалъ уланъ или нѣмецкій офицеръ въ

автомобилѣ съ тремя солдатами, представляя, такимъ образомъ, непріятельскую армію, оба города сдались бы безъ выстрѣла.

Этотъ фактъ теперь кажется удивительнымъ и непостижимымъ, если вспомнить, что мѣсяцы послѣ этого непріятель старался пробиться въ Калэ и не успѣлъ въ этомъ послѣ отчаянныхъ атакъ, стоившихъ жизни тысячамъ нѣмецкихъ солдатъ, и упорной защиты, которая нѣсколько разъ была почти сломлена. „Борьба за Калэ“ представляетъ страницу исторіи, которая для нѣмцевъ записана кровью. Вспоминаешь съ удивленіемъ, что въ концѣ августа Калэ могъ достаться имъ даромъ съ Булонью и Діеппомъ, если бы они рѣшили туда направиться.

Даже Гавръ, какъ британская база, долженъ былъ быть покинутъ вскорѣ послѣ того, какъ гигантскіе запасы продовольствія и военныхъ матеріаловъ были собраны здѣсь для нашей экспедиціонной арміи. Я видѣлъ поспѣшныя приготовленія къ вывозу всего этого. Китченеръ выпустилъ изумительный приказъ, заставившій нѣкоторыхъ юныхъ джентльменовъ изъ интендантства многознаменательно свистнуть и сказать вполголоса: „Боги! Однако, дѣла идутъ какъ будто бы неважно“. Мѣсто новой базы было выбрано дальше къ югу, въ Сенъ-Назерѣ, куда должна была быть отправлена безъ промедленія послѣдняя жестянка мясныхъ консервовъ. Да, дѣла тогда шли неважно.

3.

Въ настоящее время позволительно писать о нашихъ ошибкахъ и объ ошибкахъ нашихъ французскихъ союзниковъ, которые искупили ихъ всѣ, благодаря высокому національному героизму и упорнымъ усиліямъ, приложеннымъ ими къ дѣлу организаціи, которой, къ прискорбію, имъ не хватало въ началѣ войны. Зная ужасающія ошибки въ началѣ войны и чудесное избавленіе отъ страшной трагедіи въ самый послѣдній моментъ, нужно признать, что внезапное пробужденіе Франціи, давшее ей возможность стряхнуть свою летаргію и тщеславіе и кинуться бѣшено на врага, который чуть не заставилъ ее пасть на колѣна, представляетъ собою одно изъ блестящихъ событій міровой исторіи, которое уничтожаетъ всякую злобную критику.

Но тогда, до этого пробужденія, дни были полны мученія для тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь зналъ истину. Какой фатальный микробъ безумія заставилъ французскихъ генераловъ пуститься въ эту странную авантюру, походъ въ Эльзасъ? Чувство побѣдило здравый смыслъ и послало лучшія войска Франціи къ границамъ ея утраченныхъ провинцій, съ тѣмъ, чтобы Парижъ могъ испытать день экстаза возлѣ статуи Quand-Même. Въ то время какъ нѣмцы задерживались ненадолго у Льежа, пробивали свой путь черезъ Бельгію, указывая направленіе, по которому они наводнятъ Францію, французская дѣйствующая армія была собрана на востокѣ между Люксембургомъ и Нанси и тратила свои силы, которыя должны были бы преградить вторженіе съ сѣвера, на попытку захватить Мюльгаузенъ и Альткирхъ. Эта попытка дала

Жоржу Скотту сюжетъ для прекрасной аллегоріи, помѣщенный въ L'Illustration, а именно французскаго солдата, обнимающаго эльзасскую дѣвушку, освобожденную отъ нѣмецкаго гнета. Эта попытка дала возможность парижскимъ журналистамъ, принужденнымъ молчать относительно положенія на театрѣ войны, написать героическія слова о печали, превратившейся въ радость и ликованіе. Только неосторожная рѣчь одного депутата намекнула на потери подъ Мюльгаузеномъ, гдѣ полкъ, набранный изъ южанъ, дрогнулъ и бросился бѣжать подъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, потому что его не поддержала собственная артиллерія. „Уволены въ отставку два генерала!“ „Нѣсколько офицеровъ разстрѣляно!“ Трагическіе слухи доходили до Парижа, нарушая его мечты о непреодолимомъ наступленіи французовъ.

Однако, ни Парижъ, ни французскій народъ не слыхали ничего серьезнаго, кромѣ этого. Они не знали—да и какъ могли они знать что-нибудь о войнѣ, окруженной тайной?—что французскія арміи отступали по всему фронту передъ нѣмцами, наступающими въ пяти огромныхъ колоннахъ подавляющей силы, и что на крайнемъ лѣвомъ крылѣ, совсѣмъ рядомъ съ Парижемъ, французская армія была въ жалкомъ состояніи, такъ какъ она была составлена по большей части изъ старыхъ территоріальныхъ солдатъ, которыхъ никогда и не думали ставить въ первую линію защиты, и африканскихъ полковъ, которые ни разу не видали огня орудій, такъ что главная нѣмецкая атака могла быть удержана лишь небольшой британской арміей, которая только что высадилась на землю Франціи.

Повсюду отъ востока до запада, французы отступали передъ страшнымъ натискомъ нѣмецкихъ легіоновъ, которые двигались въ тѣсныхъ колоннахъ, не обращая вниманія на потери, продвигаясь по тѣламъ своихъ мертвецовъ съ массой легкой артиллеріи, противъ которой не могли устоять французскіе артиллеристы при всей ихъ рѣшимости и храбрости. Благодаря цѣлому ряду удивительныхъ приключеній, которыя затянули меня въ водоворотъ французскаго отступленія, въ самую середину безпорядочныхъ передвиженій войскъ, брошенныхъ въ различные опасные пункты, и въ толпы раненыхъ, струившихся потокомъ съ передовыхъ позицій, мнѣ удалось написать первую корреспонденцію, которая давала хоть сколько-нибудь ясное представленіе объ общемъ положеніи—раздѣляя мою удачу съ Философомъ и Стратегомъ, моими спутниками—и опять-таки на мое счастье, цензоръ оказался снисходительнымъ ко мнѣ въ Англіи. Французскіе офицеры и солдаты съ завязанными головами и забинтованными руками и ногами разсказывали мнѣ о своихъ переживаніяхъ въ то время, какъ ихъ раны еще сочились кровью и шинели ихъ еще были пропитаны дымомъ битвы. Женщины, бѣжавшія изъ замковъ, расположенныхъ на холмахъ Франціи, съ тоскующимъ сердцемъ и со слабой надеждой на спасеніе ихъ мужей, сражавшихся въ этомъ аду, описывали мнѣ сцены, которыя все еще заставляли ихъ тяжело дышать на подобіе затравленныхъ дикихъ звѣрей. И я видѣлъ собственными глазами то, что я никогда не

забуду, французскую армію въ отступленіи, взрывавшую мосты на своемъ пути, переходившую на новыя позиціи, ожидавшую съ пушками и ружьями наготовѣ новаго приближенія непріятеля.

Изо всей этой путаницы впечатлѣній, безпорядка этихъ сценъ, неизбѣжныхъ противорѣчій непослѣдовательныхъ и фантастическихъ разсказовъ мужчинъ и женщинъ, опьянѣвшихъ отъ возбужденія, я постарался выбрать дѣйствительные факты и съ помощью Стратега, раскладывавшаго свои карты на полевыхъ цвѣтахъ около дороги или на мраморныхъ столикахъ возлѣ грязныхъ деревенскихъ кабачковъ, я понялъ, какъ наступали нѣмцы, и увидалъ, какая опасность грозитъ Франціи.

Я переписываю изъ помѣщенной въ „Daily Chronicle“ моей корреспонденціи описаніе одной изъ самыхъ кровавыхъ битвъ въ началѣ войны. Этотъ разсказъ, написанный при толчкахъ вагона, въ которомъ раненые прижимали къ себѣ свои забинтованныя руки, говоритъ о томъ, какъ пять тысячъ французовъ сдѣлали все, что могли, чтобы остановить цѣлый нѣмецкій корпусъ.

4.

29-го августа. Почти двѣ недѣли тому назадъ нѣмцы сосредоточили свои силы у Намюра и начали насядать къ югу и къ западу отъ Мааса. Послѣ битвы у Динана та французская армія, въ составъ которой входили второй и седьмой корпуса, сильно уступавшая въ численности противнику, должна была постепенно отступать для того, чтобы выиграть время и получить подкрѣпленія. Французская артиллерія была помѣщена на покрытыхъ лѣсомъ высотахъ надъ рѣкой и сметала наступавшіе нѣмецкіе полки градомъ свинца. На правомъ берегу окопавшаяся французская пѣхота, поддерживаемая полевыми орудіями и пулеметами, развивала бѣшеный огонь, а затѣмъ перебѣгала назадъ въ слѣдующія траншеи, которыя они защищали со страшнымъ упорствомъ. Нужно отдать справедливость нѣмцамъ: они вели себя геройски. Они не жалѣли себя, и вся долина Мааса была завалена ихъ тѣлами. Сама рѣка была покрыта труппами людей и лошадей и буквально покраснѣла отъ крови. Самый ужасный бой шелъ за обладаніе мостами, но французскіе саперы взрывали ихъ одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ французы отступали къ югу. Не меньше чѣмъ тридцать три моста были разрушены такимъ образомъ, прежде чѣмъ къ нимъ подошелъ авангардъ нѣмцевъ. Бой растянулся на значительное разстояніе по обѣимъ сторонамъ Мааса, и между французской и нѣмецкой кавалеріей и тѣми полками, которые находились далеко отъ своихъ главныхъ силъ, произошло много кровавыхъ столкновеній.

Тогда, напримѣръ, и произошла достопамятная схватка у Мервиля, одинъ изъ наиболѣе героическихъ эпизодовъ этой войны. Пять тысячъ французскихъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія съ пулеметами вступили въ бой съ двадцатью тысячами нѣмецкой пѣхоты. Несмотря на опасность быть раздавленными превосходными силами врага французскій натискъ или „укусъ“, какъ они

зовутъ его, былъ такъ стремителенъ, что они отбрасывали врага съ одного пункта на другой въ битвѣ, продолжавшейся двѣнадцать часовъ, нанеся ему огромный уронъ и испытавъ сами незначительныя потери. Нѣмецкій офицеръ, захваченный въ плѣнъ въ этомъ сраженіи, выразилъ свое безграничное восхищенье храбростью французовъ, называя ее „великолѣпной“. Только изъ опасенія зайти слишкомъ далеко и потерять связь съ главными силами, эти доблестныя пять тысячъ отказались отъ дальнѣйшихъ атакъ и вернулись назадъ со множествомъ нѣмецкихъ касокъ, трофеями своей побѣды. Тѣмъ не менѣе, сообразно съ планамъ, на которомъ, въ виду подавляющей численности врага, остановились французскіе генералы, французскія войска отступили, и нѣмцы успѣли пробиться по Маасу до Мезьера, отдѣленнаго мостомъ отъ Шарлвиля, расположеннаго на другой сторонѣ рѣки. Это мѣсто лежитъ по сосѣдству съ Седаномъ и въ ложбинѣ или trou, какъ ее называютъ французы, гдѣ произошло печальное событіе 1870 года, французская армія была поймана въ ловушку, и нѣмцы, занявъ окружающія высоты, грозили ея уничтоженіемъ. Но теперь не должно было быть повторенія этой трагедіи. Французы твердо рѣшили, что на этотъ разъ они сами поймаютъ нѣмцевъ въ ловушку.

Въ понедѣльникъ, 24-го августа, городъ Шарлвиль былъ очищенъ отъ жителей, большая часть которыхъ присоединилась къ толпѣ бѣглецовъ, и французскія войска заняли великолѣпныя позиціи, господствующія надъ Шарлвилемъ и тремя мостами, отдѣляющими этотъ городъ отъ Мезьера. Въ оставленныхъ домахъ были скрыты пулеметы, и въ качествѣ непріятнаго сюрприза для всякаго нѣмца, который избѣжалъ бы ихъ дѣйствія, на улицахъ стояло не меньше девяносто пяти непріятельскихъ пушекъ, которыя были захвачены и приведены въ негодность французами въ рядѣ битвъ по рѣкѣ, начиная съ Намюра. Передовыя части нѣмцевъ достигли Шарлвиля во вторникъ 25-го августа. Они спокойно проѣхали по мостамъ въ покинутый, какъ казалось имъ, городъ. Внезапно ихъ отступленіе было отрѣзано. Всѣ три моста были одновременно взорваны, и пулеметы, скрытые въ домахъ, затрещали по нѣмецкой кавалеріи, шедшей по улицамъ. Нѣсколько времени продолжалась эта безостановочная бойня среди бѣлыхъ домовъ съ хорошенькими садами, гдѣ цвѣли цвѣты подъ яркимъ солнцемъ прекраснаго лѣтняго дня. Но нѣмцы дрались съ необыкновеннымъ упорствомъ, не обращая вниманія на кучи тѣлъ своихъ товарищей и совершенно не заботясь о своей жизни. Они тоже привезли черезъ мосты пулеметы и, укрывшись позади зданій, направили ихъ дула на дома, откуда французскіе артиллеристы выпускали свои послѣдніе выстрѣлы. Для этихъ героевъ, добровольно принесшихъ себя въ жертву за родину, не было спасенія и, вѣроятно, всѣ они погибли, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ нѣмцы, обыкновенно, не знаютъ пощады. Когда главныя силы нѣмцевъ спустились въ ложбину, французская артиллерія, расположенная на высотахъ, встрѣтила ихъ ужасающимъ огнемъ, благодаря которому они

понесли тяжкія потери: передовыя колонны ихъ были скошены въ нѣсколько мгновеній. Однако, и подъ этимъ огненнымъ потокомъ нѣмцы подвигались съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ къ ихъ понтоннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ рѣку, и хотя сотни ихъ гибли на берегахъ, они успѣли перейти на сторону Шарлвиля, между тѣмъ какъ ихъ пушки обстрѣливали холмы и заставили французскихъ артиллеристовъ сняться съ ихъ позицій. Взятіе Шарлвиля было нѣмецкой побѣдой, но городъ представлялъ изъ себя нѣмецкое кладбище.

Послѣ этого историческаго эпизода, главныя силы французской арміи отступили передъ нѣмцами, вливавшимися въ долину, и перешли на новыя позиціи.

5.

Тѣмъ временемъ на западной части фронта французская армія удерживала изогнутую дугу отъ Аббевиля вокругъ южной стороны Амьена, и ея положеніе было благопріятнымъ въ виду быстраго наступленія врага подъ командой генерала фонъ-Клука, съ которымъ британскія войска уже находились въ непрерывномъ бою.

Я не скоро забуду страшную ночь поблизости къ Амьену, когда я видѣлъ раненыхъ, возвращавшихся изъ-подъ выстрѣловъ, и повозки смерти, тащившіяся по дорогѣ. Весь день прошелъ въ возбужденіи и нервности. Дороги, по которымъ я ѣхалъ, были покрыты солдатами, шедшими навстрѣчу непріятелю, который быстро приближался, охватывая ихъ, и къ борьбѣ съ которымъ они были, какъ казалось, плохо подготовлены. Навстрѣчу войскамъ бѣжало населеніе, передавая съ ужасомъ, что уланы настигаютъ ихъ.

Бѣженцы не преувеличивали. Нѣмцы были менѣе чѣмъ въ четырехъ миляхъ отъ Пикиньи, небольшой патруль, принадлежавшій къ эскадронамъ, которые разсыпались вѣеромъ по сѣвѣрнымъ городамъ и деревнямъ Франціи.

Французскія территоріальныя войска спѣшно рыли траншеи около полотна желѣзной дороги, по которой я проѣзжалъ. До насъ доходили извѣстія со станцій, расположенныхъ къ сѣверу, что желѣзнодорожная линія можетъ быть перерѣзана въ каждый данный моментъ. Поѣздъ, переполненный французскими и бельгійскими бѣженцами, былъ остановленъ на пути. Дѣти играли на насыпи съ той божественной невинностью и беззаботностью, которыя заставляютъ болѣть за нихъ душой, а ихъ отцы и матери, чьи пожитки были сложены въ корзины и въ мѣшки изъ оберточной бумаги—жалкіе остатки ихъ имущества—думали о томъ, достигнутъ ли они послѣ всѣхъ ихъ страданій и мытарствъ Амьена и найдутъ ли тамъ безопасное убѣжище.

Мнѣ было ясно, что въ военной машинѣ, дѣйствующей въ этой мѣстности, была какая-то неисправность. Войска спѣшили въ сѣверо-западномъ направленіи. Полкъ алжирцевъ, колыхаясь, прошелъ по дорогѣ. Видъ тюркосовъ нѣсколько ободрилъ бѣженцевъ. Эти коричневые люди смѣялись, какъ дѣти, въ ожиданіи

битвы. Они махали руками съ забавными арабскими жестами привѣтствія и весело шли, покачиваясь, съ ихъ ружьями, висѣвшими за спиной. Военные автомобили съ французскими офицерами промчались по дорогѣ, и затѣмъ уже не было видно солдатъ, но встрѣчались только отставшіе бѣженцы, ѣхавшіе въ фермерскихъ телѣгахъ, набитыхъ домашнимъ скарбомъ, въ двухколесныхъ фаэтонахъ, перегруженныхъ женщинами и дѣтьми, на велосипедахъ съ узлами, привязанными къ сѣдламъ, или шедшіе устало пѣшкомъ подальше отъ того мѣста ужаса, гдѣ закатывалось кровавокрасное солнце Франціи. Жалко было видѣть дѣтей, цѣплявшихся за юбки женщинъ, вдоль этой дороги, охваченной паникой, и жалкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище представляла храбрость этихъ женщинъ. Спустилась ночь, мракъ покрылъ поля Франціи, и въ этомъ мракѣ чудилось много угрюмыхъ призраковъ войны.

По дорогѣ въ Альберъ, между Амьеномъ и Камбрэ, произошла une affaire des patrouilles—то, что британскій солдатъ называетъ „scrap“. Разъѣздъ нѣмецкихъ улановъ, отдѣлившійся отъ сильнаго отряда у Камбрэ, наткнулся на французскихъ территоріалистовъ и послѣ жаркой схватки удалился, оставивъ въ пыли на дорогѣ нѣсколько убитыхъ лошадей и нѣсколько скорченныхъ фигуръ, у которыхъ французскіе солдаты взяли воронёныя каски для своихъ женщинъ.

Это было въ ночь на пятницу 28-го августа. Настоящее сраженіе произошло у Бапома въ пятнадцати километрахъ дальше по дорогѣ. Въ пятницу весь день тамъ происходилъ серьезный бой, и французское военное министерство объявило побѣду.

Я не видалъ побѣды. Я видѣлъ только отступленіе французскихъ полковъ, участвовавшихъ въ этомъ бою.

За нѣсколько минутъ до полуночи въ пятницу они прошли назадъ по дорогѣ въ Амьенъ, медленно двигаясь длинной и угрюмой вереницей съ санитарными повозками, наполненными мертвыми и умирающими, съ телѣгами, нагруженными сѣдлами и ранцами, на которыхъ лежали неподвижно, какъ мертвые, уставшіе солдаты. Они проходили среди толпы молчаливыхъ зрителей, которые только перешептывались, наблюдая эту печальную процессію въ темнотѣ ночи. Кирасиръ съ поникшей головой шелъ, спотыкаясь и ведя на поводу лошадь, слишкомъ ослабѣвшую и усталую, чтобы нести его. Много другихъ солдатъ вели своихъ лошадей такимъ же образомъ, а пѣхотинцы, нѣкоторые съ перевязанными головами, шли, держась за телѣги и повозки, и казалось спали на ходу. Свѣтъ изъ фонарей падалъ на блѣдныя лица и какъ бы стеклянные глаза солдатъ, проникая иногда внутрь покрытыхъ полотномъ повозокъ, гдѣ изувѣченные, перевязанные люди лежали въ неестественныхъ позахъ на соломѣ. Ни одного стона не доносилось изъ этихъ повозокъ. Не было восклицаній „Vive la France!“ со стороны толпы горожанъ, которые обыкновенно не молчатъ, когда проходятъ ихъ солдаты.

Каждый понималъ, что это было отступленіе, и эта мысль была холоднѣе ночного тумана. Телѣги, наполненныя живыми и мертвыми, съ грохотомъ катились длинной вереницей, причемъ поникшіе головы солдатъ не поднимались для того, чтобы привѣтствовать старыхъ друзей. На телѣгахъ и санитарныхъ повозкахъ было странное смѣшеніе мундировъ. Для зрителя, преувеличивавшаго безсознательно то, что находится передъ его глазами, эта картина казалась зловѣщей и напоминала страшный 1870 годъ, когда черезъ Амьенъ тянулись остатки разбитой арміи. На самомъ дѣлѣ такое зрѣлище являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой серьезной битвы и вовсе не означало отступленія послѣ пораженія.

Я отвернулся отъ печальной процессіи съ тяжелымъ сердцемъ. Непріятно видѣть людей, разбитыхъ усталостью и бредущихъ на подобіе живыхъ мертвецовъ. Сердце надрывается, глядя на бѣдныхъ животныхъ, спотыкающихся на каждомъ шагу, пока они не падутъ, чтобы больше уже не встать.

Еще болѣе тяжелая сцена, чѣмъ это возвращенье отъ Бапома, встрѣтилъ я тотчасъ же, какъ только возвратился въ городъ. Тысячи молодыхъ людей были призваны къ знаменамъ изъ окрестностей для обслуживанья тыла. Они принадлежали къ резервистамъ 1914 года, и многіе изъ нихъ кричали и пѣли, хотя кое-гдѣ поблѣднѣвшій мальчикъ старался скрыть свои слезы, когда изъ толпы выбѣгала женщина, чтобы обнять его въ послѣдній разъ. Марсельеза звучала немного сбивчиво, но все же храбро. Молодые люди, „бѣдныя дѣти“, какъ ихъ назвалъ сѣдой человѣкъ, наблюдавшій ихъ, поддерживали храбрость своихъ сердецъ шумными демонстраціями, но видя только что телѣги смерти, двигавшіяся во мракѣ среди линіи молчаливыхъ и удрученныхъ зрителей, я не былъ въ состояніи взглянуть въ лица этой молодежи, слѣдовавшей за своими отцами. Снова я долженъ былъ повернуться и уйти подальше для того, чтобы забыть картины войны въ бархатистой тьмѣ ночи.

Рано утромъ, на слѣдующій день въ Амьенѣ стала чувствоваться тревога. Прошли слухи о томъ, что желѣзнодорожная линія между Булонью и Аббевилемъ была разрушена. Полки потихоньку вышли изъ своихъ казармъ и ушли изъ Амьена. На улицахъ стояла удивительная тишина. Едва ли можно было увидѣть на нихъ человѣка въ военной формѣ, хотя вчера еще онѣ были наполнены солдатами. Я думаю, что только очень немногіе поняли дѣйствительное значеніе этого. Только очень немногіе, знакомые офицеровъ или знакомые знакомыхъ офицеровъ слышали, что Амьенъ будетъ оставленъ французскими войсками.

Для населенія выступленіе солдатъ казалось невѣроятнымъ и ужаснымъ признакомъ того, что Франція была окончательно разбита. Какъ могли они повѣрить оптимисту среди нихъ, что оставить Амьенъ слѣдовало для спасенія Франціи? Какъ могли они допустить, что ихъ городъ будетъ спасенъ отъ возможной бомбардировки, благодаря уходу войскъ на позиціи, которыя должны привлечь нѣмцевъ? Они знали только, что они безза-

щитны, и вдругъ услыхали, что пассажирскіе поѣзда отмѣнены, и что для нихъ бѣгство невозможно. Благодаря счастливому случаю я попалъ на послѣдній поѣздъ, отходившій изъ Амьена. Вскорѣ послѣ этого туннель, ведущій къ желѣзнодорожному узлу, былъ взорванъ французскими саперами, и прекрасный городъ Амьенъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Попавъ на послѣдній поѣздъ, я понялъ все безчеловѣчіе войны по отношенію къ несражающимся. Въ вагонѣ со мной находились французскія дамы и дѣти, которыя переѣзжали съ мѣста на мѣсто для того, чтобы выбраться изъ района военныхъ дѣйствій. Ихъ мужья сражались за Францію, и онѣ не могли сказать, живы ли они или убиты. Эти бѣдныя женщины оставались нѣсколько дней безъ всякой помощи, и нервы ихъ были напряжены до крайности не изъ-за страха за самихъ себя, но изъ-за дѣтей, которыя были всѣмъ, что они могли спасти отъ крушенія ихъ жизни. Одна дама, домъ которой былъ сожженъ нѣмцами, прошла пѣшкомъ двадцать миль съ маленькими мальчикомъ и дѣвочкой.

Когда она разсказывала мнѣ о томъ, что ей пришлось пережить, она горько заплакала, но слезы были на ея глазахъ всего нѣсколько минутъ. Ради своего прекраснаго мальчика, у котораго былъ духъ героя, и ради своей крошечной дѣвочки, которая прижималась къ ней, она переборола себя.

„Въ этомъ-то и состоитъ сущность войны, самая ужасная ея трагедія“. Такъ писалъ я въ то время. „Солдатъ страдаетъ меньше, чѣмъ женщины и несражающіеся. Его мученія, можетъ быть, острѣе, но тяжелѣе всего переносить душевную рану“.

Такъ казалось мнѣ въ то время, прежде чѣмъ я не сдѣлался свидѣтелемъ болѣе страшныхъ мученій. Я былъ также изумленъ бодрымъ настроеніемъ духа раненыхъ солдатъ. Они представляли изъ себя „легкіе случаи“ и были такъ бодры и веселы, что смѣялись надъ своею болью. Но и они знали тяжелые дни. Можно почти безъ преувеличенья сказать, что первый отдыхъ, который выпалъ на ихъ долю, начался тогда, когда ихъ несли въ санитарныя повозки или въ полевые госпитали. Постоянные переходы взадъ и впередъ на новыя позиціи подъ палящимъ солнцемъ были ужаснѣе самого боя и пребыванія подъ адскимъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ. Ихъ заставляли постоянно двигаться за исключеніемъ самыхъ короткихъ остановокъ, когда офицеры и солдаты падали по обѣимъ сторонамъ дороги, подобно желтокоричневымъ листьямъ съ деревьевъ осенью, до такой степени усталые что они были почти безъ сознанія. Ихъ необходимо было расталкивать для того, чтобы пробудить отъ короткаго сна, когда они опять должны были итти къ новому мѣсту, чтобы начать новыя земляныя работы и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, прежде чѣмъ звуки рожка не возвѣстятъ о томъ, что нужно прекратить огонь и начать новое стратегическое отступленіе.

6.

Второго сентября нѣмцы достигли Крэйля и Санли—запятнавъ свою честь ненужной жестокостью—и были не дальше тридцати миль отъ Парижа, такъ что грохотъ ихъ пушекъ слышался во французской столицѣ какъ неясный гулъ.

Для населенія Парижа и для всѣхъ мирныхъ жителей Франціи казалось неслыханнымъ бѣдствіемъ это невѣроятно быстрое наступленіе гигантской боевой машины, котораго ничто не могло остановить до сихъ поръ, даже не могло остановить и то рѣшительное мужество и крайнее равнодушіе къ жизни, съ которымъ союзники встрѣтили эту машину смерти. Однако, съ оптимизмомъ, въ сущности мало обоснованнымъ, я, видѣвшій солдатъ Франціи, былъ все-таки увѣренъ, что не только не все потеряно, но, что имѣется надежа и на побѣду, которая можетъ превратить нѣмецкій натискъ въ отступленіе.

Я видѣлъ блестящую храбрость французскихъ полковъ, бросавшихся на врага для поддержки лѣваго крыла своей арміи, и великолѣпную увѣренность солдатъ, которые послѣ всѣхъ ужасовъ битвы и съ полнымъ сознаніемъ того, что они постоянно отступаютъ, все-таки говорили:

— Мы побѣдимъ. Мы все время ведемъ непріятеля къ погибели. Скоро они попадутся въ ловушку, откуда имъ не будетъ спасенія.

„Такой духъ“, писалъ я въ моей корреспонденціи, „долженъ въ концѣ-концовъ одержать верхъ. Невозможно, чтобы духъ союзныхъ армій былъ сокрушенъ. Блестящая французская храбрость и спокойствіе передъ тѣмъ, что кажется пораженіемъ, равносильно хладнокровной и упорной настойчивости нашихъ англійскихъ войскъ“.

Снова и снова они повторяли мнѣ тѣ же самыя слова, эти раненые, эти аванпосты въ опасныхъ пунктахъ, эти батальоны, шедшіе опять въ битву безъ сна, безъ отдыха, зная, какого врага они должны встрѣтить:

— Мы чувствуемъ себя прекрасно. Вы можете называть это отступленіемъ, если хотите. Но мы отступаемъ въ порядкѣ и добьемся своего.

Это было больше, чѣмъ отступленіе въ порядкѣ. Они отходили передъ милліономъ людей, расползшимся по странѣ на подобіе огромнаго муравейника, и отходили съ доблестью, которая доставила британскимъ и французскимъ войскамъ безсмертную славу. Такого примѣра еще ни разу не было во всей военной исторіи. Этотъ отходъ союзниковъ показался бы невѣроятнымъ и невозможнымъ знатокамъ военнаго дѣла, которые понимали значеніе такихъ боевъ и страшную трудность удержать въ порядкѣ войска при подобныхъ обстоятельствахъ.

7.

Въ то время какъ я, къ моему счастью, успѣлъ выѣхать изъ Амьена, прежде чѣмъ былъ взорванъ туннель, и нѣмцы вступили въ городъ, а именно 28-го августа, фронтъ союзниковъ представлялъ дугу, тянущуюся отъ Аббевиля по гористой мѣстности къ югу отъ Амьена и затѣмъ простиравшуюся отсюда по неправильной линіи къ югу отъ Мезьера. Британская армія подъ командой Сера Джона Френча находилась влѣво отъ центра, выдерживая тяжелый натискъ нѣмецкаго праваго крыла.

Въ субботу въ полдень сраженіе возобновилось по всей линіи. Къ этому времени нѣмецкій авангардъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ свѣжаго армейскаго корпуса, прибывшаго изъ Бельгіи. По крайней мѣрѣ милліонъ людей наступалъ на союзныя войска съ небывалой яростью атаки. Ихъ кавалерія разлилась по огромному пространству, эскадронъ за эскадрономъ подобно ордамъ Аттилы, вооруженнымъ смертоноснымъ оружіемъ современной войны. Ихъ артиллерія была неимовѣрно велика, и подъ ея прикрытіемъ двигались ихъ колонны, похожія скорѣе не на армію, но на надвигающіяся орды кочевниковъ. Однако, ихъ масса не передвигалась съ равнымъ давленіемъ на всѣ части противника. Нѣмецкая армія была вытянута въ таранъ съ острымъ концомъ, и это остріе было направлено въ средину англичанъ, на ихъ базу въ Сенъ-Кантэнѣ и оба ихъ крыла въ Перонне и Гаммѣ.

Противостоять этой атакѣ было невозможно. Если бы британскія войска не отступили, они были бы раздавлены и смяты. Наши артиллеристы были великолѣпны и осыпали снарядами наступающія нѣмецкія колонны такъ, что мертвые лежали цѣлыми кучами по всему пути, который велъ къ Парижу. Но, какъ вѣрно сказалъ мнѣ одинъ изъ артиллеристовъ: „Все это ни къ чему не повело. Какъ только мы разбивали въ дребезги одну часть, другая являлась на ея мѣсто, колонна за колонной, и благодаря ихъ численному превосходству мы не могли ничего сдѣлать для того, чтобы остановить ихъ“.

Желѣзная дорога была разрушена, и мосты были взорваны на главной линіи отъ Амьена до Парижа и на боковыхъ линіяхъ отъ Діеппа. Послѣ этого британскія силы отступили до Компіэнъ, сражаясь все время. Линія союзниковъ въ это время была въ формѣ V, причемъ нѣмцы вели свою главную атаку глубоко въ самый уголъ.

Генералъ д'Амадъ, самый популярный изъ французскихъ генераловъ, благодаря своимъ подвигамъ въ Марокко, помѣстилъ свой штабъ въ Омамъ, занимая крайнее лѣвое крыло союзныхъ армій. Нѣкоторые изъ его резервовъ занимали холмы, тянущіеся на востокъ и на западъ у Бовэ, и были въ связи съ кавалеріей Сера Джона Френча по дорогѣ, ведущей въ Амьенъ.

Эта позиція оставалась въ такомъ видѣ до понедѣльника или скорѣе была оставлена въ этотъ день, причемъ отступленіе войскъ было произведено мастерски и безъ всякой излишней поспѣшности.

Тѣмъ временемъ центръ французской арміи выдерживалъ страшную атаку со стороны нѣмецкаго центра, который достигалъ до Гиза на рѣкѣ Уазѣ къ сѣверо-востоку отъ Сенъ-Кантэна, гдѣ эта рѣка, протекающая среди восхитительныхъ луговъ, была завалена трупами, и воды ея были окрашены въ кровавый цвѣтъ.

Отъ одного изъ очевидцевъ этой битвы, который былъ только легко раненъ, офицера пѣхотнаго полка, я узналъ, что нѣмецкая атака была отбита, благодаря стараніямъ французскихъ артиллеристовъ, за которыми послѣдовалъ рядъ штыковыхъ и кавалерійскихъ атакъ.

— Нѣмцы,—сказалъ онъ,—пустили противъ насъ цвѣтъ своей арміи, включая десятый армейскій корпусъ и императорскую гвардію. Но наши войска были проникнуты величавымъ героизмомъ. Каждый зналъ, что существованіе Франціи зависѣло отъ него, и въ случаѣ нужды былъ готовъ пожертвовать своей жизнью съ радостнымъ энтузіазмомъ. Наши не только отбивали атаки врага, но сами переходили въ наступленіе и, несмотря на численное превосходство нѣмцевъ, дали имъ страшную трепку. Нѣмцы должны были податься назадъ передъ огнемъ нашихъ пушекъ, косившихъ ихъ тысячами. Ряды ихъ дрогнули, и они обратились въ бѣгство. Сотни ихъ были переколоты штыками, и еще большее число было загнано въ рѣку, такъ что весь фронтъ битвы былъ явственно виденъ, благодаря мертвымъ и умирающимъ, которыхъ они должны были оставить. Можно съ увѣренностью сказать, что потери непріятеля громадны. Когда я упалъ, отступленіе нѣмцевъ было въ полномъ разгарѣ, и мы могли считать себя побѣдителями.

Тѣмъ не менѣе случилось то, чего предотвратить было невозможно. Благодаря своимъ огромнымъ резервамъ непріятель ввелъ въ дѣло свѣжія силы, и французы должны были отступить къ Лаону и Лаферу.

Во вторникъ нѣмецкіе аванпосты съ легкой артиллеріей продвигались къ югу по направленію къ Бовэ, и звукъ ихъ полевыхъ орудій донесся до моихъ ушей въ этомъ городѣ, съ которымъ у меня будутъ всегда соединены непріятныя воспоминанія, несмотря на красоту его древнихъ зданій и на прелесть той мѣстности, въ которой онъ расположенъ.

Бовэ лежитъ какъ разъ между Амьеномъ и Парижемъ, и мнѣ казалось, что это какъ разъ то мѣсто, въ которомъ можно присоединиться къ французской арміи, загораживавшей непріятелю путь къ столицѣ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что это было во всѣхъ отношеніяхъ неподходящее мѣсто.

8.

Я могъ бы догадаться, что не все идетъ гладко по странному выраженію лица одного крестьянина, котораго я встрѣтилъ въ Гурнэ. Онъ описалъ мнѣ весьма живо расположеніе французскихъ войскъ, скрывшихся въ ущельѣ среди сосѣднихъ холмовъ,

но когда я упомянулъ, что я направлялся въ Бовэ, онъ вдругъ поднялъ свою голову и посмотрѣлъ на меня страннымъ и испуганнымъ взглядомъ, который былъ для меня загадкой. Я вспомнилъ этотъ взглядъ, когда я приближался къ городу. Ко мнѣ навстрѣчу двигались группы крестьянъ съ испуганными глазами. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали на телѣгахъ, погоняя усталыхъ лошадей и заставляя прихрамывающихъ животныхъ мчаться во весь опоръ. Женщины съ блѣдными лицами плелись по пыльной дорогѣ, держа въ своихъ рукахъ дѣтей. Было ясно, что эти люди боялись чего-то, что было сзади ихъ, по направленію къ Бовэ. Ихъ было немного, и когда они прошли, все вокругъ стало таинственно и загадочно. Слышалось только пѣнье птицъ надъ полями, залитыми золотыми лучами заходившаго солнца.

Я вошелъ въ городъ. Мертвое молчаніе царило тамъ, среди узкихъ маленькихъ улицъ, ниже старой нормандской церкви. Окна почти всѣхъ домовъ были закрыты ставнями, но кое-гдѣ я могъ мидѣть сквозь открытыя окна комнаты. Тамъ никого не было. Городъ былъ оставленъ, покинутъ всѣмъ своимъ населеніемъ, которое бѣжало съ выраженіемъ страха въ глазахъ, какъ у тѣхъ крестьянъ, которыхъ я встрѣтилъ на дорогѣ.

Внезапно я замѣтилъ фигуру человѣка. Это былъ французскій драгунъ съ его карабиномъ, висѣвшимъ за спиной. Онъ стоялъ около мѣшковъ съ пушечнымъ порохомъ. Немного дальше группы солдатъ работали на двухъ мостахъ, изъ которыхъ одинъ былъ подъ рѣкою, а другой надъ дорогой. Они работали очень спокойно, и я могъ видѣть, что они дѣлали. Они минировали мосты, чтобы взорвать ихъ по данному сигналу. Проходя дальше я увидѣлъ, что улицы были завалены разбитыми бутылками и усѣяны проволочными загражденіями, весьма искусно и тщательно сдѣланными.

Странное было ощущенье. Ясно было, что какое то страшное дѣло готовилось въ Бовэ, что солдаты ждали чего то. На желѣзнодорожной станціи я узналъ тотчасъ же истину. Нѣмцы были только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города въ значительномъ количествѣ. Каждую минуту они могли явиться сюда, уничтожая все на своемъ пути и убивая всякаго, кого бы ни замѣтили на дорогѣ. Начальникъ станціи, храбрый старикъ, вмѣстѣ съ двумя носильщиками рѣшился остаться на своемъ посту до конца. «Nous sommes ici», заявилъ онъ, какъ будто нѣмцы стали бы считаться съ нимъ. Онъ энергично настаивалъ на томъ, чтобы я оставилъ Бовэ, если пойдетъ еще поѣздъ, что было весьма проблематично. Въ концѣ-концовъ послѣ mauvais quart d'heure меня посадили въ поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, и я покинулъ Бовэ при грохотѣ нѣмецкихъ пушекъ.

Сидя въ темнотѣ и трясясь какъ горошина въ стручкѣ, благодаря плохимъ тормозамъ, мы обошли нѣмецкую армію и по кривой почти врѣзались въ мѣстность, занятую непріятелемъ. Однако мы промчались незамѣченными, благодаря темнотѣ ночи, и машинистъ захохоталъ и поднялъ свою замасленную руку къ

головѣ, отдавая мнѣ честь, когда я выбрался на платформу какой-то неизвѣстной станціи.

— Нѣмцы не получатъ насъ на закуску—сказалъ онъ.—А все же мы изрядно рисковали.

9.

Станція, куда мы прибыли, какъ оказалось, была Крэйль, главная квартира британскихъ войскъ въ то время. Она была наполнена французскими солдатами, и скоро они стали разсказывать мнѣ о томъ жестокомъ сраженіи, въ которомъ они участвовали.

Французы были грязны, небриты, покрыты пылью съ головы до пятъ, опаленные горячими лучами августовскаго солнца, въ разорванныхъ мундирахъ и лопнувшихъ сапогахъ. Но все же, несмотря на всю ихъ грязь, они были прекрасны, и ихъ бодрость духа и постоянный смѣхъ, спокойная увѣренность и та простота безъ слѣдовъ самохвальства, съ какой они увѣряли меня, что нѣмцы скоро попадутся въ ловушку и погибнутъ, наполнили мою душу восхищеньемъ, которое я не въ состояніи выразить словами. Всѣ шансы были противъ нихъ, они отчаянно бились, находясь въ отступленіи; они знали и сообщили мнѣ, что непріятель завязалъ бой въ Санли, въ десяти миляхъ отъ укрѣпленій Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были вполнѣ увѣрены въ окончательномъ успѣхѣ союзнаго оружія.

Одинъ изъ французскихъ солдатъ далъ мнѣ прочесть свой дневникъ. Несмотря на грязный мундиръ, на загорѣлыя немытыя руки и на свѣтлую неподстриженную бороду, которая обезображивала тонкія черты и деликатный ротъ, для меня было ясно, что предо мною находился воспитанный и образованный человѣкъ.

— Дневникъ можетъ позабавить васъ, — сказалъ онъ. — Вы знаете, я все время занимался разрушеніемъ...

Это былъ разсказъ о взрываньѣ мостовъ, и замѣтки были нацарапаны въ маленькой записной книжкѣ во время отступленья. Со всей своею краткостью этотъ разсказъ сержанта-сапера гораздо краснорѣчивѣе тщательно отдѣланной прозы длинныхъ описаній. Одно мѣсто въ немъ кажется почти невѣроятнымъ, а именно относящееся къ тому, какъ нѣмецкій авіаторъ въ своей миссіи смерти взялъ съ собою маленькаго мальчика. Но человѣкъ, подобный сержанту, чьи голубые глаза стальнаго оттѣнка смотрѣли на меня съ такой честной смѣлостью, не помѣстилъ бы лжи въ свою книжку, и я повѣрилъ ему. Я воспроизвожу этотъ документъ, какъ я переписалъ его тогда тайкомъ отъ французскаго офицера, который какъ бы подозрѣвалъ меня въ этомъ нарушеніи правилъ.

25 августа. Двинулись къ Сенъ-Кантэну и прибыли туда вечеромъ. Наша партія отправилась опять назадъ къ пункту въ двѣнадцати километрахъ отъ Сенъ-Кантэна, въ Монтескуръ-Лезеруйль минировать мостъ. Мы работали всю ночь и возвратились въ Сенъ-Кантэнъ, гдѣ производили развѣдку.

27 августа. Полученъ сигналъ о нѣмцахъ, и станція Сенъ-Кантэнъ эвакуирована. Намъ было приказано поддерживать порядокъ среди толпы тѣхъ, кто хотѣлъ уйти отсюда. Это было грустное зрѣлище: всѣ женщины и дѣти плакали, а поѣздовъ не хватало для нихъ.

Наконецъ, мы ушли, разрушивъ линію и станцію въ Эсиньи-ле-Гранъ и въ Монтескурѣ, гдѣ мы уничтожили мостъ, минированный раньше.

Послѣ полудня прибыли въ Тернье. Спали тамъ и отправились 28-го послѣ полудня въ Шони и Нуаіонъ.

29 августа (утро). Мы получили приказъ возвратиться въ Тернье, такъ какъ нѣмцамъ удалось прорвать британскую линію. Мы прошли Монтескуръ и прибыли въ Жюсси, гдѣ послѣ того, какъ былъ взорванъ мостъ черезъ каналъ, мы моментально задержали нѣмцевъ. Вернувшись изъ Тернье, мы получили приказъ разрушить мосты и станціи линіи, которая служитъ магистралью къ Парижу.

Работали вечеромъ подъ грохотъ пушекъ. Жалко видѣть на дорогѣ несчастныхъ бѣженцевъ съ ихъ сундуками и дѣтьми.

Послѣ полудня выступили въ Шони, по направленію Компіэня, куда мы прибыли вечеромъ. Вдоль всей линіи шли бѣдные бѣженцы. Мы посадили двѣнадцать изъ нихъ въ нашъ вагонъ. Наша провизія была съ нами, и мы давали ее этимъ несчастнымъ.

30 августа (Воскресенье). Стояли въ Компіэнѣ въ ожиданіи приказаній. Звукъ канонады слышенъ болѣе отчетливо. Послѣ полученія утреннихъ новостей я снова берусь за записную книжку. Кажется, что нѣмцы разбиты у Сенъ-Кантэна.

Сегодня мы присутствовали при дуэли между бипланомъ и аэропланомъ. Ближе ко мнѣ былъ нѣмецкій аэропланъ, который упалъ среди англичанъ. Управлявшій имъ офицеръ былъ съ мальчикомъ шести лѣтъ, тоже нѣмцемъ. Они были только ранены.

Послѣ Сенъ-Кантэна находились съ англійскими войсками подъ начальствомъ англійскаго главнаго штаба.

Слухи о пораженіяхъ нѣмцевъ, должно быть, невѣрны, потому что англійскія войска отходятъ, и мы ушли изъ Лонгара, гдѣ мы разрушили станціи и желѣзнодорожную линію.

10.

Медленный отходъ британской арміи—поразительно, что въ ея рядахъ насчитывалось только 45.000 человѣкъ, которые пытались остановить нѣмецкую лавину—постепенно перешелъ въ поспѣшное отступленіе. Только какой то удивительный случай спасъ ее отъ кроваваго бѣгства. Даже и теперь еще рано писать о деталяхъ этого отступленія. Только когда десятки офицеровъ напишутъ свои воспоминанія, мы получимъ полную исторію этихъ, послѣднихъ дней августа, когда небольшая армія, усталая послѣ многихъ битвъ, пошатнулась и стала отходить передъ угрозой

огромнаго численнаго превосходства противника, стремящагося ее окружить. Этотъ походъ называютъ „отступленіемъ въ полномъ порядкѣ“. Едва ли это было такъ въ дѣйствительности, когда главнокомандующій долженъ былъ поспѣшно умчаться съ конным эскортомъ, когда штабъ, занятый своимъ дѣломъ въ одномъ изъ замковъ во французской деревнѣ, вдругъ понялъ, что онъ былъ забытъ и оставленъ (я слышалъ разсказъ отъ одного изъ штабныхъ офицеровъ о ихъ бѣгствѣ, послѣдовавшемъ за этимъ открытіемъ) и когда роты, батальоны и полки, потерявшіе связь между собою, плутали въ лѣсахъ и на неизвѣстныхъ дорогахъ и попадали неожиданно подъ орудійный огонь противника, о расположеніи котораго они не имѣли ни малѣйшаго представленія. Нѣмецкая стальная сѣть затягивалась все тѣснѣе Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ она могла замкнуться и сдѣлать спасеніе невозможнымъ. Кавалерійская дивизія генерала Алленби принуждена была мчаться во весь опоръ, когда ея развѣдчики возвратились съ извѣстіемъ объ обходѣ ихъ нѣмецкой конницей, такъ что нельзя было терять ни минуты, чтобы предотвратить несчастье. Самъ Алленби велъ отступленіе во главѣ дивизіи рядомъ съ французомъ проводникомъ, несущимъ фонарь. Цѣлыхъ двадцать миль въ эту ночь наша кавалерія погоняла во всю мочь своихъ усталыхъ лошадей, а по краямъ дороги двигалась масса мѣшающихъ другъ другу автомобилей, мотоциклетокъ и грузовыхъ моторовъ, перевозившихъ саперовъ, телеграфистовъ и интендантовъ. Санитарныя повозки, биткомъ набитыя ранеными, которыхъ поспѣшно подобрали изъ церквей и амбаровъ, превращенныхъ въ госпитали, тоже присоединились къ этому потоку, и для многихъ бѣдняковъ, чьи головы были разбиты нѣмецкими снарядами, и чье тѣло горѣло отъ страшныхъ ранъ, эта ночная сказка была сплошнымъ мученіемъ, закончившимся вѣчнымъ покоемъ. Всю дорогу кавалерія и обозы преслѣдовались непріятелемъ, и были моменты, когда казалось неизбѣжнымъ, что лошади выбьются изъ силъ, и отступающіе будутъ окружены. Но какъ мы знаемъ теперь, непріятель также изнемогалъ отъ усталости. Погоня за англичанами совершалась на задыхающихся лошадяхъ и запыхавшимися людьми. Нѣмцы остановились, тяжело дыша, въ то самое время, когда послѣднее напряженіе и жестокая схватка дали бы имъ въ руки цвѣтъ британской арміи.

Въ этой послѣдней стадіи отступленія мы потеряли меньше людей, чѣмъ указалъ бы всякій военный учебникъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Многіе раненые, когда они шли черезъ лѣса, деревья которыхъ разбивались въ щепы разрывавшимися снарядами и пронизывались пулями, перевязывали себя, какъ могли, и продвигались дальше, прихрамывая или переносимые на рукахъ вѣрными товарищами, которые не могли оставить ихъ въ бѣдѣ. Другіе, сбившіеся съ дороги или свалившіеся на землю въ полномъ изнеможеніи, проклиная нѣмцевъ и не заботясь о томъ, если бы они и пришли, добрались позднѣе—на цѣлыя недѣли позднѣе—окружными дорогами въ Руанъ или Парижъ, послѣ бродячей жизни по французскимъ деревнямъ, гдѣ крестьяне кор-

мили ихъ и ухаживали за ними такъ, что они не спѣшили разстаться съ гостепріимными хозяевами. Это было время, когда дьявольское искушеніе дезертировать охватило англійскихъ солдатъ. Они остались живы въ такомъ аду, какъ Шарлруа, Камбрэ и Ле-Като. Молодые люди, почти мальчики, которые ни разу не слышали рева пушекъ кромѣ какъ на маневрахъ, ежились и прижимались къ землѣ подъ градомъ снарядовъ, въ ужасѣ ожидая смерти. Смерть не коснулась ихъ. Благодаря какому-то чуду среди страшно изуродованныхъ мертвецовъ по обѣимъ сторонамъ отъ нихъ, такъ что ноги ихъ были въ лужѣ крови, они остались въ живыхъ и бросились бѣжать прочь отъ безформенной массы мяса лошадей и людей, задыхающіеся отъ запаха всего этого и похолодѣвшіе отъ ужаса. Что удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей, которые шли, смѣясь, по Лондону по дорогѣ на Ватерлооскій вокзалъ и, увѣренные въ своемъ героизмѣ, гордо держали свои головы среди восхищенныхъ взоровъ лондонской толпы, убѣгали на задніе дворы французскихъ фермъ, прятались за изгороди, когда мимо проходили солдаты въ хаки, и разсказывали дикія безсвязныя сказки, когда, наконецъ, они натыкались на офицеровъ съ холодными глазами въ какомъ-нибудь городѣ Франціи, куда они забрели? Я, по крайней мѣрѣ, почти не былъ въ состояніи винить какъ того бѣднаго малаго, котораго я встрѣтилъ однажды въ Руанѣ, бормочащаго какія-то небылицы, чтобы спасти свою жизнь, такъ и тѣхъ двухъ артиллеристовъ, переряженныхъ въ гражданское платье, которые просили у меня милостыню около Амьена, или осуждать кого-нибудь изъ тѣхъ чуть не умирающихъ отъ голода отсталыхъ, которые „потеряли“ свои полки и не старались ихъ отыскать. Нѣкоторые изъ нихъ были разстрѣляны и заслужили эту кару сообразно правиламъ войны и суровому правосудію людей, не вѣдающихъ страха. Но въ настоящей войнѣ найдется немного людей, которые не знали бы моментовъ холоднаго ужаса, когда вся ихъ гордость и мужество испарялись и оставляли ихъ трусами, трепещущими въ ужасѣ передъ своей трусостью. Зная это обстоятельство, проникаешься жалостью къ несчастнымъ дезертирамъ.

Глубокая жалость и сознаніе надвигающейся трагедіи охватили меня въ Крэлѣ и на пути къ Парижу, когда я столкнулся съ безпорядочно отступавшими британскими войсками и тѣмъ, что казалось неизбѣжными послѣдствіями отступленія, осадой и паденіемъ французской столицы.

11.

Я добрался до Парижа ночью на второе сентября и увидалъ невѣроятныя сцены. Въ продолженіе дня стало извѣстно, что нѣмецкіе аванпосты дошли до Санли и Шантильи, и что Парижъ не былъ больше мѣстопребываніемъ правительства. Тихо и безъ всякаго предупрежденія французское правительство потихоньку удалилось изъ Парижа, послѣ засѣданія кабинета, на которомъ были и бѣшенство, и слезы, и послѣ отчаянной упаковки своихъ

бумагъ. Это бѣгство оглушило какъ громомъ парижанъ и явилось указаніемъ того, что можно дать самаго худшаго—новой осады Парижа съ болѣе страшными пушками, чѣмъ тѣ, которыя опоясывали его въ предшествующую войну.

Прошелъ слухъ, что населенію дадутъ только пять дней, чтобы очистить дома въ предѣлахъ укрѣпленій, и какъ бы для того, чтобы усилить угрозу послѣ полудня въ этотъ день нѣмецкій аэропланъ сбросилъ бомбы на Восточный вокзалъ. Началось паническое бѣгство изъ столицы, и желѣзнодорожныя станціи превратились какъ бы въ огромные лагери бѣглецовъ, въ которыхъ смѣшались самые богатые и бѣдные изъ горожанъ съ ихъ женами и дѣтьми. Трагедія усилилась, когда населеніе услышало, что большинство желѣзнодорожныхъ линій къ морскому берегу было отрѣзано, и что единственная оставшаяся линія къ Dienny, вѣроятно, будетъ разрушена въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ часовъ. Изъ толпы, ожидавшей весь день, чтобы добраться до кассъ, послышался ропотъ, который казался мнѣ какъ бы гигантскимъ вздохомъ раненыхъ сердецъ. Среди толпы было много старыхъ мужчинъ и женщинъ, которые знали, что значитъ осада Парижа Они разсказывали теперь молодому поколѣнію старую знакомую всѣмъ правду о прошломъ, съ трясущимися головами, и дрожащими указательными пальцами, поднятыми вверхъ въ видѣ предостереженія. „Голодъ!“ „Мы ѣли крысъ, когда мы находили ихъ“. „Они не поколеблятся снести Notre-Dame“. „Я собирался уѣхать не ради самого себя, а изъ-за дѣтей! Бѣдныя, несчастныя созданія!“

Въ этой толпѣ не было шума и не было паники. Крики и плачъ женщинъ не покрывали собой обычнаго говора толпы. Не было и свалки около платформъ станцій, закрытыхъ для всѣхъ. Нѣсколько женщинъ тихо плакали, вытирая свои глаза. Возможно, что онѣ плакали просто изъ за усталости, просидѣвъ цѣлые часы на своемъ багажѣ. У большинства мужчинъ былъ угрюмый видъ, и они повторяли старое избитое слово „Incroyable!“ смущенно и мрачно. Печаль и страхъ сказывались въ настроеніи этихъ бѣглецовъ, печаль о томъ, что Парижъ, прекрасный Парижъ, можетъ быть разрушенъ, и что всѣ ихъ надежды на побѣду погибли благодаря пораженію.

Среди всѣхъ этихъ штатскихъ видны были солдаты многихъ полковъ и двухъ націй: тюркосы и зуавы, шассеры и пѣхотинцы, англійскіе и шотландскіе солдаты. Многіе изъ нихъ были ранены и лежали на полу среди кричащихъ младенцевъ и усталыхъ женщинъ. Многіе изъ нихъ пили и были пьяные. Они чокались и произносили тосты по-французски, англійски и на шотландскомъ нарѣчіи: „Къ чорту Кайзера!“ и „à bas Guillaume!“ Англійскій Томми съ выговоромъ Fulham Road стоялъ на стулѣ, вцѣпившись, чтобы не упасть въ плечо французскаго драгуна, и держалъ безсвязную рѣчь, въ которой онъ поносилъ французскихъ солдатъ какъ грязныхъ собакъ, которые удирали какъ ублюдки, поджавъ хвостъ, клялся, что онъ ни за что не оставилъ бы Англіи для такой подлости, если бы онъ зналъ, что будетъ,

и надѣялся, что Китченеръ сломитъ свою проклятую шею на дворѣ Букингэмскаго дворца. Французскій драгунъ привѣтствовалъ эти чувства, восклицая, „Bravo, mon vieux!“ не понимая ни слова, и пьяный закачался и упалъ на мраморный столикъ среди звона разбитыхъ стакановъ.

— Такъ ему и надо, чертъ его побери!—сказалъ сержантъ, съ которымъ я говорилъ. Какъ много другихъ англійскихъ солдатъ, которые дрались при отступленіи десять дней, онъ держалъ высоко голову и не палъ духомъ.

— Мы дрались все время и днемъ, и ночью,—сказалъ онъ.— Отдохнули только тогда, когда отступали, а мерзавцы нѣмцы слѣдовали по пятамъ за нами.

Онъ говорилъ о нѣмецкой арміи какъ о цѣломъ народѣ, двигавшимся на нихъ скопомъ.

— Вы не можете смять такую массу людей! Мы били и били ихъ, а все-таки они лѣзутъ впередъ. Повидимому, у нихъ безконечное количество резервовъ. Только что мы остановимъ ихъ наступленіе, а уже свѣжія силы опять наступаютъ на насъ. Невозможно удержать такую массу людей, ничего не подѣлаешь съ ними!

У этого жестоко раненаго солдата было такъ много самообладанія и здраваго смысла, что онъ былъ въ состояніи правильно опредѣлить общее положеніе.

— Неправильно думать, что мы потерпѣли пораженіе,—замѣтилъ онъ.—Правда всегда останется правдой. Можно допустить, что мы пострадали сильно. Можетъ быть, изъ батальона выбыло двѣнадцать процентовъ. Но что же такое? Нужно было ожидать этого. Война не пикникъ. Кромѣ того, что же изъ того, если одинъ батальонъ уничтоженъ, сметенъ съ лица земли? Это еще не означаетъ пораженія. Когда одинъ полкъ несетъ потери, другой отдѣлывается легко.

Эти слова сержанта Эссекскаго полка помогли мнѣ понять истину того, что случилось. Онъ держался того же самаго мнѣнія, какъ и многіе офицеры и солдаты, съ которыми я бесѣдовалъ. Взвѣсивъ показанія очевидцевъ съ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ, и съ помощью моего друга Философа, мудрость котораго засіяла яркимъ свѣтомъ послѣ стакана Дюбонне и мышьяковой пилюли, поднявшей его изъ пропасти мрачныхъ мыслей на высоту блестящаго оптимизма, основаннаго на непогрѣшимой логикѣ, я былъ въ состояніи послать корреспонденцію въ Англію, которая ободрила и подняла ея духъ послѣ дня унынія и тоски.

12.

Я тоже стремился добраться до морского побережья не для того, чтобы избѣжать нашествія нѣмцевъ, такъ какъ я рѣшилъ принять отчаянныя мѣры къ тому, чтобы вернуться къ началу осады Парижа, если исторія будетъ написана въ этомъ смыслѣ, но для того, чтобы найти пароходъ и перевезти мою корреспонденцію черезъ Ламаншъ. Я ждалъ съ толпой бѣглецовъ, боролся

съ ними изъ-за мѣста въ поѣздѣ, который отошелъ при разсвѣтѣ, и опять выдержалъ одно изъ тѣхъ путешествій, неудобства котораго не давали спать, пока усталость не заставляла впасть въ безсознательность, отъ которой я пробуждался къ трагической дѣйствительности съ больной шеей и затекшими членами.

Мы ѣхали окружнымъ путемъ вокругъ Парижа, по направленію къ западу, и на каждой станціи наши вагоны были осаждаемы толпами народа, старавшагося тоже уѣхать.

Но всѣ мольбы, жалостныя слова, демонстрированье испуганныхъ дѣтей и плачущихъ младенцевъ не могли очистить ни одного мѣста въ набитыхъ биткомъ вагонахъ. Невозможно было впустить больше никого.

На меня находило искушеніе уступить мое мѣсто. Казалось позорнымъ сидѣть въ вагонѣ втиснутымъ между двумя крестьянами, въ то время какъ блѣдная, испуганная женщина, съ ребенкомъ въ рукахъ просила хоть немного пожалѣть ее и дать ей немного мѣста. Но я ѣхалъ съ важными новостями для англійскаго народа. Англичане тоже находились въ тоскливомъ ожиданіи, потому что непріятель подступилъ такъ близко къ Парижу въ погонѣ за ихъ маленькой арміей, которая, казалось, была сметена съ лица земли за той таинственной завѣсой, черезъ которую проходили только сбивчивые и страшные слухи. Я продолжалъ сидѣть съ горящимъ отъ стыда лицомъ, записывая мою депешу часъ за часомъ, не осмѣливаясь взглянуть въ лица этихъ женщинъ, которыя пошли назадъ въ состояніи мрачнаго горя послѣ ихъ жалобной мольбы.

Гигантскія стада скота направлялись въ Парижъ. Дороги на цѣлыя мили были заняты ими, и по другимъ дорогамъ отъ Парижа тянулись вереницы семействъ по полямъ съ ихъ вещами, наваленными на тачки, на телѣги и на всевозможные экипажи.

Въ Понтуазѣ произошелъ опять переполохъ, объясняемый тѣмъ, что нервы пассажировъ были напряжены до крайности. Двѣ батареи артиллеріи расположились около желѣзнодорожнаго полотна, и полкъ пѣхоты укрывался въ ложбинѣ, покрытой травой. Погруженный въ сонный кошмаръ, такой же фантастическій, какъ и дѣйствительность, такъ что между сномъ и бодрствованіемъ не было раздѣльной линіи, я открылъ глаза и увидалъ въ травѣ загорѣлыя бородатыя лица съ озабоченными глазами надъ рядомъ ружейныхъ стволовъ, направленныхъ къ сѣверу. Философъ такъ же проснулся сразу, какъ и я. Онъ протеръ свои глаза и затѣмъ сѣлъ прямо, какъ стрѣла, съ напряженнымъ и озабоченнымъ видомъ, какъ бы стараясь проникнуть въ суть вещей своимъ пристальнымъ взглядомъ.

— Дѣло плохо,—сказалъ онъ.—Эти ребята въ травѣ, повидимому, ждутъ чего-то скверная!

Стратегъ разложилъ на своихъ колѣняхъ карту, которая прикрыла его сосѣдей съ обѣихъ сторонъ.

— Если нѣмцы перерѣжутъ здѣсь путь, изъ Парижа больше никому не выбраться. Это было бы выгодно съ ихъ точки зрѣнія.

Я былъ огорченъ, что мое сообщенье англійскому народу такъ и не будетъ прочитано имъ. Возможно, что въ концѣ-концовъ они обойдутся и безъ нея, а моя газета назначитъ другого корреспондента, чтобы замѣнить того, который затерялся гдѣ то въ рядахъ нѣмцевъ. Это было бы забавное приключеніе. Я представлялъ себѣ воображаемый разговоръ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ съ офицеромъ въ остроконечной каскѣ. Внѣ всякихъ сомнѣній у него были бы лучшіе доводы. Возможно, что мнѣ пришлось бы опереться на бѣлую стѣну передъ ружейными стволами и...

Вражескій аэропланъ пролетѣлъ надъ нашими головами, описалъ кругъ и затѣмъ исчезъ. Онъ не бросилъ бомбъ, а только удовлетворился развѣдкой. Раздался рѣзкій свистокъ паровоза, и послышался радостный крикъ французскихъ артиллеристовъ, когда мы помчались дальше въ безопасныя мѣста, оставивъ ихъ на ихъ опасномъ посту.

Такимъ образомъ, мое сообщенье въ концѣ-концовъ попало на Флитъ-стритъ, заполнило рядъ столбцовъ и было прочитано за чашкой кофе англійскими семьями, которыя, быть можетъ, говорили:

— Любопытно было бы знать, дѣйствительно ли онъ видѣлъ что-нибудь, или все это выдумки. Знаемъ мы этихъ журналистовъ...

У этихъ журналистовъ не было отдыха въ ихъ поискахъ за дѣйствительностью, и сказать по совѣсти, они не особенно-то безпокоились о томъ, что подумаетъ и скажетъ англійская публика, а только старались видѣть побольше картинъ великой драмы и погрузиться снова въ ея удивительный водоворотъ.

Прежде чѣмъ бѣглецы, ѣхавшіе съ нами, успѣли такъ сказать, понюхать запахъ моря, мы опять были на пути въ Парижъ, стараясь попасть туда раньше, чѣмъ онъ будетъ окруженъ непріятельской арміей и огненнымъ кольцомъ его артиллеріи.

13.

Нѣкоторые утверждаютъ, что въ Парижѣ не было никакой паники, когда у его воротъ стояли нѣмцы... „Спокойствіе, съ которымъ Парижъ ждетъ осады, изумительно“, пишетъ одинъ изъ моихъ коллегъ и добавляетъ къ этой фразѣ: „Здѣсь нѣтъ и слѣда паники“. Онъ правъ, если подъ паникой подразумѣвать дикій страхъ толпы людей бѣгающихъ кругомъ, вырывающихъ у себя цѣлые пучки волосъ и кричащихъ въ припадкѣ ужаса. Нѣтъ, въ Парижѣ не было слышно криковъ отчаянія, когда непріятель подошелъ къ его воротамъ. Но если подъ паникой позволено разумѣть сильный страхъ, быстро распространяющійся среди огромной массы людей, заразительный до такой степени, что обыкновенно храбрые люди чувствовали внезапный холодъ въ сердцѣ и отчаянно искали возможности бѣжать отъ угрожавшей опасности, тогда Парижъ былъ охваченъ паникой.

Я много писалъ о храбрости Парижа, храбрости такой стойкой и благородной, какую можно только встрѣтить въ исторіи, и въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ этой книги я надѣюсь показать какъ силу, такъ и слабость Парижа. Но если держаться правды, я долженъ описать исходъ изъ Парижа полутора милліона людей, охваченныхъ страхомъ—иначе что же это было?— и бѣжавшихъ всякимъ способомъ и по всѣмъ дорогамъ изъ столицы, которую они любили больше всѣхъ городовъ въ мірѣ, потому что тамъ они жили и тамъ находилось все то, чѣмъ они гордились.

Въ тѣ послѣдніе дни, прежде чѣмъ миновала опасность, желѣзнодорожныя станціи осаждались днемъ и ночью огромными толпами, одну изъ которыхъ я видѣлъ въ ночь на второе сентября. Такъ какъ множество мостовъ было взорвано, и много желѣзнодорожныхъ линій къ Калэ и Булони было разрушено съ тѣмъ, чтобы затруднить наступленіе непріятеля, а также и вслѣдствіе того, что оставшіеся пути были заняты перевозкой войскъ, заготовить поѣзда для бѣженцевъ было совершенно невозможно. Къ югу отъ Парижа дороги были свободнѣе, хотя опять таки съ юга къ мѣстности, угрожаемой непріятелемъ, были быстро двинуты полки французскихъ солдатъ. Желѣзнодорожные служащіе работали со страшнымъ напряженіемъ, приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы такъ или иначе уменьшить населеніе Парижа. Съ военной точки зрѣнія уменьшеніе населенія представлялось крайне желательнымъ. Чѣмъ меньше ртовъ кормить въ осажденномъ городѣ, тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, были заняты всѣ пассажирскіе поѣзда, пришлось обратиться къ скотскимъ вагонамъ и въ нихъ-то, благодаря Бога и всѣхъ святыхъ, бросились изящныя французскія дамы, не обращая вниманія на грязь, которая пачкала ихъ шелковыя платья, и богатые американцы, пріѣхавшіе ради безопасности издалека въ Парижъ и предлагавшіе огромныя деньги каждому, кто уступитъ имъ свое мѣсто за деревянной рѣшеткой вагона, и семейства буржуа, закрывшихъ магазины отъ Rue de la Paix до Place Pigalle, равнодушныхъ къ убыткамъ и раззоренію и всей душой стремившихся избѣгнуть нѣмецкихъ снарядовъ и ужасовъ осажденнаго города.

Среди толпившихся на станціяхъ встрѣчались люди, переживавшіе страшную трагедію. Я могъ только догадываться о томъ, какова была ихъ жизнь, по болѣзненному выраженію глазъ и рта старыхъ дѣвъ, описанныхъ Бальзакомъ, скрывавшихъ свое жалкое существованіе въ дешевыхъ квартирахъ Парижа и появившихся на ослѣпительно яркое солнцѣ парижскихъ улицъ подобно узникамъ, выпущеннымъ на свободу благодаря землетрясенію, и по удивленному выраженію лица тѣхъ бѣдняковъ, которые избѣгали радостей жизни и проводили свои дни въ изученіи наукъ и искусствъ, ниспровергнутыхъ ужасами войны.

Люди всѣхъ классовъ общества и всѣхъ разновидностей жизни смѣшались въ Парижѣ во время этого похода и среди нихъ были и тѣ, которыхъ я зналъ, такъ что нечего мнѣ было догадываться, какова была ихъ жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ цѣлыя недѣли занимались своими дѣлами, стараясь не замѣчать окружающей

ихъ нервности и слушая съ презрительной усмѣшкой всѣ разговоры о грозящей опасности. Но незамѣтный страхъ овладѣлъ ими, ихъ нервы не выдержали, мужество и чувство долга покинуло ихъ, и они украдкой пробирались на станціи, какъ бы опасаясь свѣта дня. Слѣдуетъ полагать, что литература преувеличила неврастенію нашего вѣка, такъ какъ мы видѣли, что старый духъ предковъ все также силенъ и крѣпокъ до сихъ поръ, но все-таки неврастенію нельзя считать мифомъ, и Богъ знаетъ, сколько мученій причинила она парижанамъ, когда великій страхъ подступалъ все ближе и ближе, такъ что, казалось, онъ вотъ-вотъ вцѣпится въ горло этимъ несчастнымъ существамъ.

Тысячи и сотни тысячъ парижанъ не могли или не хотѣли ждать поѣздовъ. По южной дорогѣ, которая идетъ до Тура, тянулась сплошная стѣна бѣглецовъ. Они передвигались въ экипажахъ всякаго рода: въ таксомоторахъ, за которые богатые люди платили баснословныя деньги, въ автомобиляхъ, которые избѣгнули военной реквизиціи, на фермерскихъ телѣгахъ, нагруженныхъ нѣсколькими семействами и грудами домашнихъ вещей, которыя тащили лошади уже усталыя до полусмерти, благодаря тяжести груза; на фаэтонахъ, догъ-картахъ и на безчисленныхъ велосипедахъ.

Но большинство шло пѣшкомъ, и сначала пѣшеходы шли бодро и весело: матери со своими младенцами на рукахъ, отцы съ дѣтьми на плечахъ. Бѣженцы принадлежали ко всѣмъ классамъ общества, такъ какъ ихъ положеніе и состояніе были уничтожены общей трагедіей. Элегантныя дамы, красота которыхъ извѣстна въ парижскихъ салонахъ, и легкомысліе которыхъ было главной цѣлью ихъ жизни, теперь уравнялись съ крестьянами французскихъ пригородовъ и мидинетками Монмартра, и бодрость духа не скоро оставляла этихъ женщинъ.

Это была трагическая дорога. На каждой милѣ встрѣчались лишившіеся чувствъ и бѣдные старики, которые не были въ силахъ итти дальше, а сидѣли на скамьяхъ около изгороди, тихо плача и упрашивая своихъ молодыхъ спутниковъ оставить ихъ на произволъ судьбы.

Молодыя женщины, которыя пустились въ путь такъ весело и живо, набили себѣ ноги и, прихрамывая, подвигались впередъ съ лицомъ, искаженнымъ болью и усталостью. Многіе изъ таксомоторовъ, купленныхъ за огромныя деньги, поломались и были оставлены собственниками, которые продолжали свой путь пѣшкомъ.

Фермерскія телѣги попали въ рытвины и поломали колеса. Тачки, слишкомъ тяжелыя, чтобы ихъ тащить, стояли опрокинутыми съ домашними вещами, разбросанными на дорогѣ, и дѣтей несли дальше на рукахъ, пока не настала тьма, и единственнымъ убѣжищемъ для путниковъ служилъ стогъ сѣна въ полѣ, подъ лучами мѣсяца.

Я вернулся въ Парижъ съ юго-запада, пересѣкши Сѣну тамъ, гдѣ она дѣлаетъ петлю къ сѣверозападу, за фортами Сенъ-Жермэнъ и Сенъ-Дени. Путь здѣсь былъ, видимо, открытъ для непріятеля. Проникнутый постоянной мыслью, что нѣмцы придутъ съ

востока—фатальная ошибка французскаго генеральнаго штаба—Парижъ былъ опоясанъ тройной линіей фортовъ съ восточной стороны, отъ форта Экуэнъ и Монморанси до укрѣпленій Шель и Шампиньи и дальше до Сюси и Вильнева. Но съ запада Парижъ былъ почти не защищенъ, и признакомъ полной неподготовленности являлось то обстоятельство, что въ настоящую минуту, когда я проѣзжалъ мимо, тысячи людей съ лихорадочной быстротой рыли траншеи на поляхъ и дорогахъ и воздвигали земляныя работы на берегахъ Сены. Боже мой! и такія-то работы были не закончены и оставлены до того времени, когда пушки врага уже катились по Крэлю и осыпали снарядами отступающихъ союзниковъ.

Покинутые дома парижскихъ пригородовъ представляли жалкое зрѣлище. Казалось какъ будто бы чума истребила всѣхъ жителей за исключеніемъ тѣхъ, что успѣли бѣжать въ паническомъ ужасѣ. Маленькія виллы на берегу рѣки, такія кокетливыя и нарядныя, убѣжища любви и мѣста отдохновенія, были всѣ заколочены и молчаливы. Розы цвѣли въ ихъ садахъ, цвѣли пышно, такъ какъ ни одна женская рука не срывала ихъ, и роняли свои лепестки на дорожки. Плющъ багровѣлъ на стѣнахъ, и лужайки напоминали бархатный коверъ, такъ были онѣ свѣжи и зелены. Повсюду замѣчался безпорядокъ, признакъ поспѣшнаго выѣзда. Хорошенькія лужайки были завалены ящиками, и повсюду были разбросаны картонки. Въ одной маленькой бесѣдкѣ я видѣлъ дѣтскую коляску, откуда двѣ восковыя куклы смотрѣли своими широко открытыми глазами на покинутый домъ. Ихъ маленькая maman съ маленькой косичкой оставила ихъ на произволъ судьбы, и лица куколъ покрылись пятнами отъ ночной росы. Въ другомъ саду на скамьѣ лежали дамскій зонтикъ и шляпа, отдѣланныя цвѣтами, рядомъ съ открытой книгой. Я представилъ себѣ французскую даму, оторванную внезапно отъ романа фальшивой сентиментальности явленіемъ суровой дѣйствительности — гуломъ непріятельскихъ пушекъ, хотя и чуть слышнымъ, но грознымъ и ужаснымъ для ушей перепуганныхъ женщинъ.

— Les Allemands sont tout près! *).

Грубый голосъ, произнесшій эти слова, ворвался въ тишину и спокойствіе этого сада на Сенѣ, и открытая книга съ зонтомъ и шляпой были забыты въ бѣгствѣ.

Однако, здѣсь, на берегахъ Сены, можно было видѣть одинокую фигуру, придававшую спокойствіе этой пустынѣ, охваченной страхомъ. Это былъ рыбакъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ съ соломенной шляпой на затылкѣ и съ парой огромныхъ очковъ на концѣ носа, онъ держалъ свое длинное удилище твердою рукой и ждалъ клева съ полнымъ равнодушіемъ къ нѣмцамъ, пушкамъ, ненависти, слезамъ и всѣмъ ничтожнымъ глупостямъ людей, которые не удятъ рыбу. Онъ былъ въ мирѣ со всей вселенной въ этотъ великолѣпный день съ золотымъ солнцемъ, голубымъ небомъ и черными тѣнями, падающими на воду отъ стволовъ де-

*) „Нѣмцы совсѣмъ близко!“

ревьевъ. Этотъ рыболовъ стоялъ здѣсь какъ бы въ видѣ протеста противъ крушенія цивилизаціи и робости въ сердцахъ людей. Я снялъ передъ нимъ мою шляпу.

Ближе къ Парижу, въ маленькихъ огородахъ и на крошечныхъ клочкахъ земли женщины сгибались надъ капустой, и мужчины хлопотали около плодовъ земли. На одномъ изъ этихъ небольшихъ участковъ стояла крестьянская дѣвушка, упершись руками въ бока, и смотрѣла на куръ, которыя дрались и кудахтали надъ зернами, которыя она только что бросила имъ. На ея губахъ была улыбка. Она казалась погруженной въ созерцаніе пернатой толпы. Знала ли она, что нѣмцы приближаются къ Парижу? Если знала, она не испытывала страха.

Какъ тихо было въ огромномъ городѣ! Какъ непривычно и мертвенно тихо! Мои шаги и шаги спутниковъ рѣзко раздавались по тротуарамъ, какъ будто бы мы шли черезъ огромные и пустынные покои. Неужели это Парижъ — этотъ городъ съ запертыми магазинами, съ заколоченными окнами и пустыми улицами? На Rue de la Paix больше не было видно драгоцѣнностей. Ни одинъ брилліантъ не сверкалъ за стеклами витринъ. Въ сущности не было видно и оконъ, но только желѣзныя шторы, опущенныя надъ ними, какъ вѣки мертвеца. На Avenue de l'Opéra не было ни одного проводника тевтонскаго происхожденія, который подошелъ бы къ намъ съ привычными словами: „Нуженъ гидъ, сэръ?“ „Хорошенькія женщины, сэръ?“ Хорошенькія женщины исчезли. Гиды исчезли. Жизнь покинула Парижъ.

Это было рано утромъ, и мы чуть не падали отъ голода и усталости, не спавъ всю ночь.

— Полцарства за коня! — воскликнулъ Философъ голосомъ, который, казалось, исходилъ изъ дѣвственныхъ лѣсовъ Мадейры, въ которыхъ когда-то, какъ и теперь въ Парижѣ, онъ забылъ все, къ чему привыкъ и чему выучился.

На улицѣ показался старый, престарый извозчичій экипажъ съ рахитичной лошадью, которая плелась безцѣльно по пустымъ улицамъ, и со старымъ cocher *), который посматривалъ вокругъ себя, какъ бы сомнѣваясь, гдѣ онъ находится.

Онъ отчаянно вздрогнулъ, когда мы окликнули его, и уставился на насъ, какъ на видѣнія кошмара послѣ неумѣреннаго употребленія абсента. Я долженъ былъ повторить ему адресъ три раза, прежде чѣмъ онъ меня понялъ.

— Hôtel St. James... Ecoutez donc, mon vieux! **).

Онъ щелкнулъ бичемъ въ знакъ того, что пробудился къ дѣйствительности жизни.

— Allez! ***)—закричалъ онъ своей клячѣ.

Наше прибытіе въ Hôtel St. James произвело сенсацію и полный переполохъ. Я думаю, что консьержъ съ женой вообразили, что пришли нѣмцы, когда они услышали ужасный шумъ отъ копытъ нашей лошади, раздавшійся какъ громъ среди мертваго молчанія

*) Кучеромъ.
**) „Послушайте, старина“.
***) — „Пошелъ!“

ихъ двора. Управляющій, помощникъ управляющаго, старшій лакей, жена старшаго лакея, горничная и поваръ привѣтствовали насъ съ удивленіемъ людей, видящихъ выходцевъ съ того свѣта.

— Отель закрытъ. Всѣ бѣжали! Мы здѣсь совершенно одни!

Я былъ радъ прибавить маленькую черточку къ исторіи этого стараго зданія, гдѣ жилъ герцогъ de Ноайль, гдѣ вѣнчался Лафайетъ и гдѣ Марія-Антуанетта видѣла лица призраковъ — мертвыя лица смѣющихся дѣвушекъ — когда она шла на эшафотъ. Это былъ странный случай въ исторіи зданія, когда три англійскихъ журналиста первые открыли его послѣ великаго бѣгства изъ Парижа.

Рано утромъ послѣ недолгаго сна мы трое прошли по Avenue des Champs E'lysées и обратно отъ Тріумфальной арки. Осенняя листва начала осыпаться, и кругомъ царила такая тишина, что можно было слышать шорохъ листа, падавшаго на землю. Дѣти не рѣзвились подъ деревьями и не ловили товарища вокругъ Petit Quignol. На каменныхъ скамейкахъ больше не сидѣли женщины со сверкающими на солнцѣ вязальными спицами. Ни одинъ студентъ съ черной шевелюрой не ласкалъ руки хорошенькой couturière. Ни одинъ честный буржуа съ толстымъ животомъ не прогуливался по аллеѣ, медленно выступая и размышляя о тайнахъ жизни, которая почему-то дѣлаетъ нѣкоторыхъ людей милліонерами. Ни одной кареты и ни одного экипажа какого бы то ни было рода, за исключеніемъ единственнаго велосипеда, не было видно тамъ, гдѣ обыкновенно царило такое движеніе и суета.

Философъ былъ молчаливъ, думая объ ужасныхъ вещахъ, при чемъ его худое лицо преобразилось, благодаря какому-то возвышенному чувству. Только когда мы пришли къ Palais des Beaux Arts, онъ вдругъ остановился и поднялъ два пальца къ голубому небу, подобно пророку, благословляющему колѣнопреклоненныя массы людей.

— Благодареніе Великой Силѣ!—сказалъ онъ съ торжественнымъ благочестіемъ невѣрующаго, который понимаетъ Бога только какъ духа, проявляющагося на пустынныхъ водахъ и подъ бушующими морями, въ жизни цвѣтовъ и звѣрей и въ рѣдкой жалости людей другъ къ другу.

Мы не смѣялись надъ нимъ. Только тотъ, кто зналъ Парижъ и любилъ его красоту, можетъ понять трепетъ, охватившій насъ въ это сентябрьское утро, когда мы ожидали слышать ревъ пушекъ и видѣть начало страшнаго разрушенія. Парижъ все еще былъ цѣлъ! Какимъ-то чудомъ врагъ не коснулся его красоты. Какъ рѣзко и ясно выступали всѣ его зданія подъ безоблачнымъ небомъ! Лучи свѣта блистали на мѣдныхъ крылахъ лошадей надъ мостомъ императора Александра, и куполъ Инвалидовъ сіялъ, какъ золотая корона надъ снѣжно-бѣлымъ дворцомъ. Сена несла свои сверкающія черныя воды подъ мостами и далеко, далеко мимо домовъ и деревьевъ ея острововъ. Ко всей этой картинѣ Парижа, нарисованной мастерской рукой въ теченіе многихъ столѣтій, присоединялись башни Notre-Dame, слабо обрисовывав-

шіяся на голубомъ фонѣ неба. О, прекрасный городъ-мечта, гдѣ находили обиталище высочайшіе полеты духа—наряду съ крайними проявленіями порока—гдѣ ради красоты страдало, боролось и гибло такъ много человѣческихъ сердецъ, гдѣ жили и смѣхъ, и агонія, и слезы, гдѣ страстно любили свободу и умерщвляли ее, и гдѣ любовь искупала тысячу преступленій, я, хотя и англичанинъ, заплакалъ, любуясь тобой, потому что въ этотъ историческій день красота твоя не была уничтожена.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО ОТЛИВА.

1.

Нѣмцы не дошли до Парижа. Даже теперь, вспоминая прошлое, я иногда задаюсь вопросомъ, почему они уклонились внезапно къ юго-востоку, минуя свою цѣль. Только для Парижа они пробивали свой путь къ западу и югу, сражаясь непрерывно отъ Монса и Шарлруа до Сенъ-Кантэна и Амьена и дальше у Крэля и Компіэня, не щадя человѣческой жизни, какъ будто она была только соромъ для помойной ямы. Ихъ награда, Парижъ, великій и прекрасный Парижъ, казалось, уже былъ въ ихъ рукахъ, и вѣсть о его паденіи раздалась бы какъ роковой ударъ грома для французскаго и британскаго народовъ, донесшись до Россіи, какъ убійственное доказательство могущества Германіи.

Какъ я сказалъ раньше, весь сѣверо-западный уголъ Франціи былъ обнаженъ отъ войскъ за исключеніемъ немногихъ территоріальныхъ солдатъ плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ, на которыхъ никогда и не надѣялись, что они могутъ выдержать напоръ императорскихъ войскъ, наступающихъ цѣлыми ордами съ массой артиллеріи, при приближеніи которыхъ бѣдные территоріалисты бѣжали подобно овцамъ въ паникѣ. Форты Парижа съ западной стороны не выдержали бы и полъ-сутокъ противъ нѣмецкихъ пушекъ. Вся лихорадочная дѣятельность по сооруженію траншей была только горестнымъ доказательствомъ неподготовленности Парижа къ защитѣ. Непріятель смялъ бы ихъ на подобіе грознаго прилива. Маленькая британская армія еще держалась, но потери ея были тяжелы, и она еще не оправилась послѣ ея поспѣшнаго отступленія. Армія Парижа ждала битвы и сражалась бы до послѣдняго человѣка, но безъ поддержки со стороны другихъ армейскихъ корпусовъ, находящихся за день пути, ея положеніе было опасно, и если бы правое крыло непріятеля было брошено на нее со всей силой, она могла бы быть раздавлена и уничтожена. У фонъ-Клука было въ распоряженіи двадцать четыре часа. Если бы онъ воспользовался этимъ временемъ, прежде чѣмъ Жоффръ пришелъ со своими полками на выручку, нѣмецкіе сапоги застучали бы отъ Place de la République до Place de la

Concorde, и нѣмецкія лошади были бы поставлены въ Palais des Beaux Arts. Я убѣжденъ въ этомъ, потому что я видѣлъ начало деморализаціи, первые признаки гигантской трагедіи, подползающей все ближе и ближе къ городу. Несмотря на весь оптимизмъ французскихъ офицеровъ и солдатъ, оптимизмъ настолько сильный, что онъ приближался къ религіозной вѣрѣ, я теперь думаю, разбираясь въ фактахъ, что онъ не оправдывался фактами. Онъ оправдался только благодаря чуду, который послѣдовалъ за вѣрой. Фонъ-Клукъ, кажется, не зналъ, что французская армія отчаянно нуждалась въ тѣхъ двадцати четырехъ часахъ, которые онъ далъ ей благодаря своей нерѣшительности. Если бы онъ прямо пошелъ на Парижъ съ той же самой стремительностью, съ которой его войска шли раньше, и съ той же самой рѣшительностью пробиться во что бы то ни стало, не считаясь со своими потерями, городъ былъ бы въ его рукахъ, и Франція дрогнула бы отъ удара. Психологическій эффектъ захвата столицы въ началѣ войны принесъ бы нѣмцамъ гораздо больше пользы чѣмъ уничтоженіе цѣлаго корпуса. Паденіе Парижа было бы ударомъ для французовъ, настроеніе которыхъ поддерживалось ложными извѣстіями и ложными надеждами до тѣхъ поръ, пока ихъ правительство не бѣжало въ Бордо, уяснивъ серьезность опасности. Быстрое паденіе Парижа было бы такъ же ужасно, какъ и въ грозный годъ предыдущей войны, и темпераментъ націи не измѣнился по существу настолько, чтобы встрѣтить это бѣдствіе съ достаточнымъ стоицизмомъ. Я знаю аргументы стратеговъ, которые утверждаютъ, что фонъ-Клукъ не могъ взять на себя риска прорваться въ Парижъ, когда на его флангѣ оставалась непобѣжденная армія. Эти очевидные аргументы, вполнѣ вѣскіе для тѣхъ, кто не любитъ риска. Однако, вся исторія великихъ полководцевъ доказываетъ, что въ рѣшительный моментъ они бросали безопасные и вѣрные методы для мастерскихъ и смѣлыхъ ударовъ, сознательно рискуя и приводя въ ужасъ враговъ своимъ призрѣніемъ къ осторожности. Фонъ-Клукъ вступилъ бы въ Парижъ съ двадцатью тысячами солдатъ и удержалъ бы его. Съ этимъ согласится всякій, кто знаетъ факты. Имѣя въ своемъ распоряженіи массы войскъ, онъ могъ бы вбить клинъ между Парижемъ и французскимъ лѣвымъ крыломъ и центромъ, такъ что всякая попытка съ ихъ стороны прорвать его линію и перерѣзать его сообщенія подвергала бы французовъ страшной опасности быть обойденными нѣмецкимъ центромъ, передвинутымъ съ сѣвера, съ его острымъ концомъ, также направленнымъ на Парижъ. Вся картина войны рѣзко измѣнилась бы въ этомъ случаѣ, и тогда произошли бы стратегическія движенія, губительныя для обѣихъ сторонъ, вмѣсто осадной войны въ окопахъ, въ которой противники въ стремленіи вести войну съ наименьшими потерями установили положеніе, которое обрекало ихъ на вынужденное бездѣлье. Психологическое послѣдствіе взятія Парижа было бы весьма велико, выражаясь въ моральномъ выигрышѣ для нѣмцевъ и въ моральной потерѣ для французовъ. Настроеніе нѣмцевъ было бы такъ же приподнято, какъ пало бы

настроеніе французовъ, а слѣдуетъ имѣть въ виду, что даже и въ современной войнѣ побѣда достигается такъ же настроеніемъ армій, какъ и губительнымъ огнемъ огромныхъ пушекъ.

Генеральный штабъ нѣмецкой арміи рѣшилъ иначе. Опасаясь возможности вынужденнаго отступленія ихъ лѣваго крыла на западъ между Парижемъ и моремъ и прорыва коммуникаціонной линіи, нѣмцы повернули рѣшительно къ юго-востоку и направили свой знаменитый клинъ къ югу, съ цѣлью разобщить силы союзниковъ. Точное положеніе было таково: правое крыло нѣмцевъ ударило на юго-востокъ отъ Парижа, отъ Шато-Тьерри до Ла-Фѣрте-су-Жуаръ и дальше, а другая сильная колонна принудила французовъ очистить Реймсъ и отступить въ юго-западномъ направленіи. Это внезапное измѣненіе плана было выполнено не безъ ловкости, и, очевидно, что нѣмецкій штабъ вѣрилъ въ возможность разбить французскій центръ и лѣвое крыло, а затѣмъ обернуться и нанести окончательный ударъ арміи Парижа и „презрѣннымъ англичанамъ“. Но въ этомъ случаѣ нѣмцы просмотрѣли два рѣшающихъ фактора. Однимъ изъ нихъ было время, а другимъ внезапное возрожденіе духа во французской арміи, когда французы поняли, что Парижъ могъ быть еще спасенъ. Нѣмцы дали время не больше двадцати четырехъ часовъ генералу Жоффру и его совѣтникамъ для того, чтобы исправить однимъ великолѣпнымъ блестящимъ усиліемъ всѣ горестныя ошибки начала войны. Когда они медлили и измѣняли линію своего фронта, на французской сторонѣ проявлена была поразительная дѣятельность, и Жоффръ, благодаря талантливому плану, который показалъ его великимъ полководцемъ, несмотря на первыя ошибки, которыя, быть можетъ, и нельзя ему ставить въ вину, приготовилъ ударъ, обрушившійся на врага со страшной тяжестью.

2.

Мнѣ выпало на долю счастье видѣть кое-что изъ натиска союзниковъ. Этотъ натискъ давалъ надежду, что, можетъ быть, въ концѣ-концовъ трагедія, которая казалась неизбѣжной, а именно паденіе прекраснѣйшаго города въ мірѣ, можетъ и не случиться.

Массовое передвиженіе войскъ было направлено съ запада, юга и востока и продолжалось безъ перерыва днемъ и ночью.

На станціяхъ около Парижа я видѣлъ какъ садился въ вагонъ полкъ за полкомъ: солдаты южныхъ провинцій, говорящіе на патуа юга, солдаты восточныхъ департаментовъ, которыхъ я видѣлъ мѣсяцъ тому назадъ въ началѣ войны въ Шалонѣ, Эпернэ и Нанси, и солдаты съ юго запада и центра Франціи изъ гарнизоновъ на Луарѣ.

Всѣ они были въ великолѣпномъ настроеніи духа, нисколько не тревожась быстрымъ наступленіемъ нѣмцевъ.

— Не бойтесь,—сказалъ грязный и небритый джентльменъ со смѣющимися глазами д'Артаньяна. — Мы откусимъ имъ головы. Эти варвары-боши попадутся въ ловушку. Наконецъ-то мы доберемся до нихъ

Вагоны были увѣшены гирляндами полевыхъ цвѣтовъ. У солдатъ на кепи были приколоты цвѣты. На вагонахъ, въ которыхъ они ѣхали, были написаны мѣломъ надписи и девизы:

„A mort Guillaume!“ „Vive la Gloire!“ „Les Français ne se rendent jamais!“ *).

Многіе изъ нихъ уже дрались у Лонгви и на высотахъ Вогезовъ. Лица самыхъ юныхъ изъ нихъ были покрыты колючей бородой. Ихъ синія шинели съ завернутыми полами были порваны въ бояхъ и покрыты пылью во время ихъ длинныхъ походовъ. Ихъ красные шаровары были грязны и въ пятнахъ.

Однако, они не забыли какъ нужно смѣяться, и отрадно было видѣть благородную доблесть ихъ духа и ихъ вѣжливость. Мой пріятель не постыдился сказать, что слезы подступили къ его горлу, когда онъ стоялъ среди нихъ и пожималъ ихъ загорѣлыя руки. Чувства были сильно приподняты въ началѣ войны. Впослѣдствіи многочисленность этихъ сценъ притупила сердца.

Эти французскіе солдаты весьма гордились тѣмъ, что они сражаются бокъ о бокъ со своими старинными врагами, британцами, ихъ собратьями по оружію въ настоящее время, послѣ долгихъ столѣтій борьбы со времени Эдуарда, Чернаго Принца до Веллингтона. Потому что я оказался англичаниномъ, они предложили мнѣ папиросъ и обращались со мною какъ со своимъ.

Въ современной войнѣ значатъ только массы людей, передвигающіяся послушно по распоряженію таинственной далекой силы, и я благодарилъ небо, что именно массы людей двигались поспѣшно въ огромномъ количествѣ и въ нужномъ направленіи для того, чтобы поддержать французскіе ряды, которые отступали отъ Амьена за нѣсколько часовъ до моего отъѣзда оттуда. Я слѣдовалъ все дальше и дальше за ними и за англичанами, поддерживавшими ихъ лѣвое крыло, почти до предѣловъ самаго Парижа.

Только такое быстрое усиленіе фронта союзниковъ безчисленными резервами для того, чтобы удержать острый таранъ праваго крыла врага, и могло спасти Парижъ.

При видѣ этого быстраго передвиженія огромныхъ массъ можно было вывести только одно заключеніе: всѣ наличныя силы французской и британской арміи были собраны для того, чтобы остановить потокъ врага и спасти Парижъ.

3.

Однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ настоящей войны была перевозка арміи Парижа къ боевой линіи въ таксомоторахъ. Этихъ экипажей въ Парижѣ было до 2000, и перваго сентября они всѣ исчезли, какъ будто бы ихъ поглотила земля, такъ же какъ земля поглотила одинъ изъ нихъ, когда вода под-

*) „Смерть Вильгельму!“ „Да здравствуетъ Слава!“ „Французы никогда не сдаются!“

мыла мостовую парижской улицы. Внезапный приказъ генерала Галліени, парижскаго военнаго губернатора, былъ врученъ каждому шоферу, который тотчасъ же пересталъ обращать вниманіе на поднятыя руки желавшихъ стать его пассажирами и на крики людей, отчаянно желавшихъ попасть на одинъ изъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ со своими вещами и избѣжать, такимъ образомъ, опасностей осады. Въ сборномъ пунктѣ шоферы узнали, что отъ прочности шинъ и работы ихъ машинъ зависѣло спасеніе Парижа, а можетъ быть и жизнь Франціи. Это былъ необыкновенный случай въ исторіи современной войны. Въ каждый моторъ были помѣщены пять солдатъ, четыре на сидѣньѣ и одинъ рядомъ съ шоферомъ съ ихъ ружьями и снаряженіемъ. Въ одинъ пріемъ двадцать тысячъ человѣкъ отправились по дорогѣ къ Маасу. Это былъ тріумфъ скорости, и когда въ будущемъ парижанинъ будетъ склоненъ проклинать эти красные экипажи, которые несутся по улицамъ съ опасностью для прохожихъ, не помнящихъ о томъ, что смерти можно избѣжать только неустанной бдительностью, его справедливый гнѣвъ будетъ, быть можетъ, смягченъ при воспоминаніи, что передъ битвой на Маасѣ это были колесницы арміи генерала Манури, которая обратила приливъ враговъ въ отливъ, принудивъ ихъ къ отступленію.

4.

Генералу Жоффру и французскому штабу послужило къ вѣчной чести то, что послѣ безпорядка, неподготовленности арміи и горестныхъ ошибокъ въ расположеніи войскъ въ теченіе шести недѣль, они оправились, напрягли всѣ усилія, захватили блестящимъ ударомъ совершенно неожиданно врага, и нанесли ему оглушающій ударъ. Нѣмецкій главный штабъ, интеллектъ величайшей военной машины въ Европѣ, величественно надменный въ своемъ убѣжденіи, что въ немъ сосредоточена вся военная наука, и что союзныя арміи были жалкими невѣждами безъ мысли, и безъ организаціи, совершенно неспособныя противостоять военному генію германской расы, оказался побитымъ и обойденнымъ въ тотъ самый моментъ, когда побѣда, казалось, была уже у него въ рукахъ.

Впервые съ начала наступленія во Францію нѣмцы встрѣтились съ равнымъ по численности непріятелемъ и принуждены были тотчасъ же остановиться. Они нашли, что этотъ отпоръ, ужасный для ихъ самоувѣренности, оказался побольше, чѣмъ простая задержка, легко устранимая, если бросить въ битву большее количество войскъ. Генералъ фонъ-Клукъ понялъ, что французы собрали грозную массу людей, готовыхъ обрушиться на его правое крыло. Французскія пушки уже открыли огонь на его отступающія колонны со страшными результатами. Французскіе полки, подвигаясь настойчиво и быстро съ юго-запада и юго-востока, послѣ недѣль отступленія, вынуждали къ отступленію его передовыя части, гнали его кавалерію и обнаруживали твер-

дое стремленіе къ наступленію. Четвертаго и пятаго сентября происходилъ упорный бой на нѣмецкомъ лѣвомъ крылѣ и центрѣ, къ югу отъ Марны и къ западу отъ Урка. Въ то время, какъ генералъ фонъ-Клукъ пытался остановить французскія и британскія войска, которыя подвергли его правое крыло страшному артиллерійскому огню, лѣвое крыло генерала фонъ-Бюлова съ саксонской арміей и арміей принца Вюртембергскаго отчаянно пыталось сокрушить французскій центръ бѣшеными атаками къ сѣверу отъ Сезанна и Витри-ле-Франсуа. Цѣлыхъ два дня нѣмцы старались одолѣть противника, но нигдѣ не могли прорвать французскій фронтъ, въ то время какъ союзники, успѣшно удерживавшіе свои позиціи противъ напора врага, получили необходимыя подкрѣпленія и затѣмъ развили генеральную атаку.

Фонъ-Клукъ видѣлъ, что его войска стали подаваться. Французскій mordant (укусъ) былъ слишкомъ страшенъ для пруссаковъ и саксонцевъ, которые во многихъ деревняхъ Франціи и въ низинахъ дюнъ тяжело терпѣли отъ англо-французской артиллеріи и были истребляемы штыковыми атаками съ невѣроятной свирѣпостью. Нѣмецкій генеральный штабъ, получая такія извѣстія со всѣхъ частей фронта, долженъ былъ испытать много нравственныхъ потрясеній, подтачивающихъ его гордость и терзающихъ его нервы. Возможно, что въ будущемъ мы прочтемъ исторію военныхъ совѣтовъ между нѣмецкими генералами, когда люди, увѣренные въ побѣдѣ, начали мучиться сомнѣніемъ, скрывали свои страхи даже отъ самихъ себя, пока они не были вынуждены мрачно признать грозную опасность, ожидавшую ихъ. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ генераловъ навѣрно плакали, а другіе посылали проклятья, когда фонъ-Клукъ рѣшилъ опять вести дѣло осторожно и отдалъ приказъ объ отступленіи. Отступленіе! Что же скажетъ въ Берлинѣ императоръ, ожидающій взятія Парижа, когда онъ вдругъ услышитъ, что Парижъ ускользнулъ изъ его рукъ? Какъ объяснятъ нѣмецкіе вожди значеніе этого отступленія тѣмъ, которые ждали добычи, награбленной въ Луврѣ, и подарковъ изъ парижскихъ магазиновъ?

Нѣмецкіе офицеры думали объ этомъ—я читалъ ихъ письма.— Неудача нѣмецкаго центра представляла изъ себя въ высшей степени серьезное обстоятельство и грозила фонъ-Клуку обхватомъ его фронта союзниками, что могло повести его къ гибели со всѣмъ цвѣтомъ императорскихъ войскъ. За нимъ находились неприступныя позиціи на Энѣ, которыя манили къ себѣ жестоко тѣснимыхъ нѣмцевъ. Не предоставляя ничего случаю, нѣмцы уже приготовили эти позиціи на случай отступленія, хотя послѣднее и представлялось имъ тогда не иначе, какъ фантастической грезой. Неудача и осторожность указывали на Энъ какъ на безопасное мѣсто. Съ каждымъ часомъ союзныя арміи все увеличивались, получая новые полки и баттареи пушекъ. Возможно, что завтра будетъ слишкомъ поздно достигнуть твердынь на холмахъ...

5.

Такимъ образомъ, отступленіе нѣмецкаго праваго крыла, прорѣзавшаго сѣверную Францію до того времени, пока остріе его не притупилось о стальную стѣну, началось пятаго сентября и усилилось въ скорости движенія, когда союзныя войска послѣдовали по пятамъ непріятеля. Огромная масса нѣмецкаго лѣваго крыла потянулась назадъ въ стройномъ порядкѣ, не теряя много людей и не падая духомъ передъ этимъ удивительнымъ поворотомъ колеса фортуны. „Ужасное разочарованіе“! пишетъ нѣмецкій офицеръ, письмо котораго я нашелъ впослѣдствіи на его трупѣ. „Мы вѣрили, что мы съ тріумфомъ войдемъ въ Парижъ, и уходить отъ него въ настоящее время весьма тяжко для нашихъ солдатъ. Но я вѣрю въ нашихъ вождей и знаю, что это только стратегическій маневръ. Парижъ еще будетъ нашъ!“

Это и былъ стратегическій маневръ, а вовсе не бѣгство, какъ его наименовало англійское бюро печати. Но всякое отступленіе стоитъ дорого, когда врагъ слѣдуетъ по пятамъ. Арріергардъ арміи фонъ-Клука былъ въ страшномъ положеніи и понесъ тяжкія потери. Преслѣдуя непріятеля, французская легкая артиллерія открыла огонь, передвигая свои пушки съ одной позиціи на другую съ короткими остановками, въ теченіе которыхъ знаменитыя „семидесятипятиметровыя“ выпускали снаряды почти вплотную въ сплошные ряды непріятеля, такъ что нѣмцы падали, какъ хлѣбъ на корню, сраженный градомъ. Британская артиллерія продвигалась впередъ съ меньшей стремительностью, но съ неизмѣннымъ упорствомъ къ западу отъ рѣки Уркъ, и послѣ всѣхъ ихъ трудныхъ испытаній, потерь и усталости солдаты, уставшіе отступать радовались теперь тому, что насталъ и ихъ чередъ преслѣдовать врага.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда нѣмецкое правое крыло повернуло обратно, происходили эпизоды, кажущіеся такими же невѣроятными какъ и тѣ, что встрѣчаются въ романахъ для юношества. Англійскій полкъ шелъ миля за милей по пыльной дорогѣ рядомъ съ другимъ полкомъ, проходившимъ тѣмъ же шагомъ по параллельной дорогѣ въ той же самой бѣлой пыли, покрывавшей ихъ мундиры, не англійскаго хаки, а made in Germany. Сотни нѣмецкихъ солдатъ, истомленныхъ этимъ усиленнымъ маршемъ въ знойное время года, безъ пищи и воды, отставали отъ своихъ, укрывались въ лѣса и оставались тамъ цѣлыя недѣли послѣ битвы на Марнѣ партіями по шести или девяти человѣкъ, прокрадываясь къ уединеннымъ фермамъ, гдѣ они требовали пищи съ ружьями, направленными на испуганныхъ крестьянъ, стрѣляя въ англійскихъ солдатъ, которые также отбились отъ своихъ, и скрываясь въ лѣсу, пока ихъ не находили французы. Это было время странныхъ приключеній, когда даже штатскіе, блуждая по полю сраженія, послѣ того какъ битва была окончена, видѣли направленныя на нихъ ружейныя дула нѣмецкихъ солдатъ, которые не ставили ни во что человѣческую жизнь,

была ли она чужая или ихъ собственная, и когда небольшіе отряды французовъ или англичанъ подъ предводительствомъ смѣльчаковъ офицеровъ вступали въ ожесточенную борьбу въ деревняхъ, занятыхъ небольшими партіями нѣмцевъ, отрѣзанныхъ отъ своей арміи, но рѣшившихъ биться до смерти со свирѣпостью затравленнаго звѣря.

Много интересныхъ историческихъ воспоминаній будетъ написано офицерами и солдатами о тѣхъ дняхъ. Я слышалъ десятки такихъ разсказовъ въ то время, когда лица разсказчиковъ еще не остыли отъ возбужденія и когда раны, полученныя ими на поляхъ Франціи, все еще пронизывались раскаленными иглами боли, такъ что смѣхъ прерывался судорожнымъ вздохомъ и губы сохнули отъ неутомимой жажды.

6.

Я приведу одинъ изъ этихъ разсказовъ въ виду интереса, который онъ представляетъ. Мнѣ его разсказалъ молодой офицеръ зуавовъ, побывавшій въ самой гущѣ боя, къ востоку отъ Парижа. Онъ выбылъ изъ строя съ кускомъ снаряда въ лѣвой рукѣ, и его мундиръ былъ забрызганъ кровью. Мнѣ хотѣлось бы записать этотъ разсказъ его солдатскими французскими словами, такими красочными и точными, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутыми по временамъ краснорѣчіемъ того, кто говоритъ объ ужасахъ, которые жгли его глаза, о страхѣ, который нѣкоторое время лишилъ его всей храбрости, о великой трагедіи этого отвратительнаго ремесла войны, трагедіи, заставляющей людей говорить правду.

Я также хотѣлъ бы предоставить моимъ читателямъ портретъ этого молодого человѣка съ чистосердечнымъ взоромъ его карихъ глазъ, съ маленькими черными усиками, съ черной щетинистой, давно небритой бородой, какъ его видѣлъ я въ изорванномъ и висѣвшемъ клочьями мундирѣ зуавовъ, прикрытомъ длиннымъ сѣро-синимъ плащемъ нѣмецкаго улана, котораго онъ зарубилъ своимъ палашомъ.

Когда онъ описывалъ мнѣ свои переживанья, онъ пускалъ дымъ изъ длинной нѣмецкой трубки, которую онъ нашелъ въ карманѣ плаща, и по временамъ смѣялся, глядя на этотъ трофей, которымъ онъ безмѣрно гордился.

— Въ теченіе четырехъ дней до понедѣльника седьмого сентября—началъ онъ свой разсказъ,—мы были заняты тѣмъ, что очищали отъ бошей всѣ деревни на лѣвомъ берегу Урка, который они заняли для того, чтобы защищать флангъ ихъ праваго крыла.

„Къ несчастью для насъ англійская тяжелая артиллерія, которая разбила бы ихъ вдребезги, еще не приходила къ намъ на помощь, хотя мы ждали ее съ нетерпѣніемъ, потому что какъ только мы прогнали аванпосты нѣмцевъ къ ихъ главнымъ силамъ, началось большое дѣло.

„Тѣмъ не менѣе, насъ было достаточно для начала, и насъ

ободрили новости о транспортѣ нѣмецкихъ снарядовъ, обращенномъ въ фейерверкъ нашимъ генераломъ По.—Мои зуавы,—какъ вы видите, я принадлежу къ первой дивизіи, репутація которой извѣстна, n'est ce pas? *)—были въ прекрасномъ настроеніи духа.

„Они напоминали мнѣ спортсменовъ, горѣвшихъ желаніемъ первыми выступить на состязаніи или вѣрнѣе, сказалъ бы я, они походили на ищеекъ, почуявшихъ слѣдъ.

„Однако, для того, чтобы ободрить ихъ немного, знаете ли, я вытащилъ мой револьверъ, показалъ его моимъ малюткамъ и сказалъ очень вѣжливо, что первый, кто остановится подъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, будетъ мертвъ, прежде, чѣмъ онъ сдѣлаетъ шагъ назадъ. Извѣстно, что въ каждомъ полку найдутся два, три человѣка, которыхъ слѣдуетъ ободрить именно такимъ образомъ. Всѣ они захохотали мнѣ въ лицо. Они хотѣли только поскорѣе добраться до нѣмецкихъ пушекъ и еще ближе къ ихъ прислугѣ. Они тогда не знали, что значитъ артиллерійскій огонь. Да, они вели себя браво, эти мои зуавы! Наше занятіе было не изъ пріятныхъ. Мы выбивали непріятеля изъ одной деревни въ другую, перестрѣливались на близкомъ разстояніи, такъ что по временамъ мы могли смотрѣть въ глаза бошамъ. Марокканцы тоже были съ нами, туземныя войска, а не французы, какъ мои ребята, и они походили на дьяволовъ, когда шелъ штыковой бой.

Нѣмцы подожгли нѣсколько деревень, прежде, чѣмъ они отступили, и скоро огромные клубы дыма съ языками пламени и тучей летающихъ искръ поднялись къ голубому небу и превратили въ адъ всю окрестность. И, правда, это былъ адъ на землѣ.

„Наши артиллеристы осыпали нѣмцевъ градомъ снарядовъ и усѣяли землю ихъ трупами. Какъ разъ по этимъ мертвымъ тѣламъ мы и должны были итти въ атаку. Боши лежали кучами, масса кровавыхъ тѣлъ. Глядя на нихъ, я почувствовалъ себя дурно даже и въ этомъ аду...

Непріятельскіе пулеметы дѣйствовали изумительно. Я долженъ признаться, что мы еще не дошли до этого. Нѣмцы всегда пользуются ими на одинъ маневръ, и это весьма ловкій маневръ. Сначала они маскируютъ ихъ пѣхотой. Затѣмъ, когда французы идутъ въ атаку, они разступаются и подчиваютъ насъ убійственнымъ огнемъ. Устоять противъ нихъ почти невозможно, и въ данномъ случаѣ мы должны были отступать послѣ каждаго натиска, во время котораго мы продвигались на 250 метровъ.

„Тогда быстро, какъ молнія, нѣмцы перетаскивали свои пулеметы на уступленное нами пространство и опять ждали насъ, при чемъ снова повторяли тотъ же маневръ при нашей атакѣ.

„Могу сказать, что это была порядочная трепка для нервовъ, но мои зуавы держались твердо, несмотря на тяжелыя потери.

„Въ одной деревнѣ, называемой Паншаръ, шелъ весьма сильный бой, и часть нашей артиллеріи находилась близъ нея. Вдругъ

*) Не правда ли?

надъ нашими головами появился нѣмецкій аэропланъ, и сталъ описывать круги, дѣлая развѣдку. Но онъ прилетѣлъ не только для развѣдки. Внезапно онъ началъ бросать бомбы и съ умысломъ или случайно—отъ этихъ нѣмцевъ нечего ждать хорошихъ манеръ—бомбы были брошены въ полевой госпиталь. Одинъ мой пріятель, молодой докторъ, былъ раненъ въ лѣвую руку пулей изъ одной изъ этихъ бомбъ, хотя я и не знаю, сколько было потерь отъ этихъ бомбъ. Случилось то, чего и слѣдовало ждать. Вскорѣ послѣ того, какъ аэропланъ исчезъ, нѣмецкія батареи принялись нащупывать нашу позицію и нашли ее съ непріятной для насъ точностью. Такъ всегда бываетъ. Нѣмецкіе аэропланы удивительно точно опредѣляютъ мѣстонахожденіе нашихъ пушекъ. Мы всегда знаемъ, что не больше какъ черезъ полчаса послѣ того, какъ аэропланъ улетитъ, наши артиллеристы подвергнутся обстрѣлу, если они не перемѣнятъ позиціи. То же произошло и вчера, въ сраженіи около Мо.

„Нѣсколько дней подрядъ продолжалось это выкуриванье крысъ по деревнямъ на лѣвомъ берегу Урка, и мы чувствовали себя не очень то хорошо. Сказать правду, у насъ не было воды, и мы въ теченіе четырехъ дней не могли утолить муки жажды. Это было поистинѣ ужасно, такъ такъ жара во время дня стояла страшная, и нѣкоторые изъ насъ почти обезумѣли. Наши языки вспухли и потрескались, наши глаза были какъ у безумцевъ, и по ночамъ намъ снились отвратительные сны. Увѣряю васъ, это было невыносимое мученье.

„Но мы дѣлали все, что могли для нашихъ лошадей. Я уже сказалъ, что мы не пили воды въ продолженіе четырехъ дней. Это происходило потому, что мы отдавали послѣднія капли бѣднымъ животнымъ. Благородный человѣкъ обязанъ такъ поступать—вы согласны?—и французскій солдатъ не варваръ. Несмотря на это лошади должны были остаться безъ капли воды въ теченіе двухъ дней, и я не стыжусь сказать, что я плакалъ горькими слезами при видѣ мученій этихъ бѣдныхъ невинныхъ животныхъ, которыя не понимали значенія всего этого кроваваго побоища и удивлялись нашей жестокости.

„Ночи были ужасны. Повсюду вокругъ насъ горѣли наши милыя французскія деревни, и при каждомъ слабомъ дуновеніи вѣтра искры сыпались вокругъ нихъ подобно падающимъ звѣздамъ. Но рядомъ горѣли и другіе огни. Подъ покровомъ темноты нѣмцы собирали трупы своихъ солдатъ и, сваливъ ихъ въ большія кучи, покрывали ихъ соломой и парафиномъ. Затѣмъ они поджигали эти погребальные костры.

„На разсвѣтѣ послѣ битвы появились птицы, питающіяся падалью. Немного ихъ было, но онѣ опускались, хлопая крыльями, не только около мертвыхъ, но и около еще живыхъ. Одинъ изъ моихъ товарищей лежалъ тяжело раненый и, когда онъ пришелъ въ себя, одна изъ этихъ отвратительныхъ птицъ сидѣла у него на груди, ожидая его смерти. Вотъ какова война!

„Однако я видѣлъ и другія сцены, величественныя и блестящія. Ваши англійскіе артиллеристы, пришедшіе, наконецъ, къ

намъ на помощь, были великолѣпны. Они явились поздно. Ихъ не было видно до седьмого сентября, когда гигантскій бой былъ въ полномъ разгарѣ, и когда мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы отбросить правое крыло нѣмцевъ. Ваши явились какъ бы на парадъ, удивительно хладнокровные шикарные ребята, великолѣпны по своей манерѣ управлять орудіями. Это была тяжелая артиллерія, въ которой мы крайне нуждались. И ничто не могло нарушить хладнокровія вашихъ солдатъ, хотя нѣмецкій огонь былъ очень силенъ.

„Таковы ваши британскіе артиллеристы. Они не похожи на французовъ, которые ведутъ себя лучше всего, когда двигаются впередъ, но не любятъ оставаться на одной и той же позиціи. Но когда ваши солдаты заняли мѣсто, ничто не можетъ ихъ сдвинуть съ него. Ничто въ мірѣ!

„И все же нѣмецкіе снаряды ужасны. Я признаюсь вамъ, что было время, когда мои нервы совершенно мнѣ измѣнили. Я нагибался вмѣстѣ съ солдатами — мы были тогда на открытомъ мѣстѣ—наклонялъ мою голову при взрывѣ „obus“ и дрожалъ всѣми членами, какъ будто бы я былъ въ лихорадкѣ. Богъ покаралъ меня за высокомѣріе, съ которымъ я говорилъ съ моими людьми.

„Въ бою слышишь свистъ пуль, глухой грохотъ тяжелыхъ пушекъ, рѣзкій трескъ нашей французской артиллеріи, и во всемъ этомъ адскомъ шумѣ вопли и стоны лошадей и людей покрываютъ бѣшеный ревъ орудій. Никто не можетъ похваляться своей храбростью. Боже мой! Были моменты когда я былъ трусомъ, какъ и всѣ меня окружавшіе!

„Но въ концѣ-концовъ привыкаешь и къ этому аду, какъ и ко всему на свѣтѣ. Скоро я опять началъ кричать и ободрять моихъ людей. Мы выбили непріятеля изъ деревни Брежи, и тутъ-то я и былъ тяжело раненъ въ руку осколкомъ снаряда. Я исходилъ кровью, какъ зарѣзанный поросенокъ, но когда я пришелъ въ себя, мой товарищъ офицеръ сказалъ мнѣ, что дѣла идутъ хорошо, и что мы раскатали нѣмецкое правое крыло. Это было для меня лучше всякой перевязки. Я почувствовалъ себя великолѣпно, несмотря на мою слабость.

„Теперь начало конца. Нѣмцы бѣгутъ. Они выдохлись, они деморализованы. Ихъ гордость разбита. Имъ не хватаетъ снарядовъ. Они знаютъ, что ихъ планы рушились. Теперь, когда мы преслѣдуемъ ихъ, ничто больше не спасетъ ихъ. Эта война окончится скорѣе, чѣмъ думаютъ. Я убѣжденъ, что черезъ нѣсколько дней упорство непріятеля будетъ сломлено, и намъ ничего не останется дѣлать, какъ истреблять ихъ при ихъ отступленіи“.

Такова исторія, безъ всякихъ прикрасъ съ моей стороны, разсказанная мнѣ молодымъ лейтенантомъ зуавовъ, котораго я встрѣтилъ послѣ битвы у Мо, съ кровью, еще не высохшей на его мундирѣ.

Это обыкновенный разсказъ, описывающій переживанье только одного участника страшной битвы, но изъ него ясно проглядываетъ правда о той грандіозной операціи, которая нанесла непо-

правимыя потери правому крылу нѣмцевъ и сокрушила весь планъ ихъ кампаніи. Тотъ оптимизмъ, съ которымъ офицеръ заканчиваетъ свой разсказъ, въ настоящее время заставляетъ только грустно улыбаться. Его пророчество о быстромъ окончаніи войны было высказано въ сентябрѣ 1914 года раньше мучительной зимней кампаніи, ужасной монотонности позиціонной войны и потоковъ крови, которые полились весною 1915 года.

7.

Отступленіе нѣмцевъ къ Марнѣ, когда ихъ армія повернула отъ Парижа и пошла обратно по дорогамъ, по которымъ они шли съ побѣдными пѣснями къ французской столицѣ и по каменистымъ полямъ, усѣяннымъ остатками сраженій, среди деревень, которыя они жгли и грабили, оставило слѣды разрушенія, крови и развалинъ. Когда я проѣзжалъ въ вагонѣ по этой мѣстности Франціи за пять недѣль до нѣмецкаго отступленія, передо мной проходили мирныя и красивыя картины. Поля безъ черныхъ пятенъ на свѣжей травѣ, ощипанной коротко стадами овецъ, зеленѣли подъ лучами солнца. Полевые цвѣты были разбросаны по лугамъ золотыми и серебряными точками. Ужасы не прятались въ лѣсахъ, гдѣ птицы пѣли рѣзкимъ хоромъ подъ аккомпаниментъ жужжанія насѣкомыхъ. Маленькіе французскіе городки бѣлѣли на холмахъ, и въ деревняхъ съ выбѣленными домами подъ соломенными крышами и съ гумнами, полными только что снятаго хлѣба, крестьянскія дѣвушки весело смѣялись, наполняя свои кувшины изъ колодцевъ, мальчики и дѣвочки играли на базарныхъ площадяхъ, и старики со старухами, сидя въ прохладной тѣни у дверей, смотрѣли на старыя привычныя имъ картины мирной жизни и прислушивались къ бою ихъ церковныхъ часовъ безъ страха и трепета въ ихъ сердцахъ. Война была объявлена, но ея ужасы казались далекими. Слабые отзвуки чудовищной драмы чувствовались лишь постольку, поскольку по улицамъ деревень съ грохотомъ провозили пушки или тянулся эскадронъ голубой кавалеріи съ загорѣлыми всадниками, улыбавшимися крестьянскимъ дѣвушкамъ. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень французскія матери прижимали своихъ сыновей къ груди и тихонько плакали, лаская ихъ головы, и плакали еще больше въ одиночествѣ, когда ихъ мальчики ушли. Тѣнь войны прокралась во всѣ деревни Франціи, но снаружи онѣ были такими же, какъ и во время мира, и не боялись отдаленной опасности. Природа была безразлична къ нелѣпымъ и глупымъ затѣямъ людей. Ея красота была проникнута зрѣлостью расцвѣтшаго лѣта и дремотой золотыхъ дней, когда лѣса не шевелятся въ жаркомъ воздухѣ, и ни одна травинка не движется, если только ея не пошевелитъ кузнечикъ.

Теперь по всему пути нѣмецкаго отступленія сама природа была осквернена и загажена, а старыя мирныя жилища были разрушены. Пробиваясь назадъ, непріятель сжегъ много деревень или же укрывался въ нихъ отъ убійственнаго огня преслѣдую-

щихъ его войскъ, такъ что только обгорѣлыя бревна и обуглившіяся, разрушенныя стѣны съ грудами золы, все, что недавно было фермами и амбарами, остались въ качествѣ свидѣтелей ужаса, который пронесся по мѣстности. По дорогамъ лежали трупы лошадей. Миріады мухъ чернѣли на ихъ гніющихъ тѣлахъ, отъ которыхъ шло зловоніе, отравляющее воздухъ и заглушающее благоуханіе цвѣтовъ и запахъ сѣна. Въ деревняхъ, на улицахъ которыхъ проходили бои, какъ въ Барси и Пуэнси, Нёмутье и Монліонѣ, Дуи-ла-Раме и Шевревилѣ, бѣлые домики и старыя фермы, служившіе прикрытіемъ для нѣмецкихъ солдатъ, прежде чѣмъ они не были выгнаны оттуда орудійнымъ огнемъ или штыковыми атаками, превратились въ безформенныя руины. Кое-гдѣ среди развалинъ одинъ домикъ избѣжалъ общей участи. Онъ стоялъ хорошенькій и чистенькій среди общаго разрушенія. Кафе-ресторанъ все еще показывалъ прохожему объявленія, испещренныя шрапнелью, рекомендующія Дюбонне и другіе apéritifs. Кое-гдѣ стояли цѣлыя улицы сохранившихся домовъ, а на улицѣ рядомъ съ ними дома свалились, на подобіе карточныхъ домиковъ, сбитыхъ рукою шаловливаго ребенка. Въ другихъ деревняхъ трудно было повѣрить, что тамъ прошла война. Скорѣе казалось, какъ будто чума выгнала все ихъ населеніе. Дома все еще были заколочены, какъ тогда, когда буржуа и крестьяне бѣжали при первомъ извѣстіи о нѣмецкомъ наступленіи. Только полное безлюдіе и молчаніе указывали, что здѣсь произошло что-то ужасное. Только это и слабый запахъ разложенія отъ темной массы чего-то страшнаго, лежавшаго подъ каменной стѣной, а также глубокія колеи и ямы на дорогѣ, выбитыя пушками и повозками....

Кругомъ валялись разстрѣлянные патроны и осколки снарядовъ, и кое-гдѣ лежали, зарывшись въ землю, неразорвавшіеся снаряды.

Французскіе крестьяне бродили по полямъ и по разрушеннымъ деревнямъ въ поискахъ за этими трофеями, хотя по закону они не имѣли на это права, такъ какъ за это они могли подвергнуться наказанію какъ за грабежъ. Во многихъ изъ фермъ, въ которыхъ побывали нѣмецкіе офицеры, видны были признаки поспѣшнаго выступленія. Фуражки и кожаныя сумки все еще лежали на стульяхъ и кроватяхъ. Полуоконченныя письма, написанныя женщинамъ Фатерлянда, которыя никогда не прочтутъ ихъ, валялись на полу и были смяты каблуками спѣшившихъ выбраться отсюда поскорѣе.

Я видѣлъ такія же картины въ Турціи, когда побѣдоносные болгары шли за отступающими турками. Я никогда не воображалъ, что подобныя сцены могутъ случиться во Франціи. Такія мелочи, какъ одно изъ этихъ неоконченныхъ писемъ отъ солдата къ своей женѣ, наполняетъ душу жалостью ко всѣмъ жертвамъ этой трагедіи.

„Meine liebe Frau“ *) Гдѣ-нибудь въ Германіи женщина давно ждетъ этого куска бумаги, подобраннаго мною въ лѣсу Компіэня,

*) „Милая жена“.

мокраго отъ росы и запачканнаго грязью. Она будетъ ждать день за днемъ этого письма и день за днемъ ея сердце будетъ болѣть, потому что до нея не дойдетъ ни одного слова, которое дало бы ей возможность сказать „Благодарю Господи“! и встать на колѣни у кровати бѣлокураго мальчика, удивительно похожаго на ушедшаго на эту ненавистную войну. Я находилъ сотни такихъ писемъ, настолько сырыхъ и запачканныхъ сапогами, что я могъ только разобрать въ нихъ нѣсколько словъ, написанныхъ понѣмецки. Вѣтеръ переносилъ ихъ по полямъ, и они лежали среди жестянокъ отъ мясныхъ консервовъ, брошенныхъ британскими солдатами при ихъ отступленіи по этимъ же полямъ.

Все же я поднималъ ихъ и смотрѣлъ на нихъ и, мнѣ казалось, приходилъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ трагедіей, которую до того времени я могъ только представлять себѣ благодаря толпамъ бѣглецовъ, потоку раненыхъ, разрушенію домовъ и молчанію покинутыхъ деревень. Я все еще не видалъ настоящей войны и не наблюдалъ дѣйствія пушечнаго огня на живыхъ людяхъ. Я только бродилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она уже прошла.

Я подвинулся ближе къ настоящей войнѣ въ одно воскресенье въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени отступленіе непріятеля закончилось, и нѣмецкая армія подъ командой генерала фонъ-Клука была, наконецъ, на твердыняхъ холмовъ, которыя напрасно громили французскія и англійскія пушки въ началѣ долгой и страшной осады укрѣпленныхъ нѣмецкихъ позицій.

Въ продолженіе всего этого воскресенья я бродилъ по полямъ, все еще покрытымъ ужасами недавняго сраженія, по направленію къ желѣзнодорожнымъ путямъ, простирающимся къ сѣверу и къ востоку отъ Викъ-сюръ-Эна къ Нуайону и Суассону, гдѣ въ теченіе шести дней тянулась одна изъ величайшихъ битвъ въ исторіи, не прерываясь ни на минуту.

Когда я шелъ рядомъ съ рельсами отъ города Крепи-анъ-Валуа, пострадавшаго отъ грабежа, и дальше черезъ лѣсъ Вилльеръ-Коттере, и по полямъ, засаженнымъ рѣпой и пшеницей, по которымъ только нѣсколько дней тому назадъ шли французскія и британскія войска, преслѣдуя непріятеля, отступавшаго къ сѣверному берегу Эна, гигантскія пушки нашей тяжелей артиллеріи потрясали воздухъ громовыми раскатами.

Ихъ грохотъ прекращался не болѣе какъ на минуту или двѣ. Въ эти промежутки кругомъ царило какое-то мертвое молчаніе, какъ будто бы духъ этихъ лѣсовъ и холмовъ испуганно прислушивался, затаивъ дыханіе, и ждалъ новаго удара. По мѣрѣ того, какъ я подвигался ближе къ боевой линіи, гулъ становился громче и превращался въ ошеломляющій грохотъ, какъ будто бы вершины холмовъ падали въ глубокія долины. Отвѣтомъ ему служило смутное, отдаленное, ворчащее эхо, въ которомъ я призналъ голосъ непріятельскихъ орудій.

Въ скоромъ времени, когда я шелъ, пробираясь среди лужъ и колдобинъ, вырытыхъ колесами пушекъ, я услышалъ болѣе низкій и воющій гулъ, за которымъ слѣдовало сотрясеніе воздуха, какъ будто бы сильный вѣтеръ вторгался въ пустое простран-

ство. Эти странные зловѣщіе звуки исходили отъ тяжелыхъ орудій, которыя непріятель помѣстилъ на высотахъ надъ болотами Эна, отъ тѣхъ страшныхъ одиннадцати-дюймовыхъ пушекъ, которыя превосходили всѣ орудія французовъ и англичанъ. Съ тѣмъ удивительнымъ предвидѣніемъ, которое нѣмцы обнаружили во всѣхъ своихъ планахъ, эти чудовища были поставлены на цементѣ на высотахъ за двѣ недѣли до того времени, какъ ихъ полки двинулись по направленію къ Парижу. Нѣмцы уже тогда приготовляли укрѣпленныя позиціи на случай, если ихъ ударъ не удастся, и наши британскія войска жестоко пострадали, благодаря предусмотрительности со стороны врага, который былъ увѣренъ въ побѣдѣ, но помнилъ о необходимости укрѣпленія тыла.

Въ моей жизни мнѣ приходилось много бродить во всѣхъ частяхъ свѣта по страннымъ мѣстамъ и со странными спутниками, но мнѣ ни разу не случилось совершить такую прогулку и съ такимъ проводникомъ, какъ въ это воскресенье, при грохотѣ пушекъ. Мой спутникъ въ этотъ день былъ могильщикъ.

По настоящему, онъ былъ garde champêtre — полевой сторожъ или деревенскій полицейскій, но въ теченіе трехъ недѣль онъ все время работалъ своимъ заступомъ, который онъ несъ на плечѣ, шагая рядомъ со мной. Вмѣстѣ съ другими крестьянами, призванными для той же печальной работы, онъ слѣдовалъ за линіей битвъ на двадцать километровъ отъ своей деревни Рувиля, вблизи Левиньена, помогая хоронить павшихъ французовъ и британцевъ и сжигать нѣмецкіе трупы.

Его трудъ былъ уже почти конченъ, когда я встрѣтился съ нимъ. Во время сраженія въ этой мѣстности вокругъ лѣса Вилльe-Коттере, бывшей два раза полемъ битвы, а именно при наступленіи нѣмцевъ и при ихъ отступленіи, здѣсь осталось 3.000 нѣмецкихъ труповъ и 1.000 французовъ и англичанъ. Работая заступомъ, какъ только онъ могъ, мой пріятель могильщикъ все еще не успѣлъ схоронить всѣхъ собратій по оружію, которые лежали подъ дождемъ.

Я пробирался по полю среди ихъ и наскоро засыпанныхъ могилъ и недалеко отъ груды вражескихъ труповъ, которые ждали похороннаго костра.

Мой проводникъ схватилъ меня за руку и указалъ мнѣ на оврагъ позади покинутой деревни Левиньенъ.

— Смотрите туда,—сказалъ онъ.— Понадобится не мало времени, чтобы они сгорѣли.

Онъ говорилъ дѣловито, какъ садовникъ, указывающій на костеръ изъ осеннихъ листьевъ.

Но тамъ, куда направлялся его указательный палецъ, среди дождя и подъ свинцовыми облаками, поднимался дымъ тяжелыми и медленными клубами, и я понялъ, что листья, на которые онъ мнѣ указывалъ, упали съ великаго дерева человѣческой жизни, и что этотъ костеръ былъ сложенъ изъ чудовищной жатвы войны.

Французскіе и британскіе мертвые были сложены въ однѣ и тѣ же могилы.—„Развѣ они не братья!“—спросилъ мой спутникъ

съ заступомъ. — И какъ только крестьяне набрались мужества приблизиться къ своимъ деревнямъ и лѣсамъ, они собрали листьевъ и покрыли ими холмики, среди которыхъ я бродилъ, какъ покрываютъ вѣнками могилы героевъ. Такой чести не было оказано врагу, и нѣмецкіе трупы, облитые слегка керосиномъ и обложенные соломой, были преданы огню, такъ что только обугливши́йся прахъ нѣмцевъ, разбросанный вѣтромъ и смоченный проливнымъ дождемъ, указывалъ на мѣсто ихъ смерти.

Когда я стоялъ и наблюдалъ эти живые огни среди красоты лѣсовъ, тянущіеся до отдаленныхъ холмовъ и окаймляющихъ деревню, казавшуюся мирнымъ уголкомъ съ ея старой церковной башней и красно-коричневыми крышами, я былъ весь охваченъ жалостью ко всему этому горю и ненужной смерти, прошедшей ураганомъ по прекраснымъ полямъ Франціи.

Въ чемъ смыслъ всего этого? Изъ-за чего во имя Бога или во имя дьявола люди убиваютъ другъ друга, какъ здѣсь, на поляхъ Франціи, такъ что человѣческая жизнь не представляетъ большей цѣнности, чѣмъ существованіе комара, убиваемаго безъ милосердія? Каждый изъ этихъ нѣмецкихъ труповъ, который жарился подъ маслянистыми клубами дыма, былъ недавно молодымъ человѣкомъ со свѣтлыми надеждами, со способностью смѣяться и съ кое-какими инстинктами любви въ его сердцѣ. По крайней мѣрѣ, у него было два глаза и носъ, и другія черты, общія человѣческому братству. Дѣйствительно ли онъ носилъ на себѣ печать звѣря, такъ что его слѣдовало убить при первой же встрѣчѣ безъ всякаго милосердія? Я думалъ о томъ, не находится ли въ этой жарящейся массѣ человѣческаго мяса кто-нибудь изъ тѣхъ, кто былъ такъ добръ ко мнѣ въ Германіи—напримѣръ, тотъ молодой поэтъ, чья жена нарвала розъ для меня въ своемъ саду и, коснувшись ихъ губами, сказала: „возьмите ихъ въ Англію вмѣстѣ съ моей любовью“, или тотъ огромный баварскій профессоръ, который подѣлилъ свою пищу со мной на холмѣ подъ Адріанополемъ, или, наконецъ, одинъ изъ тѣхъ лейпцигскихъ студентовъ, которые чокались со мной въ пивной.

Въ этой войнѣ виновна была Германія. Можетъ быть. У меня не было возможности прочесть всѣ тайны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ за двадцать лѣтъ, а то и болѣе, для того, чтобы убѣдиться съ какимъ тактомъ или безтактностью, съ какой честностью или вниманіемъ, съ какой надменностью или безразличіемъ наши государственные люди относились къ притязаніямъ Германіи или къ стремленіямъ Германіи. Но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, наблюдая эти дымящіеся костры смерти, что ни одного изъ этихъ мертвецовъ нельзя обвинить въ преступленіи, которое вызвало эту войну, и что ни одна душа, парящая надъ этой грудой мяса, не можетъ быть призвана къ отвѣту на судилищѣ Бога. Они повиновались приказаніямъ, они шли подъ звуки гимна, воспѣвающаго отечество, они вѣрили, какъ и мы, въ правоту своего дѣла. Но какъ и мертвыя тѣла французовъ и англичанъ, лежавшихъ неподалеку, они были обречены на смерть, благодаря подлости государственныхъ людей, играющихъ однимъ

народомъ противъ другого, какъ мы играемъ пѣшками въ шахматы. Прежнее колдовство было невиннѣе этого новаго колдовства, и не было такъ мошеннически подло въ своемъ могуществѣ одурачивать невѣжественныя массы...

У моего проводника не было такихъ чувствъ. Когда онъ велъ меня по опушкѣ лѣса, онъ говорилъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ и жестоко проклиналъ враговъ.

Онъ убилъ одного изъ нихъ своей рукой. Когда онъ шелъ по полю на краю лѣса, показался одинокій уланъ. Онъ принадлежалъ къ аванпостамъ сильнаго отряда въ Крепи-анъ-Валуа и сбился съ дороги въ этотъ городъ. Уланъ потребовалъ, чтобы французъ указалъ ему дорогу, и чтобы подкрѣпить свое требованіе, приставилъ остріе своей пики къ груди полевого сторожа.

Но крестьянинъ былъ въ молодости солдатомъ и держалъ револьверъ въ боковомъ карманѣ своей куртки. Онъ отвѣчалъ вѣжливо, а затѣмъ выстрѣлилъ, не вынимая руки изъ кармана, и убилъ нѣмца наповалъ. Уланъ свалился съ лошади, и крестьянинъ подобралъ его пику и карабинъ въ знакъ воспоминанія о такомъ счастливомъ событіи.

Но его счастье было коротко. Въ тотъ же моментъ крестьянинъ испугался послѣдствій своего поступка. Если стало бы извѣстно, что онъ, штатскій, убилъ нѣмецкаго солдата, всѣ жители его деревни были бы преданы мечу, а среди нихъ были его жена и дѣти.

Онъ утащилъ свои трофеи въ лѣсъ и скрывался тамъ два дня до тѣхъ поръ, пока непріятель не удалился.

Впослѣдствіи я видѣлъ эту пику. Она была высотой отъ потолка до пола его домика, и въ будущіе годы въ деревнѣ Рувильона будетъ служить предметомъ захватывающаго духъ повѣствованія.

Другіе крестьяне подошли къ моему другу могильщику, и одинъ изъ нихъ, деревенскій великанъ, разсказалъ мнѣ, какъ онъ еле избѣжалъ смерти. Онъ служилъ проводникомъ четыремъ британскимъ офицерамъ въ сосѣднемъ лѣсу. Послѣдніе остановились, чтобы справиться по картамъ о положеніи мѣстности, и только ихъ проводникъ увидалъ на другомъ концѣ просѣки нѣмецкій кавалерійскій патруль. Прежде чѣмъ онъ могъ закричать объ опасности, нѣмцы схватились за ружья и выстрѣлили. Британскіе офицеры, не крикнувъ, повалились мертвыми, а крестьянинъ упалъ тоже, какъ мертвый, и перекатился въ канаву, не раненый, но парализованный страхомъ. Небольшой нѣмецкій патруль не интересовался его участью. Нѣмцы проѣхали мимо съ громкимъ смѣхомъ, какъ бы придя въ хорошее настроеніе отъ этой шутки смерти.

Шутокъ такого рода было много, хотя я не вижу въ нихъ ничего смѣшного. Я могъ бы заполнить главу разсказами, которые я слышалъ о неожиданной смерти въ лѣсахъ и поляхъ, когда крестьяне на мгновенье приподнимались отъ земли съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли вблизи врага. Эти отдѣльные эпизоды среди спокойныхъ деревень Франціи, опоясанныхъ молчаливыми

лѣсами, дають возможность уразумѣть, что такое духъ войны еще больше, чѣмъ безпощадная борьба на боевомъ фронтѣ съ его длинными списками убитыхъ и раненыхъ.

Въ этотъ день я видѣлъ слѣды этого страшнаго духа зла во многихъ мѣстахъ.

Я бродилъ не только среди мертвыхъ, но, что было интереснѣе, и по деревнямъ, гдѣ немногіе обитатели ломали свои руки среди развалинъ ихъ жилищъ.

Даже въ Крепи-анъ-Валуа, пострадавшемъ меньше другихъ городовъ, по которымъ шелъ непріятель, я видѣлъ злобное, намѣренное, глупое уничтоженіе чужой собственности людьми, которые, какъ я думаю, были не хуже другихъ людей, но только съ распущенными и не сдерживаемыми страстями. Они входили во всѣ покинутые дома и находили какое-то злобное удовольствіе въ томъ, чтобы разбивать вдребезги стулья, столы, абажуры лампъ, дѣтскія коляски и дешевыя, но драгоцѣнныя для хозяевъ украшенія. Они превратили въ хлѣва много чистенькихъ домиковъ, и, казалось, какъ бы землетрясеніе сокрушило и превратило въ кучу безформеннаго и безсмысленнаго сора все то, что въ нихъ находилось. Они зашли въ музыкальный магазинъ и развлекались тамъ, что было, пожалуй естественно, грамофонами, губными гармониками, трубами и скрипками. Но что совершенно неестественно, они раздробили съ дьявольской радостью всѣ эти инструменты и превратили ихъ въ измятый металлъ и куски дерева. Въ одномъ домикѣ старичекъ со старушкой, оставшіеся въ городѣ среди немногихъ жителей, разсказали мнѣ свою исторію.

Они были эльзасцы и говорили по-нѣмецки. Съ хитростью, которая какъ-то странно соединяется съ простотой французскаго крестьянина, они воспользовались, насколько возможно, этимъ счастливымъ обстоятельствомъ. Къ нимъ были поставлены девять нѣмецкихъ солдатъ, и каждый изъ нихъ требовалъ и получилъ девять яицъ на обѣдъ, который они запили виномъ хозяина. Впослѣдствіи они украли все, что могли найти, и вмѣстѣ съ товарищами очистили до тла магазины съ рубашками, сапогами, бакалеей, забирая все, что попадало подъ руку. Они даже вытащили гробы изъ мастерской гробовщика и набили ихъ награбленной добычей. Передъ уходомъ изъ Крепи-анъ-Валуа, какъ мнѣ говорили, они умышленно стрѣляли по повозкамъ Краснаго креста, въ которыхъ были французскіе раненые.

Забавно то, что въ голосѣ старика эльзасца, который разсказывалъ мнѣ о нѣмецкихъ безчинствахъ, звучали скорѣе нотки юмора, чѣмъ ненависти, когда онъ описывалъ мнѣ второй нѣмецкій визитъ передъ ихъ поспѣшнымъ отступленіемъ отъ надвигавшихся англичанъ. Онъ задыхался отъ смѣха при воспоминаніи о своей хитрости. По его словамъ онъ выползъ изъ своей задней двери и написалъ мѣломъ нѣмецкую фразу на своей двери на улицѣ. Онъ написалъ, что обитатели этого дома были честные люди—gute Leute—которыхъ слѣдовало оставить въ покоѣ... Онъ визгливо, по стариковски, хохоталъ надъ своей хитроумной продѣлкой. Онъ снова захохоталъ, такъ что у него на глазахъ по-

казались слезы, когда онъ показалъ мнѣ поле, гдѣ французы и англичане взорвали до трехъ тысячъ нѣмецкихъ снарядовъ, оставленныхъ непріятелемъ при его отступленіи. Поле было усѣяно большими кусками изломаннаго металла, и старый эльзасецъ, повидимому, находилъ грандіозной шуткой то обстоятельство, что нѣмцы должны были оставить за собой такъ много „пищи для своихъ пушекъ“. Въ концѣ-концовъ, что касается насъ, французовъ и англичанъ, это была не плохая шутка.

Въ это сентябрьское воскресенье я видѣлъ много того, что помогло мнѣ понять суть войны, но что впослѣдствіи стало только отрывочными воспоминаніями о смутныхъ впечатлѣніяхъ, наполовину изглаженныхъ позднѣйшими картинами. Я припоминаю, что я наблюдалъ за передвиженіемъ полковъ, спѣшащихъ на подмогу союзникамъ, видѣлъ перевозку тяжелыхъ орудій для великой битвы, которая тогда уже продолжалась шесть дней, и слѣдилъ за безконечными поѣздами подъ знакомъ Краснаго креста съ ранеными, слѣдовавшими съ того ужаснаго фронта между Викомъ и Нуайономъ, гдѣ окопы были наполнены и переполнены ранеными и мертвыми, и куда съ геройской выносливостью шли полки усталыхъ людей, чтобы снова попасть подъ тотъ ураганный пушечный огонь, который уже они раньше встрѣчали съ храбростью, выше которой нельзя требовать отъ самаго мужественнаго сердца.

По грязи и по лужамъ, черезъ мокрый папоротникъ и кустарникъ, въ мѣстности, залитой проливными дождями, я шелъ съ могильщикомъ по пути нѣмецкаго отступленія, видя почти во всей наготѣ страшное опустошеніе, причиненное войной, и ея отвратительные остатки.

Кое-гдѣ большая дорога была завалена изломанными и перекрученными телеграфными проводами. Въ другихъ мѣстахъ огромные чаны и резервуары для воды были перевернуты и разбиты, какъ будто бы какая-то дьявольская сила забавлялась ими. Я смотрѣлъ внизъ съ разрушеннаго желѣзнодорожнаго моста и натыкался на рельсы, сорванные со своихъ шпалъ и разбросанныя около полотна.

Мой могильщикъ потянулъ меня за рукавъ и показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ онъ похоронилъ французскаго кирасира, который былъ застрѣленъ во время томительнаго стоянія на часахъ на опушкѣ лѣса.

Онъ показалъ мнѣ своимъ заступомъ на свѣжія могилы французовъ и англичанъ. Могилы были повсюду, миля за милей, на склонахъ холмовъ, на поляхъ и въ долинахъ, хотя мой пріятель еще не кончилъ всей своей работы.

Я подобралъ нѣсколько шрапнельныхъ пуль. Онѣ были разбросаны какъ горохъ на разстояніи пятнадцати миль между Бесомъ и Мортфонтэномъ и еще гуще по дорогѣ въ Викъ. Зазубренные обломки снарядовъ рѣзали мои сапоги. Я несъ съ собой одну изъ тѣхъ нѣмецкихъ касокъ, которыя были найдены крестьянами среди капусты и рѣпы. И все время въ моихъ ушахъ

стоялъ глухой гулъ пушекъ, раскаты громовыхъ ударовъ, говорящихъ о страшной битвѣ, которая рѣшала судьбу нашей цивилизаціи и какъ бы вызывала новую жизнь народовъ изъ всей этой смерти.

ГЛАВА VI.

НАШЕСТВІЕ.

1.

Прежде чѣмъ окончится этотъ годъ Англія до нѣкоторой степени пойметъ, что означаетъ война. Въ англійскихъ городахъ исчезнутъ многія знакомыя лица, часто будутъ встрѣчаться вдовы и сироты, и останется много скорбящихъ сердецъ. Неясно и какъ бы въ туманѣ оставшіеся дома англичане поймутъ бѣдствія войны и ея жестокости. Однако, несмотря на всѣ наши усилія создать огромную армію и безграничное принесеніе въ жертву нашего юношества на чужыя намъ поля битвы, нашъ народъ въ цѣломъ все-таки не уяснитъ всего значенія войны, какъ она понимается во Франціи и Бельгіи.

Великое счастье родиться на островѣ. Море, окружающее со всѣхъ сторонъ страну, даетъ чувство безопасности ея обитателямъ, и по этой-то причинѣ среди нихъ царитъ невѣдѣніе объ ужасахъ войны. Ни англичане, ни шотландцы никогда не уяснятъ себѣ этихъ ужасовъ. Напротивъ того, континентальные народы, отдѣленные отъ сосѣдней съ ними расы, съ другими инстинктами и идеалами, только нѣсколькими холмами, рѣкой или воображаемой линіей, испытываютъ всегда тревогу и опасеніе. Даже во время глубокаго мира мысль о войнѣ не забывается ими и присутствуетъ въ ихъ умѣ, какъ постоянная, хотя бы и отдаленная угроза.

Разница между складомъ мыслей островитянъ и континентальныхъ народовъ и была причиною той медлительности, съ которой Англія пришла къ пониманію настоящей войны. Понадобились слова презрѣнія и сарказма, тысячи уловокъ рекрутскихъ сержантовъ, стоящихъ во главѣ власти, и тысячи насмѣшекъ для того, чтобы заставить молодыхъ людей Великобританіи присоединиться къ арміи. Прямая опасность не угрожала домамъ и очагамъ англичанъ. Они не могли видѣть какой бы то ни было угрозы для существованія Англіи. Ихъ женщины были безопасны. Ихъ имуществу, купленному въ разсрочку изъ зарабатываемаго съ трудомъ жалованья, какъ они думали, ни малѣйшимъ образомъ не грозила опасность быть уничтоженнымъ или расхищеннымъ въ качествѣ добычи. Они не могли постигнуть того, чтобы тонкія стѣны ихъ жилищъ, окружающія всѣ сокровища ихъ жизни, внезапно рухнули на подобіе карточнаго домика и похоронили ихъ дѣтей. Британскій экспедиціонный корпусъ, къ

которому ихъ приглашали присоединиться, былъ въ концѣ-концовъ по просту спортивной прогулкой въ чужія страны, предпринятой въ погонѣ за приключеніями.

Такихъ иллюзій не было во Франціи. Какъ скоро бѣдствіе войны обрушилось на нихъ, французы стали думать о своихъ границахъ и всячески молили Бога, чтобы стальныя изгороди, защищавшія ихъ отъ враговъ, были настолько крѣпки, чтобы удержать непріятеля до тѣхъ поръ, пока они всѣ не соберутся къ знаменамъ. Каждый французъ, какъ бы онъ ни боялся смерти, былъ готовъ броситься къ границамъ, чтобы удержать своимъ собственнымъ тѣломъ вторгающійся потокъ нѣмцевъ. Память о 1870 годѣ научила ихъ, что значитъ вражеское нашествіе.

Я понялъ весь смыслъ этого въ первые мѣсяцы войны, когда я странствовалъ по Франціи. На сѣверѣ, поблизости къ непріятелю, и на восточной границѣ чувствовался великій страхъ передъ нашествіемъ врага, распространявшійся на подобіе чумы, хотя болѣе быстро и ужасно. Онъ заставлялъ блѣднѣть храбрѣйшихъ изъ мужчинъ при мысли объ ихъ женщинахъ и дѣтяхъ. Онъ заставлялъ самыхъ безчувственныхъ изъ мужчинъ испытывать муки состраданія при видѣ женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и стариковъ, мѣсто которыхъ было у ихъ очаговъ, тянувшихся по большимъ дорогамъ, мучимыхъ голодомъ и усталостью, или умоляющихъ о томъ, чтобы ихъ пустили въ скотскіе вагоны, уже переполненные бѣглецами, или блуждающихъ ночью по неосвѣщеннымъ городамъ въ поискахъ хоть какого-нибудь пристанища и затѣмъ спящихъ на крыльцѣ заколоченныхъ домовъ и подъ заборами.

Цѣлые мѣсяцы повсюду во Франціи были тысячи мужей, потерявшихъ своихъ женъ и дѣтей, тысячи семействъ, которыя были надолго разлучены въ сумятицѣ безпорядочнаго бѣгства отъ жестокой солдатчины. Они исчезли въ этомъ мальштромѣ бѣженцевъ—жены, дѣти, матери и старыя бабки, большинство ихъ безъ денегъ—и жизнь ихъ зависѣла исключительно отъ случая. Каждый день во французскихъ газетахъ помѣщались длинные столбцы объявленій о пропавшихъ родственникахъ.

„Мосье Анри Планше будетъ искренно благодаренъ тому, кто увѣдомитъ его о мѣстопребываніи его жены, Сюзанны, и двухъ дѣтей, Берты и Марты, бѣженцевъ изъ Армантьера“.

„Мадамъ Тардье будетъ глубоко благодарна за указанія относительно дочери ея, мадамъ де-Ропе, которая бѣжала изъ разрушеннаго города Альбера 10-го октября съ ея четырьмя дѣтьми“.

Каждый день я читалъ эти столбцы, находя трагедію въ каждой строчкѣ, и думалъ о томъ, не было ли кого-нибудь изъ пропавшихъ среди тѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался въ служебныхъ вагонахъ воинскихъ поѣздовъ, втиснутыхъ среди ихъ вещей, или на платформахъ станцій, или среди отступающихъ длинными вереницами жителей городка въ лѣсистой долинѣ между холмами, откуда нѣмецкія пушки изрыгали шрапнель.

Представьте себѣ такую картину въ Англіи. Мужъ покидаетъ свою контору въ Лондонѣ и садится въ поѣздъ, идущій въ Гильд-

фордъ, гдѣ его ждутъ къ обѣду жена и дѣти. У Уэйбриджа поѣздъ внезапно останавливается. Кондукторъ бѣжитъ къ машинисту и возвращается съ извѣстіемъ, что туннель взорванъ. Передаютъ, что Гильдфордъ и всѣ окрестныя деревни заняты непріятелемъ. Семьи, бѣгущія изъ Гильдфорда, описываютъ бомбардировку города. Часть его горитъ. Гилдголлъ разрушенъ. Многіе изъ жителей его убиты. Большинство оставшихся въ живыхъ бѣжало.

Тотъ, кто ѣхалъ домой обѣдать, хочетъ пуститься въ поиски за своей женой и дѣтьми. Пріятели держатъ его, несмотря на то, что онъ борется съ ними. „Вы съ ума сошли!“ кричатъ они. „Сумасшедшій!..“ Онъ сегодня не обѣдаетъ дома. Его обѣдъ и его домъ превращены въ пепелъ. Недѣлями онъ помѣщаетъ объявленія въ газетахъ относительно мѣстопребыванія его жены и дѣтей. Никто ему не можетъ ничего сказать. Онъ не знаетъ, умерли они или живы.

Такіе случаи насчитывались тысячами во Франціи. Я видѣлъ такую трагедію—человѣка, оплакивающаго жену и дѣтей, проглоченныхъ неизвѣстностью послѣ разрушенія Фива возлѣ Лиля. Онъ ожидалъ въ ближайшемъ будущемъ рожденія ребенка. Въ первый день своей жизни новорожденный долженъ былъ получить крещенье огнемъ. Кто могъ сказать этому убитому горемъ человѣку, были ли его жена и ребенокъ живы?

2.

Во Франціи было много деревень вокругъ Лиля и Арманьера, Амьена и Арраса, а также въ Артуа и Пикардіи, гдѣ, несмотря на всю свою усталость, женщины, которыя ложились рядомъ со своими дѣтьми, не могли заснуть ни на минуту. Кто могъ сказать, что принесетъ съ собою ночь? Быть можетъ, ночью явится патруль уланъ, подстрѣливающихъ крестьянъ, какъ кроликовъ, когда тѣ бѣжали по полямъ, и требовавшихъ вина и опять вина до тѣхъ поръ, пока они не начинали въ пьяномъ безуміи жечь и истреблять все окружающее, исключительно изъ страсти къ разрушенію. Такъ было въ Санли, такъ было въ Сермэзѣ и во многихъ деревняхъ той мѣстности, черезъ которую я проѣхалъ.

Невозможно было предугадать слѣдующій шагъ непріятеля. Его кавалерія продвигалась гораздо скорѣе его арміи, и благодаря молчанію правительственныхъ сообщеній жители города или деревни вдругъ находили себя въ разгарѣ сраженія, прежде чѣмъ они могли даже подумать объ опасности, имъ угрожавшей. Они попадали въ ловушку, благодаря внезапному разрушенію желѣзнодорожной линіи и взрыву мостовъ, какъ и я однажды чуть не былъ пойманъ, когда нѣмцы перерѣзали линіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего поѣзда.

Страшная паника начиналась уже тогда, когда еще не было видно нѣмцевъ и не было слышно ни одного выстрѣла. Довольно было и того, что они приближались. Молва о ихъ приближеніи

распространялась часто совершенно ошибочно отъ одного мѣста до другого, находящихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. За паникой слѣдовало бѣгство, и знатныя дамы оставляли свои замки и присоединялись къ толпѣ крестьянъ, покинувшихъ свои хижины съ дѣтскими колясочками, нагруженными хлѣбомъ и яблоками, во всевозможныхъ экипажахъ, даже на погребальныхъ колесницахъ, запряженныхъ жалкими лошадьми, забракованными для арміи. Часто, спустя короткое время послѣ бѣгства обитателей, и замокъ, и хижина обращались въ одну груду развалинъ.

Даже для корреспондента, выбирающаго такія мѣста, откуда онъ былъ бы въ состояніи увидать хоть что-нибудь изъ военныхъ дѣйствій и въ то же время остаться въ живыхъ и пересказать о всемъ, что онъ видѣлъ, положеніе Франціи въ первые дни войны представлялось довольно рискованнымъ.

Продвигаться къ боевой линіи, когда войска союзниковъ встрѣчаютъ непріятеля на извѣстной и опредѣленной уже заранѣе позиціи, очень удобно, но совсѣмъ другое дѣло итти на удачу съ непріятной мыслью о томъ, что непріятельскій отрядъ можетъ вынырнуть внезапно изъ-за угла, отрѣзавъ пути отступленія. Такъ случалось со мной не одинъ разъ, когда я разъѣзжалъ съ двумя моими собратьями, которыхъ я назвалъ Стратегомъ и Философомъ. Ни стратегія перваго, ни философія второго не могли спасти насъ отъ непріятныхъ моментовъ, когда мы плутали рядомъ съ боевой линіей врага, котораго мы совсѣмъ и не ожидали встрѣтить.

Такъ именно и случилось съ нами въ одинъ изъ первыхъ дней октября, когда мы рѣшили отправиться въ Бетюнъ, который казался намъ интереснымъ мѣстомъ въ районѣ военныхъ дѣйствій.

Въ Англіи можетъ показаться страннымъ, что по направленіямъ къ театру войны поѣзда попрежнему шли по расписанію какъ въ мирное время, и что пассажирамъ выдавали билеты безъ всякаго предупрежденія объ опасности въ концѣ ихъ пути. Несмотря на весь страхъ передъ нашествіемъ нѣмцевъ, французскіе желѣзнодорожные служащіе проявляли необыкновенное хладнокровіе и продолжали свое дѣло даже тогда, когда они знали, что пути могли быть разрушены, и ихъ станціи могли быть захвачены въ теченіе слѣдующихъ двухъ часовъ. Ихъ храбрость объяснялась также и неосвѣдомленностью: зная меньше моего о томъ, гдѣ находится непріятель, они пускали свои поѣзда туда, гдѣ уже находились кавалерійскіе аванпосты врага.

Въ этотъ октябрьскій день, на лицѣ полной дамы, находившейся за окошкомъ кассы, не было и слѣда удивленія, когда я попросилъ билетъ въ Бетюнъ, хотя за нѣсколько часовъ до этого тамъ кончился страшный бой, продолжавшійся нѣсколько дней.

Въ поѣздѣ находились нѣсколько коммерсантовъ, ѣдущихъ въ Лиль черезъ Аркъ, гдѣ они должны были пересѣсть въ другой поѣздъ. Они, два или три французскихъ солдата и совершенно

спокойная и невозмутимая дама обсуждали вопросъ о возможности попасть въ городъ, вокругъ котораго, какъ говорили, разъѣзжала масса нѣмецкой кавалеріи. Не принимавшій участія въ обсужденіи пассажиръ, который вступилъ въ разговоръ со мной, ѣхалъ въ Бетюнъ. У него были тамъ жена съ дѣтьми, и онъ надѣялся, что они не пострадали. Только по внезапной разсѣянности на его лицѣ я могъ догадываться, что за этой надеждой скрывался тайный страхъ, котораго онъ не выдавалъ даже самому себѣ. Насъ всѣхъ можно было принять за людей, ѣдущихъ, скажемъ, между Сербитономъ и Уэйбриджемъ въ осенній день, когда шары гольфа летаютъ по площадкамъ. Ни одинъ изъ насъ не показывалъ ни малѣйшаго признака озабоченности, ни малѣйшаго сознанія близкой опасности.

Выглянувъ изъ окна вагона, я увидѣлъ, что всѣ поля кругомъ были изрыты траншеями, и что новыя траншеи поспѣшно и ловко сооружались группами солдатъ, которые сняли съ себя на это время синія шинели и весело работали своими заступами. Во всѣхъ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, батальоны пѣхоты охраняли желѣзнодорожные мосты и переѣзды. Кавалерійскіе патрули медленно подвигались по дорогамъ. Кое гдѣ кавалеристы спѣшились и, привязавъ своихъ лошадей, выглядывали изъ-за прикрытія фермъ и стоговъ сѣна, держа на готовѣ ружья и какъ бы ожидая улана, который могъ тамъ появиться.

Мы слышали гулъ пушекъ, стрѣлявшихъ залпами за холмами въ десяти миляхъ отъ насъ или еще дальше. Когда мы приблизились къ желѣзнодорожному узлу Арка, внезапно раздался взрывъ, который, какъ казалось, произошелъ весьма близко отъ насъ, и поѣздъ мгновенно остановился, скрипя тормозами.

— Что тамъ такое?—спросилъ рѣзко одинъ изъ моихъ спутниковъ.

Я высунулъ голову изъ окна вагона и увидалъ, что изъ всѣхъ оконъ выглядывали озабоченныя лица. Кондукторъ бѣжалъ по платформѣ. Начальникъ станціи кричалъ что то машинисту. Еще моментъ и мы начали итти заднимъ ходомъ и продолжали пятиться, пока мы не вышли за предѣлы станціи... Путь только что былъ взорванъ за Аркомъ разъѣздомъ уланъ, и мы должны были благодарить нашу счастливую звѣзду за то, что мы остановились во время. Мы не могли попасть въ Бетюнъ, по которому на слѣдующій день прокатилась волна боя. Я раздумывалъ о томъ, что случилось съ женой и дѣтьми того пассажира, который былъ со мной въ вагонѣ.

Въ Эръ-сюръ Лисѣ я увидѣлъ группы женщинъ и дѣтей, которыя покинули свои дома и все, что у нихъ было, за исключеніемъ нѣсколькихъ узловъ съ платьемъ и корзинъ съ пищей. Я спросилъ ихъ, что онѣ будутъ дѣлать, когда ихъ провизія кончится.

— Милостыня будетъ всегда, мсье, — сказала одна изъ женщинъ.—По крайней мѣрѣ, слава Богу мои дѣти цѣлы.

Испытавъ сначала страхъ передъ непріятельскимъ вторженіемъ, эти женщины были спокойны и выказывали поражающую храбрость и покорность судьбѣ.

Еще тяжелѣе было смотрѣть на бѣженцевъ, шедшихъ по дорогамъ изъ Хазбрука. Передъ моими глазами двигался непрерывный потокъ, тянувшійся по двумъ пересѣкающимся дорогамъ. Они медленно двигались въ телѣжкахъ булочниковъ и мясниковъ съ крытыми верхами, въ деревянныхъ телѣгахъ, нагруженныхъ нѣсколькими семьями, или шли пѣшкомъ съ дѣтскими колясочками и тачками. Многіе изъ нихъ несли на рукахъ младенцевъ. Дѣти постарше шли, держась за юбку или за руку матери. Я не слышалъ плача и рыданій. Нѣкоторые изъ бѣженцевъ, какъ казалось, относились совершенно равнодушно къ своему изгнанію. Они дошли до такого состоянія, когда уже больше не плачутъ.

Отъ одной изъ бѣжавшихъ, мадамъ Дютеркъ, покинувшей Аррасъ съ маленькимъ мальчикомъ и дѣвочкой, я услыхалъ разсказъ ея переживаній въ бомбардируемомъ городѣ. Сотни другихъ женщинъ передавали почти то же самое, и я привожу разсказъ мадамъ Дютеркъ какъ примѣръ того, что пришлось пережить женщинамъ во время неожиданнаго вражескаго нашествія.

Она находилась въ своемъ будуарѣ въ одномъ изъ старыхъ домовъ на Большой площади въ Аррасѣ, когда въ половинѣ десятаго утра первый снарядъ разорвался надъ городомъ недалеко отъ ея дома. Нѣсколько дней слышалась отдаленная пальба на высотахъ вокругъ Арраса, но теперь звукъ этого выстрѣла совпалъ съ другимъ, болѣе ужаснымъ и близкимъ грохотомъ.

— Мгновенье мнѣ казалось, что я буду уничтожена,—сказала мадамъ Дютеркъ. — Выстрѣлъ совершенно притупилъ всѣ мои чувства. Однако, скоро я пришла въ себя и стала безпокоиться о моей маленькой дѣвочкѣ, которая ушла какъ обыкновенно въ школу, находившуюся недалеко отъ насъ. Я ужасно обрадовалась, когда она прибѣжала домой нисколько не испуганная, хотя въ это время снаряды падали въ различныхъ частяхъ города.

За ночь до этого мадамъ Дютеркъ уже сдѣлала приготовленія на тотъ случай, если городъ подвергнется бомбардировкѣ. Въ ея домѣ, какъ и въ большинствѣ старыхъ домовъ въ Аррасѣ, былъ устроенъ погребъ со сводчатымъ потолкомъ, почти такимъ же крѣпкимъ, какъ потолокъ крѣпости. Она принесла туда сардинъ, хлѣба и другой провизіи, и какъ только ея маленькая дочь пришла къ ней изъ школы, она повела обоихъ дѣтей и няньку внизъ. Подземелье, какъ она называла его, тускло освѣщалось парафиновой лампой, и тамъ было сыро и холодно. Однако, она чувствовала себя теперь въ безопасности, потому что черезъ опредѣленный промежутокъ времени она слышала страшный жужжащій гулъ снаряда, похожій на гудѣнье гигантскаго шершня, сопровождающійся ужаснымъ взрывомъ, и затѣмъ еще болѣе зловѣщій грохотъ сосѣдняго дома, падающаго въ развалинахъ.

— Странно сказать, — продолжала мадамъ Дютеркъ — послѣ моего перваго испуга я уже не чувствовала страха и прислушивалась только съ напряженнымъ интересомъ къ шуму снарядовъ, опредѣляя ихъ разстояніе по ихъ звуку. Я точно знала, когда снарядъ рвался надъ нами и когда онъ падалъ въ другую часть

города, и мнѣ казалось, что я могла почти точно опредѣлить, домъ котораго изъ моихъ друзей былъ разрушенъ. Къ моему изумленію мои дѣти тоже не испытывали никакого страха. Они, повидимому, думали, что быть въ погребѣ и закусывать при свѣтѣ тусклой лампы было интереснымъ приключеніемъ. Мой мальчикъ забавлялся, скача на одной ногѣ, а моя дѣвочка была въ веселомъ настроеніи духа. Однако, нѣсколько времени спустя мы начали чувствовать лишенія. Я забыла принести въ погребъ воды или вина, и къ тому же мы стали думать о чемъ-нибудь болѣе существенномъ, чѣмъ холодныя сардины. Несмотря на трескъ и грохотъ падающихъ домовъ и на то, что нашъ домъ тоже могъ каждую минуту обвалиться, я поднялась наверхъ и начала варить макароны. Я должна была поспѣшно возвратиться въ подземелье, такъ какъ снарядъ лопнулъ совсѣмъ рядомъ съ моимъ домомъ, и на мгновенье я думала, что буду похоронена подъ его крышей. Однако, я опять пошла наверхъ въ одинъ изъ промежутковъ между выстрѣлами, нашла мои макароны сварившимися, и даже осмѣлилась выглянуть изъ дверей. Я увидала страшное зрѣлище. Вся Большая площадь была завалена обломками крышъ и стѣнъ, при чемъ нѣкоторые дома пылали какъ костеръ. Изъ другихъ частей города поднимались густые клубы дыма и красные языки пламени.

Три дня мадамъ Дютеркъ провела въ погребѣ. Она не знала, что ея мужъ, пріѣхавшій изъ Булони, чтобы спасти ее, наблюдалъ битву съ высоты за городомъ, войти въ который ему не дозволяли солдаты. Въ четвергъ утромъ она рѣшилась покинуть свое подземное убѣжище. Смѣлый сосѣдъ принесъ ей новость, что нѣмцы окружаютъ желѣзнодорожную станцію и могутъ войти въ городъ.

— Я не боялась нѣмецкихъ снарядовъ,—сказала она—но я сильно боялась нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ. Вообразите, что ждало бы насъ, если бы они поймали меня съ моей маленькой дочкой. Первый разъ я почувствовала ужасный страхъ и рѣшилась бѣжать изъ Арраса во что бы то ни стало.

Съ дѣтьми и нянькой она прошла по улицамъ, надъ которыми все еще рвались снаряды и съ ужасомъ смотрѣла на разрушеніе вокругъ нея. Ратуша была совершенно разбита, хотя въ то время знаменитая колокольня все еще возвышалась надъ развалинами города, и часы ея били попрежнему среди этой трагедіи.

Мадамъ Дютеркъ разсказала мнѣ все это просто и не сознавая своего блестящаго мужества. Она была одной изъ тѣхъ тысячъ французскихъ женщинъ, которыя переносили ужасъ войны со святымъ героизмомъ, превосходящимъ пониманіе людей. Говорить съ этими француженками было поучительно, и я удивлялся величію ихъ духа.

Я поѣхалъ обратно съ этими бѣженцами. Далеко отъ насъ, около Хазбрука пушки все еще гремѣли, и аванпосты французской кавалеріи на поляхъ все еще ждали появленія враговъ.

3.

Для женщинъ и дѣтей лучше было оставаться въ Аррасѣ подъ постояннымъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, чѣмъ находиться въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ деревень по долинамъ Марны и Мааса и въ департаментѣ Сены, черезъ которыя прошли нѣмцы. Лучше было быть убитымъ чистымъ осколкомъ снаряда, чѣмъ испытать гнусное насиліе отъ нѣмецкихъ солдатъ, дьявольскія страсти которыхъ проявились во всю благодаря алкоголю, благодаря первому опьяненію войной и страху, который превращалъ ихъ въ жестокихъ звѣрей.

Я думаю, что именно страхъ и былъ главной причиной тѣхъ звѣрскихъ поступковъ, которыми нѣмецкіе солдаты запятнали честь Германіи въ началѣ войны. Проходя по враждебной странѣ среди населенія, извѣстнаго своей отчаянной храбростью и проникнутаго гордымъ духомъ патріотизма, нѣмецкіе генералы все время опасались партизанскихъ выступленій со стороны крестьянъ, ружейныхъ выстрѣловъ изъ оконъ домовъ, убійства своихъ солдатъ, разставленныхъ по фермамъ, шпіоновъ, скрывающихся повсюду, и вольныхъ стрѣлковъ, преслѣдующихъ нѣмецкую армію при ея передвиженіи. Ихъ учебники утверждали, что всего этого слѣдовало ожидать отъ французскаго населенія, и что такая опасность можетъ быть предотвращена только жестокостью. Прокламаціи, наклеенныя на стѣнахъ захваченныхъ городовъ, обнаруживали страхъ, равно какъ и жестокость. Мэръ и вліятельные граждане должны служить заложниками. Если хоть одинъ нѣмецкій солдатъ будетъ убитъ, за это послѣдуетъ страшное отмщенье. Если замѣчена будетъ попытка со стороны гражданъ войти въ сношенія съ французскими войсками или ослушаться приказа нѣмецкаго командира, ихъ дома будутъ сожжены, ихъ собственность конфискована и они заплатятъ жизнью за это. Лысые офицеры въ остроконечныхъ каскахъ, смотря такъ угрожающе сурово изъ-подъ своихъ очковъ, таили страхъ въ своихъ сердцахъ и скрывали его подъ личиной жестокости.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что когда оффиціальныя объявленія такого рода были расклеены на стѣнахъ французскихъ деревень, младшіе офицеры и ихъ солдаты стали нервничать, опасаясь того, на что намекалось въ этихъ объявленіяхъ, и, пожалуй, находили совершенно искренно ясныя доказательства заговора, затѣвавшагося противъ нихъ гражданскимъ населеніемъ. По улицѣ деревни прогремѣлъ выстрѣлъ. „Крестьяне стрѣляютъ въ насъ!“ кричитъ нѣмецкій солдатъ неврастеникъ. „Бейте ихъ! Стрѣляйте во всѣхъ, кого ни увидите!“ приказываетъ офицеръ, выучившій твердо свой урокъ жестокости. „Выкуримъ изъ гнѣзда этихъ осъ! Lieber Gott, мы дадимъ имъ хорошенькій урокъ!“

У нихъ имѣлся весь нужный матеріалъ для урока: горючія и легко воспламеняемыя таблетки, заставлявшія пылать домъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ, послѣ того какъ ихъ разбросать по полу и коснуться зажженной спичкой—у меня есть образчикъ этихъ таблетокъ—зажигательныя бомбы, дѣйствіе которыхъ было

еще быстрѣе, факелы для того, чтобы пустить огонь по старымъ амбарамъ и тростниковымъ крышамъ. Этотъ матеріалъ для разрушенія не былъ забытъ въ удивительномъ снаряженіи нѣмецкой арміи, и его употребляли во многихъ городкахъ и деревняхъ, гдѣ нѣмецкіе солдаты слышали дѣйствительные или воображаемые выстрѣлы, подозрѣвали предательство со стороны всякой беззубой старухи и были охвачены дикимъ страхомъ, потому что эти француженки, эти старые фермеры и рабочіе и даже дѣти смотрѣли на нихъ съ призрѣньемъ, хранили гробовое молчаніе и не скрывали своей ненависти даже тогда, когда къ нимъ обращались съ ободряющими тевтонскими привѣтствіями. Молчаніе крестьянъ, ихъ мрачные взгляды казались нѣмецкимъ солдатамъ какъ бы злыми чарами, окружавшими ихъ. Это заставляло нервничать и сердило ихъ. Они пришли насладиться плодами побѣды во Франціи или въ лучшемъ случаѣ насладиться жизнью, прежде чѣмъ къ нимъ не придетъ смерть.

4.

Воспоминаніе о насиліяхъ горитъ бѣшенымъ пламенемъ въ сердцахъ французовъ, горитъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они превращаются какъ бы въ безумныхъ.

Одинъ мой пріятель, англичанинъ, служившій въ походномъ госпиталѣ при французскихъ войскахъ на Маасѣ, однажды проводилъ ночь въ маленькомъ французскомъ замкѣ съ нѣсколькими изъ своихъ сотоварищей и соотечественниковъ. Разговоръ перешелъ на Англію. Уже насталъ апрѣль и души всѣхъ собесѣдниковъ послѣ десяти мѣсяцевъ войны обращались къ ихъ семьямъ. Они говорили о своихъ матеряхъ, женахъ и дѣтяхъ. У одного изъ нихъ была дома хорошенькая дочка, и онъ прочелъ часть ея послѣдняго письма, смѣясь надъ ея веселыми шутками, ея описаніемъ стараго пони и собакъ, надъ разсказами о продѣлкахъ ея чернаго котенка. Остальные собесѣдники тоже разоткровенничались и показали свои чувства другимъ, чего обыкновенно англичане тщательно избѣгаютъ. Въ комнатѣ находился французскій офицеръ, который сидѣлъ очень тихо, слушая эти разсказы. Свѣчи тускло горѣли на столѣ, когда онъ, наконецъ, заговорилъ страннымъ жесткимъ голосомъ.

— Для васъ, англичанъ, пріятно будетъ вернуться домой. Тѣ, которые не убиты здѣсь, будутъ счастливы увидать опять своихъ женщинъ. Вы не хотите умирать изъ-за этого... Если бы мнѣ теперь пришлось вернуться домой, я не былъ бы счастливъ, господа. Я нашелъ бы мою жену и мою дочь въ ожиданіи младенцевъ, отцы которыхъ нѣмецкіе солдаты... Англія не испытала непріятельскаго нашествія.

5.

Самое страшное разрушеніе во Франціи я видѣлъ въ Шампани, когда я ходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ раньше были де-

ревни Сермэзъ, Гелькъ-ле-Морю, Блемъ и Гюиронъ. Сермэзъ была совершенно сметена съ лица земли. Насколько я могъ видѣть, тамъ не осталось ни одного дома. Не было пощажено ни одной стѣны. Все, что осталось, лежало на землѣ, и только кое-гдѣ торчали изъ груды кирпичей и золы обуглившіяся печныя трубы. Жалкіе остатки домашней обстановки лежали въ грудахъ пепла, указывая на то, что здѣсь жили люди, цѣнившіе жизненный уютъ. Вывѣска сгорѣвшей гостиницы, дававшей пріютъ многимъ проѣзжавшимъ, лежала бокомъ на массѣ разбитыхъ кирпичей съ надписью до такой степени иронической, что я расхохотался среди развалинъ: „Chauffage central“. „Центральное отопленіе“ по системѣ, изобрѣтенной нѣмцами въ эту войну было слишкомъ уже горячо для гостиницы и сожгло ее до основанія. Полдюжины крестьянъ стояло на одной изъ этихъ „улицъ“, между кучами мусора всякаго рода, гдѣ когда-то были ихъ дома. Нѣкоторые изъ крестьянъ оставались въ своихъ жилищахъ до тѣхъ поръ, пока снаряды не сорвали съ ихъ домовъ печныя трубы. Нѣкоторые изъ ихъ сосѣдей, не спѣшившіе выбраться, были раздавлены падающими домами. Однако, нужно замѣтить, что разрушеніе домовъ было вызвано не артиллерійскимъ огнемъ. Нѣмцы разбросали по домамъ черныя воспламеняющіяся таблетки и подожгли оконныя занавѣски для того, чтобы устроить иллюминацію въ честь своего отступленія. Сермэзъ превратился въ огненную улицу, и изъ каждаго дома, объятаго тяжелымъ покровомъ дыма, вылетало пламя на подобіе красныхъ змѣй. Крестьяне, спрятавшіеся въ оврагахъ за милю отъ деревни, съ ужасомъ смотрѣли на яркій столбъ пламени, поглощавшей ихъ дома и обстановку, и имъ казалось, какъ будто бы горѣла ихъ жизнь, оставляя за собою только золу и пепелъ ихъ надеждъ и счастья.

— Это былъ мой домъ,—сказалъ одинъ изъ крестьянъ, указывая на развалины.—Я провелъ черезъ порогъ, который былъ здѣсь, мою жену. Она была красивая дѣвушка, съ волосами какъ золото, мосье. Теперь ея волосы стали совсѣмъ сѣдыми въ продолженіе послѣднихъ недѣль. Вотъ, что война дѣлаетъ съ женщинами. Здѣсь много такихъ, посѣдѣвшихъ до времени.

Я видѣлъ этихъ сѣдыхъ женщинъ въ Блемѣ, Гюиронѣ и другихъ деревняхъ, превращенныхъ въ пепелъ. Онѣ безутѣшно бродили среди развалинъ и смотрѣли почти безнадежно на постройку деревянныхъ хижинъ англійскими квакерами, которые явились сюда, чтобы устроить пріютъ для бездомныхъ дѣтей Франціи. Квакеры дѣлали доброе дѣло, одно изъ самыхъ прекрасныхъ дѣлъ въ эту войну, оправдывая названіе своей общины какъ „Общества друзей“. Но хотя они очень ловко справлялись съ постройками, дерево для которыхъ имъ дало французское правительство, всѣ ихъ труды и вся ихъ филантропія не могли вернуть погибшей красоты старыхъ деревень Шампани, выстроенныхъ артистами своего дѣла сто лѣтъ тому назадъ и освященныхъ самимъ временемъ, такъ что камни зданій передавали крестьянамъ разсказы изъ исторіи. Трудно починить старую сѣрую башню церкви Гюирона, черезъ которую съ трескомъ про-

летали снаряды, и вновь воздвигнуть дубовую крышу церкви, балки которой разошлись на подобіе переломанныхъ реберъ въ гніющемъ трупѣ.

Вблизи Гюирона стоялъ старый замокъ, въ которомъ знатная французская семья жила цѣлыя столѣтія во время войнъ и революцій. На этомъ замкѣ было много остроконечныхъ шпицевъ, причудливыхъ башенокъ и рѣшетчатыхъ оконъ, выходящихъ въ садъ, гдѣ были бесѣдки и уединенныя мѣста, въ которыхъ дамы мечтали много дней въ великомъ прошломъ исторіи. Когда я проходилъ мимо послѣ того, какъ отсюда ушли нѣмцы, шпицы и башенки обвалились, и вмѣсто рѣшетчатыхъ оконъ зіяли отверстія въ почернѣвшихъ стѣнахъ. Садъ представлялъ изъ себя сплошной хаосъ затоптанныхъ кустарниковъ среди кучъ пепла и изломаннаго желѣза. Пылающій факелъ уничтожилъ все, что пощадило время, и Гюиронскій замокъ представлялъ изъ себя кладбище красоты...

Въ одной изъ деревни Шампани—я думаю въ Блемѣ—я видѣлъ одну вещь, случайно уцѣлѣвшую тогда, когда все кругомъ лизало пламя поджигателей. Богъ знаетъ почему, она казалась мнѣ въ высшей степени трогательной среди общаго разрушенія. Это былъ маленькій каменный фонтанъ, изъ котораго бѣжала, какъ бы играя, струя воды, падая брызгами въ изукрашенный рѣзными фигурами бассейнъ. Когда пожаръ бушевалъ въ деревнѣ, этотъ фонтанъ игралъ попрежнему и отражалъ багровый свѣтъ пламени въ своей журчащей струѣ. Дѣти многихъ поколѣній плескали руками въ этомъ бассейнѣ. Хорошенькія дѣвушки видѣли отраженіе въ немъ своихъ карихъ глазъ. Въ лѣтніе дни деревенскій людъ гулялъ вокругъ этого символа красоты и граціи. Мнѣ казалось, какъ будто я нашелъ мраморно-бѣлую Венеру среди пыльной кучи на кладбищѣ.

6.

Не мало французскихъ деревень было захвачено страшнымъ ураганомъ нашествія, и не одна бѣдная женщина посѣдѣла въ это время. Въ продолженіе длинныхъ мѣсяцевъ осадной войны на картахъ помѣщалась длинная черная полоса, и эти карты печатались по всему міру изо дня въ день съ удручающимъ однообразіемъ. Интересно было бы знать, многіе ли понимаютъ значеніе этой полосы, обозначающей длину нѣмецкаго фронта во Франціи, и многіе ли представляютъ въ своемъ умѣ черную полосу всѣхъ сожженыхъ и разграбленныхъ деревень въ десять миль шириной. Не менѣе интересно знать, сколько людей, ищущихъ въ газетахъ геройскихъ штыковыхъ атакъ или леденящихъ кровь разсказовъ о томъ, какъ рядовой Джонъ Смитъ въ единственномъ числѣ удерживалъ цѣлый корпусъ съ улыбкой на устахъ, представляли себѣ, хотя бы смутно, бѣгство несчастныхъ жителей этой полосы, страхъ женщинъ и дѣтей, попавшихъ въ эту адскую западню, и отвратительное зрѣлище длинныхъ дорогъ Франціи, гдѣ мертвыя тѣла лежали и гнили подъ дождемъ и

солнцемъ, а жилища крестьянъ представляли развалины отъ Артуа до Лотарингіи.

Духъ разрушенія какъ бы основалъ свое царство по долинѣ Эна и Веля. Это была долина смерти. Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ было упомянуто только нѣсколько деревень, благодаря ихъ стратегической важности, но о сотняхъ селеній, которыхъ коснулась рука смерти и превратила ихъ въ развалины и кладбища, не было сказано ни слова.

Въ маленькихъ поселкахъ дистрикта Викъ-сюръ-Энъ, а именно въ Саконенѣ, Пернанѣ, Амблени и Рессонѣ, очаровательныхъ уголкахъ во время мира, гдѣ природа проявила всю свою красоту на берегахъ извивающейся рѣки, и гдѣ само время какъ будто бы спало, французскіе солдаты угрюмо смотрѣли на продавленныя крыши, разбитыя стѣны, на искривленныя желѣзныя части плуговъ, на разбитыя телѣги и на весь хаосъ, причиненный безпощадной войной. Недѣлю за недѣлей нѣмецкіе, французскіе и британскіе снаряды разбивали эти деревни, превращая ихъ въ прахъ и пепелъ. Крестьяне, не желавшіе покинуть свои фермы, попрятавшіеся сначала въ погребахъ, но въ концѣ-концовъ бѣжавшіе, давали мнѣ описаніе происходившаго здѣсь ада двумя—тремя фразами.

Они не жаловались на судьбу—ихъ несчастье ровно ничего не значило по сравненію съ несчастьемъ ихъ сосѣдей. Каждый изъ нихъ зналъ худшій случай, чѣмъ его собственный, и, качая головой, крестьяне говорили, что здѣсь много потерпѣвшихъ больше нихъ.

Лавочники и крестьяне, всѣ, которые бѣжали изъ долинъ Веля и Эна, разсказывали ту же самую монотонную, но страшную повѣсть. Судьба предназначила имъ быть на мѣстѣ смерти. Одинъ старикъ, пришедшій изъ долины Веля, жилъ два мѣсяца среди непрестанной канонады. Онъ видѣлъ, какъ его маленькій городъ брали десять разъ то нѣмцы, то французы.

Когда я услышалъ объ этомъ, я подумалъ: „Вотъ человѣкъ, которому есть что поразсказать!“ Если бы все, что онъ видѣлъ, всѣ ужасы и весь героизмъ, происходившій передъ его глазами, записать точь-въ-точь такъ, какъ онъ описывалъ ихъ на своемъ крестьянскомъ языкѣ, его слова читались бы будущими поколѣніями, какъ историческій документъ.

Что же онъ отвѣтилъ на всѣ вопросы относительно его впечатлѣній о пережитомъ? Онъ былъ глуховатъ и, приложивъ правую руку къ уху, долго смотрѣлъ на меня, нѣсколько озадаченный. Наконецъ, онъ вымолвилъ: „Трудно было спать“.

Вотъ все, что онъ могъ сказать, и много крестьянъ походили на него, повторяя какія-нибудь мелочныя подробности о пережитомъ, напримѣръ о потерѣ собаки, или о разбитомъ чайникѣ, какъ будто бы это ставило на второй планъ ихъ дѣйствительныя страданія. Однако, при терпѣніи, мало-по-малу отъ нихъ можно было получить болѣе интересныя свѣдѣнія. Напримѣръ, старикъ изъ Супира разсказалъ мнѣ болѣе живо о пережитомъ. Въ его домѣ остановилось нѣсколько нѣмцевъ, когда ихъ армія прохо-

дила по этой мѣстности. Жители Супира, по его словамъ, были раздѣлены на двѣ группы. Здоровые мужчины были отосланы въ Германію, а женщины и дѣти, захваченныя при отступленіи, были потомъ отпущены послѣ того, какъ нѣсколько дѣтей было убито, и хорошенькія дѣвушки подверглись насилію. Вступивши въ Супиръ, французскія войска нашли тридцать человѣтъ, укрывшихся въ погребахъ. Эти несчастные сошли съ ума и плакали, и умоляли, чтобы ихъ оставили въ ихъ убѣжищахъ, такъ какъ они все еще слышали взрывы снарядовъ и боялись смерти. „Война объединяетъ народъ“, говорятъ философы, „Война освобождаетъ народы отъ ихъ пустой гордости“. Если существуетъ дьяволъ— а многіе скептики теперь вѣрятъ не въ одного, а въ сотни тысячъ дьяволовъ—какъ долженъ хохотать старый мошенникъ, слыша такія слова!

7.

Психологъ, странствующій по мѣстности, попавшей въ сферу военныхъ дѣйствій, былъ бы удивленъ при видѣ того, какъ много французскихъ крестьянъ не хотѣло разстаться со своими домами, несмотря на весь ужасъ передъ нѣмецкими снарядами и нѣмецкими солдатами. Въ январѣ 1915 года, когда непріятель внезапно двинулъ свои полчища черезъ холмы Куффи и Круи къ сѣверу отъ Суассона и, благодаря своей подавляющей численности, заставилъ французовъ перейти на другой берегъ Эна въ то самое время, когда разливъ рѣки снесъ много понтонныхъ мостовъ, и путь къ отступленію былъ почти отрѣзанъ, вмѣстѣ съ отступавшими шли огромныя толпы крестьянъ, остававшихся въ этой мѣстности на протяженіи фронта въ пятнадцать миль ширины до тѣхъ поръ, пока они не были прогнаны артиллерійскимъ огнемъ при послѣдней атакѣ, которая отдала развалины ихъ домовъ въ руки нѣмцевъ. За три мѣсяца до этого Круи уже представлялъ изъ себя мишень для пушекъ непріятеля, такъ что едва ли тамъ уцѣлѣлъ хотя бы одинъ домъ.

Тѣмъ не менѣе съ той приверженностью къ своему дому, которая составляетъ наиболѣе сильный инстинктъ въ сердцѣ французскихъ крестьянъ, многіе изъ нихъ жили въ погребахъ, получая пищу отъ французскихъ солдатъ. Тамъ они жались другъ къ другу, когда снаряды проносились со свистомъ надъ ихъ головами, и когда ихъ жилища падали и превращались въ жалкія развалины.

Такъ было въ Реймсѣ, Аррасѣ и другихъ городахъ, не избѣгнувшихъ разрушенія, несмотря на великолѣпіе ихъ архитектуры, которая никогда не можетъ быть возстановлена въ ея прежней красотѣ. Только нѣсколько дней тому назадъ я стоялъ на краю величайшаго поля битвы во Франціи и съ наблюдательнаго пункта, устроеннаго на деревѣ, возвышающемся надъ долиной, смотрѣлъ на Реймскій соборъ. Нѣмецкіе снаряды все еще падали вокругъ него, и его огромныя стѣны стояли мрачно въ облакахъ дыма. Девять мѣсяцевъ, какъ Реймсъ подвергался ужасамъ вой-

ны. Шрапнель, снаряды для поджога и чудовищные „котлы“ — marmites—падали въ его предѣлы недѣля за недѣлей, иногда по одному или по два въ день, иногда же цѣлыми потоками, но всегда убивая людей, каждый разъ разбивая нѣсколько домовъ, каждый разъ разрушая какое-нибудь прекрасное произведеніе скульптуры. Тѣмъ не менѣе здѣсь оставались тысячи горожанъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, не желавшихъ оставить свой городъ. Они жили въ погребахъ, куда они перенесли свои кровати и пищу, и когда бомбардировка стихала, они выползали на свѣтъ дня, смотрѣли на вновь разрушенныя зданія и шли по своимъ домамъ, пока слѣдующій ураганъ смерти не заставлялъ ихъ опять прятаться подъ землю.

8.

Болѣе жалкая была участь тѣхъ французовъ, которые жили въ городахъ, занятыхъ непріятелемъ, не подвергавшихся обстрѣлу, какъ въ Лилѣ, Сенъ-Кантэнѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ, на улицахъ которыхъ нѣмцы гордо расхаживали въ своихъ остроконечныхъ каскахъ. Въ этихъ многолюдныхъ городахъ они вели себя, по большей части, прилично. Порядокъ среди солдатъ поддерживался съ безпощадной суровостью высшими нѣмецкими офицерами. Тамъ не происходило тѣхъ отвратительныхъ и позорныхъ преступленій, которыми запятнала себя германская армія въ своемъ наступленіи на Марну и отходѣ отъ нея. Ни пожаровъ, ни проявленій варварства не было на улицахъ этихъ городовъ. Наоборотъ, всякій нѣмецкій солдатъ, уличенный въ грабежѣ, насиліяхъ и пьяномъ безобразіи тотчасъ же разстрѣливался. Но для французовъ была сущая пытка видѣть ежедневно эти полчища вражескихъ войскъ на ихъ улицахъ и въ ихъ домахъ, слышать нѣмецкую рѣчь и повиноваться приказамъ генераловъ, которые прошли черезъ Сѣверную Францію по тѣламъ французскихъ солдатъ, разрушая, сжигая и убивая все, что ни встрѣчалось имъ на пути. Жители захваченной врагомъ части Франціи чувствовали горечь нашествія болѣе остро нежели тѣ, что прятались въ погреба подъ пушечнымъ огнемъ. Они не были ранены, но ихъ души истекали кровью. Они читали сообщенія, наклеенныя по стѣнамъ, о нѣмецкихъ побѣдахъ и о французскихъ пораженіяхъ. Въ ресторанахъ, кафе, и въ своихъ собственныхъ домахъ они были должны служить людямъ, занятымъ убійствомъ ихъ родственниковъ. Трудно было выносить нахальство молодыхъ офицеровъ, которые подмигивали дѣвушкамъ, возлюбленные которыхъ лежали убитыми гдѣ-нибудь между французскими и нѣмецкими окопами.

Отъ одной дамы, которая оставалась семь мѣсяцевъ въ Сенъ-Кантэнѣ я слышалъ разсказъ о томъ, какъ внезапно на городъ обрушилось вражеское нашествіе и захватило врасплохъ населеніе. Прибытіе германскихъ войскъ было полной неожиданностью для населенія, которое до самаго конца не получало никакого предостереженія отъ властей. Французская пѣхота покинула го-

родъ, и осталось только нѣсколько англійскихъ и шотландскихъ солдатъ, которые потеряли свои части въ отступленіи, и тѣ французы, что лежали ранеными въ госпиталяхъ. Непріятель вступилъ въ городъ въ четыре часа дня двадцать восьмого августа, окруживъ его со всѣхъ сторонъ такъ, что ихъ колонны входили съ разныхъ сторонъ. Населеніе, объятое паникой, осталось по большей части въ своихъ домахъ, смотря въ окна на ряды загорѣлыхъ и покрытыхъ пылью солдатъ, шедшихъ по улицамъ. Нѣсколько британскихъ солдатъ, попавшихся такимъ образомъ въ ловушку, рѣшили биться до смерти, которая, какъ они хорошо знали, была неизбѣжна. Нѣсколько англичанъ и шотландцевъ открыли стрѣльбу по нѣмцамъ, когда они приближались къ главному скверу, и были немедленно убиты. Одинъ изъ нихъ, высокій молодой солдатъ, устроился на углу Place du Huit Octobre и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и быстротой выпускалъ пулю за пулей, такъ что нѣсколько нѣмцевъ было убито и ранено. Нѣмцы установили пулеметъ и направили его противъ одного человѣка, который пытался удержать армію. Онъ упалъ, пронизанный пулями, и былъ разорванъ на куски, когда онъ лежалъ на землѣ.

Въ общемъ нѣмцы вели себя хорошо въ Сенъ-Кантэнѣ. Ихъ законъ былъ суровъ, но справедливъ, и хотя населеніе было принуждено питаться чернымъ хлѣбомъ, однако, хлѣба было въ изобиліи и въ концѣ-концовъ онъ не былъ плохъ. Какъ одна изъ наиболѣе важныхъ базъ германской арміи во Франціи, городъ былъ постоянно наполненъ солдатами разныхъ полковъ, которые оставались въ немъ ненадолго. Тѣмъ временемъ войска, назначенныя для гарнизона, устроились въ городѣ какъ у себя дома. Они открыли много своихъ магазиновъ, булочныя, портняжныя заведенія и мелочныя. Въ виду нарушеній дисциплины и безобразій, которыя случались въ нѣкоторыхъ кафе и ресторанахъ, послѣдніе были отданы подъ надзоръ нѣмецкимъ офицерамъ, при чемъ каждый изъ нихъ выступалъ въ качествѣ censor morеs [1]) и учителя хорошихъ манеръ.

Мы наталкивались на психологическую загадку всѣхъ этихъ контрастовъ между желѣзной дисциплиной и великолѣпной организаціей, благодаря которымъ подавлялось всякое насиліе въ большихъ городахъ, занимаемыхъ нѣмцами на продолжительное время, и тѣмъ беззаконіемъ и грабежомъ въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили съ поспѣшностью, дававшей имъ только возможность проявить жестокое звѣрство надъ невинными людьми. Хотя это и загадка, можно полагать, что она даетъ ключъ къ пониманію нѣмецкаго идеала войны. Тамъ, гдѣ хватало времени установить дисциплину, солдаты вели себя прилично и не осмѣливались нарушать приказовъ своихъ начальниковъ. Только тамъ, гдѣ были даны спеціальные приказы запугать населеніе, и тамъ, гдѣ младшіе офицеры не могли сдержать своихъ людей или сами показывали имъ дорогу благодаря своей порочности, нѣмецкіе

[1]) Блюстителя нравовъ.

солдаты совершали свои звѣрства. Даже въ настоящее время, послѣ всего того, что я видѣлъ въ разрушенныхъ деревняхъ Франціи, я не могу заставить себя вѣрить, что германскій народъ отличается отъ другихъ европейскихъ народовъ звѣрскими наклонностями. Плѣнные, съ которыми я бесѣдовалъ, голубоглазые саксонцы и толстые баварцы, съ которыми я ѣхалъ послѣ битвы при Невъ-Шапель, казались мнѣ удивительно похожими на нашихъ неотесаныхъ парней изъ деревни Соммерсетшира и Девоншира. Ихъ офицеры были вѣжливыми и хорошо воспитанными людьми, въ которыхъ я не замѣчалъ ни признака дьявольской похоти и жестокости. Въ своемъ нормальномъ состояніи они были добродушные люди съ маленькой черточкой тевтонской тяжеловѣсности, заставлявшей ихъ пить много пива, и съ тѣмъ высокомѣріемъ по отношенію къ женщинамъ, которое невыносимо для англичанъ, или, по крайней мѣрѣ, было невыносимо до тѣхъ поръ, пока они не бросили своей старой англійской вѣжливости, когда суффражистки выступили противъ ихъ авторитета.

Всѣ жестокости были совершены нѣмцами въ ненормальномъ состояніи. Въ началѣ войны ихъ кровь была разгорячена жаркими лучами солнца, и въ первомъ упоеніи своего наступленія, опьяненные кровью и французскимъ виномъ, они вдругъ вернулись къ первобытнымъ страстямъ благодаря духу войны, срывающему съ людей всѣ покрывала цивилизаціи и благопристойности, и временно превратились въ дикарей, столь же мало считающихся съ нравственными законами, какъ краснокожій на своей боевой тропѣ. Они принадлежали къ арміи, наступавшей въ непріятельскую страну и проходившей среди враждебнаго имъ населенія; душа войны лишила каждаго изъ нихъ его собственной отдѣльной души и вложила въ него чары безумія, такъ что его глаза были налиты кровью, и его чувства были воспламенены похотью. Во время войны съ Наполеономъ въ Испаніи молодые англичане изъ патріархальныхъ и мирныхъ деревень, съ благочестивыми матерями, молящихся за нихъ дома въ сѣрыхъ старыхъ церквахъ, и съ хорошенькими сестрами, поклоняющихся имъ какъ героямъ, были какъ бы очарованы тѣмъ же самымъ колдовствомъ, какъ теперь нѣмцы, и продѣлывали отвратительныя и ужасныя вещи, которыя впослѣдствіи видѣлись имъ во снѣ и заставляли ихъ пробуждаться въ холодномъ поту отъ стыда и ужаса. Много молодыхъ нѣмцевъ будетъ пробуждаться отъ такихъ же сновъ, когда они вернутся назадъ въ Дюссельдорфъ и Бингенъ на Рейнѣ, стараясь убѣдить себя, что они не совершали того, что стало невѣроятно и непостижимо послѣ ихъ пробужденія отъ кошмара. На короткое время ихъ души были захвачены душой войны, ихъ героизмъ былъ замаранъ безстыдствомъ, и ихъ идеалы были посрамлены варварской жестокостью. Когда они придутъ въ нормальное состояніе, у нихъ будетъ лишь одно извиненіе передъ самими собой: „Это случилось на войнѣ“. Эту фразу человѣкъ повторялъ во всѣ вѣка своей исторіи для оправданія кровавыхъ злодѣйствъ, которыя всегда заставляли его быть лжецомъ по отношенію къ его вѣрѣ и добрымъ богамъ.

ГЛАВА VII.

ПОСЛѢДНІЙ ОПЛОТЪ БЕЛЬГІЙЦЕВЪ.

1.

Въ продолженіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ съ начала войны я все время бродилъ по Франціи и исколесилъ много сотенъ миль между Нанси и западнымъ берегомъ, находясь все время между французскими и британскими войсками и наблюдая съ неустаннымъ интересомъ драму великаго народа, поглощеннаго борьбой не на жизнь, а на смерть съ самой грозной арміей въ мірѣ. По временамъ я приходилъ въ соприкосновеніе съ британской арміей и видѣлъ англійскихъ солдатъ, которые пробили себѣ дорогу отъ Монса до Мо, но по большей части я былъ съ французами и старался, какъ только я могъ, объяснить англійскому народу духъ Франціи.

Однако, мнѣ хотѣлось увидать какъ велъ войну другой народъ, и я проникся почтеніемъ къ духу Бельгіи и ея героическому населенію, которое въ то время потеряло все кромѣ послѣдняго клочка своей территоріи, но все еще продолжало упорно и отчаянно биться почти безъ всякой помощи съ державой, разрушившей его города до основанія, истребившей его древніе памятники искусства и превратившей его маленькую страну, мирную и промышленную, въ страшное мѣсто убійствъ и разрушенія.

Еще во Франціи я уже представлялъ себѣ разгромъ Бельгіи и видѣлъ жертвы этого разгрома. Съ того дня, какъ я впервые наткнулся въ Калэ на поѣздъ съ бельгійскими солдатами, разбитыми усталостью во время ихъ отступленія, я видѣлъ предъ собой безконечную процессію бѣженцевъ изъ потерпѣвшей пораженіе страны и слышалъ отъ нихъ разсказы объ Алоетѣ, Лувэнѣ, Термондѣ и о другихъ городахъ, гдѣ царилъ одинъ ужасъ среди закопченныхъ пожаромъ камней и кусковъ человѣческаго мяса. Паденіе Антверпена гулко раздалось по Франціи, и сдача его послѣ неоправдавшейся надежды, что онъ никогда не попадетъ въ руки врага, наполнило душу французскаго народа ужаснымъ смятеніемъ. Не къ чему было скрывать важность этой нѣмецкой побѣды, когда Франція, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ и съ помощью Англіи, едва могла отбросить потокъ этихъ все наводняющихъ полчищъ за Марну, а теперь наступавшихъ со страшной мощью къ западу по направленію къ Калэ. Паденіе Антверпена должно было освободить огромныя и лучшія силы непріятеля. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ этого удара для союзныхъ армій, эскадроны нѣмецкой кавалеріи прорвались во Францію, быстро пробивая себѣ дорогу черезъ Лиль и Армантьеръ по направленію къ Бетюну и Ла-Бассе, разрушая желѣзнодорожные пути, взорванные уже разъ и вновь приведенные въ порядокъ, и наводя ужасъ на обитателей французскихъ деревень,

которые еще не вѣдали до сихъ поръ этихъ гусаровъ смерти. Въ качествѣ журналиста, которому грозила все увеличивавшаяся строгость военныхъ распоряженій относительно корреспондентовъ, я не имѣлъ возможности оповѣстить правду. Я уже подозрѣвалъ гибель Антверпена за нѣсколько дней до того, какъ была рѣшена его участь, и я бросился на сѣверъ, чтобы добраться какъ можно ближе къ бельгійской границѣ. Ближайшее мѣсто, куда я могъ попасть, былъ Дюнкирхенъ, и я попалъ туда какъ разъ во-время, чтобы быть свидѣтелемъ удивительныхъ сценъ. Я видѣлъ такія картины, что даже теперь, когда я пишу, по прошествіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, эти картины наполняютъ мою душу состраданіемъ и вызываютъ во мнѣ мысль о необъятной трагедіи человѣчества.

2.

Городъ Дюнкирхенъ, откуда я отправлялся въ поискахъ за приключеніями на театръ войны такъ часто, что я буду живо помнить его всю мою жизнь, былъ въ октябрѣ мѣстомъ дикаго хаоса, наполненномъ гуломъ голосовъ безмѣрной массы народа и топотомъ безчисленныхъ ногъ, выбивавшихъ на его мостовой какъ бы трагическій маршъ. Усталые шаги по тротуарамъ и по булыжникамъ мостовыхъ производили шумъ, подобный шуршанію волнъ на камняхъ и пескѣ морского берега, странный, глухой, съ особымъ ритмомъ, который притуплялъ чувства, если прислушиваться къ нему долгое время. Я думаю, что въ этотъ день общая нервность захватила и меня. Какая-то тоска нашла на меня, такъ что я почувствовалъ слабость и упадокъ духа. Кромѣ того, и въ другомъ отношеніи удручающе дѣйствовали эти огромныя толпы бельгійцевъ, которыя пришли сюда или пріѣхали по большимъ прямымъ дорогамъ, ведущимъ во Францію, и теперь пробивались къ докамъ, гдѣ тысячи ихъ расположились лагеремъ. Отъ ихъ неизбѣжной въ данномъ случаѣ нечистоты, отъ пота и слезъ, высохшихъ на ихъ щекахъ, отъ пыли и грязи на ихъ одеждѣ распространялся тошнотворный запахъ. Несчастные люди! Было что-то постыдное и отвратительное въ вашемъ жалкомъ состояніи, и мнѣ было стыдно смотрѣть на васъ. Предо мною были изнѣженныя дамы съ криво надѣтыми шляпами и растрепанными волосами, въ перепачканныхъ и разорванныхъ дорогихъ платьяхъ, что придавало имъ видъ проститутокъ изъ темныхъ и глухихъ переулковъ. Я видѣлъ молодыхъ дѣвушекъ, воспитывавшихся въ монастыряхъ и теперь окунувшихся въ море бѣженцевъ, лишенныхъ всего, что даетъ уютъ жизни, до того, что онѣ не могли слѣдовать приличіямъ цивилизаціи и должны были открыто удовлетворять естественныя потребности. Крестьянки, сидя на корточкахъ, кормили своихъ младенцевъ, плача надъ ними и причитая. Дѣти съ испуганными глазами, какъ будто бы они были оставлены одни-одинешеньки въ ужасномъ мракѣ, искали своихъ родителей, которые были разлучены съ ними въ давкѣ при посадкѣ въ вагоны или въ движеніи и тол-

котнѣ толпы. Молодые отцы семействъ хрипло звали женщинъ, которыхъ они не могли найти. Старухи съ трясущимися головами и дрожащими руками пронзительно кричали въ напрасной надеждѣ, что онѣ могутъ услышать отвѣтный зовъ ихъ сыновей или дочерей. Подобно бѣжавшимъ отъ землетрясенія куда-нибудь на морской берегъ, въ надеждѣ, что всѣ они попадутъ на корабль, эти семьи бельгійцевъ съ трудомъ добрались до порта Дюнкирхена и ждали здѣсь въ отчаяніи спасенія. Они были въ худшемъ положеніи чѣмъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, потому что ни одинъ корабль не могъ перевезти ихъ домой. Позади нихъ все было превращено въ пепелъ, и вражеская армія расположилась среди развалинъ ихъ жилищъ.

Я не могъ вынести этого зрѣлища, бѣжалъ изъ толпы и скрылся въ спокойномъ убѣжищѣ ресторана въ центрѣ города. Я помню, что туда вошло нѣсколько англійскихъ офицеровъ, которые сурово уставились на меня изъ-за ихъ стола, подозрѣвая во мнѣ шпіона или, еще хуже, журналиста. Въ тѣ дни, принужденный правдой и неправдой увертываться отъ ареста на каждомъ перекресткѣ, я былъ проникнутъ въ высшей степени непатріотической ненавистью къ этимъ британскимъ офицерамъ, суровые глаза которыхъ какъ бы насквозь просверливали мою душу. Они казались мнѣ пруссаками самаго худшаго типа. Впослѣдствіи, оставивъ свои страхи благодаря магическому дѣйствію оффиціальныхъ пропусковъ, я освободился отъ моей непріязни и видѣлъ только хорошія качества нашихъ военныхъ. Я помню также, что я закусывалъ за столомъ, напротивъ хорошенькой пустой дѣвушки, болтавшей со мною, какъ съ англичаниномъ, такъ, какъ-будто бы не было войны, которая должна была положить конецъ всякому кокетству и флирту. Я всталъ изъ-за стола, поставивъ рюмку такъ, что у ней отскочила ножка. Въ ресторанѣ послышался опять топотъ толпы. Но ритмъ шаговъ отличался отъ шума, который я слышалъ весь этотъ день. Онъ былъ рѣзче и болѣе размѣренный. Я догадался тотчасъ же, что мимо насъ проходили солдаты и что подойдя къ двери, я увижу другую картину бѣдствія. Я увидѣлъ отступающую армію. Это была армія Антверпена, входящая въ Дюнкирхенъ. Я снялъ мою шляпу и смотрѣлъ на нихъ съ обнаженной головой.

Это были только разрозненные полки, идущіе въ безпорядкѣ, однако, кое-гдѣ были видны небольшія части, марширующія мрачно и гордо, нога въ ногу, съ ружьями на плечѣ.

Предо мною прошла муниципальная гвардія, плечо къ плечу, какъ на парадѣ. За нею слѣдовала длинная вереница всадниковъ на разбитыхъ лошадяхъ съ безпорядочнымъ грузомъ, наваленнымъ на пыльныя телѣги. Сѣдла и упряжь, мундиры разныхъ полковъ, поспѣшно выкинутые изъ казарменныхъ шкаповъ, палаши и сапоги, все это было сложено кучей на соломенные матрацы. Наверху лежали усталые до смерти солдаты. Ихъ головы тряслись и качались изъ стороны въ сторону, когда телѣги подпрыгивали по мостовымъ улицъ. Бронированные автомобили съ пулеметами, моторы исцарапанные и пробитые нѣмецкими пулями,

обозныя телѣги и санитарныя повозки медленно подвигались въ этомъ потокѣ движенія между отрядами пѣхоты, уныло шедшей тяжелой поступью измученныхъ и усталыхъ людей. Ихъ мундиры были покрыты придорожной пылью, изъ лица были блѣдны и изнеможденны благодаря недостатку пищи и сна. Нѣкоторые изъ нихъ были какъ бы въ бреду и смотрѣли вокругъ себя дикими глазами, въ которыхъ свѣтилось безуміе. Много солдатъ было ранено и забрызгано кровью. Ихъ перевязки были окрашены багровыми пятнами, и нѣкоторые изъ нихъ были настолько слабы, что они выходили изъ рядовъ и садились на порогахъ дверей или на тумбахъ, опустивъ свои головы. У многихъ другихъ солдатъ, которые хромали, одна нога была въ сапогѣ, а другая только въ носкѣ, при чемъ другой сапогъ они несли привязаннымъ къ дулу ружья.

Между двумя патрулями всадниковъ ѣхалъ отдѣльно маленькій мальчикъ на огромной лошади. Мальчикъ былъ бѣлокурый, лѣтъ двѣнадцати, въ бельгійскомъ мундирѣ, въ шапкѣ съ кисточкой, надвинутой на одно ухо, и когда онъ проѣзжалъ, жители Дюнкирхена хлопали въ ладоши и кричали: „Браво! Браво!“ Онъ принималъ эти овацiи съ усмѣшкой и высоко держалъ свою голову.

Кафе здѣсь, во Франціи были наполнены бельгійскими офицерами всѣхъ ранговъ. Я никогда не видѣлъ въ одномъ мѣстѣ такого множества генераловъ или такого смѣшенія формъ. Они церемонно отдавали честь другъ другу, и въ этомъ городѣ за бельгійской границей происходили радостныя встрѣчи между друзьями и братьями, не видавшими давно другъ друга. Большинство офицеровъ были молодые люди болѣе крѣпкаго сложенія чѣмъ французы, среди которыхъ я до сего времени находился. Но нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ ученыхъ и печально смотрѣли черезъ свои золотомъ оправленныя очки. Между офицерами было много людей среднихъ лѣтъ, которые носили форму, но мундиръ сидѣлъ на нихъ мѣшковато, и у нихъ совсѣмъ не было военной выправки и щегольства. Когда Германія разорвала „клочекъ бумаги“, гарантировавшій неприкосновенность Бельгіи, каждый патріотъ-бельгіецъ выступилъ на защиту родины, взялся за ружье, хотя онъ никогда не бралъ его во всю жизнь, и надѣлъ на себя мундиръ, хотя онъ никогда не маршировалъ по плацу казармъ. Юристы, купцы, учителя и поэты, актеры и пѣвцы, фермеры и крестьяне бросились къ оружію, и когда передовые отряды нѣмецкой арміи пересѣкли границу, они нашли противъ себя не только маленькую армію Бельгіи, но весь бельгійскій народъ. Даже женщины помогали рыть траншеи въ Льежѣ и лили кипятокъ на уланъ, которые появлялись въ бельгійскихъ деревняхъ. Именно, то обстоятельство, что на врага поднялся весь народъ, и повело за собой такъ много безсердечія и дикой жестокости со стороны непріятеля. Нѣмецкіе генералы боялись населенія, среди котораго каждый мужчина или мальчикъ, способный держать ружье; тотчасъ же пускалъ пулю при видѣ остроконечной каски. Нѣмецкіе вожди, для которыхъ война

ничто иное, какъ наука безъ какихъ бы то ни было гуманныхъ чувствъ, твердо рѣшили уничтожить вольныхъ стрѣлковъ, и запугиванье населенія стало среди нѣмцевъ правиломъ. Я только что слышалъ, какъ англійскіе офицеры одобряютъ такой методъ войны и оправдываютъ всю эту бойню, которая была впервые примѣнена врагами, тѣми же самыми словами, какъ и нѣмцы „Война это война... Нельзя вести войну съ помощью розовой воды... Вольный стрѣлокъ долженъ быть разстрѣленъ тотчасъ же. Гражданское населеніе, поднявшее оружіе противъ арміи, занявшее чужую территорію, должно получить кровавый урокъ. Если мы попадемъ когда-нибудь въ Германію, мы также встрѣтимся лицомъ къ лицу съ такой же опасностью, поэтому нѣтъ смысла ужасаться и возмущаться".

Война это война, какъ адъ всегда будетъ адомъ. Оставимъ это, какъ я оставилъ улицы Дюнкирхена, куда пришла армія бельгійскихъ волонтеровъ и ихъ войска послѣ геройскаго сопротивленія противъ подавляющаго численностью врага, когда ихъ храбрость безъ знанія военной науки не могла бороться съ величайшей машиной смерти въ Европѣ, руководимой высокообразованными экспертами въ ремеслѣ войны.

3.

Въ эту ночь я выѣхалъ изъ Дюнкирхена. Я былъ радъ попасть въ поѣздъ. Здѣсь, на чистомъ воздухѣ въ спокойную ночь я могъ забыть на нѣкоторое время безсмысленную жестокость войны и отвернуться отъ страданій отдѣльныхъ лицъ, низвергнутыхъ въ бездну отчаянія ея чудовищной несправедливостью.

Тѣмъ не менѣе весь длинный поѣздъ былъ тѣсно набитъ бѣженцами. Для меня нашлось только мѣсто въ корридорѣ, при томъ условіи, чтобы я держалъ локти ближе къ тѣлу, тѣсно прижатому къ двери. Другіе старались вскарабкаться въ вагонъ, жалобно умоляя хоть немного потѣсниться, въ то время, какъ у насъ совсѣмъ не было мѣста. Поѣздъ тронулся послѣ рѣзкаго толчка, оставивъ за собой цѣлую толпу, желавшихъ уѣхать.

Поворотивъ мою голову и половину моего тѣла, я могъ заглянуть въ два освѣщенныхъ купе позади меня въ то время, какъ я стоялъ въ корридорѣ. Они были переполнены бельгійцами, которыхъ я наблюдалъ цѣлый день, несчастными бѣженцами изъ раззоренной страны. На нѣсколько часовъ они освободились отъ всѣхъ треволненій въ этомъ французскомъ поѣздѣ. Впервые съ того времени, какъ снаряды начали разрываться надъ Антверпеномъ, они хоть немного успокоились и отдохнули.

Я смотрѣлъ на ихъ лица, когда они сидѣли, откинувшись на спинки дивановъ съ закрытыми глазами. Тутъ былъ молодой бельгійскій священникъ съ чисто выбритымъ лицомъ блондина. На немъ были высокіе сапоги, забрызганные грязью, и только серебряный крестъ на груди указывалъ на его санъ. Онъ заснулъ съ улыбкой на губахъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ, про-

снулся, и въ его глазахъ появился неописуемый ужасъ... Онъ вспомнилъ страшную дѣйствительность.

Рядомъ съ нимъ сидѣла старая дама. Свѣтъ вагонной лампы сверкалъ на ея серебряныхъ волосахъ и придавалъ рембрандтовскій оттѣнокъ ея красивому строгому фламандскому лицу. Она смотрѣла на священника, и ея губы двигались, какъ бы отъ жалости. Разъ или два она бросила взглядъ на свои грязныя руки и на свое запачканное платье и затѣмъ вздохнула, опустила голову и впала въ забвеніе.

Молодая фламандка тѣсно прижалась къ своему маленькому сыну съ льняными волосами, голубые глаза котораго смотрѣли серьезно, со старческой важностью. Она коснулась волосъ мальчика своими губами, прижала его ближе къ себѣ, какъ бы желая почувствовать, что онъ около нея, какъ бы убѣждаясь, что теперь ничто не можетъ случиться, разъ онъ около нея.

На противоположномъ диванѣ сидѣло двое бельгійскихъ офицеровъ: пожилой господинъ съ сѣдыми усами и бровями въ высокомъ кэпи и молодой человѣкъ въ шапочкѣ съ кисточкой, какъ у англійскаго студента. Оба они сидѣли уныло согнувшись. Въ положеніи ихъ фигуръ сказывалось пораженіе и отчаяніе бельгійской арміи. Только когда молодой офицеръ переставилъ свою правую ногу съ гримасой боли, я увидалъ, что онъ былъ раненъ.

Въ двухъ купе, куда я могъ заглянуть, находилось только нѣсколько лицъ, проникнутыхъ горемъ и страданіемъ бѣдной разбитой Бельгіи. По всему же длинному поѣзду были тысячи мужчинъ и женщинъ въ томъ же самомъ состояніи и съ тѣмъ же самымъ горемъ.

Рядомъ со мной, въ корридорѣ стоялъ молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой и усами и красивыми деликатными чертами лица. По его манерамъ было видно, что онъ принадлежитъ къ бельгійской аристократіи, и костюмъ на немъ указывалъ на его богатство и высокое положеніе въ обществѣ. Я обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими ничего не значущими фразами, и оказалось, какъ я и предполагалъ, что онъ бельгійскій бѣженецъ.

— Куда вы направляетесь?—спросилъ я.

Онъ улыбнулся на мой вопросъ и слегка пожалъ плечами.

— Куда-нибудь. Не все ли равно? Я потерялъ рѣшительно все. Всѣ мѣста одинаковы для разстроеннаго человѣка.

Онъ говорилъ спокойно. Въ его голосѣ не было слышно тона отчаянія. Какъ будто бы онъ сообщалъ мнѣ, что потерялъ свои часы.

— Вонъ, тамъ моя мать—внезапно проговорилъ онъ, глядя на старую даму съ серебристыми волосами.—Нѣмцы сожгли нашъ домъ и уничтожили все, что у насъ было. У насъ ничего не осталось. Позвольте закурить папиросу.

Молодой солдатъ объяснялъ причины бельгійскаго разгрома и, повидимому, объяснялъ правильно.

— Я дрался все время отъ Льежа до Антверпена. Но повсюду было одно и то же. Мы убьемъ одного нѣмца, пять явятся на

его мѣсто. Мы убьемъ сотню, приходитъ тысяча ихъ. Всѣ наши усилія ни къ чему не повели. Мы должны были только отступать и отступать. Это дѣйствуетъ удручающе.

— Англія очень добра къ бѣженцамъ,—сказалъ другой солдатъ.—Мы этого никогда не забудемъ.

Поѣздъ останавливался на промежуточныхъ станціяхъ. Иногда мы выходили, чтобы размять затекшія ноги. На платформахъ станцій толпились бельгійскіе бѣглецы, тѣни во мракѣ или силуэты, освѣщенные станціонными лампами. Они расположились здѣсь подъ открытымъ небомъ съ ихъ узлами и младенцами.

На запасныхъ путяхъ стояло много вагоновъ, цѣлые поѣзда. Они принадлежали бельгійскимъ правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ, и сотни ихъ были перевезены черезъ границу, подальше отъ нѣмцевъ. Въ этихъ вагонахъ устроились по домашнему семьи бѣженцевъ. Они жили въ нихъ, вывѣшивая изъ оконъ бѣлье для просушки, приготовляя кушанья въ этихъ узкихъ помѣщеніяхъ. Они обосновались въ вагонахъ такъ, какъ будто бы намѣревались провести всю остальную жизнь на запасныхъ путяхъ. Мы слышали ихъ голоса, говорившіе по-фламандски, когда нашъ поѣздъ проходилъ мимо. Одна женщина убаюкивала своего ребенка, напѣвая милую старую колыбельную пѣсенку. Въ нашемъ поѣздѣ тоже пѣли. Четверо молодыхъ французовъ вошли къ намъ, весело протолкавшись въ корридоръ, который, казалось, былъ набитъ до послѣдней возможности.

Молодой фламандецъ съ бѣлокурой бородой и усами улыбнулся, глядя на французовъ.

— Они счастливѣе насъ,—сказалъ онъ.—Мы вынесли первый ударъ.

Я покинулъ поѣздъ и моихъ новыхъ знакомыхъ. Мы разстались со словами „до свиданья“ и пожеланіями счастья. Когда я вернулся на эту станцію на слѣдующее утро, я услышалъ, что поѣздъ съ бѣженцами налетѣлъ на другой поѣздъ у Ла-Маркизъ вблизи Булони. Сорокъ человѣкъ было убито и шестьдесятъ ранено. Избѣжавъ ужасовъ Антверпена, пассажиры этого трагическаго поѣзда опять подверглись удару жестокой судьбы.

4.

Я снова вернулся въ Дюнкирхенъ и оставался тамъ нѣсколько дней въ надеждѣ получить пропускъ, который далъ бы мнѣ возможность перейти бельгійскую границу и попасть туда, гдѣ шелъ бой. Даже для того, чтобы пройти со станціи въ этотъ укрѣпленный городъ, нужно было прибѣгнуть къ дипломатіи, граничащей съ обманомъ, такъ какъ со времени отступленія бельгійскихъ волонтеровъ, Дюнкирхенъ находился въ ожиданіи осады и бомбардировки, и ни одному гражданину и неизвѣстному лицу нельзя было войти въ него. Къ счастью, у меня была возможность упомянуть имя весьма важнаго лица съ молчаливымъ допущеніемъ, что его вліяніе простирается на мою смиренную персону, такъ

что французскій джентльменъ со штыкомъ длиною въ англійскій ярдъ отступилъ отъ дверей станціи и позволилъ мнѣ и моимъ двумъ друзьямъ пройти въ городъ.

Гражданское населеніе Дюнкирхена начало испытывать безпокойство. Жители города знали, что только послѣдніе остатки бельгійской арміи стояли между ихъ портомъ и силами врага. Теперь, когда Антверпенъ палъ, они начали терять вѣру въ цѣпь своихъ фортовъ и въ артиллерію ихъ гарнизона. Въ народномъ воображеніи нѣмецкія пушки превратились во что то мифическое и чудовищное. Казалось, что ихъ дальнобойныя орудія могутъ сокрушить сильнѣйшія укрѣпленія. Видимой паники въ городѣ не было, и горожане таили свои страхи подъ маской призрѣнія къ этимъ sacrés Boches. Но лица нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣхъ именно, кто не боялся смерти, но боялся за тѣхъ, кого онъ любилъ, были прикрыты маской спокойствія, черезъ которую можно было видѣть ужасъ, когда черезъ плотины и валы проходили слухи, что нѣмецкая армія движется впередъ и подходитъ все ближе и ближе.

Старая хозяйка маленькой гостиницы, гдѣ я остановился, отъ души хохотала, сложивъ руки на своей обширной груди, когда молодой бельгійскій офицеръ комически ухаживалъ за ея двумя прелестными дочками, блондинкой и брюнеткой, красота, свѣжесть и простота которыхъ искупала неряшество ихъ кухни.

Но внезапно она схватила меня за руку, закрывая дверь другой рукой.

— Мосье, я старая дура, потому что у меня здѣсь эти двѣ красавицы. Я боюсь не за себя. Но мои дѣвочки, двѣ эти розы! Я не въ состояніи допустить, чтобы онѣ рисковали! Вы понимаете?

Я не могъ сказать ей, настало ли время для бѣгства. Съ двумя такими красавицами я давно убѣжалъ бы. Однако, я не вѣрилъ, чтобы нѣмцы могли легко захватить Дюнкирхенъ. Я ходилъ вокругъ его фортификаціонныхъ сооруженій и видѣлъ, что они могутъ выдержать даже огонь нѣмецкихъ пушекъ. За крайними фортами мѣстность была плоская и обнаженная, такъ что даже кроликъ не могъ бы проскочить тамъ безъ того, чтобы не быть замѣченнымъ. Блиндажи, сложенные изъ мѣшковъ съ пескомъ, и земляные валы, насыпанные нѣсколько времени тому назадъ и покрытые травой, представляли великолѣпное прикрытіе для французскихъ батарей. Линіи окоповъ и проволочныхъ загражденій тянулись на цѣлыя мили вплоть до самой бельгійской границы. Для глазъ несвѣдущаго въ военной наукѣ всѣ эти признаки были весьма утѣшительны. Но все же я думаю, они были бы безполезны, если бы непріятель прорвался по дорогѣ въ Дюнкирхенъ.

Жизнерадостный священникъ, съ которымъ я встрѣтился на желѣзномъ мосту, объяснилъ мнѣ секретъ неприступности Дюнкирхена.

— Намъ нужно только открыть шлюзы,—сказалъ онъ, смѣясь при мысли о простотѣ этой операціи,—и черезъ часъ всѣ поля

на цѣлыя мили будутъ покрыты водой. Смотрите, вонъ, то поле уже подъ водой. Непріятельскія пушки потонутъ въ ней.

Онъ указалъ на юго-западъ, и я увидалъ, что поля въ этой сторонѣ были влажны и покрыты кое-гдѣ водой, какъ будто послѣ страшнаго ливня. Ближе къ намъ, на сухой землѣ отрядъ солдатъ ходилъ то взадъ, то впередъ, прилежно маршируя.

Священникъ указалъ на нихъ.

— Эти бельгійскіе юноши сражались необученными. Въ будущемъ они будутъ сражаться съ большей дисциплиной. Однако, не съ большей храбростью, мосье!

Прошло нѣсколько дней, и я увидѣлъ, какъ бельгійцы сражались все еще на своей собственной землѣ съ горечью въ сердцѣ, но безстрашные духомъ.

5.

Я вернулся въ Калэ на нѣсколько дней и нашелъ здѣсь удобный случай проникнуть въ Бельгію на боевой фронтъ. Я сидѣлъ у открытаго окна съ двумя моими пріятелями, когда увидалъ на улицѣ молодую дѣвушку. Послѣдній разъ, когда я видѣлъ ее, я былъ въ старомъ англійскомъ замкѣ, наполненномъ историческими тѣнями галантныхъ кавалеровъ и рыцарей. Смѣющіяся дѣвушки бѣжали въ припрыжку играть въ теннисъ на лужайку около террасы, съ которой струился запахъ розъ и ползучихъ растеній въ навѣвающій дремоту воздухъ англійскаго лѣта. Странно было видѣть одну изъ этихъ дѣвушекъ въ Калэ, гдѣ играли совершенно въ другого рода игру. Глаза ея были серьезны, чего я не видѣлъ прежде въ Англіи, но все же, впослѣдствіи, я слышалъ какъ ея смѣхъ звенѣлъ неподалеку отъ разрывавшихся снарядовъ. У ней былъ моторъ, пропускъ на бельгійскій фронтъ и доброе сердце, которое дало мнѣ свободное мѣсто въ экипажѣ при условіи, что я не буду мѣшкать. Я такъ спѣшилъ, что, бросивъ въ ручной саквояжъ нѣсколько вещей, былъ моментально готовъ, и мнѣ только хватило времени пожать руки двумъ пріятелямъ, которые были моими спутниками во Франціи. Философъ и Стратегъ только блѣдныя тѣни въ этой книгѣ, но хотя я оставилъ ихъ на мостовой Дюнкирхена, память о нашихъ товарищескихъ отношеніяхъ останется у меня навсегда.

6.

Городъ Фюрнесъ въ Бельгіи, куда я пріѣхалъ, когда мракъ началъ спускаться на его улицы и площади, былъ главной квартирой короля Альберта и его штаба. Населеніе города могло слышать весь день громъ пушекъ, находящихся за нѣсколько километровъ отъ города, гдѣ остатокъ бельгійской арміи держался на Изерскомъ каналѣ и занималъ окопы, заграждающіе доступъ къ дорогамъ въ Диксмюде, Первизе и другимъ городкамъ и деревнямъ послѣдняго клочка Бельгіи.

7.

Въ первую ночь, проведенную мною въ Фюрнесѣ, я получилъ работу и заработалъ себѣ обѣдъ честнымъ трудомъ. Персоналъ англійскаго госпиталя съ летучей колонной, присоединенной къ бельгійской кавалеріи, чтобы подбирать раненыхъ на полѣ сраженія, прибылъ въ городъ до наступленія сумерекъ съ санитарными повозками и моторами. Они обосновались на большихъ дворахъ и въ комнатахъ стараго монастыря и поспѣшно работали, пока было свѣтло, а впослѣдствіи и въ темнотѣ, приготовляя все для слѣдующаго дня, когда ожидался притокъ раненыхъ. Эта партія докторовъ и сестеръ милосердія, санитаровъ и шоферовъ дѣлала прекрасное дѣло въ Бельгіи. Многіе изъ нихъ присутствовали при осадѣ Антверпена, гдѣ они оставались до тѣхъ поръ, пока раненыхъ не пришлось поспѣшно вывозить; другіе же, еще болѣе смѣлые, отступали изъ города въ городъ. За нѣсколько километровъ отъ вражескихъ войскъ я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Мало-ле-Бэнъ, гдѣ они снова собрались вмѣстѣ для того, чтобы отправиться въ Фюрнесъ. Они представляли для меня загадку. Въ летучемъ отрядѣ было нѣсколько дѣвушекъ, весьма практично одѣтыхъ въ куртки и рейтузы цвѣта хаки, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени женственныхъ по наружности и манерамъ. На первый взглядъ онѣ не произвели на меня впечатлѣнія женщинъ, отъ которыхъ можно было ожидать чего-нибудь дѣльнаго на полѣ битвы или въ полевомъ госпиталѣ. Мнѣ казалось, что имъ будетъ дурно при видѣ крови, и что онѣ упадутъ въ обморокъ, когда около нихъ разорвется снарядъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были слишкомъ хороши собой, думалъ я, чтобы находить удовольствіе присутствовать на поляхъ битвъ среди людей и лошадей, превращаемыхъ въ кучу окровавленнаго мяса. Только позднѣе я убѣдился въ ихъ полезности и дивился душевному мужеству этихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, казалось, не только не боялись пушечнаго огня, но почти не сознавали его опасности и съ большей моральной силой, чѣмъ у мужчинъ, оказывали первую помощь раненымъ, ничѣмъ не обнаруживая волненія при видѣ тѣхъ страшныхъ зрѣлищъ, которыя могли вызвать трепетъ и въ самомъ сильномъ мужчинѣ.

8.

Мы выѣхали до полудня по извилистымъ улицамъ Фюрнеса, которыя были переполнены солдатами и телѣгами. На площади ратуши мы проѣхали среди толпы, окружавшей отрядъ въ полтораста плѣнныхъ нѣмцевъ, которые были только что доставлены съ фронта. Это было радостное зрѣлище для бельгійцевъ, которые такъ долго находились въ отступленіи передъ подавляющимъ по численности врагомъ. Это былъ знакъ того, что колесо фортуны начало поворачиваться. Въ скоромъ времени мы очутились въ открытой мѣстности, рядомъ съ Изерскимъ каналомъ. Кругомъ

все было мирно и тихо. Даже пушки, и тѣ смолкли, и плоскій пейзажъ съ длинными прямыми рядами тополей носилъ характеръ спокойствія при утреннемъ солнечномъ свѣтѣ. Казалось совершенно невѣроятнымъ, что только въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда огромныя арміи вели другъ съ другомъ смертельную борьбу. Однако, такая мысль быстро исчезла. Духъ войны снова овладѣлъ нами благодаря сценамъ на дорогѣ. Эскадронъ бельгійской кавалеріи ѣхалъ къ намъ навстрѣчу на усталыхъ лошадяхъ. Солдаты были грязны, какъ они всегда бываютъ на войнѣ, и съ изнеможенными лицами послѣ долгихъ лишеній. Но все же взглядъ ихъ былъ твердъ и рѣшителенъ, и они отдавали намъ честь, улыбаясь, когда мы проѣзжали мимо нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ кричали намъ въ видѣ вопроса: „Anglais?“ Они, казалось, были изумлены и рады видѣть британскій санитарный отрядъ по пути къ фронту. Бельгійскіе пѣхотинцы съ ружьями черезъ плечо устало брели по улицамъ деревень, черезъ которыя мы проѣзжали. Во время одной изъ нашей остановокъ, когда мы ждали инструкцій отъ бельгійской главной квартиры, группа этихъ солдатъ сидѣла въ залѣ гостиницы и пѣла хоромъ любовную пѣсню. Молодой офицеръ качался изъ стороны въ сторону въ ритмъ пѣнью, помахивая своей папиросой. Онъ былъ раненъ въ руку выше кисти и зналъ ужасъ окоповъ, но на короткій срокъ онъ забылъ объ этомъ и былъ очень веселъ, такъ какъ онъ остался въ живыхъ.

Затрудненіе, которое мы испытывали, состояло въ томъ, что мы не знали куда намъ ѣхать. Сраженіе прошлой ночью занимало широкую площадь, но очень много раненыхъ было уже убрано съ поля битвы. Тамъ, гдѣ они еще лежали, артиллерійскій огонь непріятеля былъ такъ силенъ, что бельгійскіе санитарные отряды не могли приблизиться къ нимъ. Лейтенанта де-Броквиля серьезно просили не подвергать ненужному риску его маленькій отрядъ, особенно потому, что трудно было знать точное расположеніе непріятеля, пока не получатся донесенія отъ французовъ съ фронта.

Какъ и всегда бываетъ на войнѣ, солдаты, находившіеся рядомъ съ боевымъ фронтомъ, совершенно не знали, какъ идетъ сраженіе, и не знали расположенія обѣихъ сторонъ. Многіе изъ офицеровъ и солдатъ, съ которыми мы говорили, не могли намъ сказать ни того, гдѣ стоятъ войска союзниковъ, ни того, гдѣ находился непріятель. Они даже не знали, въ чью пользу закончился вчерашній сильный бой, въ нашу ли, или въ пользу нѣмцевъ. Они думали, но не были вполнѣ увѣрены въ этомъ, что непріятель былъ отброшенъ на много километровъ между Нипортомъ и Диксмюде.

Наконецъ, послѣ многихъ остановокъ и переговоровъ мы получили долгоожидаемый приказъ. Насъ просили отправиться въ Диксмюде, гдѣ было много раненыхъ.

Этотъ городъ находился приблизительно въ шестнадцати километрахъ отъ Фюрнеса. Отъ того мѣста, гдѣ мы остановились и завтракали, до него оставалось около восьми миль. Какъ видно,

до Диксмюде было недалеко, однако, когда мы приближались къ нему, и грохотъ огромныхъ пушекъ, безостановочно стрѣлявшихъ въ продолженіе послѣдняго часа, становился все явственнѣе, навстрѣчу намъ стали попадаться толпы женщинъ и дѣтей. Онѣ только теперь поняли, что смерть сторожитъ ихъ за угломъ, и что ихъ каменные домики представляютъ въ настоящее время плохую защиту, хотя во время мира они и служили имъ безопаснымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ горестей жизни. Онѣ съ трудомъ поняли и долгое время не могли освоиться съ мыслью, что дома ихъ такъ же не надежны, какъ ип апиросная бумага подъ свинцовымъ дождемъ. Теперь онѣ покидали свои жилища и уходили подальше изъ-подъ выстрѣловъ. По дорогѣ быстро шли нѣмецкіе плѣнные среди конной стражи. Многіе изъ нихъ были ранены, и у всѣхъ ихъ былъ дикій, голодный и испуганный взглядъ. Я видѣлъ дикій блескъ ихъ глазъ, когда они уставились на мой моторъ.

Когда мы повернули въ сторону, поле битвы находилось передъ нами, и мы были въ сферѣ огня. Далеко по полямъ разбросаны были деревни, съ городомъ Диксмюде вправо отъ насъ, въ разстояніи около двухъ километровъ. Изъ каждой деревни поднимался дымъ отдѣльнымъ столбомъ, который встрѣчался наверху съ дымомъ другихъ деревень и образовалъ огромную завѣсу въ видѣ тяжелой черной тучи. Каждый моментъ эта черная туча освѣщалась клубами необыкновенно яркаго голубоватаго какъ бы электрическаго свѣта, когда снаряды рвались въ воздухѣ. Затѣмъ свѣтъ постепенно тухнулъ; дымъ темнѣлъ и становился частью черной завѣсы. Изъ каждой деревни вылетали языки пламени, слѣдовавшіе за взрывами, которые сотрясали воздухъ зловѣщими и гулкими ударами.

Всюду на протяженіи пятнадцати километровъ гремѣла непрестанная канонада, и въ каждомъ селеніи стоялъ настоящій адъ. Деревни, расположенныя ближе къ непріятелю, ярко пылали. Я наблюдалъ за тѣмъ, какъ поднимались языки пламени и превращались въ огромные пылающіе костры, страшные, но прекрасные. Налѣво, совсѣмъ рядомъ съ нами, только на разстояніи одного километра работали бельгійскія батареи, и слышались ружейные выстрѣлы изъ траншей. Мы были между двухъ огней: бельгійскіе и нѣмецкіе снаряды съ пронзительнымъ воемъ пролетали надъ нашими головами. Непріятельскіе снаряды падали вблизи насъ, взрывая на поляхъ огромныя ямы. Мы могли слышать, какъ они разрывались и разбрасывали свои осколки, и могли видѣть, какъ они зарываются въ землю. Впереди насъ дорога была занята, такъ что намъ пришлось остановиться. Непріятельскій снарядъ упалъ какъ разъ наверхъ снарядnаго ящика. Четыре лошади были разорваны на куски, и остатки ихъ лежали на дорогѣ. Зарядный ящикъ былъ превращенъ въ пепелъ взрывомъ находившихся въ немъ снарядовъ. Бельгійскій солдатъ лежалъ, перебитый пополамъ большимъ кускомъ стали. Дальше по дорогѣ лежали еще двѣ мертвыя лошади въ лужахъ крови. Это было ужасное и подавляющее зрѣлище, отъ котораго я отвернулся съ со-

дроганьемъ. Но мы все-таки проѣхали, отбросивъ въ сторону куски мяса. Проѣхавъ дальше, мы оставили два мотора съ тремя нашими дамами. Онѣ должны были дожидаться здѣсь, пока мы не доставимъ имъ раненыхъ для перевозки въ Фюрнесъ. Два санитарныхъ мотора пошли впередъ вмѣстѣ съ нашимъ легкимъ автомобилемъ, въ которомъ находились лейтенантъ де-Броквиль и докторъ Монро. Мистеръ Глисонъ просилъ меня помогать ему при переноскѣ раненыхъ на носилкахъ.

Я думаю, что никто изъ насъ, отправляясь изъ Фюрнеса, не зналъ, что насъ ждало. По крайней мѣрѣ, я не предполагалъ, что насъ попросятъ итти въ самую пасть смерти. У меня была только смутная мысль, что Диксмюде окажется чуточку похуже того мѣста, гдѣ мы остановились для разспросовъ относительно расположенія городскихъ улицъ.

Это было мѣсто, которое заставило меня почувствовать внезапную дрожь, несмотря на то, что мои руки были влажны отъ пота. Мы остановились между группой домиковъ, гдѣ бельгійскіе солдаты жались тѣсно къ стѣнамъ амбаровъ. Нѣкоторые изъ домовъ уже были разбиты снарядами. Огромное зіяющее отверстіе было на одной изъ крышъ. Дорога была завалена кирпичемъ и штукатуркой, и по временамъ группа солдатъ разбѣгалась во всѣ стороны, когда сыпались кругомъ шрапнельныя пули. Вокругъ стоялъ адскій шумъ. Казалось, какъ будто мы стояли среди грохочущихъ пушекъ, изрыгающихъ пламя. Я былъ оглушенъ и немного ошеломленъ, но мои мысли были необыкновенно ясны. Я думалъ, между прочимъ, о томъ, когда я буду пораженъ одной изъ летящихъ пуль, подобно солдатамъ, которые лежали и стонали въ дверяхъ одного изъ домиковъ. По теоріи вѣроятностей это должно было случиться скоро.

Бельгійскій офицеръ, командующій этой ротой, былъ очень вѣжливъ и любезно улыбался. Только по внезапнымъ становкамъ въ его рѣчи, когда у него захватывало дыханіе, можно было догадываться о его волненіи. Онъ объяснилъ намъ съ ненужными подробностями, какъ мнѣ казалось, какимъ образомъ мы могли попасть въ Дюксмюде, гдѣ было много раненыхъ. Онъ вытащилъ карту города, чтобы мы могли найти дорогу къ Hôtel de Ville, тдѣ лежали нѣкоторые изъ нихъ. Мы поблагодарили его и велѣли шоффераМъ трогаться. Я былъ въ одномъ изъ санитарныхъ моторовъ, и Глисонъ сидѣлъ сзади меня среди носилокъ. Онъ говорилъ за моей спиной ровнымъ и спокойнымъ голосомъ о дѣлѣ, которое намъ предстояло. Я былъ радъ слышать этотъ спокойный голосъ, совершенно безразличный къ опасности.

Мы тронулись и мнѣ казалось, что мы еле полземъ, хотя, какъ я теперь думаю, мы двигались со значительной скоростью. Снаряды рвались вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ. Шрапнельныя пули взрывали землю около насъ. Мнѣ казалось удивительнымъ что мы еще живы.

Мы пріѣхали въ Диксмюде. Это былъ довольно большой городъ со многими прекрасными зданіями и красивыми старыми домами въ фламандскомъ стилѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ

говорили. Когда я увидалъ его впервые, это было мѣсто смерти и ужаса. Улицы, по которымъ мы ѣхали, были пусты и разрушены съ начала до конца какъ бы землетрясеніемъ. Кругомъ слышны были непрерывные взрывы снарядовъ, съ трескомъ падавшихъ на еще уцѣлѣвшія стѣны. Огромныя зіяющія отверстія появлялись въ стѣнахъ, которыя затѣмъ колебались и падали. Крыша одного дома свалилась внизъ съ оглушительнымъ шумомъ. Подобно карточному домику, упавшему при порывѣ вѣтра, маленькій магазинъ обрушился и обратился въ груду развалинъ. Въѣхавъ дальше въ городъ, мы видѣли кое-гдѣ фигуры живыхъ людей. Они быстро бѣжали нѣсколько мгновеній и затѣмъ исчезали въ мрачныхъ пещерахъ подъ падающими фасадами. Это были бельгійскіе солдаты.

Мы теперь были на боковой улицѣ, ведущей къ площади, гдѣ находилась ратуша. Казалось совершенно невозможнымъ проѣхать по этой улицѣ благодаря массѣ обломковъ, лежавшихъ на мостовой.

— Постарайтесь проѣхать,—сказалъ докторъ Монро, который сидѣлъ рядомъ съ шоффёромъ.

Мы проѣхали, перескочивъ высокую груду обломковъ, и затѣмъ повернули на площадь. Она была значительныхъ размѣровъ, и ратуша, или то, что осталось отъ ратуши, занимало одну изъ сторонъ площади. Отъ ратуши уцѣлѣла только прекрасная скорлупа, скелетъ благороднаго зданія, которое было гордостью фламандскихъ строителей. Даже тогда, когда мы повернули къ ней, части ея падали на развалины, уже лежавшія на землѣ. Я видѣлъ, какъ огромная колонна наклонилась на сторону и затѣмъ обрушилась. Масса камня и штукатурки полетѣла сверху. Нѣсколько неподвижныхъ темныхъ фигуръ лежало среди упавшихъ камней. Это были мертвые солдаты. Я взглянулъ на нихъ только мелькомъ, потому что мы искали живыхъ людей. Моторы остановились у зданія ратуши, и мы сошли на землю. Я закурилъ папиросу и видѣлъ, что двое моихъ спутниковъ вынимали спички для той же цѣли. Намъ нужно было подкрѣпить себя хоть чѣмъ-нибудь. Не было ни одного мгновенья, чтобы снарядъ не рвался на площади около насъ. Шрапнельныя пули молотили по камнямъ. Непріятель направилъ орудія на Hôtel de Ville и посылалъ свои снаряды съ ужасающей точностью на обѣ стороны ратуши. Я взглянулъ на пылающее пожарище въ правой части зданія. Тамъ было удивительно жарко, но въ тотъ моментъ я не испытывалъ никакого тепла.

Докторъ Монро и лейтенантъ де-Броквиль пошли по лѣстницѣ ратуши, сопровождаемые мною и другимъ санитаромъ. Глисонъ уже спустилъ съ мотора свои носилки. Онъ слегка улыбался.

Французскій офицеръ и двое солдатъ стояли подъ разбитой аркадой входа, между упавшими колоннами и орнаментами. На разстояніи ярда отъ нихъ лежалъ мертвый солдатъ, красивый молодой человѣкъ, съ правильными чертами лица, обращеннаго по направленію къ провалившейся крышѣ. Струйка крови запек-

лась вокругъ его головы, но не коснулась его прекраснаго лица. Рядомъ лежалъ другой мертвецъ, свернувшись клубкомъ. Его лица не было видно.

— Есть здѣсь раненые, мосье?—спросилъ нашъ молодой лейтенантъ.

Французскій офицеръ заговорилъ возбужденно. Онъ былъ храбрый человѣкъ, но не могъ скрыть ужаса, охватившаго его душу, такъ какъ онъ давно уже ждалъ смерти, которая была рядомъ съ нимъ, но до сихъ поръ не касалась его. По его словамъ выходило, что въ погребѣ внизу, среди мертвыхъ, было нѣсколько раненыхъ. Онъ былъ бы намъ очень признателенъ, если бы мы спасли ихъ.

Мы стояли на ступеняхъ, смотря внизъ въ этотъ погребъ. Это была черная яма, освѣщенная только тусклымъ фонаремъ. Я замѣтилъ тамъ нѣсколько человѣческихъ тѣлъ. Двое, еще нераненыхъ солдатъ вытащили оттуда троихъ товарищей и передали намъ. Время, въ продолженіе котораго мы переносили этихъ трехъ человѣкъ въ моторъ, казалось намъ вѣчностью. Въ дѣйствительности прошло не больше пятнадцати, двадцати минутъ, когда ихъ уложили, какъ слѣдуетъ. Въ теченіе этого времени докторъ Монро ходилъ задумчиво по площади, подобно поэту, размышляющему о любви или о цвѣтахъ въ маѣ мѣсяцѣ. Лейтенантъ де-Броквиль спрашивалъ о раненыхъ въ другихъ домахъ. Я помогалъ одному изъ санитаровъ переносить раненыхъ. Что дѣлали другіе, я не знаю, я только помню, что спокойное лицо Глисона произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я потерялъ сознаніе о себѣ. Что-то, какъ казалось, внѣ меня говорило, что теперь нѣтъ спасенія, что чудовищно было бы думать, что всѣ эти рвущіеся вокругъ насъ снаряды не раздробятъ въ куски мотора и не прикончатъ страданій раненыхъ, и что смерть отвратительна. Я помню также мысль о томъ, какъ смѣшно убивать другъ друга такимъ образомъ и дѣлать изъ жизни такой адъ.

— Первый моторъ можетъ теперь тронуться обратно,—сказалъ лейтенантъ де-Броквиль.

Я былъ въ первомъ моторѣ вмѣстѣ съ Глисономъ. Мы нагрузили нашу машину полнымъ грузомъ раненыхъ и почему-то все еще медлили. Я высунулъ голову и сказалъ шоферу, чтобы онъ трогался. Въ это время, какъ разъ, шрапнельная пуля пролетѣла надъ моей головой и, ударившись о кусокъ желѣза, упала къ моимъ ногамъ. Я подобралъ ее и положилъ въ карманъ, Богъ знаетъ почему, такъ какъ я въ то время вообще не былъ расположенъ искать сувениры. Мы отправились въ обратный путь опять по этимъ ужаснымъ улицамъ.

— Очень жарко,—сказалъ одинъ изъ насъ. Я думаю, это былъ шоферъ. Кто-то другой задалъ вопросъ, проѣдемъ ли мы безопасно въ Фюрнесъ.

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Наши раненые лежали очень спокойно. Кругомъ гремѣла непрестанная канонада, и слышался грохотъ падающихъ домовъ. Теперь начали работать пулеметы, разбрызгивая пули. Трескъ ихъ казался ужаснѣе взры-

вовъ снарядовъ. Я повернулся и увидалъ сзади нашего мотора другой моторъ съ ранеными. Я не видалъ мотора, въ которомъ былъ де-Броквиль. По проселочной дорогѣ поля все еще вспахивались снарядами, разрывавшимися надъ нашими головами. Мы опять сдѣлали остановку тамъ, гдѣ солдаты прятались подъ стѣнами домовъ. Теперь тутъ осталось только немного стѣнъ, и внутри уцѣлѣвшихъ домовъ находилось много раненыхъ. Ихъ товарищи старались оказать имъ первую помощь и вытирали кровь съ ихъ глазъ. Мы ухитрились взять съ собой нѣсколькихъ изъ нихъ. Они были безпокойнѣе тѣхъ, что мы захватили въ Диксмюде, и стонали разрывающимъ сердце образомъ.

Затѣмъ мы сдѣлали горестное открытіе, лейтенантъ де-Броквиль, нашъ храбрый вождь, пропалъ. Благодаря какому-то ужасному недоразумѣнію онъ не занялъ мѣста ни въ одномъ изъ санитарныхъ автомобилей, ни въ легкомъ моторѣ. Никто изъ насъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Мы всѣ думали, что онъ сѣлъ въ экипажъ какъ и всѣ остальные, послѣ того какъ онъ отдалъ приказъ трогаться. Всѣ мы смотрѣли въ смущеніи другъ на друга. Оставалось только одно, возвратиться и найти его. Однако, въ продолженіе получаса, съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали изъ Диксмюде, городъ весь былъ охваченъ пламенемъ и представлялъ огромный пылающій костеръ. Если де-Броквиль остался тамъ, ему не было спасенья.

Глисонъ и еще одинъ санитаръ храбро вызвались возвратиться и искать нашего вождя. Они сѣли въ легкій автомобиль и поспѣшно тронулись обратно въ горящій городъ.

Санитарные моторы двинулись въ путь со своимъ грузомъ раненыхъ, а я былъ оставленъ въ легкомъ моторѣ съ одной изъ дамъ, тогда какъ докторъ Монро старался облегчить страданія раненаго, находившагося на порогѣ смерти. Со мной осталась та дѣвушка, которую я видѣлъ до войны на лужайкѣ, около стараго англійскаго замка. Она была въ большомъ безпокойствѣ относительно судьбы де-Броквиля и ужасно боялась за трехъ нашихъ товарищей, уѣхавшихъ за нимъ. Мы повернули обратно по дорогѣ въ Диксмюде и подобрали еще одного раненаго, оставленнаго въ хижинѣ при дорогѣ. Къ этому времени пять селеній пылало во мракѣ и несмотря на страшную неопредѣленность нашего положенія, мы не могли не любоваться дьявольской красотой этого зрѣлища. Докторъ Монро присоединился къ намъ, и послѣ совѣщанія мы рѣшили добраться какъ можно ближе къ Диксмюде, въ случаѣ, если наши товарищи придутъ безъ автомобиля или ранеными.

Вражеская бомбардировка была теперь ужасающей. Всѣ пушки непріятеля были сосредоточены на Диксмюде и окружавшихъ его окопахъ. Я стоялъ цѣлый часъ во мракѣ, прислонившись къ стѣнѣ конюшни, прислушиваясь къ страшнымъ ударамъ и не ожидая остаться въ живыхъ. Внутри конюшни солдаты спали на соломѣ, не обращая вниманія на то, что каждый моментъ снаряды могли пробить крышу и погрузить ихъ въ вѣчный непро-

будный сонъ. Часъ показался мнѣ вѣчнымъ. Наконецъ, мы увидали свѣтъ фонаря и насъ окликнули по-англійски.

Два нашихъ товарища вернулись обратно. Они подъѣхали къ самому Диксмюде, но не могли проникнуть дальше благодаря пожарамъ и артиллерійскому огню. Они тоже ждали тамъ часъ, но не видали де-Броквиля. Казалось несомнѣннымъ, что онъ погибъ, и такъ какъ больше ничего нельзя было сдѣлать, мы печально повернули обратно въ Фюрнесъ.

У воротъ монастыря стояло нѣсколько бельгійскихъ санитарныхъ автомобилей, которые прибыли съ другой части фронта съ ранеными. Я помогъ вытащить одного изъ нихъ, сгибаясь подъ тяжестью носилокъ. Другой раненый охватилъ рукой мою шею и затѣмъ съ ужаснымъ крикомъ лишился чувствъ, такъ что я долженъ былъ держать его со всей своей силой. Третій, со страшной раной на головѣ, вошелъ почти безъ помощи другихъ въ операціонную комнату. Глисонъ и я провели его туда, чуть придерживая его. На слѣдующее утро онъ лежалъ мертвымъ на небольшой кучѣ соломы въ углу двора.

Я сѣлъ за ужинъ, но не думалъ, что я буду въ состояніи ѣсть. Я чувствовалъ странное возбужденіе и дрожь во всемъ своемъ тѣлѣ послѣ всѣхъ приключеній этого дня. Казалось весьма страннымъ сидѣть за столомъ и видѣть вокругъ веселыя лица. Но лица нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ были не веселы. Тѣ изъ насъ, которые знали о судьбѣ де-Броквиля, сидѣли молча за своимъ супомъ.

Вдругъ неожиданно раздалось рѣзкое восклицаніе удивленія, и лейтенантъ де-Броквиль быстро вошелъ живой и невредимый. Это казалось чудомъ.

Такъ оно почти и было. Онъ оставался въ этомъ аду нѣсколько часовъ послѣ нашего отъѣзда изъ Диксмюде. Онъ потерялъ насъ, когда спустился въ погребъ для того, чтобы спасти оттуда еще одного раненаго, совсѣмъ забывъ, что онъ приказалъ намъ тронуться въ путь. Тамъ онъ и оставался среди зданій, падающихъ вокругъ него, пока непріятельскій огонь не замеръ на короткое время. Онъ успѣлъ спасти своего раненаго, для котораго онъ нашелъ мѣсто въ бельгійскомъ санитарномъ автомобилѣ около города, и пошелъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Фюрнесъ. Мы пожимали ему руки и были благодарны судьбѣ за его спасеніе.

10.

На другой день рано утромъ я отправился опять въ Диксмюде съ санитарами, принадлежавшими къ летучей колоннѣ. Можно было съ увѣренностью сказать, что тамъ еще оставались раненые, если только они пережили ту ночь ужасовъ, во время которой они лежали въ погребахъ или подъ ненадежной защитой полуразрушенныхъ стѣнъ. Возможно также, что тамъ были недавно раненые, потому что раньше восхода солнца туда была послана бельгійская пѣхота съ пулеметами занять улицы на окраинѣ, въ

то время какъ нѣмецкая пѣхота заняла другія улицы или то, что было ими взято, такъ что пули такъ и сыпались дождемъ по разрушенному городу. Артиллерійская стрѣльба почти прекратилась. Надъ бельгійцами рвалось только небольшое количество снарядовъ, хотя вполнѣ достаточное для того, чтобы громовые раскаты слышались почти безпрерывно. Когда мы доѣхали до угла, гдѣ мы ожидали вчера де-Броквиля, одинъ изъ снарядовъ разорвался совсѣмъ рядомъ съ нами и вырылъ большую яму въ полѣ, за дорожной канавой. Мы шли гораздо быстрѣе въ пустыхъ автомобиляхъ, чѣмъ прошлый разъ. Когда мы въѣхали въ улицы Диксмюде, дома представляли изъ себя какъ бы сплошное царство огня, горящаго безъ пламени, наподобіе раскаленныхъ углей. Они представляли изъ себя только полуразрушенные остовы безъ крышъ и половъ, такъ какъ все, кромѣ стѣнъ и немногихъ обугленныхъ балокъ, было уничтожено страшнымъ пожаромъ. По временамъ перегорѣвшія балки обрушивались и падали съ трескомъ въ массу раскаленныхъ углей, поднимая за собой фонтанъ искръ. Тѣмъ не менѣе кое-гдѣ между массой безформенныхъ руинъ, пощаженные артиллерійской бомбардировкой, стояли совершенно неповрежденныя зданія. Одна улица, по которой мы ѣхали, сохранилась до такой степени, что я едва могъ повѣрить своимъ глазамъ, послѣ того, какъ я смотрѣлъ вчера на пылающій факелъ, называемый „Диксмюде“. Все же и здѣсь оконныя рамы накалились до того, что стекла падали на каменныя мостовыя со звонкимъ трескомъ. Когда мы слѣдовали дальше, градъ шрапнели вдругъ ударилъ на одну сторону улицы, и пули посыпались какъ горохъ на мостовую. Здѣсь собралось нѣсколько солдатъ возлѣ двухъ раненыхъ, одинъ изъ нихъ задѣтый легко, а другой, французскій морской солдатъ на краю смерти, лежавшій неподвижно съ землистымъ лицомъ, запачканнымъ кровью. Мы подобрали ихъ и положили въ санитарный автомобиль, при чемъ умирающій застоналъ, когда мы положили его на носилки.

Бельгійскіе солдаты, пришедшіе въ городъ на разсвѣтѣ, стояли около нашихъ моторовъ, какъ будто бы наше общество давало имъ успокоеніе. Они не говорили много, но смотрѣли на насъ серьезными задумчивыми глазами людей, уставшихъ отъ всего этого горя, но не имѣвшихъ возможности бѣжать отъ него. Все это были молодые люди съ небритой щетиной свѣтлыхъ волосъ на ихъ лицахъ и въ грязи, несмываемой уже много дней.

— Vous êtes très aimable [1], — сказалъ одинъ изъ бельгійцевъ, которому я предложилъ папиросу. Онъ взялъ ее дрожащей рукой и поднялъ голову, когда градъ шрапнели снова посыпался на улицу.

— C'est l'enfer... Pour trois mois je reste sous feu. C'est trop, n'est-ce-pas? [2]—сказалъ онъ торопливо.

Но у насъ не было времени для разговоровъ о войнѣ и ея

---

[1]) „Вы очень любезны“.

[2]) „Это адъ... Три мѣсяца я остаюсь подъ огнемъ. Это слишкомъ, неправда ли?“

дѣйствіи на человѣческую душу. Нѣмецкія пушки заговорили снова, и намъ слѣдовало спѣшить, если мы хотѣли подобрать раненыхъ.

— Много здѣсь раненыхъ?—спросилъ нашъ начальникъ.

Одинъ изъ солдатъ указалъ ему домъ, на которомъ была вывѣска трактира.

— Ихъ помѣстили вонъ туда,—сказалъ онъ.—Я помогалъ ихъ переносить.

Мы направились къ этому дому, обходя груды развалинъ на улицѣ, гдѣ, къ моему изумленію, двѣ старыхъ женщины что-то искали въ кучахъ обломковъ, оставшихся отъ ихъ домовъ. Онѣ оставались въ Диксмюде во время ужасной бомбардировки, спрятавшись въ какой-то погребъ, и теперь вышли оттуда въ своихъ почтенныхъ черныхъ платьяхъ посмотрѣть на то, что было уничтожено. Казалось, что онѣ ищутъ что-то маленькое, что не легко найти среди кучъ обожженныхъ камней и скрученныхъ полосъ желѣза. Одна изъ старухъ покачала печально своей головой, какъ бы говоря: „Боже мой, нѣтъ, я не могу найти“. Я недоумѣвалъ, ищутъ ли онѣ какую-нибудь семейную фотографію... или пепелъ сгорѣвшаго ребенка. Можно было предположить и то, и другое, такъ какъ многіе изъ бельгійцевъ дошли до того состоянія, когда смерть не составляетъ большей важности, чѣмъ какая-нибудь незначительная потеря. Разверзлись небо и земля, проглотивъ сразу весь ихъ маленькій мірокъ въ одномъ дьявольскомъ разрушеніи. Они потеряли чувство пропорціи повседневной жизни въ этомъ сумасшедшемъ мірѣ.

Въ трактирѣ находился бельгійскій врачъ съ солдатами, помогавшими ему, и дюжина раненыхъ на соломѣ, на каменномъ полу. Одинъ изъ раненыхъ сидѣлъ на стулѣ, и докторъ перевязывалъ ему ногу, которая была похожа на кусокъ сырого мяса, обглоданнаго собаками. На соломѣ что-то двигалось и издавало страшные стоны. Молодой солдатъ, почти мальчикъ, прислонился къ стѣнѣ, пригнувши колѣна къ подбородку и закрывъ лицо грязными руками, чрезъ которыя капали слезы. Его голова была обвязана бинтомъ, мокрымъ отъ крови. Около меня лежали два неподвижныхъ и какъ бы безжизненныхъ тѣла, но когда я наклонился надъ ними, я услышалъ ихъ тяжелое дыханіе и хрипъ. Другіе, раненые болѣе легко, смотрѣли на насъ какъ животныя, безъ всякаго любопытства, съ ужасающей покорностью въ ихъ глазахъ, которая какъ бы говорила: „Теперь для насъ все безразлично. Ни голодъ, ни жажда, ни боль—ничего не значатъ. Мы живы, но духъ нашъ мертвъ“.

Докторъ не позволилъ намъ увезти его раненыхъ. Нѣмецкіе снаряды опять стали сыпаться тяжелымъ дождемъ на окраинахъ города, черезъ которыя мы должны были проѣхать на нашемъ обратномъ пути. Въ трактиръ приходитъ офицеръ сказать, что нѣмцы стрѣляютъ по желѣзнодорожному переѣзду для того, чтобы не дать пройти бельгійскимъ санитарнымъ моторамъ. Лучше подождать нѣкоторое время. Нелѣпо подвергаться ненужному риску.

Откровенно признаюсь, я горѣлъ желаніемъ уѣхать возможно скорѣе съ ранеными. Снарядъ разорвался надъ зданіями на противоположной сторонѣ улицы. Когда я стоялъ около трактира, наблюдая за двумя солдатами, посланными привести двухъ раненыхъ, лежавшихъ въ другомъ домѣ, я видѣлъ, какъ они юркнули въ дверь, чтобъ спастись отъ града шрапнели, который замолотилъ по мостовой возлѣ нихъ. Черезъ нѣсколько времени они пошли по улицѣ, кидаясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяные, и, наконецъ, я увидѣлъ, какъ они брели обратно къ намъ со своими ранеными товарищами, охватившими руками шеи своихъ избавителей... Я пошелъ помочь имъ, но не скажу, чтобы мнѣ нравилась психологія этой улицы, гдѣ смерть играла съ людьми, преслѣдуя ихъ по пятамъ.

Я помогъ нагрузить одинъ изъ автомобилей и отправился обратно въ Фюрнесъ, сидя рядомъ съ шоффером, но повернувшись назадъ, съ тѣмъ, чтобы держать одинъ изъ шестовъ носилокъ, который порывался вылѣзть изъ своихъ петель, въ каковомъ случаѣ раненый, лежавшій на холстѣ, упалъ бы на другого раненаго, лежавшаго внизу.

— Ça y est, — сказалъ мой пріятель шоффер весьма бодро. Онъ былъ джентльменъ-доброволецъ со своимъ собственнымъ автомобилемъ и имѣлъ видъ моряка въ круглой морской шапкѣ и синей курткѣ. Кажется, онъ плохо зналъ французскій языкъ, но мнѣ нравилось его „Ça y est“, когда онъ поднималъ носилки своими привычными руками и помѣщалъ окровавленныя тѣла на верхъ своего мотора съ безконечной осторожностью съ тѣмъ, чтобы не потревожить толчкомъ сломанныя кости.

У одного изъ солдатъ, лежавшихъ за нами, нога была разбита въ двухъ мѣстахъ. Когда мы ѣхали по улицамъ, заваленнымъ огромными камнями и обломками разрушенныхъ домовъ, онъ все время кричалъ голосомъ, полнымъ муки:

— Pas si vite! Pour l'amour de Dieu... Pas si vite [1]).

Не такъ скоро! Но когда мы выѣхали изъ обгорѣвшихъ улицъ къ желѣзнодорожному переѣзду, нужно было ѣхать какъ можно скорѣе. Снаряды все время падали на поля совсѣмъ рядомъ съ нами. Одинъ изъ нихъ вырылъ огромную яму на дорогѣ въ двадцати ярдахъ отъ насъ. Другой разорвался сейчасъ же за нами. Я жаждалъ скорости инстинктивно. Я хотѣлъ мчаться по этой дорогѣ и очутиться скорѣе внѣ сферы огня. Но шоффер въ синей курткѣ, слыша эти ужасные крики, раздававшіеся за нимъ, замедлилъ ходъ машины, и автомобиль чуть двигался.

— Бѣдняга,—сказалъ онъ. — Воображаю, что онъ чувствуетъ, когда куски сломанной кости трутся одинъ о другой. Каждый толчокъ для него адское мученіе.

Мы пошли еще медленнѣе, шагомъ погребальной колесницы, и шоффер сказалъ, обернувшись назадъ:

— Ça y est, mon vieux... Bon courage! [1]).

---

[1]) „Не такъ скоро, ради Бога, не такъ скоро!“
[1]) „Такъ, старина... Не унывай!“

Впослѣдствіи этотъ храбрый и достойный джентльменъ былъ самъ раненъ и былъ положенъ въ тотъ автомобиль, которымъ онъ часто правилъ, съ зазубреннымъ кускомъ стали въ его ногѣ и съ двумя кусками перебитой кости, которые терлись одинъ о другой во время толчковъ экипажа. Но когда его вынимали, онъ подавилъ стонъ и попрежнему бодро воскликнулъ: „Ç'a y est!“

11.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ дней монастырь въ Фюрнесѣ все время былъ переполненъ ранеными. Весь день и поздно ночью ихъ привозили съ поля битвы бельгійскіе санитарные моторы, и едва ли проходилъ хотя бы одинъ часъ безъ стука въ большія деревянныя ворота во дворѣ, которыя широко отворялись, чтобы впустить еще одинъ грузъ окровавленныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Бельгійцы все еще удерживали послѣдній оставшійся у нихъ клочекъ родины, нѣсколько полей и деревень между французской границей и Диксмюде съ храбростью, которая войдетъ безъ сомнѣнія въ списокъ героическихъ дѣяній, записанныхъ исторіей. Въ теченіе послѣднихъ чиселъ октября, сражаясь почти одни— англичанъ здѣсь совсѣмъ не было, а французы прислали только нѣсколько баттарей съ двумя полками морскихъ солдатъ — они снова завладѣли небольшимъ клочкомъ своей родины и сбили врага съ позицій, которыя онъ занялъ. Несмотря на нѣмецкія аттаки падавляющей силы вдоль берега между Вестенде и Остенде и по дугѣ вокругъ Диксмюде, протяженіемъ около тридцати километровъ, эти бельгійскіе солдаты, усталые благодаря мѣсяцамъ непрестанной борьбы, съ полками, откуда выбыла большая часть людей, и съ бѣдными остатками своей дезорганизованной арміи, не только твердо стояли на своихъ позиціяхъ, но нанесли непріятелю тяжелыя потери и захватили четыреста плѣнныхъ. На нѣсколько часовъ нѣмцамъ удалось переправиться черезъ Изеръ, такъ что они угрожали генеральной аттакой бельгійскому фронту. Передъ Нипортомъ ихъ окопы были только въ пятидесяти метрахъ отъ бельгійскихъ, и въ ночь на 22 октября они ходили восемь разъ въ штыки съ тѣмъ, чтобы пробить себѣ путь дальше.

Имъ не удалась ни одна аттака на позиціи бельгійцевъ, которые оставались въ своихъ окопахъ, несмотря на кровь, лужи которой все увеличивались подъ ихъ ногами, и на трупы, которые грудами лежали вокругъ нихъ. Живые и мертвые образовали преграду, которой не удалось сокрушить врагамъ. Непрестанный свинцовый дождь бельгійскихъ пулеметовъ и ружей косилъ нѣмцевъ, когда они приближались въ тѣсныхъ колоннахъ, такъ что въ теченіе этихъ восьми разъ непріятельскія аттаки были отбиты и отброшены назадъ. Нѣмцы падали подобно листьямъ, которые тогда носилъ по полямъ осенній вѣтеръ, и усѣяли своими тѣлами все пространство между окопами. Нѣкоторые изъ ихъ убитыхъ были совсѣмъ молодые люди, бѣдные

юноши шестнадцати и восемнадцати лѣтъ изъ нѣмецкихъ гимназій и университетовъ, сыновья знатныхъ и богатыхъ семей, принятые въ качествѣ добровольцевъ прусскими повелителями армій, безразличными къ человѣческой жизни въ ихъ отчаянной игрѣ съ судьбой. Нѣсколько этихъ мальчиковъ, тяжело раненые, были привезены въ госпитали Фюрнеса. Одинъ изъ нихъ, доставленный во дворъ монастыря, улыбался, лежа на носилкахъ, и очень вѣжливо говорилъ на плохомъ французскомъ языкѣ съ авгличанкой, котороя наклонилась надъ нимъ съ той жалостью, съ какой дѣвушки видятъ раненую птичку. Онъ, казалось, былъ радъ, что отдѣлался такъ дешево, такъ какъ онъ былъ раненъ только въ ногу, что должно было оставить его хромымъ на всю жизнь. Онъ былъ очень радъ, что совсѣмъ избавился отъ всѣхъ ужасовъ окоповъ на нѣмецкой сторонѣ Изера. Едва ли можно было называть врагомъ этого мальчика. Онъ былъ только невинной жертвой, захваченной дьявольской силой и брошенный на произволъ судьбы, какъ только въ немъ миновала надобность. Жалость, испытываемая въ присутствіи одного изъ такихъ искалѣченныхъ существъ, не приходитъ въ душу людей на поляхъ битвы, гдѣ нѣтъ отдѣльной индивидуальности, но только дикій конфликтъ невидимыхъ силъ, безчеловѣчныхъ какъ удары молніи или какъ разрушительный гнѣвъ древнихъ боговъ. Сердца солдатъ тамъ наполнены ненавистью, основаніемъ которой является страхъ. Тамъ ликуютъ при видѣ снаряда, разорвавшагося надъ баттареей врага и радуются при мысли о смерти, которую приноситъ это облачко дыма. Но я видѣлъ, что такой враждебности совсѣмъ не встрѣчается въ присутствіи отдѣльнаго врага или толпы плѣнныхъ. Остается только изумляться ужасу того преступленія, которое заставляетъ людей убивать одинъ другого безъ всякаго желанія съ ихъ стороны, но по указанію силъ, далеко стоящихъ отъ ихъ жизненныхъ интересовъ и имъ неизвѣстныхъ.

12.

Монастырскій дворъ въ Фюрнесѣ будетъ всегда памятенъ мнѣ, какъ арена чудовищной драмы.

По временамъ, стоя тамъ въ одиночествѣ и темнотѣ около санитарнаго мотора, я смотрѣлъ вверхъ на звѣзды, и задавался вопросомъ, что думаетъ обо всемъ этомъ Богъ, если предположить, что въ старыхъ вѣрованіяхъ человѣчества имѣется хоть сколько-нибудь правды. Хорошенькую штуку сдѣлали мы смертные изъ жизни! Я почти что хохоталъ при мысли объ ироніи всего этого, если бы не боялся, что мой смѣхъ застрянетъ у меня въ горлѣ, и со мной сдѣлается истерика. Люди были звѣрями и даже хуже звѣрей, калѣча и уродуя другъ друга безъ всякой ненависти въ сердцахъ, повинуясь глупой и ложной мысли, что массы ихъ должны кинуться другъ на друга для того, чтобы рѣзать, стрѣлять и жечь, по приказу тѣхъ, кто были ихъ величайшими врагами—министровъ съ холоднымъ и расчетливымъ

умомъ, безчеловѣчныхъ повелителей армій, которые видѣли въ битвѣ шахматную игру въ большомъ масштабѣ. Такимъ то думамъ предавался я, маленькое ничтожное насѣкомое, на темномъ полушаріи земли подъ вѣчнымъ небомъ, и чтобы прогнать эти глупыя раздражающія мысли, принимался за дѣло, которое обыкновенно заключалось въ томъ, чтобы нести носилки съ окровавленной ношей или же подставить плечо высокому солдату, который упирался на него и, ковыляя, шелъ въ открытую дверь, которая вела къ операціонному столу или къ свободной кровати, гдѣ онъ могъ умереть, если счастье измѣняло ему.

На дворѣ всегда была суета и движенье въ тѣ часы, когда къ намъ прибывали автомобили съ грузомъ извлеченныхъ изъ подъ огня. Фонари бросали въ темнотѣ полосы ослѣпительнаго свѣта, когда моторы поворачивали въ крутую и узкую улицу, ведущую къ монастырскимъ воротамъ, между двумя высокими и толстыми стѣнами и, затѣмъ, со скрипѣньемъ и гудѣньемъ въѣзжали во дворъ къ другимъ моторамъ, уже стоявшимъ молчаливо на покоѣ. Голоса шоффероѣ лондонцевъ перекликались между собой:

— Чортъ васъ побери, Билль... Не можете вы что ли повернуть? Господи помилуй, какъ я могу въѣхать сюда?

Во дворъ вышли женщины. Свѣтъ фонарей коснулся ихъ бѣлыхъ повязокъ, и ихъ голоса заговорили тихо:

„Много вы привезли на этотъ разъ?“... „У насъ едва ли найдется свободное мѣсто“... „Это ужасно! Намъ приходится пользоваться носилками вмѣсто кроватей“... „Сегодня трое умерло“.

Затѣмъ слѣдовало молчаніе или шопотъ санитаровъ, разсказывавшихъ о своихъ приключеніяхъ дѣвушкѣ въ рейтузахъ цвѣта хаки, которая стояла, засунувъ одну руку въ карманъ своей куртки и держа во рту папиросу, освѣщавшую ея щеку и волосы.

— Всѣ цѣлы?... Счастливо вышло на этотъ разъ!

— O mon Dieu! O, cré nom! O! O!

Это былъ крикъ агоніи, усилившійся до потрясающаго, заставлявшаго стынуть кровь, вопля:

— O Iésus! O! O!

Пріучить свое ухо къ этимъ страшнымъ крикамъ было невозможно. Они пронизывали ужасомъ душу. Можно было только стоять, сжавъ до боли свои руки, въ этой темной камерѣ пытокъ, среди высокихъ стѣнъ и съ невидимыми призраками, дико кричащими изъ пучины мрака.

Крики раненыхъ смолкли и превратились въ глухіе слабые стоны.

Возлѣ мотора послышался заглушенный смѣхъ.

— Горячо?... Я думаю, что было горячо! Но мы подобрали раненыхъ и проѣхали мостъ благополучно... Снаряды падали около насъ со всѣхъ сторонъ... Я таки порядочно перетрусилъ, можете быть въ этомъ увѣрены... По правдѣ говоря, это ужѣ было черезчуръ!

Опять молчаніе. Затѣмъ послышался чей-то голосъ, говорившій спокойно съ другого конца двора:

— Не поможетъ ли мнѣ кто-нибудь! Нужно вынести тѣло.

Я помогалъ выносить мертвыхъ, какъ каждый изъ насъ помогалъ во всякой работѣ, если его руки были свободны въ данный моментъ. Въ этомъ заключалось спасеніе разсудка и самоуваженія каждаго изъ насъ. Все же мнѣ, болѣе чувствительному, чѣмъ слѣдуетъ, войти въ ту комнату, гдѣ лежали раненые и подойти къ мертвецу, черезъ ряды умирающихъ, стоило большихъ усилій. Какъ много ихъ умирало, переночевавъ въ нашей гостиницѣ! Все искусство и ловкость врачей не могли зачинить нѣкоторыя изъ этихъ тѣлъ, страшно разорванныхъ нѣмецкими снарядами. Запахъ сырой и грязной одежды, запекшейся крови и омертвѣлыхъ членовъ, іодина и хлороформа, рвоты и предсмертнаго пота производили на меня одуряющее дѣйствіе. Я старался не дышать, задерживая свое дыханье, чтобы меня не вырвало. Я старался смотрѣть внизъ на полъ, чтобы не видѣть зрѣлища этихъ обезображенныхъ лицъ, выбитыхъ глазъ и разорванныхъ тѣлъ, лежавшихъ съ обѣихъ сторонъ возлѣ меня на кроватяхъ или на носилкахъ, поставленныхъ на полу между кроватями. Я старался не слышать звуковъ, наполнявшихъ эту комнату страшнаго хрипѣнья умирающихъ, длительныхъ стоновъ людей, испытывающихъ дьявольскую боль, дикаго бреда, охваченныхъ лихорадкой, кричавшихъ, какъ маленькія дѣти: „maman! O, maman!“ или повторявшихъ безъ конца какое-нибудь сердитое возраженіе далекому товарищу. Но все же, несмотря ни на что, картины, звуки и запахи завладѣвали моими чувствами. Я долженъ былъ видѣть, слышать и дышать воздухомъ смерти и разрушенія. Въ продолженіе цѣлыхъ часовъ впослѣдствіи меня преслѣдовало мертвенное лицо какого-нибудь молодого солдата, лежавшаго полуобнаженнымъ на кровати въ то время, какъ сестры промывали и перевязывали его ужасныя раны. Какая трата людей! Какое обезображиваніе юношеской красоты! Бородатые солдаты лежали здѣсь въ спокойствіи, которое говорило о приближающейся смерти. Они были такіе сильные и крѣпкіе люди, обрабатывавшіе свои фламандскія поля и жившіе со спокойной вѣрой въ ихъ сердцахъ. Теперь они умирали преждевременно, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ сознавали, что смерть была близко, такъ что слезы катились по ихъ бородамъ, и въ ихъ глазахъ былъ страхъ и тоска.

— Je ne veux pas mourir!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.—O, ma pauvre femme!... Je ne veux pas mourir! [1])

Онъ не хотѣлъ умирать, но утромъ онъ былъ мертвъ.

Трупъ, который я долженъ былъ вынести, лежалъ обернутый въ простыню, заколотую булавками. Это было сдѣлано весьма чисто сестрой милосердія. Она шепнула мнѣ, когда я стоялъ у одного конца кровати, а мой пріятель у другого:

— Осторожнѣе... Онъ можетъ распасться на двое.

Я думалъ объ этихъ словахъ, когда я засовывалъ мои руки подъ неостывшее тѣло и помогалъ положить его на носилки. Да,

---

[1]) „Я не хочу умирать! Моя бѣдная жена... Я не хочу умирать!“

нѣкоторыя изъ ранъ, причиненныхъ осколками снарядовъ, были страшныхъ размѣровъ. Едва ли даже возможно было сшить человѣка нитками... Только впослѣдствіи, когда мы отнесли носилки въ другую комнату на другой сторонѣ двора, странная дрожь на мгновенье пробѣжала по моему тѣлу... Это было ужасно! Стоило ли пресловутое „объединеніе націй“, „очистительное средство противъ порчи нравовъ“, вся ложь людей, оправдывающихъ это чудовищное преступленіе, той цѣны, которая оплачивается болью, слезами и смертью? Только тѣ, что сидятъ дома, могутъ писать въ такомъ родѣ. Когда находишься на войнѣ, всѣ фальшивыя героическія слова меркнутъ и исчезаютъ благодаря всѣмъ этимъ адскимъ мученіямъ. Тогда становится понятнымъ, что сама храбрость въ большинствѣ случаевъ ничто иное, какъ гордость у страшно боящихся людей, гордость, которая заставляетъ ихъ скрывать свой страхъ. Люди не становятся на войнѣ лучше чѣмъ были прежде, они просто обнаруживаютъ хорошія качества, которыя и раньше находились въ нихъ. Самую высшую храбрость на нашемъ дворѣ въ Фюрнесѣ проявляли не санитары, которые прибывали съ поля битвы, но доктора и сестры милосердія, которые ухаживали за ранеными, трудясь безустанно среди крови, посреди всѣхъ этихъ зрѣлищъ и стоновъ. Я исполнился къ нимъ почтенія, когда я наблюдалъ ихъ за работой. Я гордился тѣмъ, что могъ принести супъ кому-нибудь изъ нихъ или могъ вымыть тарелку, чтобы они могли положить въ нее мясо, принесенное изъ кухни. Я съ наслажденіемъ чистилъ бы для нихъ сапоги, если бы ихъ стоило чистить при грязи нашего двора.

— Это не хирургія!—сказалъ одинъ изъ молодыхъ врачей, выходя изъ операціонной и моя руки у кухоннаго ушата для помоевъ.—Это дѣло мясника.

Докторъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда не видалъ такихъ ранъ и даже не представлялъ ихъ себѣ, а что касалось до условій, въ которыхъ онъ работалъ... Онъ поднялъ руки и захохоталъ, потому что лучше смѣяться, когда нечѣмъ помочь. Имъ не хватало ни перевязочнаго матеріала, ни инструментовъ, ни стерилизаціи. Палаты были забиты настолько, что въ нихъ едва можно было двигаться, а раненые прибывали такъ быстро, что только и оставалось рѣзать и зашивать.

— Я привыкъ къ крови,—продолжалъ молодой хирургъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я прошелъ мой искусъ, препарируя трупы и затѣмъ переходя на живыхъ. Вы знаете, что это дѣлается постепенно, пока студентъ не только не пугается живого мяса, но начинаетъ разсматривать его какъ матеріалъ для научной работы. Но здѣсь!—онъ окинулъ глазами комнату, куда входили раненые.—Это мнѣ нѣсколько дѣйствуетъ на нервы. Массовое истребленіе, крайняя безсмысленность всего этого, порча такого хорошаго человѣческаго матеріала, все это заставляетъ чувствовать отвращенье къ войнѣ. Да, война дьявольская штука... И мнѣ жаль всѣхъ этихъ бѣдныхъ бельгійцевъ, которымъ пришлось испытать всю ея жестокость. Вѣдь они-то не жаждали войны!

Деревянныя ворота распахнулись для того, чтобы пропустить новый грузъ раненыхъ бельгійцевъ, и молодой хирургъ съ улыбкой кивнулъ мнѣ головой.

— Еще! Я долженъ спѣшить въ мою мясную лавку. Пока до свиданья!

Я помогъ сойти одному изъ прибывшихъ, молодому человѣку, раненому въ грудь, который обвилъ руками мою шею и проговорилъ „Merci! Merci!“ съ утонченной вѣжливостью, какъ вдругъ неожиданно онъ зашатался, такъ что я долженъ былъ напречь всю мою силу, чтобы поддержать его въ то время, какъ его рвало кровью прямо на меня. Я долженъ былъ позвать на помощь, чтобы донести его въ госпитальную палату.

И все-таки въ монастырѣ, гдѣ лежало такъ много раненыхъ, слышался часто смѣхъ. Только благодаря веселью и постоянному обмѣну шутками доктора, сестры и наши женщины шоферы могли поддерживать свои нервы. Такъ, напримѣръ, въ трапезной монастыря, когда мы садились за столъ, сыпался безчисленный градъ шутокъ, и голубоглазый докторъ съ золотыми волосами пародировалъ голосъ Питера Пана, говорилъ на удивительной смѣси французскаго и англійскаго языковъ и вообще разыгрывалъ роль присяжнаго шутника. Цѣлыя процессіи съ тарелками въ рукахъ направлялись къ дверямъ кухни, гдѣ великолѣпная завѣдывающая кухней, одна изъ тѣхъ широколицыхъ добродушныхъ англичанокъ съ карими глазами, работала цѣлый день въ жару печки, чтобы приготовить пищу для пятидесяти пяти голодныхъ людей, которымъ было некогда дожидаться опредѣленнаго часа. Тутъ происходили стычки между двумя докторами изъ-за послѣднихъ картофелень и дуэль между однимъ изъ нихъ и мной изъ-за ростбифа и вареной баранины, и объясненіе въ любви нашей завѣдывающей кухней изъ-за лакомыхъ кусочковъ въ кастрюлѣ. Такой кухни никогда еще не было въ мірѣ, и инспекторъ англійскаго графства написалъ бы въ высшей степени неблагопріятный отчетъ о ней. Кранъ кухни употреблялся въ качествѣ рукомойника докторами, шоферами и санитарами. Сестры проходили по кухнѣ съ окровавленными тряпками изъ операціонной палаты, которая была рядомъ съ кухней. Легко раненые, покрытые грязью Изера, садились за боковой столъ доѣдать остатки пищи. Среди шипѣнья сосисекъ и звона посуды слышалось стенанье раненыхъ и безконечный монологъ какого-нибудь бѣдняги въ лихорадочномъ бреду. И все таки я вспоминаю эту монастырскую кухню, какъ мѣсто веселья, съ которымъ связана память о многихъ товарищахъ, и какъ спокойное убѣжище отъ ужасовъ войны. Я представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ кухоннаго мужика при ней въ различные часы дня и ночи, когда я не ѣхалъ съ санитарными моторами на поля сраженій, не чистилъ двора или не дѣлалъ того, что кому-нибудь да нужно было сдѣлать.

— Я попрошу васъ вырыть яму и помочь мнѣ похоронить руку,—говорила мнѣ одна изъ сестеръ.—Согласны?

Другой разъ я помогалъ одной изъ нашихъ дамъ развѣсить

одѣяла, не очень хорошо промытыя, потому что они были запачканы кровью, и въ не очень-то гигіеническомъ мѣстѣ, потому что веревка находилась надъ охапкой соломы, на которой умерло нѣсколько человѣкъ. На дворѣ было много мусорныхъ кучъ, подходить близко къ которымъ не рекомендовалось, и къ стѣнамъ были постоянно приставлены носилки, пропитанныя кровью или съ большими темными пятнами на нихъ, гдѣ кровь уже высохла. Дворъ стараго монастыря походилъ на дворъ бойни, и дѣйствительно онъ былъ дворомъ бойни, за исключеніемъ того, что здѣсь живыя существа не убивались сразу, а еще мучились въ страшныхъ страданіяхъ.

13.

Каждый день рано утромъ автомобили отправлялись въ сферу огня съ тѣмъ, чтобы подбирать упавшіе колосья на полѣ жатвы войны. Направленіе и пароль дня намъ давалъ юный де-Броквиль, который получалъ указанія отъ бельгійскаго генеральнаго штаба. Обыкновенно у насъ не было большого выбора. Мѣсто, куда мы должны были ѣхать, лежало гдѣ-нибудь между дорогами по морскому берегу, ведущими къ Нипорту или вглубь страны къ Первизе, Диксмюде-Сенъ-Жоржу или Рамскапелю, гдѣ бельгійскій и нѣмецкій фронты образовывали дугу вплоть до Ипра.

Центръ этого полукруга, опоясаннаго пушками, представлялъ изъ себя поразительную и страшную панораму, очертанную черными клубами дыма и пламенемъ баттарей. Надъ Нипортомъ висѣла дымная занавѣсь густо чернаго цвѣта, освѣщаемая каждый моментъ голубымъ сіяніемъ при разрывѣ снарядовъ. Въ различныхъ мѣстахъ этого полукруга горѣли деревни, нѣкоторыя тлѣя чуть замѣтно, а другія ярко пылая, подобно огнямъ маяковъ.

Диксмюде все еще пылалъ съ обѣихъ сторонъ, но казалось, что въ его центрѣ пожаръ догоралъ. Дальше, на другой сторонѣ дуги пылало пять костровъ или факеловъ, указывающихъ на мѣстоположеніе того, что когда-то было хорошенькими маленькими деревнями счастливой Бельгіи. Я находился въ центрѣ боя, и дороги вокругъ меня были взрыты снарядами и засыпаны шрапнельными пулями. Близко отъ меня, въ полѣ, подъ прикрытіемъ небольшой рощицы помѣщались бельгійскія баттареи. Онѣ стрѣляли съ регулярностью машины, и каждую минуту за тяжелымъ лаемъ орудія слышался свистъ снаряда, когда онъ летѣлъ, описывая высокую дугу, и затѣмъ разрывался надъ нѣмецкими окопами. Было интересно высчитывать промежутокъ времени между вспышкой огня и взрывомъ снаряда. Дальше морскія пушки французскихъ флотскихъ солдатъ обстрѣливали непріятельскія позиціи и вносили другую ноту въ этотъ адскій оркестръ. Это былъ глубокій мрачный грохотъ въ тонѣ страшной угрозы. Непріятельскіе снаряды рвались непрестанно и весьма близко, такъ что по временамъ они казались только въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ меня. У нѣмцевъ было много огромныхъ мортиръ, и разрывъ ихъ снарядовъ сопровождался гигантскими клубами дыма, который висѣлъ въ воздухѣ болѣе десяти минутъ. Это и были тѣ снаряды, которые вырывали въ землѣ ямы такой глубины, что въ нихъ можно было помѣстить цѣлую телѣгу. Ихъ моральное дѣйствіе было ужасно, и сердце робко сжималось при ихъ появленіи.

Дороги были покрыты длинными обозами съ провизіей для войскъ, санитарными автомобилями, моторами Краснаго Креста, зарядными ящиками и фермерскими телѣгами. Два полка бельгійской кавалеріи были спѣшены и стояли на привалѣ съ лошадьми, вытянутыми на полъ мили въ одну линію рядомъ съ дорогой. Кавалеристы были бравыми людьми, закаленными въ долгой кампаніи и поразительно беззаботными по отношенію къ снарядамъ. На нихъ были надѣты разнообразные мундиры, потому что они представляли изъ себя собранные въ одно остатки бельгійской кавалерійской дивизіи, бывшей все время въ сраженіи съ самаго начала войны. Я былъ изумленъ, увидѣвъ ихъ лошадей въ такомъ хорошемъ состояніи, несмотря на долгое испытаніе, которое такъ закалило нервы этихъ бельгійцевъ, что они не обращали ни малѣйшаго вниманія на грохотъ пушекъ.

Вблизи боевой линіи, по деревнямъ и давно разрушеннымъ фермамъ роты бельгійской пѣхоты жались подъ прикрытіемъ дверей или кирпичной стѣны. Я видѣлъ ихъ лица и замѣтилъ, какъ мертвенны они были. Казалось, какъ будто бы искра жизни въ нихъ была загашена ураганомъ битвы. Ихъ глаза ввалились и были совсѣмъ безъ выраженія. Недѣля за недѣлей, ночь за ночью они находились подъ артиллерійскимъ огнемъ, и что-то въ нихъ умерло, можетъ быть, само желаніе жить. По временамъ нѣкоторые изъ нихъ нагибали головы, когда снарядъ разрывался въ пятидесяти или сотнѣ ярдовъ отъ нихъ, и тогда я видѣлъ, что страхъ можетъ жить въ сердцахъ людей, которые освоились съ постоянной мыслью о смерти. Ибо страхъ существуетъ совмѣстно съ высочайшей храбростью, и вліяніе его не чуждо героямъ, которые имѣютъ достаточно мужества, чтобы сказать правду.

14.

— Если кто-нибудь говоритъ, что онъ не боится снарядовъ, онъ лжетъ!—сказалъ одинъ изъ храбрѣйшихъ людей, съ которымъ я встрѣчался. Въ этотъ моментъ мы наблюдали за тѣмъ, какъ непріятельская шрапнель боронила землю по обѣимъ сторонамъ дороги, на которой мы стояли. Въ этой войнѣ найдется не много людей, которые претендовали бы на безстрашіе. Наоборотъ, большинство французскихъ, бельгійскихъ и англійскихъ солдатъ, съ которыми я говорилъ, съ самаго начала войны находили какое-то болѣзненное удовольствіе въ откровенномъ признаніи, что они испытывали страхъ.

— Теперь уже прошло три дня, какъ я струсилъ, — сказалъ молодой англійскій офицеръ, который, какъ я думаю, ни разу въ своей жизни не испыталъ страха до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ на эти страшныя поля битвы.

— Я былъ парализованъ холоднымъ и ужаснымъ страхомъ, когда я получилъ приказъ итти впередъ съ моими людьми по открытому полю подъ градомъ шрапнели,—говорилъ французскій офицеръ съ твердымъ выраженіемъ карихъ глазъ человѣка, который при обыкновенныхъ обстоятельствахъ только улыбнулся бы при мысли объ опасности и смерти.

Дѣйствительно, современный артиллерійскій огонь такъ ужасенъ, что онъ уничтожаетъ храбрость. Что-то другое появляется на ея мѣстѣ, какая-то философія фатализма. Иногда это крайняя усталость при видѣ того, какъ смерть играетъ съ человѣкомъ, угрожая убить и вмѣстѣ съ тѣмъ щадя его. Во многихъ случаяхъ это странное прекращеніе всѣхъ чувствованій и эмоцій, благодаря чему тѣ, кто долго находился подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ, получаютъ особое омертвѣніе нервной системы, какъ будто бы что-то убито внутри ихъ, хотя наружно они еще живы и невредимы.

Старый родъ храбрости, когда у человѣка была гордость и увѣренность въ своей силѣ и мужествѣ, когда онъ чувствовалъ себя равнымъ врагу благодаря своему оружію и уму, почти совершенно исчезъ. Эта храбрость совершенно исчезаетъ, когда теперешній солдатъ идетъ въ атаку или удерживаетъ позиціи противъ вражеской артиллеріи, потому что всѣ человѣческія качества ни къ чему не служатъ противъ современныхъ машинъ смерти. Что значитъ быстрота соображенія, сила руки человѣка, героическія эмоціи, его хитрость въ борьбѣ, когда онъ стоитъ противъ вражескихъ баттарей, которыя изрыгаютъ смерть съ ужасающей точностью и регулярностью. Что въ такой часъ дѣлать храбрѣйшему изъ храбрыхъ? Можетъ ли онъ стоять, безстрашно выпрямившись, когда на него градомъ сыплются зазубренные куски стали? Можетъ ли онъ принять позу театральнаго героя съ презрительной улыбкой на устахъ, когда въ двухъ шагахъ отъ него въ землѣ образуется огромная яма, въ которой можно помѣстить автомобиль, и когда само зданіе, около котораго онъ стоитъ, моментально превращается въ безобразную кучу развалинъ?

Нѣтъ, невозможно преувеличить чудовищный ужасъ, испытываемый подъ огнемъ снарядовъ. Я понялъ это, когда я стоялъ въ центрѣ ада, наблюдая, какъ дѣйствуетъ этотъ дьявольскій огонь на окружавшихъ меня и анализируя мои ощущенія съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ. Я страшно боялся—день за днемъ я долженъ былъ слушать эту музыку и я ненавидѣлъ ее—но я нашелъ, что тутъ были и другія ощущенія помимо страха, которыя произвели во мнѣ перемѣну. Я сознавалъ физическую неловкость, которая дѣйствовала на мой мозгъ. Страшный грохотъ даже больше угнеталъ меня, чѣмъ мысль о смерти. Нѣмецкія баттареи гремѣли безъ умолку вокругъ Нипорта, Диксмюде, Первизе и другихъ городовъ и деревень, образуя дугу,

начинавшуюся отъ морского берега. Можно было видѣть острые языки пламени непріятельскихъ пушекъ. Ихъ безустанный грохотъ раздавался оглушительными громовыми раскатами, прерываемыми внезапными и страшными толчками, которые разстраивали умъ и потрясали все тѣло, какъ бы разбивая его на части. Надъ всѣми этими низкими звуками слышался вой снарядовъ, это долго продолжающееся жужжанье, подобное жужжанью гигантской раздраженной пчелы, которое повышалось до пронзительной пѣвучей ноты, заканчивающейся взрывомъ, который разбрасывалъ смерть. Но еще болѣе невыносимымъ для слуха былъ грохотъ нашихъ пушекъ. Въ Нипортѣ я находился только въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ боевыхъ судовъ, стоявшихъ у берега. Каждый снарядъ, который они посылали черезъ дюны, сопровождался страшнымъ грохотомъ и заставлялъ содрогаться тѣло и сжиматься сердце. Сотрясеніе воздуха было такъ сильно, что вся моя голова болѣла, какъ будто бы по ней колотили молотомъ. Спустя долгое время я трепеталъ отъ волнъ этихъ вибрирующихъ звуковъ. Еще хуже было вблизи баттареи французскихъ cent-vingt*): ихъ выстрѣлы, это пронизывающее душу стоватто, были еще рѣзче и ужаснѣе для нервовъ. Каждый выстрѣлъ сопровождался рѣзкимъ металлическимъ трескомъ, который, казалось, разрывалъ барабанную перепонку въ моихъ ушахъ. Я невыносимо страдалъ отъ этого шума, однако, оказалось, что легко смѣяться во время боли: по крайней мѣрѣ, я громко захохоталъ, когда мой пріятель, проѣзжая мимо баттареи на своемъ моторѣ, отдалъ честь одному изъ артиллеристовъ и закричалъ: „Un moment, s'il vous plait!“**) Это было похоже на то, какъ бы попросить Юпитера остановить его громы.

Нѣкоторые привыкаютъ къ грохоту орудій, но другіе никогда. Каждый разъ какъ баттарея стрѣляла залпомъ, одинъ изъ бывшихъ со мной шоффероvъ, механикъ, грубый и энергичный, съеживался и нагибалъ свою голову съ выраженіемъ болѣзненнаго ужаса. Онъ признался мнѣ, что залпы разбиваютъ его нервы на части. Трое такихъ шоффероvъ и санитаровъ должны были быть отправлены домой въ качествѣ инвалидовъ въ теченіе одной недѣли. Одинъ изъ нихъ получилъ нервное разстройство, которое чуть не убило его. Однако, они не были трусами. Въ духовномъ отношеніи они были храбрыми людьми и заставляли себя принимать участіе во многихъ опасныхъ поѣздкахъ на фронтъ. Невыносимое напряженіе нервной системы, вотъ что превратило ихъ въ инвалидовъ. На нѣкоторыхъ въ присутствіи разрывающихся снарядовъ нападаетъ какъ бы припадокъ безумія—это и есть то, что одинъ мой пріятель французъ называетъ la folie des obus*). Оно представляетъ изъ себя родъ особаго упоенья, которое заставляетъ терять сознаніе и впадать какъ бы въ опьянѣніе среди грохочущихъ и визжащихъ снарядовъ. Во время страшной бом-

*) Сто двадцать (милиметровъ).
**) На минутку (остановитесь), пожалуйста!!!
*) Артиллерійское сумасшествіе.

бардировки въ Диксмюде, продолжавшейся около четверти часа, одинъ изъ моихъ пріятелей безцѣльно ходилъ взадъ и впередъ съ мечтательнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Я увѣренъ, что у него не было ни малѣйшей мысли о томъ, гдѣ онъ былъ и что онъ дѣлалъ. Въ Антверпенѣ, когда обозъ британскихъ санитарныхъ автомобилей выскочилъ со своими ранеными изъ тучи снарядовъ, одинъ изъ санитаровъ, котораго болѣзненно притягивалъ къ себѣ этотъ адъ, остановилъ автомобиль и сказалъ: „Я долженъ вернуться, я долженъ вернуться! Снаряды зовутъ меня“. Онъ бросился обратно къ городу, и больше о немъ не слыхали.

Любопытство, возбуждаемое дѣйствіемъ снарядовъ, гораздо сильнѣе страха, который они вызываютъ. Оно всецѣло захватываетъ всего человѣка. Страшно и интересно наблюдать, какъ шрапнель рвется возлѣ солдатъ, видѣть, какъ снарядъ то здѣсь, то тамъ взрываетъ землю; слѣдить за тѣмъ, какъ огромное зданіе постепенно теряетъ свои очертанія, затѣмъ падаетъ и обращается въ груду развалинъ; видѣть, какъ смерть собираетъ свою жатву непонятнымъ образомъ—превращая человѣческое существо въ кашу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ и оставляя васъ нетронутымъ, или усѣивая дорогу кусками окровавленнаго мяса, бывшаго мгновенье тому назадъ запряжкой лошадей, или молотя по камнямъ около фермы шрапнельными пулями, разсыпающимися между скорченными фигурами солдатъ, которые смотрятъ на эти пули своими впалыми глазами. Любопытство со страшной силой удерживаетъ человѣка подъ огнемъ снарядовъ, какой бы страхъ онъ при этомъ не испытывалъ. Это самый увлекательный ужасъ на свѣтѣ! Какъ нелѣпа смерть! Какъ она выискиваетъ и находитъ свою жертву, оставляя невредимымъ человѣка, находящагося совсѣмъ рядомъ. Похоже на то, какъ будто смотришь въ адъ и наблюдаешь дикую ярость демоническихъ силъ, которыя играютъ человѣческими тѣлами, разрывая ихъ въ клочки осколками стали, сжигая ихъ въ пламени бомбардируемыхъ городовъ, и превращая людей съ дьявольской радостью въ кровавыя пятна.

Во всемъ этомъ есть и красота, какъ ее понималъ Неронъ. Прекрасно и ужасно было зрѣлище пылающихъ бельгійскихъ городовъ подъ звѣзднымъ небомъ. Ниже столбовъ дыма и прыгающихъ языковъ пламени тлѣлъ какъ бы совершенно золотой жаръ на подобіе расплавленнаго металла. Много красокъ и оттѣнковъ было употреблено, чтобы написать эту картину войны. Непріятель выпускалъ снаряды съ дымомъ различныхъ цвѣтовъ, благодаря чему, какъ мнѣ говорили, нѣмцы корректировали свою стрѣльбу. Ярче всѣхъ обыкновенная шрапнель, которая разрываетъ черную тучу дыма, висящаго надъ тлѣющимъ городомъ, яркими голубыми клубами электричества. Затѣмъ изъ тяжелыхъ пушекъ вылетаютъ облака буро-оранжеваго, лиловаго и тускло розоваго оттѣнка, за которыми слѣдуютъ маленькія облачка—барашки чистѣйшаго бѣлаго цвѣта. Это зрѣлище захватываетъ васъ, и со странной настойчивостью, съ тѣмъ омертвѣніемъ нервной и мускульной силъ, про которое я говорилъ, вы наблюдаете,

какъ сфера огня приближается все ближе и ближе къ вамъ, какъ рядомъ съ вами разрываются снаряды, убивая людей.

Солдаты, которые остаются въ окопахъ подъ огнемъ тяжелой артиллеріи иногда даже въ теченіе трехъ дней, появляются на свѣтъ Божій изъ этого мѣста мученій на подобіе людей, похороненныхъ заживо. Ихъ лица пріобрѣтаютъ бурый, землистый оттѣнокъ смерти. Они дрожатъ, какъ будто въ лихорадкѣ. Они какъ бы пришиблены и отупѣли. Но они возвращаются обратно въ окопы. Вотъ что изумительно! Они идутъ назадъ въ окопы черезъ день, какъ бельгійцы шли черезъ день. Въ этомъ нѣтъ ни забавы, ни развлеченія, ни тѣхъ героическихъ приключеній, которыя, можетъ быть, случались на войнѣ, когда люди шли на людей, а не стояли подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Вотъ въ чемъ состоитъ храбрость, превышающая страхъ. Въ насъ есть что-то, какое-то божественное и гордое мужество или упорное презрѣніе къ смерти, падающей подобно молніи изъ затянутаго дымомъ неба, что заставляетъ насъ возвращаться подъ убійственный огонь, хотя мы и сознаемъ весь ужасъ его. Ради чести люди опять идутъ слушать музыку этого адскаго оркестра и прислушиваться со смертельной тоской къ пѣсни снарядовъ, выкрикивающихъ французскій призывъ къ убійству—tue! tue!

Адскую красоту войны во всемъ ея блескѣ я обыкновенно наблюдалъ по ночамъ. Послѣ долгаго дня, проведеннаго на поляхъ, совершивъ нѣсколько поѣздокъ на станцію Фортемъ, гдѣ легко раненыхъ отправляли въ бельгійскіе госпитали на паровомъ трамваѣ, наши автомобили забирали послѣдній грузъ и шли домой въ Фюрнесъ. Въ это время было совершенно темно, и къ девяти часамъ непріятельская артиллерія уменьшала огонь, хотя тяжелыя орудія и посылали свои далеко летящіе снаряды. Пять городовъ продолжали ярко пылать въ огненномъ кольцѣ, и небо трепетало отъ кроваваго отблеска ихъ пожаровъ, и высокія деревья въ своей осенней листвѣ были освѣщены такъ, что ихъ прямые стволы по сторонамъ далекой дороги стояли подобно призрачнымъ часовымъ. По временамъ, снарядъ рвался надъ однимъ изъ пылающихъ городовъ, какъ будто бы врагъ не былъ доволенъ пожаромъ и хотѣлъ прекратить его.

Когда я смотрѣлъ на пламя, я зналъ, что каждый изъ этихъ бѣдныхъ пылавшихъ городовъ былъ развалинами чего-то большаго, чѣмъ кирпичи и известь. Это было уничтоженіе народныхъ идеаловъ, воздвигаемыхъ въ продолженіе столѣтій медленнаго прогресса.

15.

Я отправился на моторѣ къ Нипорту-ле-Бэнъ, морскому курорту у самаго города Нипорта, который лежитъ немного дальше отъ берега. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бельгійскихъ курортовъ, которые такъ любили нѣмцы, раньше чѣмъ ихъ пушки не раздробили ихъ въ куски, то-есть рядъ виллъ изъ краснаго кирпича съ нѣсколькими отелями, выстроенными съ претензіей, но ни-

сколько не напоминавшими фламандскій стиль архитектуры, вытянутыми въ длинную улицу на скучныхъ и однообразныхъ песчаныхъ дюнахъ. Въ этотъ день курортъ и его окрестности были совсѣмъ пустынны. Единственныя человѣческія существа, мимо которыхъ я проѣхалъ на моемъ моторѣ, были два моряка британскаго флота, которые устанавливали аппаратъ безпроволочнаго телеграфа на песчаномъ холмѣ. Они посмотрѣли съ любопытствомъ на наши санитарные моторы, и одинъ изъ нихъ подмигнулъ мнѣ многозначительно, какъ бы говоря: „Тонкая игра, товарищъ, эта война!“ За дюнами море было спокойно, напоминая жидкій свинецъ. Легкая дымка висѣла надъ нимъ, окутывая какъ бы газовымъ вуалемъ рядъ британскихъ и французскихъ мониторовъ, стоявшихъ недалеко отъ берега. На променадѣ Ниппорта-ле-Бэнъ не было видно ни души, только тѣло французскаго морского солдата, духъ котораго устремился въ вѣчность, лежало на ея краю, устремивъ свои неподвижные глаза въ сѣрое небо. Въ скоромъ времени къ моему изумленію я увидалъ пожилого штатскаго и маленькаго мальчика, выходившихъ изъ одного дома. Этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ владѣльцемъ Гранд-Отеля. „Но“, прибавилъ онъ съ мрачной улыбкой, „ у меня теперь нѣтъ жильцовъ. Можетъ быть, скоро у меня не будетъ и отеля“. Онъ указалъ на глубокую яму, вырытую часъ тому назадъ нѣмецкимъ „Джекомъ Джонсономъ“[1]). Въ нее можно было помѣстить цѣлый автомобиль.

Нѣкоторое время я бродилъ по променадѣ и не слышалъ отвѣта на могучіе голоса морскихъ пушекъ британскихъ боевыхъ судовъ, находившихся у берега. Точно также не было отвѣта и французской баттареи, уютно помѣстившейся въ углубленіи между дюнами и замаскированной деревьями. Я прислушивался къ ужаснымъ сотрясеніямъ воздуха при каждомъ выстрѣлѣ мониторовъ, дивясь могучимъ полетамъ снарядовъ, которые разсѣкали воздухъ съ шумомъ курьерскаго поѣзда, мчащагося по тунелю. Странно, что не было никакого отвѣта! Несомнѣнно, нѣмецкія баттареи должны были отвѣчать изъ-за рѣки на эту убійственную канонаду.

Мнѣ не долго пришлось ждать неизбѣжнаго отвѣта. Онъ послѣдовалъ съ пронзительнымъ воемъ и клубомъ синеватаго дыма, когда нѣмецкая шрапнель разорвалась въ сотнѣ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. За нею послѣдовало нѣсколько снарядовъ, которые упали на дюны, недалеко отъ французской баттареи cent-vingt. Другой снарядъ снесъ крышу виллы.

Я разгуливалъ взадъ и впередъ подъ прикрытіемъ стѣны изъ краснаго кирпича, ведущей во дворъ временнаго госпиталя, и затѣмъ по приказу лейтенанта де-Броквиля я поѣхалъ съ бельгійскимъ военнымъ врачемъ къ мѣсту, гдѣ лежало нѣсколько раненыхъ. Когда я возвратился обратно, стѣна изъ красныхъ кирпичей представляла изъ себя груду развалинъ. Бельгійскій

---

[1]) Англійское прозвище снарядовъ, выпускаемыхъ изъ тяжелыхъ орудій, данное по имени боксера-негра. Прим. переводчика.

докторъ говорилъ, что здѣсь „крайне нездоровый“ климатъ, когда мы возвращались съ двумя солдатами, кровь которыхъ капала на сидѣнье мотора. Ихъ перевезли на паромѣ изъ бельгійскихъ траншей, которыя были засыпаны шрапнелью. Другая кучка раненыхъ уже находилась у госпиталя. Многіе изъ нихъ промокли до нитки, проведя всю ночь подъ дождемъ съ неперевязанными ранами. Ихъ положеніе достигло крайнихъ предѣловъ бѣдствія, и вмѣстѣ съ двумя изъ этихъ несчастныхъ я пошелъ принести горячаго кофе для остальныхъ, чтобы они могли хоть немного согрѣться, если у нихъ хватитъ силы пить. Проведя долгій день на поляхъ смерти и вернувшись вечеромъ изъ деревни, гдѣ раненые ждали, что ихъ подберутъ, или ожидали своего конца, я посмотрѣлъ по направленію къ Нипорту-ле-Бэнъ. Надъ курортомъ поднималось дрожащее пламя и снаряды рвались надъ нимъ въ маленькихъ очаровательныхъ клубахъ дыма, который оставался долгое время на опаловомъ небѣ. Я думалъ о хозяинѣ Грандъ-отеля и о томъ былъ ли застрахованъ его домъ отъ „Джековъ Джонсоновъ“.

16.

Рано утромъ на слѣдующій день я нанесъ визитъ окрестностямъ Нипорта. Попасть въ самый городъ было невозможно, такъ такъ въ серединѣ его рушились дома, и пламя перелетало съ одной стороны улицы на другую. Для нашихъ санитарныхъ моторовъ трудно было даже проникнуть въ окрестности, такъ какъ мы должны были переѣхать мостъ, которому непріятельскія пушки оказывали большое вниманіе. Снаряды падали, шипя, въ воду канала, гдѣ бельгійскіе солдаты строили понтонный мостъ. Только благодаря счастливому случаю наши моторы могли проѣхать по мосту безъ того, чтобы не быть расплюснутыми. Однако, мы рискнули и промчались между двумя снарядами, разорвавшимися спереди и сзади отъ насъ. На другой сторонѣ канала улицы были завалены сломанными кирпичами и разбитыми стеклами. Нѣсколько раненыхъ лежали въ безпорядкѣ въ гостиной маленькаго домика, куда ихъ перетащили. Одинъ изъ нихъ высоко держалъ свою голову, чтобы не дать выпасть мозгамъ, а другіе лежали на полу среди перевернутыхъ стульевъ и другой мебели. На каминѣ стояла фотографія семейной группы между дешевыми вещами, которыя, быть можетъ, были предметомъ гордости для хозяевъ. На одной стѣнѣ висѣла картина, изображающая Христа съ окровавленнымъ сердцемъ.

Я припоминаю, что въ Нипортѣ былъ одинъ молодой бельгійскій докторъ, который основался на опасномъ мѣстѣ подъ выстрѣлами непріятельскихъ пушекъ и поблизости къ потоку раненыхъ, которые шли вереницей въ тотъ домикъ, и который онъ превратилъ въ свой полевой госпиталь. Докторъ собралъ также около двадцати стариковъ и старухъ, которые не были въ состояніи бѣжать, когда въ городъ начали падать снаряды. Совершенно одинъ онъ оказывалъ первую помощь людямъ, страшно

изуродованнымъ осколками летавшихъ снарядовъ, и въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей онъ работалъ спокойно и безъ страха, не обращая вниманія на смерть, угрожавшую его жизни.

Здѣсь его нашли британскіе санитары, которые увезли съ собой стариковъ и освободили его отъ послѣднихъ раненыхъ. За ужиномъ только и было разговоровъ что объ этомъ докторѣ, и высказывалась надежда, что его будутъ долго помнить его соотечественники.

17.

Иногда мы устраивали свои завтраки, какъ будто бы на пикникѣ, рядомъ съ дорогой. Вспоминая эти завтраки подъ защитой нашихъ выкрашенныхъ въ цвѣтъ хаки моторовъ отъ рѣзкаго вѣтра, дувшаго съ болотистыхъ полей, мнѣ представляется теперь рѣзкій контрастъ между весельемъ, царившимъ у насъ, и мрачнымъ ужасомъ окружавшей насъ сцены. Мы пили вино, и никто не думалъ о крови, несмотря на красный цвѣтъ вина, хотя запахъ крови и доносился до насъ съ носилокъ, лежавшихъ въ моторѣ. У насъ были круги хорошаго фламандскаго сыра со свѣжимъ хлѣбомъ и масломъ и надо удивляться, съ какимъ аппетитомъ мы ѣли, хотя пушки гремѣли только въ двухъ километрахъ отъ насъ, и непріятель разбивалъ вдребезги послѣднія твердыни Бельгіи. Наши дамы въ своемъ походномъ костюмѣ, удивительно женственномъ, хотя онъ включалъ и рейтузы, украшали своимъ присутствіемъ эти привалы у дороги и давали возможность испачканнымъ грязью мужчинамъ проявлять ту вѣжливость, которая напоминала имъ о цивилизаціи, хотя жизнь ихъ и опустилась до первобытнаго состоянія. Тотъ, у кого былъ штопоръ, вызывалъ къ себѣ почтеніе. Одна изъ нашихъ спутницъ съ золотистыми волосами могла глодать кость цыпленка безъ всякаго ущерба для своей красоты. Шоферы основательно жевали, изрѣкая свои лондонскія шутки съ набитыми ртами. Всякое кастовое различіе между ними и остальнымъ персоналомъ госпиталя было совершенно уничтожено благодаря тѣсному содружеству во всѣхъ приключеніяхъ, когда смѣлость нашихъ шоферовъ, ихъ стальные нервы, ихъ терпѣніе въ управленіи моторами и ихъ ловкость при спускѣ по грязнымъ дорогамъ спасли много жизней и заслужили глубокую благодарность. Бельгійскіе солдаты съ любопытствомъ подходили къ намъ и стояли вокругъ насъ, какъ бы находя удовольствіе въ лицезрѣніи нашихъ физіономій, въ звукахъ нашей англійской рѣчи и въ храбрости дѣвушекъ, отправлявшихся на передовыя позиціи за ихъ ранеными товарищами.

— Ваши англійскія дамы прямо удивительны—сказалъ одинъ бородатый солдатъ. Онъ колебался мгновенье и затѣмъ робко спросилъ:—Какъ вы думаете, могу я пожать руку одной изъ нихъ?

Я устроилъ ему это, и онъ побрелъ отъ насъ съ краской на щекахъ, какъ будто бы онъ былъ въ присутствіи королевы и былъ милостиво принятъ ею.

Бельгійскіе офицеры горѣли желаніемъ быть представленными нашимъ дамамъ и говорили имъ тонкіе комплименты. Я думаю, что присутствіе этихъ молодыхъ дѣвушекъ съ ихъ шприцами и бинтами, съ ихъ умѣньемъ править тяжелыми моторами и ихъ безразличіемъ къ опасностямъ давало чувство успокоенія этимъ офицерамъ, которые уже давно не видали своихъ женщинъ и и долго страдали отъ суровой и безобразной жестокости войны. Въ почтеніи этихъ бельгійцевъ по отношенію къ нашимъ дамамъ не было ни фальшивой сентиментальности, ни замаскированнаго волокитства. Это было попросту рыцарское почтеніе къ безстрашнымъ женщинамъ, пришедшимъ къ нимъ на помощь, когда они были въ горѣ и нуждались въ состраданіи.

Женщины, товарищемъ которыхъ я былъ короткое время, я думаю о васъ теперь и удивляюсь вамъ. Стремленіе къ необычайному привело нѣкоторыхъ изъ васъ на поля битвъ. Жажда болѣе сильныхъ впечатлѣній, чѣмъ можетъ дать современная жизнь въ мирное время, и стремленіе забыть прошлое были тѣми мотивами, благодаря которымъ вы пришли на эти историческія поля, не обращая вниманія на опасности, играя роль мужчины съ женской отвагой, радуясь своей свободѣ, далекія отъ условій цивилизованнаго міра, однако ни разу не давшія повода къ злой сплетнѣ. Но большинство изъ васъ не имѣло никакой мысли, кромѣ жалости, желанія облегчить страданія, и съ огонькомъ вѣры въ вашихъ сердцахъ вы поддерживали окровавленныхъ мужчинъ и облегчали ихъ страданія, когда они становились невыносимыми. Ни одинъ солдатъ въ арміи союзниковъ не имѣетъ большаго права носить тѣ медали и кресты, которые далъ вамъ печальный король Бельгіи за вашу храбрость въ эту кровавую войну.

18.

Нѣмцы все еще старались прорвать позиціи, занимаемыя бельгійцами и французами. Они вели ужасныя атаки то здѣсь, то тамъ въ поискахъ за уязвимымъ мѣстомъ, откуда они могли бы пробиться къ Фюрнесу и дальше до Дюнкирхена.

Въ то время никто не могъ сказать, удастся ли имъ это, или нѣтъ. Все остается неизвѣстнымъ на современномъ полѣ битвы, гдѣ люди, занимающіе одну деревню, не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается по сосѣдству съ ними, и гдѣ, повидимому, всѣ части арміи, не соприкасаясь другъ съ другомъ, вовлечены въ одинъ общій хаосъ, въ ожиданіи приказовъ, которые, какъ кажется, никогда не прибудутъ, продвигаясь впередъ безъ всякой видимой причины, отступая по другимъ причинамъ, которыя трудно понять, или оставаясь безъ выстрѣла тамъ, куда направленъ огонь противника.

Непріятель выстроилъ восемь понтонныхъ мостовъ черезъ Изеръ, но всѣ они были разрушены. Это была счастливая новость. Однако, въ противовѣсъ ей пришло извѣстіе о тяжелыхъ потеряхъ бельгійскаго отряда, занимавшаго мостъ дальше, внизъ по рѣкѣ.

Въ Диксмюде бельгійцы удерживали предмѣстье. За городомъ шелъ упорный траншейный бой. Непріятель нѣсколько разъ атаковалъ бельгійскіе окопы, и атаковавшіе были уничтожены огнемъ пулеметовъ.

Въ общемъ, на боевой линіи все шло удовлетворительно. Французскія батареи каждый разъ нащупывали позиціи непріятеля, и ихъ артиллеристы съ увѣренностью говорили о грудахъ нѣмецкихъ труповъ. Бельгійская пѣхота держалась стойко. Ихъ кавалерія временно была не у дѣлъ, укрываясь въ хижинахъ у дороги.

Такова была суть того, что я распуталъ изъ клубка сбивчивыхъ подробностей. Въ продолженіе всего слѣдующаго дня я слѣдилъ за ходомъ битвы этого страшнаго и загадочнаго дѣла, въ которомъ трудно отыскать какой-нибудь смыслъ. Полки выходили изъ своихъ окоповъ и брели назадъ, грязные и покрытые глиной, усталые отъ недостатка сна, съ голодными глазами. По дорогамъ двигались пушки и зарядные ящики, оси которыхъ скрипѣли по камнямъ. Въ теченіе часа бельгійская батарея осыпала снарядами непріятельскія позиціи. Артиллеристы работали не спѣша, заряжая орудія съ промежутками для бесѣды. Во время завтрака они развалились среди своихъ пушекъ, куря папиросы, и я былъ радъ этому, такъ какъ каждый ихъ выстрѣлъ разбивалъ мнѣ голову на части. Въ сосѣдней деревнѣ было больше оживленія. Непріятель направилъ свой огонь въ эту сторону. Привязной шаръ сигнализировалъ о бельгійской позиціи, и шрапнели рвались рядомъ съ деревней. Одинъ снарядъ вырылъ огромную яму вблизи желѣзнодорожнаго пути.

Снарядъ за снарядомъ билъ въ одну навозную кучу, ошибочно принимаемую за отрядъ солдатъ. Шрапнельныя пули какъ градъ падали на дорогу. Зазубренная часть снаряда упала съ трескомъ возлѣ насъ.

Мой шоффферъ, весьма хладнокровный молодой человѣкъ и лучшій знатокъ своего дѣла, какого я только знаю, подобралъ съ усмѣшкой этотъ осколокъ и бросилъ, пронзительно крикнувъ. Сталь накалилась почти до красна. На разстояніи около двухъ километровъ, у Первизе можно было видѣть огненные языки вражескихъ батарей, пронизывавшіе опушку лѣса. Нѣмецкіе снаряды взвивались бѣлыми мячиками надъ сосѣдними фермами, и на цѣлыя мили кругомъ я могъ видѣть облака дыма, тянувшіяся длинными тонкими полосами. Кругомъ все гудѣло отъ страшнаго сотрясенія воздуха, глухихъ выстрѣловъ тяжелыхъ орудій, остраго стоккато пушекъ меньшаго калибра, и слышалась высокая ноющая нота снаряда, когда онъ пролеталъ надъ головой. Постепенно я началъ чувствовать усталость, пріобрѣтать то самое фантастическое безразличіе къ смерти, которое даетъ возможность солдатамъ варить супъ безъ того, чтобы не смотрѣть на небо, гдѣ летаютъ кучки стали. Только по временамъ появлялся старый вопросъ: „кто же будетъ убитъ, я, этотъ или слѣдующій?“

Только поиски раненыхъ нарушали монотонность всего этого. Сперва находить ихъ было не трудно. Они лежали на соломѣ въ

комнатахъ фермъ, совершенно пустыхъ, если не считать дешевыхъ вазъ на полкахъ каминовъ и семейныхъ фотографій, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Раненые носили на своихъ тѣлахъ знаки ужасающей точности вражеской артиллеріи, и по ихъ численности, все увеличивающейся въ теченіе дня, можно было догадываться о трагической выносливости бельгійской пѣхоты въ этомъ желѣзномъ кольцѣ, которое постепенно смыкалось, становясь все уже и захватывая то полъ-деревни, то половину дороги. Моторы увозили раненыхъ на станцію Фортемъ, гдѣ тѣ, кто могъ сидѣть, помѣщались въ вагоны парового трамвая и откуда моторы перевозили лежавшихъ на носилкахъ въ городскую больницу Фюрнеса. Однако, въ фермахъ, находившихся подъ обстрѣломъ, и въ одинокихъ домахъ, разбитыхъ случайнымъ снарядомъ, были также раненые, подобрать которыхъ было затруднительно.

19.

Въ эту ночь завылъ вѣтеръ, дуя по плоскимъ полямъ по направленію къ Фюрнесу, и разразилась буря съ ливнемъ, яростно обрушившаяся въ припадкахъ своей злобы на стѣны монастыря. Въ старомъ зданіи со многими корридорами и безчисленными окнами дрожали стекла, трещали рамы, и двери хлопали на подобіе грома. Невозможно было держать зажженную свѣчу въ корридорахъ, разъ она не была поставлена въ фонарь, и густой туманъ незамѣтно пробрался въ помѣщеніе монастыря, охватывая находящихся тамъ своимъ влажнымъ холодомъ. Я провелъ большую часть этой ночи въ судомойной, рядомъ съ кухней, вызвавшись поддерживать огонь въ печкахъ и наполнять бутылки горячей водой для раненыхъ. Большинство сестеръ спало, утомившись въ продолженіе дня. Только двѣ или три изъ нихъ вмѣстѣ съ докторомъ оставались въ палатахъ. По временамъ раздавался звонокъ у входа въ монастырь, и я слышалъ какъ колеса мотора хрустѣли во дворѣ.

— Blessés!—сказала женщина, которая поддерживала вмѣстѣ со мной огонь въ печкахъ.

Мы не могли принять ни одного blessé, такъ какъ у насъ не было больше ни постелей, ни мѣста для постелей, и послѣ объясненія у входной двери бельгійскіе санитары отправились искать другого помѣщенія для своихъ раненыхъ. Въ монастырѣ стало совсѣмъ тихо, если не считать шума вѣтра и дождя. Въ помѣщеніи, гдѣ я сидѣлъ у печей, которыя были поручены моему попеченію, я могъ только слышать голосъ, который безъ умолку говорилъ за двѣ комнаты отъ меня. Это былъ длинный безконечный монологъ безумія. По временамъ въ судомойную входила блѣдная сестра за бутылками горячей воды, и пока я обжигалъ свои пальцы пробками, которыя не хотѣли завинчиваться, и кипяткомъ, наливаемымъ въ узкія горлышки, она говорила мнѣ объ умиравшемъ французскомъ офицерѣ.

— Онъ такъ хочетъ увидать свою жену! Онъ умеръ бы сча-

стливымъ, если бы онъ могъ увидать ее только на одну минуту. Но она въ Парижѣ, а онъ умретъ раньше чѣмъ настанетъ утро... Я только что написала ей письмо, и онъ поцѣловалъ его, прежде чѣмъ я написала адресъ. Онъ все время зоветъ ее.

Въ судомойной было тепло и уютно, несмотря на сквозняки. Сидя на стулѣ, я почти заснулъ, такъ какъ я былъ весь день въ разъѣздахъ, и усталость угрожала завладѣть мной. Но я очнулся и вскочилъ, когда дверь отворилась, впустивъ въ комнату порывъ холоднаго воздуха и шумъ барабанящаго дождя, и затѣмъ съ грохотомъ захлопнулась. Мнѣ показалось, что я услышалъ шаги по каменному полу кухни, и съ боязливымъ чувствомъ, что кто-то чужой пришелъ къ намъ въ монастырь, я вышелъ изъ судомойной. Странная маленькая фигура заставила меня вздрогнуть. Это была дѣвушка въ мужскомъ костюмѣ, если не считать бѣлаго чепца на головѣ, надвинутаго низко на глаза. Она насквозь промокла и была вся выпачкана въ жидкой грязи. Она сдѣлала нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ и сказала по-французски:

— Я вся мокрая. И я такъ устала, и такъ хочу ѣсть! Если бы мнѣ было можно лечь здѣсь на полу и посушиться немножко...

— Кто вы?—спросилъ я. Что то фантастическое было въ этой маленькой фигуркѣ, появившейся изъ бури и мрака ночи.

Оказалось, что она была одной изъ двухъ бельгійскихъ дѣвушекъ, которыя сначала войны служили какъ infirmières въ рядахъ бельгійцевъ, оказывая первую помощь въ окопахъ, разнося горячій супъ солдатамъ и все время находясь вмѣстѣ съ ними подъ огнемъ. Она походила на ребенка и говорила какъ дѣти жалобнымъ голосомъ въ то время, какъ выжимала край своей куртки, откуда лилась вода, образуя около нея лужу на полу. Она высушилась, сидя возлѣ огня и принялась жадно ѣсть то, что нашлось на столѣ. Затѣмъ она легла въ углу трапезной, погрузившись въ глубокій сонъ тотчасъ же, какъ только ея голова коснулась матраца. Она не проснулась на слѣдующее утро, хотя пятьдесятъ пять человѣкъ стучали за завтракомъ, и въ четыре часа пополудни она все еще спала какъ больной ребенокъ, свѣсивъ голову съ матраца.

20.

Въ тотъ день благодаря проливному дождю ночью, дорсги представляли изъ себя настоящія болота, такъ что моторы должны были продвигаться по краю канавъ. Среди войскъ замѣчалось больше движенія, и было меньше вынужденнаго бездѣйствія въ ожиданіи приказаній. Повидимому, что-то случилось, что-то болѣе значительное, чѣмъ артиллерійская перестрѣлка. Полкъ бельгійской пѣхоты прошелъ, тяжело ступая по грязи, покрытый бѣловатой глиной до верха ихъ шляпъ-цилиндровъ. Пронеслись новости, что непріятелю удалось прорваться на одну изъ дорогъ между Нипортомъ и Фюрнесомъ. Затѣмъ пришло извѣстіе, что нѣмцы пробили себѣ путь къ Вульпену.

— Мы надѣемся задержать ихъ,—сказалъ одинъ офицеръ,— но Фюрнесъ въ опасности. Необходимо будетъ очистить его.

Въ виду такихъ извѣстій, необходимо было поскорѣе отыскать раненыхъ, которые выбыли изъ строя ночью. Доктора твердо рѣшили не уходить, пока они не возьмутъ всѣхъ, кого они могли только захватить съ собой. Небольшая кучка раненыхъ пріютилась въ маленькой виллѣ на дорогѣ. Они насквозь промокли отъ дождя и умирали съ голоду, находясь все время безъ пищи и питья. Моторъ вернулся оттуда обратно за горячимъ кофе и хлѣбомъ. Другая группа раненыхъ помѣщалась въ церкви Удкапеля.

Это были тяжело раненые, и они лежали неподвижно на соломѣ. Я никогда не забуду этой церкви съ ея раскрашенными статуями, упавшими изъ своихъ нишъ и разбросанными по полу. Святой Антоній Падуанскій и святой Себастіанъ лежали на соломѣ, и грубо намалеванныя изображенія святыхъ на стѣнахъ пристально смотрѣли на раненыхъ, лежавшихъ безъ движенія на полу. Это былъ домъ Бога, наполненный жестокостью жизни, и казалось, что статуи насмѣхаются надъ вѣрою людей.

Оказалось, что жители Фюрнеса какимъ то образомъ уже узнали объ опасности, угрожавшей городу. Они завязали кое-какія вещи въ узелки и были готовы бѣжать и оставить свои дома. Въ монастырѣ, гдѣ я помогалъ мыть посуду и исполнялъ порученія всякаго рода, когда я не выѣзжалъ съ летучимъ отрядомъ, доктора и сестры уже грузили всѣ свои ящики на автомобили. Послѣдній изъ раненыхъ былъ отправленъ въ безопасное мѣсто. Это былъ солдатъ съ сабельной раной на головѣ, который лежалъ четыре дня безъ движенія съ неподвижнымъ и важнымъ восточнымъ лицомъ, которое какъ бы указывало на спокойствіе смерти.

Нѣсколько монахинь просились уѣхать вмѣстѣ съ докторами и сестрами милосердія. Онѣ вызывались помогать въ палатахъ или въ кухнѣ, только бы имъ избѣжать нѣмецкой солдатчины.

Я пошелъ на другую сторону площади въ мою комнату въ Hôtel de la Couronne и уложилъ свои вещи. Мой пріятель, который помогалъ мнѣ, разсказалъ исторію своей жизни, объ ошибкахъ, которыя чуть не погубили его, о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Это былъ странный разсказъ въ то время, когда къ городу приближался непріятель. Пушечные выстрѣлы раздавались все громче и громче по направленію къ Вульпену. Казалось, что они приближаются. Однако, въ городѣ не было паники. На дворѣ госпиталя даже слышался смѣхъ, гдѣ доктора швыряли въ санитарные моторы одѣяла, матрацы, пищу и печки. Они не торопились уходить. Имъ не въ первый разъ приходилось покидать жилище, которому угрожалъ непріятель. Они уже привыкли къ этому и среди нихъ нельзя было ожидать смятенія и суматохи. Я помогъ голубоглазому медику поставить на моторъ большія печи. Эти печи представляли изъ себя „нѣкоторый“ вѣсъ, какъ сказали бы американцы, и оба мы были покрыты слоемъ сажи и походили на трубочистовъ при исполненіи ими своихъ обязанностей. Я поднималъ ящики, которыхъ я никогда не рѣшился бы поднять во время мира, и бѣгалъ за тысячью и одной вещью, которую

никакъ нельзя было оставить. Наконецъ, отданъ былъ приказъ отправиться въ путь, и процессія автомобилей тронулась по направленію къ Поперингу, находящемуся въ двадцати пяти километрахъ къ югу. Мало-по-малу звуки пушечныхъ выстрѣловъ замерли въ дали, и автомобили катились среди мирныхъ полей, гдѣ французскія войска расположились бивакомъ вокругъ своихъ костровъ. Я помню, что на полъ-дорогѣ къ Поперингу мы проѣхали мимо полка марокканцевъ, и я смотрѣлъ, обернувшись назадъ, на то, какъ они расхаживали между кострами, ярко освѣщавшими ихъ красные плащи, бѣлые бурнусы и важныя бородатыя арабскія лица. Имъ было очень холодно, и вѣтеръ рвалъ ихъ широкія одежды. У этихъ людей среди грязнаго поля было какое-то мрачное величіе, которое вызывало въ памяти тѣ дни, когда сарацины занимали Европу.

21.

Было темно, когда мы добрались до Поперинга и остановились на площади около городской ратуши, среди массы другихъ автомобилей, грузовыхъ моторовъ, пулеметовъ и телѣгъ. Группы британскихъ солдатъ стояли возлѣ насъ, куря папиросы и смотря на насъ съ любопытствомъ, какъ бы не зная, за кого насъ принять. И дѣйствительно, мы, должно быть, казались странной компаніей. Нѣкоторые изъ насъ были въ хаки, а нѣкоторые въ гражданскомъ платьѣ, съ бельгійскими шапочками на головѣ, и среди автомобилей съ нашими сестрами милосердія стоялъ моторъ съ монахинями, закутанными въ ихъ черныя одежды. Городскія власти были увѣдомлены о нашемъ прибытіи въ Поперингъ для того, чтобы они нашли для насъ помѣщеніе. Бельгійская королева прислала сказать имъ объ этомъ. Но оказалось, что найти кровлю, подъ которой мы могли бы преклонить наши головы, было довольно таки трудно. Мы прождали цѣлый часъ на площади, пока наша завѣдующая ходила говорить съ мэромъ, умасливать городской совѣтъ и смотрѣть помѣщенія монастырей на окраинахъ города. Наконецъ, она вернулась съ видомъ, не обѣщавшимъ большой надежды.

— Богъ знаетъ куда намъ итти! Кажется, въ Поперингѣ нѣтъ мѣста и для мыши, а между тѣмъ бѣдныя сестры умираютъ съ голода. Намъ нужно отыскать хоть какое-нибудь пристанище.

Меня отрядили подыскать, по крайней мѣрѣ, хотя бы временное убѣжище, а также найти провизію—не совсѣмъ-то легкій трудъ въ неосвѣщенномъ городѣ, гдѣ я никогда не былъ, и переполненномъ солдатами трехъ національностей. Меня также превратили въ пастуха всѣхъ нашихъ овецъ, которымъ было приказано не сводить съ меня глазъ и не разбредаться, а итти, куда я веду. Это было въ высшей степени смѣшное и нелѣпое положеніе для лондонскаго журналиста, застѣнчиваго и скромнаго по природѣ, особенно въ то время, когда нѣкоторыя изъ сестеръ, не признавая его авторитета, вступали на путь собственныхъ приключеній.

Одна изъ нихъ, самая полная и веселая, которая призналась мнѣ, что ей на все наплевать, повела дружескую бесѣду съ флотскимъ лейтенантомъ, и мнѣ стоило большого труда оторвать ее отъ любезностей моряка. Другія сестры нашли лавку, гдѣ угощали кофе британскихъ солдатъ, которые въ высшей степени охотно предложили подѣлить его съ привлекательными дамами. Хорошимъ пастухомъ казался я, когда половина моего стада разбрелась по сторонамъ! Затѣмъ съ однимъ изъ шоффероvъ случилось на улицѣ что-то въ родѣ апоплексическаго удара—послѣдствіе нервнаго кризиса послѣ дня, проведеннаго подъ шрапнелью и снарядами,—и съ помощью двухъ сердобольныхъ „Томми“ я долженъ былъ тащить его въ ратушу. Онъ былъ дюжимъ молодцомъ съ хорошо развитыми мускулами и, полежавъ нѣсколько времени въ состояніи безчувствія, онъ вдругъ сталъ буянить и порывался вступить со мной въ рукопашный бой. Я устроилъ его на заднемъ дворѣ, гдѣ онъ постепенно оправился, и затѣмъ помчался разыскивать мое стадо. Послѣ долгихъ поисковъ въ темнотѣ, я нашелъ пивную съ большой комнатой, гдѣ вся наша компанія могла до нѣкоторой степени размѣститься, и затѣмъ на подобіе патріарха съ дѣтьми Израеля въ миніатюрѣ, я повелъ моихъ дамъ въ это святилище и разсадилъ монахинь вокругъ стойки, съ почтенной матушкой въ центрѣ, такъ что вокругъ головы послѣдней было какъ бы сіяніе въ видѣ пивныхъ оловянныхъ кружекъ. Сестры размѣстились гдѣ попало и заявили мрачнымъ хоромъ, на подобіе Катерины въ „Укрощеніи строптивой“: „Мы хотимъ ужинать!“

Блестящая мысль осѣнила меня. Такъ какъ въ Поперингѣ стояли британскія войска, здѣсь также долженъ былъ быть и провіантъ британскихъ войскъ. Я опять пустился въ моемъ маленькомъ автомобилѣ по темнымъ улицамъ и послѣ разговоровъ со встрѣчными британскими солдатами, которые ничего не знали, кромѣ того, что относилось къ ихъ части, я нашелъ, наконецъ, офицера, завѣдывающаго интендантской частью. Это былъ высокій господинъ, достаточно высокомѣрный, какъ всегда бываютъ британскіе офицеры, когда они неожиданно сталкиваются съ неожиданнымъ требованіемъ. Ему не понравилось мое штатское платье и, подозрѣвая во мнѣ нѣмецкаго шпіона, онъ пожелалъ знать, какого чорта я здѣсь дѣлаю, и кто я такой. Однако, онъ сразу перемѣнилъ тонъ и сталъ въ высшей степени любезенъ и предупредителенъ, когда я объяснилъ ему, прибѣгнувъ ко лжи, что я одинъ изъ служащихъ британскаго полевого госпиталя въ вѣдѣніи бельгійскаго правительства, и что нашъ госпиталь принужденъ былъ выбраться изъ Фюрнеса, такъ какъ непріятель прорвалъ бельгійскій фронтъ. Я выразилъ ему свою благодарность за его доброту, которую, какъ я былъ увѣренъ, онъ окажетъ, снабдивъ пятьюдесятью пайками пятьдесятъ пять докторовъ и сестеръ милосердія, дьявольски голодныхъ и совершенно лишенныхъ средствъ пропитанія. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ согласился исполнить мою просьбу и, обернувшись къ сержанту, который былъ моимъ проводникомъ по темной улицѣ, сказалъ:

„Проводите этого офицера въ складъ и примите мѣры къ тому, чтобы онъ получилъ все, что ему нужно". Это было настоящимъ тріумфомъ, который не можетъ быть оцѣненъ читателями, такъ какъ они не знаютъ униженій, испытываемыхъ корреспондентами во время войны.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ нагналъ меня на улицѣ, и я уже ждалъ немедленнаго ареста и одиночнаго заключенія до конца войны. Но онъ догналъ меня, чтобы узнать отъ меня новости.

— Прошу извиненія, серъ,—сказалъ онъ очень вѣжливо.—Не будете ли вы добры обрисовать мнѣ хотя бы вкратцѣ военное положеніе тамъ, гдѣ вы были?

Я передалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ о сраженіи, благодаря которому бельгійская главная квартира должна была удалиться изъ Фюрнеса, и хотя картина, нарисованная мною, была въ болѣе темныхъ тонахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, онъ былъ мнѣ весьма благодаренъ. Такимъ-то образомъ я побѣдоносно поѣхалъ обратно въ пивную съ пятьюдесятью пятью пайками, которыхъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы накормить пятьдесятъ пять человѣкъ, умирающихъ съ голоду, и былъ встрѣченъ оваціями. Въ сознаніи добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ мною въ этотъ день, я провелъ эту ночь на соломѣ въ школѣ, которая была обращена въ казармы, и тамъ, при свѣтѣ нѣсколькихъ огарковъ, настрочилъ длинную корреспонденцію, которая стала очень короткой, когда надъ нею потрудился британскій цензоръ.

22.

Въ концѣ-концовъ госпиталь не остался въ Поперингѣ, а снова возвратился на старую квартиру съ докторами, сестрами, монахинями и всѣмъ своимъ имуществомъ. Непріятель не использовалъ своихъ успѣховъ во-время, и бельгійскія войска съ помощью французскихъ морскихъ солдатъ и другихъ французскихъ войскъ, прибывшихъ въ значительномъ количествѣ, прогнали нѣмцевъ назадъ и заградили имъ путь въ Дюнкирхенъ. Были открыты шлюзы Изера, и вода затопила окружающія поля, такъ что вражеская артиллерія завязла въ грязи и не могла двигаться. На короткое время воздухъ во всей мѣстности между Фюрнесомъ и Нипортомъ, Диксмюде и Первизе былъ очищенъ отъ дыма и копоти битвы. Однако, были и другія причины нѣмецкаго отхода послѣ того дня, когда, какъ казалось, ничто кромѣ чуда не могло удержать непріятельскія войска отъ быстраго наступленія вдоль морского берега. Главную причину неудачи нѣмцевъ нужно искать подъ Ипромъ, гдѣ британская армія выдержала многократныя и отчаянныя атаки непріятеля. Ипръ былъ центромъ десятидневной битвы, которая является наиболѣе жестокимъ и кровавымъ эпизодомъ перваго года войны на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Нѣсколько разъ, послѣ того какъ нѣмцы должны были прекратить свои атаки благодаря страшному огню, который уничто-

жалъ чуть ли не цѣлые полки, они снова пополняли свои разстроенные ряды, бросая въ бой каждаго имѣвшагося налицо солдата. Мы знаемъ теперь, что это было одно изъ наиболѣе страшныхъ столкновеній, гдѣ гибли тысячи людей. Выносливость и сопротивленіе британскихъ войскъ были почти что сверхчеловѣческими, и несмотря на потери, которыя деморализировали бы всякую армію, англичане дрались съ тѣмъ же упорствомъ, которое они проявили въ траншеяхъ у Бадахоса и въ бою у Торресъ-Ведрасъ сто лѣтъ тому назадъ, когда британцы были, повидимому, сильнѣе, чѣмъ современное намъ поколѣніе. Были часы, когда все казалось потеряннымъ подъ Ипромъ, когда невозможно было ввести резервы, чтобы заполнить опустошенія въ нашихъ истекавшихъ кровью рядахъ, когда кругомъ лежало такъ много мертвыхъ и раненыхъ, и когда у пушекъ и въ окопахъ оставалось такъ мало людей, что еще одна атака неминуемо прорвала бы и уничтожила наши ряды. Повара и интенданты заняли мѣста выбывшихъ изъ строя въ траншеяхъ, и каждый, кто могъ держать въ рукахъ ружье, бился въ этотъ день за Англію, хотя Англія и не знала объ опасности, которая ей угрожала.

Но и нѣмецкія потери были ужасны. Въ продолженіе этихъ десяти дней нѣмцы шли на вѣрную смерть съ восточной отвагой, подобной той, которая покрыла грудами арабскихъ тѣлъ поля Омдурмана. Кайзеръ былъ новымъ Махди, за котораго массами гибли люди, идя съ фаталистической покорностью навстрѣчу неизбѣжной гибели. Послѣ временнаго затишья для сжиганья и похоронъ мертвыхъ, для заполненія гигантской убыли въ полкахъ и дивизіяхъ, непріятель опять двигался впередъ, но опять смерть ждала нѣмцевъ, несмотря на всѣ ихъ пушки, и британцы удерживали свои позиціи попрежнему.

Они удерживали свои позиціи съ геройскимъ и неустрашимымъ мужествомъ, и изъ всего этого ужаса вырисовывается блестящая храбрость молодыхъ офицеровъ и солдатъ, совершившихъ изумительные подвиги, которые читаются подобно сказкамъ, даже когда они написаны сухой прозой въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Въ этомъ кровавомъ побоищѣ отдѣльныя лица еще находили случаи выказать свою личную отвагу, и еще не вся доблесть была уничтожена все подавляющей силой артиллеріи.

23.

Городъ Ипръ былъ тоже присоединенъ къ списку другихъ разрушенныхъ городовъ, въ которомъ я наблюдалъ разгромъ Бельгіи.

Ипръ не существуетъ болѣе въ качествѣ стараго и прекраснаго города, гдѣ мужчины и женщины устроили свои очаги, вѣря въ свою счастливую звѣзду. Много домовъ было совершенно уничтожено, и улицы были завалены огромными грудами сломанныхъ кирпичей и разбитаго стекла. Другіе дома горѣли яркимъ пламенемъ. Крыши обваливались въ погреба, и все, что помѣщалось

между ними, деревянныя части дома, мебель и домашнія вещи, превращалось въ черную золу или въ тлѣющіе угли.

Огромный Суконный рынокъ, который былъ великолѣпнымъ образчикомъ старой архитектуры, былъ разбитъ непрерывнымъ потокомъ снарядовъ, такъ что въ концѣ-концовъ онъ превратился въ огромную руину обрушившихся стѣнъ и упавшихъ колоннъ, внутри которой были свалены кучи перекрученнаго желѣза и изуродованныхъ статуй, гдѣ впослѣдствіи я бродилъ цѣлый часъ въ поискахъ за какимъ-нибудь остаткомъ, который могъ бы разсказать исторію этой ужасной трагедіи.

Здѣсь, на моемъ письменномъ столѣ, лежитъ нѣсколько длинныхъ ржавыхъ гвоздей, старый замокъ работы пятнадцатаго столѣтія и маленькое разбитое окно съ оловяннымъ переплетомъ, въ качествѣ воспоминанія объ этомъ разрушеніи.

Жители Ипра бѣжали, если нѣкоторые не скрылись въ погреба и не были похоронены тамъ. Нѣсколько собакъ бродило вокругъ города, лая на солдатъ, которые проходили по предмѣстьямъ, смотря на всѣ эти развалины любопытными глазами и запоминая то, для разсказовъ о чемъ они не могли найти словъ.

Два молодыхъ морскихъ офицера, которые пошли какъ-то въ Ипръ, всячески старались, чтобы одна изъ этихъ собакъ пошла за ними. „Она можетъ принести намъ счастье“, говорили они, стараясь замаскировать свою жалость къ бѣдному животному. Но песъ забился въ развалины дома своего хозяина, относясь недовѣрчиво къ людямъ, которые продѣлывали то, что не входило въ кодексъ животныхъ.

24.

Я сказалъ, что не вся доблесть и отвага была уничтожена этой войной. Однако, въ общемъ современное оружіе ведетъ къ тому, чтобы обезличить бойцовъ, и у Ипра большинство не столько сражалось, сколько стояло подъ огнемъ, пока не умирало.

— Мы только ждемъ смерти,—сказалъ мнѣ бельгійскій офицеръ,—и дивимся, если она щадитъ насъ въ этомъ ураганѣ снарядовъ. Это война безъ души и безъ интересныхъ эпизодовъ. Въ началѣ, когда я колесилъ взадъ и впередъ по Бельгіи съ цѣлой партіей развѣдчиковъ на мотоциклеткахъ, война была интересна. Наша смѣлость или наша хитрость значила тогда очень много. Въ то время считались съ личностью. Но теперь вокругъ Ипра, что тутъ могутъ подѣлать люди, пѣхота, кавалерія, развѣдчики? Все дѣло дѣлаетъ пушка, извергая снаряды и посылая безжалостно смерть. Да, значатъ только пушки, а люди представляютъ изъ себя только мишени. Наши солдаты падаютъ на подобіе вотъ этихъ листьевъ, сорванныхъ бурей, и рѣшительной побѣды нѣтъ ни у насъ, ни у непріятеля. Одна недѣля смерти слѣдуетъ за другой недѣлей смерти. Позиціи немного измѣняются, вотъ и все, а остальное идетъ попрежнему. Это ужасно!

Тѣ же самыя слова я услышалъ въ ту же самую ночь отъ доктора, который только что прибылъ со станціи Дюнкирхена,

гдѣ тысяча раненыхъ, послѣднихъ въ тотъ дѣнь, лежала на соломѣ.

— Это ужасно,—сказалъ онъ.—Артиллерійскій огонь превращаетъ людей прямо-таки въ кучу мяса. Какъ можемъ мы бороться съ этимъ? Что можемъ мы подѣлать при такой бойнѣ?

Вокругъ Ипра, на полѣ сраженія стоялъ туманъ. Съ восхода солнца до полудня и затѣмъ опять съ того времени, когда начинало смеркаться, и туманъ снова ползъ по каналамъ и по плоскимъ полямъ, люди двигались во мглѣ какъ призраки съ призрачными пушками.

Снаряды прилетали изъ облака тумана и разрывались въ мѣстности, окутанной его бѣлыми клубами. Невидимый врагъ убивалъ невидимыхъ людей, и пушки отвѣчали врагу, стрѣляя въ угрюмую сѣрую даль.

Это походило на самую войну, которая была окутана на этомъ фронтѣ туманомъ таинственности. Находясь поблизости къ позиціямъ, когда впечатлѣнія въ высшей степени трудно разсортировать во что-нибудь связное и послѣдовательное, я былъ совершенно озадаченъ и сбитъ съ толку крайнимъ безпорядкомъ и неопредѣленностью военныхъ дѣйствій. Въ теченіе нѣсколькихъ дней казалось, что непріятель прекратилъ свои атаки на береговую линію и на мѣстность между Диксмюде и Нипортомъ. Странное молчаніе воцарилось за дымкой тумана, но наши аэропланы, дѣлая развѣдку надъ вражескими рядами, могли видѣть передвиженіе войскъ къ югу, по направленію къ мѣстности вокругъ Ипра.

Снова пушки заговорили тамъ, откуда, казалось, онѣ были увезены. Развалины Диксмюде стали снова распадаться на мелкія части при сотрясеніи воздуха отъ непріятельскихъ снарядовъ, пролетавшихъ надъ ними по направленію къ бельгійскимъ и французскимъ войскамъ.

Повсюду въ мѣстности вблизи Первизе и Рамкапеля нѣмецкія пушки стрѣляли куда попало, съ цѣлью уничтожить хоть что-нибудь: солдатъ, мирныхъ гражданъ или раненыхъ на ихъ носилкахъ.

Нѣсколько снарядовъ попало въ Фюрнесъ, разорвавшись рядомъ съ монастыремъ, и одинъ упалъ въ Hôtel de la Noble Rose, пролетѣвъ по длинному корридору и пробивъ огромное отверстіе въ стѣнѣ одной изъ спаленъ. Нѣсколько офицеровъ бельгійскаго штаба находилось въ комнатѣ внизу, но ни одинъ изъ нихъ не былъ раненъ.

Французскіе и бельгійскіе патрули, пробравшіеся впередъ, очутились подъ ружейнымъ огнемъ непріятельскихъ окоповъ, которые до этого времени казались покинутыми. Нѣмцы опять повели наступленіе и опять захватили Диксмюде.

Захватъ города не далъ врагу почти ничего. Нѣмцы вновь захватили жалкія развалины города, его улицы со скелетами домовъ, наполненныхъ перегорѣвшими углями, ратушу съ зіяющими отверстіями на ея крышѣ и груды разбитаго стекла, кирпичей и разложившихся труповъ.

Если нѣмцы и могли гордиться чѣмъ-нибудь, такъ только окончательнымъ разрушеніемъ этого красиваго стараго города Фландріи. Все же непріятно было сознавать, что непріятель, выбитый изъ Диксмюде и окружающей его мѣстности и прекратившій здѣсь свои атаки на время, могъ неожиданно вернуться опять сюда и захватить городъ, отбитый бельгійцами и французами цѣною многихъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ.

Возобновленная атака должна была отвлечь часть союзныхъ войскъ съ позицій вокругъ Ипра и была частью общаго наступленія нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобы опять попробовать не удастся ли найти слабый пунктъ союзниковъ, черезъ который можно было бы прорваться.

25.

Война въ этой части Фландріи перешла въ монотонную зимнюю кампанію, и хотя цензуру и порицали за скудность новостей, однако, на самомъ дѣлѣ тутъ нечего было и скрывать. Того, чего жаждала публика, здѣсь и въ поминѣ не было, то-есть героическихъ кавалерійскихъ атакъ, отчаянныхъ штыковыхъ боевъ или быстрыхъ контръ-маршей массы пѣхоты.

На самомъ дѣлѣ здѣсь слышно было только завыванье рѣзкаго пронзительнаго вѣтра, вздымающаго тучами песокъ на дюнахъ и дувшаго съ такой силой по болотистымъ равнинамъ, что казалось, какъ будто всѣ невидимые боги языческаго міра гонятся другъ за другомъ на своихъ колесницахъ.

Въ окопахъ вдоль Изера солдаты прижимались къ грязнымъ и мокрымъ стѣнамъ, чтобы укрыться отъ вѣтра, отъ котораго труднѣе спрятаться, чѣмъ отъ шрапнельныхъ пуль. Онъ хлесталъ ихъ со свирѣпой яростью. Несмотря на всѣ шерстяные шарфы и жилеты, связанные руками женщинъ, вѣтеръ пронизывалъ солдатъ до костей. Ночью холодъ не давалъ спать, если бы даже защитники траншей и могли спать, когда снаряды искали ихъ съ воплемъ смерти.

Артиллеристы рыли ямы и заползали въ эти ямы, куря табакъ черезъ отверстія въ мокрыхъ одѣялахъ, которыми они закрывали головы и плечи. Они привязывали пуки соломы къ ногамъ, засовывали газетную бумагу подъ одежду и старались согрѣться хотя бы въ воображеніи.

Поля битвы въ старомъ смыслѣ этого слова больше не существовало. Сколько разъ нужно повторять это людямъ, сидящимъ дома и воображающимъ, что современная армія располагается по полямъ съ бивуачными кострами и палатками. Поле битвы раскинулось на широкой площади среди деревень, разрушенныхъ городовъ, разбитыхъ фермъ и чистыхъ маленькихъ домиковъ, еще не тронутыхъ огнемъ или снарядами. Дороги служили только какъ пути сообщенія между этими пунктами, въ которыхъ находились части войскъ.

Несмотря на холодную погоду, въ Удкапелѣ и Никапелѣ, а также вдоль линіи къ Стивекенкерку и Ломбардзиде было очень

жарко. Батареи непріятеля опять работали во всю, изрыгая неистощимый запасъ снарядовъ. Надъ этой мѣстностью тьма прорѣзывалась красными языками пламени, и небо было покрыто зигзагами ослѣпительнаго блеска, который освѣщалъ на моментъ блѣдныя лица людей, ожидавшихъ смерти.

Въ темнотѣ по дорогамъ къ линіи окоповъ маршировала пѣхота, чтобы смѣнить товарищей, которые находились тамъ подъ угрозой смерти. Солдаты нагибались, подвигаясь впередъ противъ рѣзкихъ порывовъ вѣтра, который раздиралъ ихъ синія шинели, рвалъ ихъ красныя панталоны и билъ ихъ лица какъ бы жестокими бичами. Ихъ штыки въ ножнахъ звенѣли отъ острыхъ порывовъ вѣтра, который старался вырвать ружья изъ ихъ рукъ. Они не поднимали головы ни разу, чтобы взглянуть на подвозки Краснаго Креста, возвращающіяся оттуда, куда они держали путь.

Французскіе офицеры, шедшіе сбоку, кричали своимъ солдатамъ среди порывовъ вѣтра:

— Courage, mes petits!*)

— Il fait mauvais temps pour les sales Boches!**)

Въ комнатахъ фермъ вблизи боевой линіи, то-есть подъ которымъ находилось много деревень и фермъ, французскіе доктора въ кожаныхъ куртках, застегнутыхъ до подбородка, склонялись надъ ранеными.

— Закройте дверь! Sacré nom de chien, закройте дверь! Что вы хотите, чтобы вѣтеръ загналъ насъ въ каминъ?

Но все-таки приходилось отворять двери, чтобы внести новыя носилки, на которыхъ лежалъ неподвижно раненый.

— Pardon, mon capitaine,—сказалъ одинъ изъ санитаровъ, несшій носилки, когда дверь захлопнулась съ ужаснымъ трескомъ.

Непріятель вновь занялъ вчера Диксмюде.

Такъ краснорѣчиво гласило оффиціальное сообщеніе со своей несравненной краткостью.

26.

Въ теченіе этого послѣдняго мѣсяца я устроился на нѣкоторое время въ Дюнкирхенѣ, гдѣ всегда можно было видѣть интересныя вещи. Здѣсь, напримѣръ, почти каждый день надъ городомъ показывался нѣмецкій аэропланъ пресловутаго типа Таубе и бросалъ бомбу вблизи ратуши или гавани, убивая женщину или ребенка или разбивая стекла въ домахъ, но ни разу не повредивъ чего-либо, что имѣетъ значеніе въ военномъ смыслѣ—женщины и дѣти не имѣютъ никакого значенія во время войны—хотя у моря рядомъ съ дюнами находились богатые склады боевыхъ припасовъ, керосина и матеріаловъ всякаго рода. Эти зловѣщія птицы появлялись послѣ полудня съ такой регулярностью, что жители Дюнкирхена, которые любятъ шутку, вмѣсто того,

*) „Смѣлѣе малютки"!

**) „Плохія времена для грязныхъ бошей".

чтобы сказать „trois heures et demie“*) говорили „Taube et demi“**) и понимали, который теперь часъ.

Балконъ одного отеля въ Дюнкирхенѣ выходилъ на главную площадь. Въ центрѣ этой площади находится станція Жанъ-Бара, знаменитаго капитана и пирата семнадцатаго столѣтія, изображеннаго въ морскихъ сапогахъ, какъ онъ однажды явился передъ Королемъ-Солнцемъ со шпагой, поднятой надъ головой, въ большой шляпѣ съ перьями. Я стоялъ на балконѣ, смотря на пестроту и движеніе внизу и думая ту думу, которая всегда тайно присутствуетъ въ умѣ каждаго, о чемъ бы другомъ онъ не размышлялъ, а именно о неустанномъ избіеніи людей неподалеку отъ него. Всѣ люди на площади были заняты такъ или иначе дѣломъ смерти. Одни проходили по этой вымощенной плитнякомъ площади на пути къ бойнѣ или возвращались изъ разрушенныхъ и разбитыхъ снарядами городовъ, là bas, какъ называлось мѣсто крови. Другіе везли снаряды для пушекъ или шли въ церкви молиться за людей, которые только что занимались тѣмъ же дѣломъ смерти и теперь лежали неподвижно, оставивъ навсегда все земное.

На этой площади можно было видѣть все, изъ чего состоитъ эта война. Мнѣ казалось, что ловкій антрепренеръ, желая показать на сценѣ типы этой военной драмы, выкинувъ, конечно, ея звѣрства, непремѣнно выбралъ бы тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ я смотрѣлъ съ балкона. Автомобили съ французскими штабными офицерами, въ щегольскихъ мундирахъ, неслись во весь опоръ. Въ центрѣ площади, какъ разъ около статуи Жанъ-Бара, стоялъ бронированный автомобиль, устройство котораго бельгійскій солдатъ съ головой, обмотанной бѣлой тряпкой, объяснялъ французскому кирасиру, съ покрытой холстиной каски котораго почти до его пояса спадалъ конскій хвостъ. Мальчишки взобрались на подножки автомобиля, заглядывали въ этотъ чудесный ящикъ, въ эту таинственную машину смерти и совали грязные пальцы въ дыры на бронѣ, пробитыя пулями. Другіе солдаты Chasseurs Alpins—альпійскіе стрѣлки въ небесно-голубыхъ курткахъ, французскіе артиллеристы въ ихъ темно-синихъ мундирахъ, бельгійскіе солдаты въ лакированныхъ цилиндрахъ съ козырьками или въ шапочкахъ съ золотыми или красными кисточками и англійскіе Томми въ желто-буромъ хаки проходили около автомобиля и кивали головой, глядя на него, какъ бы говоря: „Эта штука, повидимому, ловко бьетъ нѣмцевъ. Куда лучше сидѣть въ ней, чѣмъ капать траншеи“.

Шумъ голосовъ и смѣхъ—солдаты часто смѣются во время войны,—вдали отъ артиллерійскаго огня доносились до балкона, по временамъ заглушенные гудѣньемъ и рѣзкими криками моторныхъ рожковъ, похожими на предсмертный вой дикихъ звѣрей. Съ долгимъ прерывистымъ крикомъ промчался аспидно-сѣрый ящикъ на колесахъ. Онъ сдѣлалъ полукругъ, разбросавъ въ

*) „Три съ половиной часа“.
**) „Таубе и полчаса“.

сторону кучку стоявшихъ около отеля, и два молодыхъ джентльмена королевской морской воздухоплавательной службы соскочили на мостовую, весело закричавъ „What-ho!“ двумъ другимъ юнымъ джентльменамъ въ морской формѣ, которые въ свою очередь закричали „Cheer-o! изъ-за стола подъ моимъ балкономъ.

Я зналъ ихъ всѣхъ, особенно же хорошо зналъ одного изъ флотскихъ летчиковъ, который леталъ на томъ, что онъ называлъ „моторбусъ“, видоизмѣняя слово „омнибусъ“, и бросалъ бомбы вмѣстѣ съ морскими ругательствами на головы нѣмецкихъ солдатъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на развѣдкѣ. Онъ потираетъ руки при мысли, что онъ только что отправилъ къ чорту изрядное количество „подлецовъ нѣмцевъ“. При нѣкоторомъ счастьѣ онъ надѣется отправить къ Плутону еще нѣсколькихъ сегодня же. День хорошей работы, подобной сегодняшней, повышаетъ его настроеніе удивительнымъ образомъ, какъ говоритъ онъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ летитъ на землю на своемъ заштопанномъ моторбусѣ, который совсѣмъ хорошъ, пока въ воздухѣ, но ни къ чорту не годится, когда мечется по вспаханному полю и рветъ свои новыя снасти. О, этотъ аэропланъ большая шельма! Постоянно требуетъ, чтобы его улещали!

Баттарея французской артиллеріи прогремѣла по камнямъ мостовой. Колеса были сплошь покрыты глиной, а пушки сѣрой пылью. Онѣ направлялись къ Диксмюде или къ Рамскапелю. Артиллеристы сидѣли на своихъ лошадяхъ такъ, какъ будто они были приклеены къ сѣдламъ. У одного изъ нихъ пустой рукавъ былъ пристегнутъ къ груди, но онъ твердо держалъ узду лѣвой рукой. Послѣднія колеса застучали за угломъ, и на сцену выступила болѣе яркая толпа артистовъ. Отрядъ алжирскихъ арабовъ прошелъ черезъ площадь, дѣлая большіе шаги и раскачиваясь на ходу. На ихъ головахъ были голубые тюрбаны, повязанные сверхъ спускающихся на плечи бѣлыхъ повязокъ, и они были въ бѣлыхъ бурнусахъ, достигавшихъ до щиколотокъ. Это были смуглые, бородатые люди. Одинъ изъ нихъ съ благородной и величавой осанкой напоминалъ Отелло, венеціанскаго мавра.

Они воззрились на статую Жанъ-Бара и задали нѣсколько вопросовъ французскому офицеру, который шелъ рядомъ съ ними болѣе короткимъ шагомъ. Жанъ-Баръ, повидимому, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе, и они поворачивали головы, чтобы еще разъ взглянуть на эту фигуру съ поднятой шпагой и въ шляпѣ съ перьями. Трое мальчиковъ бѣжали рядомъ съ ними и протягивали свои маленькія руки, которыя арабы пожимали съ улыбками, смягчавшими суровыя очертанія ихъ лицъ.

За ними прослѣдовала кавалькада арабскихъ вождей на маленькихъ алжирскихъ лошадкахъ съ прекрасными и изящными членами, которыя двигались съ граціей оленей по плитамъ Дюнкирхенской мостовой. Поводья блестѣли и звенѣли благодаря серебрянымъ украшеніямъ. Сѣдла были покрыты расшитыми коврами. Востокъ явился на помощь Западу. Эти магометане смотрѣли на войну какъ на часть религіи. Война имѣла свой ритуалъ

и церемоніи даже тогда, когда шрапнель превращала людей въ безпорядочную кучу окровавленныхъ тѣлъ.

Такъ я стоялъ на балконѣ, смотря на живыя картины въ этомъ городѣ по близости къ боевому фронту. По временамъ я оглядывался и прислушивался къ отрывкамъ разговора, который доносился до меня изъ комнаты. Въ комнатѣ было любопытное собраніе людей. Они тоже имѣли отношеніе къ войнѣ, убивая людей или облегчая ихъ страданія. Среди нихъ находился молодой бельгійскій лейтенантъ, который считалъ нѣмцевъ, убитыхъ его пулеметомъ, каждый день до тѣхъ поръ, пока цифры не надоѣли ему, и онъ не потерялъ счета. Рядомъ съ нимъ сидѣло нѣсколько сестеръ милосердія, говоря о раненыхъ, объ ихъ предсмертныхъ желаніяхъ и объ утомительныхъ часахъ ночи, когда тысячи раненыхъ прибывали къ нимъ какъ разъ тогда, когда онѣ надѣялись отдохнуть и выпить чашку кофе. Молодой врачъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя я услышалъ, повернувшись къ комнатѣ.

— Ужасающая безсмыслица всей этой бойни заставляетъ содрогаться отъ ужаса...

Другой докторъ прибылъ только что изъ Ипра, гдѣ онъ подбиралъ раненыхъ подъ орудійнымъ огнемъ.

— Это чудовищно!—сказалъ онъ.—И все эта формалистика! Только потому, что я принадлежу къ добровольческому отряду, офицеры пожелали узнать на какомъ основаніи я осмѣлился подбирать раненыхъ, и откуда у меня явилось такое нахальство. Я долженъ былъ ѣхать за сорокъ миль, чтобы получить позволеніе и не могъ его получить!.. А раненые лежали тысячами безъ всякой помощи... Они упрямо стоятъ на формальной точкѣ зрѣнія, когда раненые молятъ о помощи! Прусская каста нисколько не хуже того, что я видѣлъ въ этотъ разъ.

Я отвернулся и обратилъ мои взоры снова на площадь. Но я уже не видалъ толпы на площади. Я видѣлъ только волны крови, поднимавшіяся все выше и выше, и я слышалъ не вопли моторныхъ рожковъ, а стоны людей въ безконечныхъ сараяхъ, гдѣ они лежали на соломѣ, дожидаясь ножа хирурга и умоляя впрыснуть имъ морфій. Я видѣлъ и слышалъ то же самое во Франціи и Бельгіи.

Въ комнатѣ послышались звуки фортепіано. Это были глубокіе нѣжные аккорды. Женскій голосъ заговорилъ быстро и возбужденно.

— О, онъ играетъ! Попросите его сыграть намъ что-нибудь! Мнѣ кажется, что прошло тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышала музыку. Я умираю отъ желанья послушать что-нибудь!

Одинъ изъ моихъ пріятелей, который взялъ нѣсколько аккордовъ, стоя передъ фортепіано, сѣлъ и слегка улыбнулся.

— Что сыграть?—спросилъ онъ и затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, началъ играть. Это было rêverie Шопена и казалось, что звуки этой музыки нѣсколько очистили наши души отъ всего того, что мы видѣли. Музыка была такъ жалобна, что на одно мгновенье что-то оборвалось въ моемъ сердцѣ. Я думалъ о томъ,

когда я послѣдній разъ слышалъ музыку. Это было въ фламандской фермѣ, гдѣ молодой лейтенантъ, немножко подъ хмѣлькомъ, пѣлъ любовную пѣсню среди своихъ товарищей, тогда какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него снаряды калѣчили и убивали людей.

Звуки музыки постепенно замерли. Кто-то внезапно спросилъ: „Что это такое?“

Это было эхо глухого взрыва и звонъ разбитыхъ стеколъ. Я взглянулъ опять на площадь и увидалъ людей, бѣгущихъ по всѣмъ направленіямъ.

Въ скоромъ времени въ комнату вошелъ кто-то и сказалъ одному изъ докторовъ спокойно.

— Опять таубе. Три бомбы какъ обыкновенно, и нѣсколько раненыхъ. Вы лучше пошли бы, это рядомъ за угломъ.

Неожиданная смерть всегда была рядомъ за угломъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ наблюдателя.

27.

Въ Дюнкирхенѣ я не оставался тамъ долго. Какъ разъ началась погоня и охота за корреспондентами, и мое имя значилось на черномъ листѣ, такъ какъ я видѣлъ уже слишкомъ много. Я рѣшилъ повернуть на югъ и удалиться изъ Бельгіи, гдѣ я испыталъ такъ много сильныхъ ощущеній. Около Фюрнеса началась зимняя кампанія, крайне скучная и почти безъ всякихъ интересныхъ эпизодовъ. Все же я видѣлъ героизмъ бельгійскихъ солдатъ въ ихъ послѣдней борьбѣ съ врагами, опустошившими ихъ маленькое королевство, и пока я живъ, память объ этомъ останется у меня до конца моихъ дней. Я былъ забрызганъ кровью бельгійскихъ солдатъ и помогалъ переносить ихъ, раненыхъ и мертвыхъ. Я горжусь этимъ, и душа моя проникнута высокимъ почтеніемъ къ этимъ доблестнымъ людямъ, остаткамъ арміи, которые безъ сколько-нибудь значительной помощи со стороны французовъ или англичанъ упорно оставались въ своихъ послѣднихъ окопахъ, съ непобѣдимой храбростью отказываясь отъ сдачи и защищая послѣдній кусокъ ихъ земли. Для того, чтобы видѣть это, стоило рисковать жизнью.

ГЛАВА VIII.

ДУША ПАРИЖА.

I.

Въ началѣ войны казалось, какъ будто Парижъ остался безъ души, утративъ всю свою жизнь.

Я уже говорилъ о тѣхъ дняхъ мобилизаціи, когда великое множество молодыхъ людей было неожиданно оторвано отъ ихъ мирныхъ занятій призывомъ къ знаменамъ и отвѣтило на этотъ

призывъ безъ всякаго энтузіазма къ войнѣ, ненавидя ея страшный призракъ и проклиная ту страну, которая принудила ихъ взяться за оружіе. Первая мобилизація продолжалась въ теченіе двадцати одного дня, и съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе становилось постепенное уменьшеніе количества людей на улицахъ, отсутствіе молодыхъ мужчинъ, большая пропорція женщинъ и стариковъ среди тѣхъ, кто остался. Населеніе Парижа лишилось своей лучшей крови благодаря страшному вампиру, войнѣ... Большинство студентовъ ушло изъ Латинскаго квартала безъ всякихъ предварительныхъ демонстрацій въ кафе d'Harcourt и безъ рѣчей, обыкновенно произносимыхъ съ верха стола въ дешевыхъ ресторанчикахъ по Boul' Miche, гдѣ во время мира каждый политическій кризисъ или серьезная драма вызывали потокъ фантастическаго ораторства со стороны молодыхъ людей съ черной шевелюрой, горящими глазами и грязными ногтями. Они всѣ удалились молча, поспѣшно поцѣловавъ своихъ подругъ, которыя надрывали свое сердце рыданьями цѣлую ночь, прежде чѣмъ искать себѣ новыхъ любовниковъ изъ тѣхъ, кто еще остался въ городѣ.

На всѣхъ улицахъ Парижа закрывались магазины и лавки. Каждый день опускался новый рядъ желѣзныхъ ставней на окна, пока на двадцатый день городъ не казался такимъ же угрюмымъ, какъ Лондонъ въ воскресенье, или какъ будто бы всѣ магазины закрылись по случаю общественныхъ похоронъ. Куски бумаги были налѣплены на запертыя окна и двери.

„Le magasin est fermé à cause la mobilisation".

„M. Jean Cochin et quatre fils sont au front des armées".

„Tout le personel de cet établissement est mobilisé". *).

То, что произошло со мной, показало мнѣ наглядным образомъ все значеніе общей мобилизаціи. Раньше этого случая я еще не понималъ, до какой степени замерла вся дѣловая жизнь Парижа, и какъ все въ немъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ Нанси и на восточную границу, я оставилъ ручной саквояжъ и пледъ въ одномъ отелѣ, гдѣ я свелъ знакомство съ управляющимъ и его помощникомъ, со швейцаромъ, человѣкомъ обслуживавшимъ подъемную машину, и съ лакеемъ. Я обсуждалъ вопросъ о войнѣ съ каждымъ изъ нихъ, и отъ каждаго изъ нихъ я слышалъ одни и тѣ же выраженія ужаса и тревоги. Швейцаръ былъ добродушнымъ малымъ. Онъ повѣдалъ мнѣ, что у него имѣется хорошенькая жена и недавно родившійся ребенокъ, что примиряло его съ непріятностями его положенія въ качествѣ служителя для каждаго, кто бы ни зашелъ въ гостиницу въ скверномъ настроеніи и съ легкимъ кошелькомъ.

Возвратившись изъ Нанси я пошелъ за своимъ саквояжемъ и пледомъ. Когда я вошелъ въ гостиницу, мнѣ бросилось въ глаза что-то странное. Сначала я не могъ понять, въ чемъ тутъ дѣло. Мнѣ показалось на одно мгновенье, что я не туда попалъ.

---

*) „Магазинъ закрытъ по случаю мобилизаціи": „Жанъ Кошенъ съ четырьмя сыновьями на фронтѣ". „Весь персоналъ заведенія мобилизованъ".

Я не видалъ ни швейцара, ни управляющаго, ни его помощника. Я видѣлъ только даму съ острыми чертами лица, сидѣвшую за конторкой въ полномъ уединеніи, и эта дама смотрѣла на меня, когда я озирался кругомъ, съ очевиднымъ подозрѣніемъ. Я попросилъ весьма вѣжливо принести мой саквояжъ и пледъ, но видъ дамы сдѣлался еще болѣе суровымъ и холоднымъ, когда я объяснилъ, что я потерялъ номеръ своей вѣшалки и не могъ вспомнить номера комнаты, которую я занималъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Можетъ быть, вы можете доказать какимъ-нибудь образомъ, что вы останавливались здѣсь?—спросила дама.

— Конечно, могу. Я помню швейцара. Его звали Пьеръ, и онъ уроженецъ юга.

Она покачала головой.

— У насъ нѣтъ швейцара, мосье. Онъ ушелъ отъ насъ.

— Тогда лакей. Его зовутъ Франсуа. У него кудрявые волосы и подстриженные русые усы.

Дама покачала головой еще болѣе рѣшительнымъ образомъ.

— Нашъ лакей лысый и брюнетъ, мосье. Должно быть, вы останавливались въ другомъ мѣстѣ, а не у насъ.

Я началъ думать, что дѣйствительно я ошибся, но, однако, я помнилъ отчетливо комнату, гдѣ мы находились, рисунокъ ковра и картину, изображавшую Мирабо въ Національномъ собраніи.

Тогда на насъ обоихъ снизошло просвѣтлѣніе.

— Ахъ, вотъ что! Мосье былъ здѣсь до перваго августа. Съ тѣхъ поръ у насъ всѣ ушли на войну. Я жена управляющаго, мосье, и мой мужъ теперь на фронтѣ. У насъ теперь почти нѣтъ служащихъ. Будьте добры, опишите, какого вида вашъ саквояжъ...

2.

Французское правительство боялось души Парижа. Воспоминанія о коммунѣ преслѣдовали умы тѣхъ, кто не понималъ, что характеръ парижанина измѣнился со времени 1870 года. Французскіе министры, читавшіе кое-что изъ исторіи, ужасно боялись, что душа Парижа какъ и прежде породитъ волненіе и страсти толпы, crises de nerfs, бунтъ, политическую свалку и панику. Парижъ нужно было крѣпко держать въ рукахъ, образумливать его всѣми возможными мѣрами, не допускать, чтобы до него доходили непріятные факты, кормить его по столовой ложкѣ бодрыми оффиціальными сообщеніями, какова бы ни была въ дѣйствительности истина, держать противъ него наготовѣ сильную, но скрытую силу, готовую въ одно мгновенье разогнать процессію, арестовать агитаторовъ, усмирить возстаніе и возстановить строжайшій порядокъ.

Спокойно и постепенно генералъ Галіени, военный губернаторъ такъ называемаго укрѣпленнаго лагеря Парижа, привелъ городъ на военное положеніе для того, чтобы задавить всякій бунтарскій духъ, который могъ скрываться въ потайныхъ углахъ

города. Приказы и постановленія выпускались на подобіе бѣглаго огня такъ быстро, что Парижъ лишился всей своей прежней жизни и свободы. Мѣста для сидѣнія на тротуарахъ возлѣ кафе были уничтожены. Философическій парижанинъ не могъ больше прихлебывать свой petit verre и наблюдать драму бульваровъ изъ-за мраморнаго столика. Онъ долженъ былъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, подобно англичанину, во мракѣ своего ресторана, какъ бы стыдясь пить открыто. Абсентъ былъ осужденъ и запрещенъ приказомъ изъ Дома Инвалидовъ, гдѣ основался военный губернаторъ, и тѣ парижане, которые привыкли къ абсенту, затрепетали при этомъ страшномъ рѣшеніи, которое должно было превратить ихъ въ физическія и нравственныя развалины, какими становятся морфиноманы, у которыхъ отобрали повышающее ихъ настроеніе средство. Этотъ приказъ былъ привѣтствуемъ всѣми твердыми людьми, которые знали, что Франція отравляется этимъ отвратительнымъ зельемъ, но и они слегка поблѣднѣли, когда всѣ кафе въ Парижѣ закрылись въ восемь часовъ вечера.

— Sapristi! Qu'est ce qu'on peut faire les soirs? On ne peut pas dormir tout le temps! Et la guerre durera peut-être trois mois!*)

Закрытіе кафе въ восемь часовъ казалось страшнымъ бѣдствіемъ для всякаго истаго парижанина, для котораго жизнь начинается только послѣ восьми часовъ, когда притупляющая рутина дневного труда кончается, и умъ пробуждается для интеллектуальныхъ интересовъ въ дружескихъ разговорахъ, въ философскихъ обсужденіяхъ, въ горячихъ аргументахъ, въ остроуміи и сатирѣ. Какъ же могутъ парижане слѣдить за войной и понимать ея ходъ, если кафе будутъ закрыты въ восемь часовъ? Но приказъ вышелъ, и Парижъ покорно повиновался ему.

За этимъ приказомъ слѣдовали другіе приказы или выпускались по нѣсколько за разъ, подобно залпу, пущенному въ жизнь города. Манифестаціи и процессіи „съ какими бы то ни было патріотическими цѣлями“ были строго запрещены. „Распространителямъ ложныхъ извѣстій или новостей, которыя могутъ произвести тяжелое впечатлѣніе на населеніе“ грозили военные суды и въ высшей степени суровое наказаніе. Нельзя было играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ послѣ десяти часовъ вечера, и оркестры были запрещены во всѣхъ ресторанахъ. О, Парижъ, неужели тебѣ даже будетъ запрещенъ твой смѣхъ, если у тебя еще есть настроеніе смѣяться, когда твои сыны умираютъ на полѣ битвы?

Цензора почти задушили прессу, не только запрещая печатать новости о войнѣ, но также и мнѣнія о ней. Гюставъ Эрве подписывалъ три дня въ недѣлю своимъ именемъ чистые столбцы удивительнаго краснорѣчія. У Жоржа Клемансо многократно стояли поразительныя заглавія впереди текста, выкинутаго цензурой. Парижская интеллигенція не могла выражать своего мнѣ-

*) „Что же дѣлать вечерами? Нельзя же постоянно спать! И война можетъ затянуться мѣсяца на три“!

нія иначе, какъ съ дозволенія военныхъ цензоровъ, большинство коихъ, какъ это ни странно, носило нѣмецкія фамиліи.

Полиція подъ управленіемъ военнаго губернатора работала во всю въ первые дни войны. Въ теченіе всѣхъ двадцати четырехъ часовъ въ сутки, а особенно во мракѣ ночи, улицы осматривались людьми въ синихъ кепи, ѣхавшими на велосипедахъ по четверо, молчаливо какъ тѣни по всѣмъ улицамъ города. У нихъ была непріятная манера окружать всякаго одинокаго пѣшехода, который проходилъ по улицѣ въ поздній часъ, и чинить ему допросъ о его національности, возрастѣ и занятіи.

Меня останавливали нѣсколько разъ такимъ образомъ, и я ни разу не могъ избѣжать маленькаго frousse, которое пробѣгало по моей спинѣ, когда эти темныя фигуры настигали меня, соскакивали со своихъ велосипедовъ и говорили съ угрюмымъ подозрѣніемъ:

— Vos papiers, s'il vous plait![*])

Мои карманы оттопыривались отъ бумагъ всякаго рода, которыя я поспѣшно подносилъ къ свѣту фонаря для тщательнаго изслѣдованія.

Они слѣдовали за каждымъ неизвѣстнымъ имъ прохожимъ такъ быстро, что въ Парижѣ не было такого мѣста, гдѣ можно было бы укрыться отъ нихъ. Черезъ пять минутъ послѣ того, какъ я взобрался къ одному пріятелю на пятый этажъ стараго дома въ концѣ двора на Rue de Rivoli, послышался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ комнату вошли двое въ гражданскомъ платьѣ съ тѣмъ видомъ ищеекъ, который принадлежитъ сценѣ и французскимъ сыщикамъ. Они забыли снять съ головы свои шляпы—котелки, что показалось мнѣ прискорбнымъ уклоненіемъ отъ французской вѣжливости.

— Vos papiers, s'il vous plait!

Опять мнѣ пришлось вытащить кучу бумагъ: permis de séjour въ Парижѣ, Амьенѣ, Руанѣ, Орлеанѣ, Ле-Манѣ; laisser-passer для Булони, Діеппа, Гавра, Дюнкирхена, Эръ сюръ-Лиса, Бетюна и Газбрука; британскіе паспорта и паспорта, визированные французскими консулами, французской полиціей, французскими генералами, французскими мэрами и французскими начальниками станцій. Но все это ихъ мало удовлетворило. Одинъ изъ нихъ съ оттопыреннымъ боковымъ карманомъ—вы, конечно, видѣли въ театрѣ, какъ быстро оттуда появляется револьверъ?—упомянулъ о томъ, что вся моя коллекція бумагъ была не лучше стараго желѣзнодорожнаго билета, такъ какъ я не исполнилъ послѣдняго правила относительно фотографіи на permis de séjour. Мы все-таки разстались по-пріятельски, выразивъ нашу твердую вѣру въ Entente cordiale**).

---

*) „Пожалуйста, ваши бумаги“!
**) „Сердечное согласіе“.

3.

Одна сцена рѣзко врѣзалась мнѣ въ память. Это случилось на узкой улицѣ Парижа, гдѣ фонарь на углу бросалъ свои лучи на бѣлыя лица двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Была полночь, и я ждалъ около редакціи газеты, гдѣ мой помощникъ освѣдомлялся о послѣднихъ извѣстіяхъ съ театра войны. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я слѣдилъ за этими людьми съ предчувствіемъ, что вотъ-вотъ съ ними произойдетъ что-нибудь недоброе. Они принадлежали къ классу апашей, какъ можно было видѣть по покрою ихъ панталонъ, засунутыхъ въ башмаки, по ихъ широкимъ поясамъ и по бархатнымъ беретамъ, надвинутымъ на лица съ тонкими, рѣзкими чертами. У женщинъ головы были покрыты шалями, и изъ-подъ ихъ юбокъ были видны ботинки на высокихъ каблукахъ. Зрители Альгамбры въ Лондонѣ тотчасъ же узнали бы, какой послѣдуетъ танецъ, когда такая группа медленно подкралась бы къ ярко освѣщенной рампѣ. Въ настоящее время они исполняли родъ медленнаго танца, хотя и безъ музыки за исключеніемъ рыданій женщинъ и шипящихъ проклятій одного изъ мужчинъ. Младшій изъ двухъ мужчинъ былъ мертвецки пьянъ, и было очевидно, что остальные старались дотащить его домой, раньше чѣмъ случится съ ними бѣда. Они качались съ нимъ изъ стороны въ сторону, поднимали его, когда онъ падалъ, били его жестоко по лицу, когда онъ старался обнять одну изъ женщинъ и вели его все дальше и дальше по направленію къ глухому переулку. Внезапно на нихъ нагрянула бѣда. Четыре мрачныхъ тѣни на велосипедахъ выѣхали изъ темноты и остановились около нихъ.

Рѣзко и отчетливо на подобіе револьверныхъ выстрѣловъ изъ внезапнаго молчанія и тишины до меня донеслись два слова, остановившія этихъ четырехъ людей:

— Vos papiers!

На этотъ разъ тутъ не было „s'il vous plait“.

Очевидно было, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ апашей—я думаю, пьяный—не имѣлъ бумагъ, объяснявшихъ его присутствіе въ Парижѣ, и что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ embusqués*), которыхъ военный губернаторъ искалъ въ бѣдныхъ частяхъ города. (Въ болѣе богатыхъ кварталахъ не замѣчалось такихъ тщательныхъ поисковъ нѣкоторыхъ юныхъ господъ хорошихъ фамилій, которые не явились на призывъ). Съ бѣдняками, уклоняющимися отъ военной службы, была короткая расправа у солнечной стороны бѣлой стѣны, гдѣ они должны были встать съ завязанными глазами противъ направленныхъ на нихъ ружейныхъ дулъ. Среди молчанія ночи послышался крикъ, за нимъ другой. Двѣ женщины были охвачены дикимъ ужасомъ и горемъ. Одна изъ нихъ бросилась на колѣна, вцѣпившись въ полицейскаго, хватая его умоляюще руками, пока онъ не отшвырнулъ

*) Уклоняющихся (отъ призыва).

ея отъ себя. Тогда она поднялась и прислонилась къ стѣнѣ, стеная и воя, какъ раненое животное. Пьяный протрезвѣлъ настолько, чтобы стоять прямо, когда его держали два полицейскихъ, а третій обыскивалъ. При свѣтѣ уличнаго фонаря я видѣлъ его поблѣднѣвшее лицо и ввалившіеся глаза. По прошествіи двухъ минутъ полиція увела обоихъ мужчинъ, оставляя за собой женщинъ, которыя тихо рыдали, закутавшись въ свои шали.

Въ Парижѣ царило общее убѣжденіе, что много апашей было разстрѣлено pour encourager les autres*). Я не могу сказать, что такъ оно и было—парижская полиція не выдаетъ своихъ секретовъ,—но я думаю, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ пріискано было наиболѣе опасное мѣсто на боевомъ фронтѣ. Парижъ лишился многихъ изъ своихъ бунтовщиковъ противъ собственности, которые уже больше не покажутся на Place Pigalle и на Avenue de Clichy въ безлунныя ночи. Несчастные и жалкіе люди! Они вели свою войну только съ зажиточными классами и употребляли обычно болѣе невинные методы, чѣмъ тѣ, что примѣняются на настоящей войнѣ, когда изъ-за тѣхъ же денежныхъ интересовъ люди убиваютъ другъ друга разрывными бомбами, вырываютъ штыками внутренности у себѣ подобныхъ и взрываютъ на воздухъ цѣлыя роты въ окопахъ, подъ которые проводятся мины такъ искусно, что при словѣ „Пали“! ни одна рука или нога не остается на своемъ мѣстѣ, и самъ Господь не распознаетъ своего творенія.

4.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ царила шпіономанія, и полиція, дѣйствуя подъ началомъ военныхъ властей, дѣятельно охотилась за бошами. Это была такого рода ловля, которая заставляла меня испытывать непріятное мучительное чувство, когда я видѣлъ пойманную добычу. Совершенно такое же мучительное чувство я испытывалъ мальчикомъ, когда видѣлъ крысу, пойманную въ ловушку и вытащенную для того, чтобы ее растерзали собаки. Всѣ мои инстинкты заставляли меня желать, чтобы бѣдное животное спаслось.

Однажды, когда я сидѣлъ въ café Napolitain во время одной изъ моихъ краткихъ экскурсій въ Парижѣ съ театра военныхъ дѣйствій, я услыхалъ крики и увидалъ толпу людей, бѣжавшихъ по направленію къ мотору, слѣдовавшему по Boulevard des Italiens. Только одно слово повторялось кругомъ съ выразительнымъ шипѣньемъ:

— Espion! Espion!

Шпіонъ находился между двумя полицейскими агентами. Онъ былъ связанъ веревками, и его воротничекъ былъ сорванъ, такъ что шея его была обнажена, какъ у человѣка, готоваго лечь подъ ножъ гильотины. Такъ или иначе, но видъ этого человѣка мо-

*) Острастки другихъ.

ментально напомнилъ мнѣ тѣ старыя сцены французской революціи, когда французскихъ аристократовъ везли въ телѣгѣ по улицамъ Парижа. Арестованный былъ молодой человѣкъ съ правильными красивыми чертами лица и, хотя онъ и былъ блѣденъ какъ смерть, и струйка крови бѣжала по его щекѣ изъ раны на вискѣ, онъ презрительно и гордо улыбался. Онъ зналъ, что онъ идетъ навстрѣчу смерти, но рискъ смерти былъ принятъ имъ въ соображеніе, когда онъ остался въ Парижѣ ради своей родины. Нѣмецкій шпіонъ! Да, но храбрый человѣкъ, который шелъ навстрѣчу смерти со спокойствіемъ по залитымъ солнцемъ улицамъ Парижа среди злобныхъ восклицаній и шума толпы, поднимавшимися какъ волны вокругъ него.

Въ тотъ же самый день вечеромъ я увидѣлъ другой эпизодъ изъ этого періода шпіономаніи, болѣе забавный. Онъ произошелъ въ знаменитомъ ресторанѣ, недалеко отъ Comédie Française, гдѣ французскіе солдаты въ разнообразныхъ мундирахъ обѣдали со своими дамами передъ отправленіемъ на фронтъ послѣ однодневнаго отпуска. Внезапно среди жужжанья голосовъ, заглушая звонъ стакановъ и кофейныхъ чашекъ, раздался голосъ, говорившій отчетливо и ясно. Я видѣлъ, что это былъ управляющій ресторанъмъ, обращающійся къ своимъ кліентамъ.

— Messieurs и mesdames, мой коллега, управляющій, только что арестованъ по обвиненію въ шпіонствѣ. Мнѣ позволено сказать только эти нѣсколько словъ, чтобы выразить мое глубокое сожалѣніе о томъ, что я не имѣю больше возможности и удовольствія слѣдить за вашими желаніями и требованіями.

Съ поклономъ этотъ типичный французскій „patron“—ужъ, конечно, не нѣмецкій шпіонъ!—повернулся и вышелъ изъ залы. Взглядъ удивленія пробѣжалъ по лицамъ французскихъ солдатъ. Дамы подняли свои тронутыя карандашомъ брови и затѣмъ—такъ быстро выдыхается впечатлѣніе войны—продолжали свою бесѣду среди облаковъ папироснаго дыма.

5.

Однако, французское правительство боялось больше всего совсѣмъ не нѣмецкихъ шпіоновъ. Сказать правду, Парижъ былъ наводненъ нѣмцами, перешедшими во французское подданство за нѣсколько недѣль передъ началомъ войны и находившимися такъ или иначе въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ полицейскими властями, несмотря на ловлю шпіоновъ и шпіономанію, которая иногда угрожала свободѣ невинныхъ англичанъ и болѣе или менѣе невинныхъ американцевъ. Только чистая случайность повела за собой арестъ извѣстной содержательницы моднаго магазина, на five o'clock которой, среди ей живыхъ манекеновъ всегда присутствовало и много нѣмцевъ, прибывшихъ въ Парижъ по дѣламъ спеціальнаго характера. Когда эта почтенная дама прикрыла тевтонское наименованіе своей фирмы флагомъ Краснаго Креста и превратила свои залы въ госпитальную палату, пре-

красно снабженную всѣмъ, только не ранеными, полиція не трогала ее до тѣхъ поръ, пока политическій скандалъ не вывелъ всей подноготной на чистую воду и не сдѣлалъ послѣдняго достояніемъ публики.

Французское правительство боялось больше всего природныхъ парижанъ. Для того, чтобы охладить ихъ пылкій умъ, улицы Парижа держали въ темнотѣ, и всѣ мѣста развлеченія были закрыты тотчасъ же, какъ только была объявлена война. На тотъ случай, если бы мятежъ и бунтъ разразились революціонной пропагандой, по городу день и ночь слѣдовали патрули республиканской гвардіи, и агенты полиціи были усилены отрядами флотскими стрѣлками съ заряженными ружьями, при чемъ эти простые ребята не могли даже направить незнакомаго съ Парижемъ на Place de la Concorde или найти свою дорогу на Place de la Bastille.

Во всякомъ случаѣ Парижъ не долженъ былъ знать правды о войнѣ, если эта правда была непріятна. Для Парижа должны быть только побѣды, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть пораженій. Парижане не должны были даже знать, что на войнѣ людей ранятъ и калѣчатъ, иначе они могли впасть въ такое уныніе или въ такое бѣшенство, что—такъ думало французское правительство—снова могъ раздаться старый крикъ „Nous somms trahis*)“, обезглавливанье министровъ и дикія оргіи, во время которыхъ улицы Парижа покраснѣютъ отъ крови.

Прекрасно оборудованные госпитали Парижа пустовали.

Это была комедія, за которой таилась страшная трагедія. Доктора, стоявшіе возлѣ этихъ пустыхъ кроватей, и хирурги спеціалисты, разгуливающіе по великолѣпно оборудованнымъ операціоннымъ, задавались вопросомъ, почему они остаются безъ дѣла, когда такая масса французскихъ солдатъ умираетъ отъ недостатка въ помощи, и почему Парижъ, этотъ нервный центръ всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій, такъ близко лежавшій къ фронту, гдѣ поля были усѣяны жертвами войны, долженъ быть устраненъ отъ всякой работы по облегченію страданій. Это была та самая нотка лживости, которая всегда пробѣгаетъ по французской оффиціальной жизни. „Политика“! говорили парижскіе доктора. „Проклятая политика“!

Но на самомъ дѣлѣ это былъ страхъ. Правительство боялось Парижа, боялось, что его нервы не выдержатъ, и поэтому всѣ поѣзда съ ранеными были направлены въ обходъ столицы, передвигаясь по длиннымъ и сложнымъ маршрутамъ, стоя часами на запасныхъ путяхъ, и если раненыхъ и привозили въ Парижъ, то только ночью, когда санитарные моторы пробирались по глухимъ улицамъ подъ покровомъ темноты изъ опасенія, чтобы ихъ не увидали.

Французскимъ министрамъ совсѣмъ не слѣдовало бояться. У Парижа было больше храбрости, чѣмъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и къ тому же больше достоинства и больше вѣры. Когда фран-

*) „Мы преданы“.

пузскіе министры бѣжали въ Бордо, не предупредивъ населеніе о томъ, что врагъ находится у воротъ города, Парижъ остался совершенно спокойнымъ и не обнаружилъ ни дикаго ужаса, ни паники, ни ярости. Въ немъ не было ни политическихъ воплей, ни революціоннаго взрыва. Ни одинъ уличный ораторъ не взбирался на стулъ около кафе, чтобы закричать „Nous sommes trahis!“... Въ Парижѣ даже не нашлось слова укоризны тѣмъ, кто фабриковалъ правительственныя сообщенія и придавалъ фальшивый блескъ надежды безобразнымъ фактамъ. Поспѣшно и печально свыше милліона людей бѣжало изъ Парижа, какъ только правительство подало примѣръ къ бѣгству. Они боялись, и ихъ исходъ носилъ характеръ паническаго бѣгства, но все же среди бѣглецовъ не замѣчалось признаковъ истеріи, и мужчины и женщины не теряли головы, хотя они и потеряли свои надежды. Рѣдко приходилось видѣть плачущую женщину. Не было слышно воплей людей, обезумѣвшихъ отъ отчаянія. Грустно эти бѣглецы покинули городъ, составлявшій для нихъ весь міръ, и дороги къ югу отъ Парижа покрылись массами людей, ушедшихъ въ страхѣ, но бодрыхъ на своемъ пути, удрученныхъ сердцемъ, но и тогда находившихъ комическія стороны въ своей бѣдѣ, смѣявшихся—какъ часто смѣются француженки въ часъ гибели—даже тогда, когда ихъ страданія достигали наивысшихъ предѣловъ, и когда тяжелое горе слышалось въ ихъ шуткахъ.

6.

Въ концѣ-концовъ душа Парижа не умерла, даже въ тѣ мрачные дни, когда такъ много его обитателей исчезло, и когда на короткій срокъ онъ казался покинутымъ и пустыннымъ городомъ. Много тысячъ горожанъ осталось въ немъ, составляя все же громадное населеніе, и хотя въ теченіе нѣсколькихъ дней парижане оставались по большей части дома, удрученные страхомъ, что каждый моментъ они могли услышать вой первыхъ снарядовъ, проносящихся надъ ихъ головой, или топотъ нѣмецкой конницы, все же они быстро возобновили ежедневную рутину ихъ жизни, насколько это было возможно въ такое время. Около фруктовыхъ и зеленыхъ лавокъ по Rue St. Honoré толпились какъ обыкновенно расчетливыя хозяйки, которыя выходятъ за покупками рано утромъ, и около des Hlales, къ которымъ я направилъ мои шаги по старымъ улицамъ Парижа, чтобы замѣтить разницу въ цѣнахъ на жизненные припасы, стояла обычная суета. Только тотъ, кто зналъ Парижъ, могъ замѣтить здѣсь перемѣну, а именно отсутствіе многихъ молодыхъ носильщиковъ, которые обыкновенно несли тяжелыя покупки на головахъ, первоначально уголивъ свою жажду въ Chien bui fume, и присутствіе многихъ молодыхъ дѣвушекъ-мидинетокъ, которыя въ обыкновенное время позднѣе поднимались со своихъ кроватей, прежде чѣмъ отправиться на трамваѣ въ свои магазины.

Эти магазины были теперь закрыты. Крупные торговые дома,

какъ, напримѣръ, Galeris Lafayette, распустили свои арміи приказчицъ и даже многія фабрики въ пригородахъ какъ Charentou и La Villette, пріостановили работу въ виду того, что ихъ механики и рабочіе были призваны къ знаменамъ въ началѣ войны. Женщины Парижа оказались въ безжалостной нуждѣ, и тысячи ихъ остались безъ работы, что всегда дѣлаетъ бѣдность еще болѣе ужасной. Даже въ настоящее время я удивляюсь, какъ могло такъ много женщинъ пережить первые мѣсяцы войны. Среди женщинъ Парижа было много такихъ, которыя поддерживали свое маленькое хозяйство исключительно благодаря мужьямъ, которые теперь въ рядахъ французской арміи получали одно су въ день и славу въ качествѣ pourboire*). Много старыхъ матерей жило на счетъ своихъ сыновей, отказавшихся отъ брака, дѣтей и жизненнаго комфорта для того, чтобы поддерживать своимъ бѣднымъ жалованьемъ правительственныхъ чиновниковъ существованіе тѣхъ женщинъ, которымъ они были обязаны своимъ рожденіемъ. Большая часть парижскаго населенія всегда живетъ на скромныя средства, не знаетъ, что ждетъ его въ будущемъ, еле сводя концы съ концами, сжимаясь и откладывая одно су тамъ, другое су здѣсь для того, чтобы свести еженедѣльные расходы на существованіе и сохранить хоть сколько-нибудь на малую толику той joie de vivre, которая для всякаго парижанина является существенной необходимостью. Теперь по мановенію войны экономія всей жизни была уничтожена. Не было жалованья, изъ котораго можно было приготовить лишнее блюдо къ обѣду или, отказавъ себѣ въ этой роскоши, пойти въ кинематографъ Пате. Матери, жены и возлюбленныя остались на холодномъ попеченіи казенной благотворительности, и о, какъ холодна была послѣдняя!

Французское правительство обѣщало давать пособіе въ размѣрѣ одного франка двадцати пяти сантимовъ въ день каждой женщинѣ, которая зависѣла отъ мужа, ушедшаго на военную службу. Можетъ быть, въ Парижѣ и возможно прожить на одинъ шиллингъ въ день, хотя, ей Богу, я не хотѣлъ бы такъ жить. Если бы пособіе выдавалось какъ слѣдуетъ, оно могло бы спасти женщинъ отъ быстрой голодной смерти и кое-какъ поддержать ихъ существованіе. Но бѣда въ томъ, что даже и эти деньги получить было трудно. Французскіе чиновники въ высшей степени формалисты: имъ нужно много времени для того, чтобы организовать систему, которая всегда является шедевромъ оговорокъ и мелочныхъ правилъ. Такъ оно и случилось въ первыя недѣли войны. Жалко было смотрѣть на длинные хвосты женщинъ, ожидающихъ терпѣливо возлѣ мэрій цѣлыми часами, а иногда и цѣлыми днями франка двадцати пяти сантимовъ, чтобы купить хлѣба своимъ дѣтямъ. Несмотря на это, терпѣніе этихъ женщинъ было безгранично, и съ почти божественной покорностью онѣ извиняли медленность чиновниковъ, ихъ педантизмъ, безконечныя проволочки и стѣсненія, которыя онѣ

*) На чай.

должны были выносить, благодаря той фразѣ, которая извиняла все во Франціи: „C'est la guerre!“*) Помня, что Франція вела войну, онѣ не возвышали своихъ голосовъ до пронзительнаго крика и не грозили своими тощими руками холоднымъ и безстрастнымъ людямъ, говорившимъ имъ „Attendez, s'il vous plait!“**) съ дьявольской монотонностью, и не били оконъ правительственныхъ учрежденій, на которыхъ висѣли цѣлыя мили головоломныхъ правилъ и формалистики.

„C'est la guerre!“ и парижанки обрекали себя на мученія, думая о своихъ кормильцахъ на фронтѣ, радуясь даже мукамъ голода, такъ какъ такимъ образомъ онѣ раздѣляли невзгоды своихъ солдатъ.

Къ счастью, нѣсколько добросердечныхъ мужчинъ и женщинъ, представляющихъ собою Францію въ большей степени, нежели ея министры, имѣвшихъ за собою общественную службу и объединявшихъ собою всѣ фразы интеллектуальной и религіозной дѣятельности въ странѣ, организовали систему частной благотворительности въ дополненіе къ правительственной милостынѣ и подъ названіемъ Secours National облегчили тяжелое положеніе нуждавшихся быстрой и великодушной помощью, въ которой была только любовь безъ каменной справедливости государства. Secours National и было тѣмъ, что избавило Парижъ въ первое время отъ наиболѣе тяжкихъ горестей войны, и смягчило ея неизбѣжную жестокость по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Организованныя этимъ обществомъ ouvroirs или мастерскія для неимѣвшихъ работы дѣвушекъ, съ платой одинъ франкъ въ день (немного за долгій день работы, но лучше, чѣмъ ровно ничего) спасли многихъ мидинетокъ отъ голодной смерти.

Тяжелое время настало для дѣвушекъ, которыя не умѣли ни шить, ни исполнять обычныхъ женскихъ работъ, хотя онѣ и много трудились по своей профессіи. Для танцовщицъ Монмартра, для пѣвицъ многочисленныхъ кабачковъ, для уличныхъ жрицъ любви, Парижъ, когда нѣмцы стояли у его воротъ, былъ мертвымъ городомъ, такимъ холоднымъ, когда онѣ бродили по его пустымъ улицамъ съ удивленными взорами, такимъ жестокимъ къ женщинамъ, къ которымъ онъ былъ такъ снисходителенъ въ прежніе дни. Онѣ были теперь ненужны для новаго порядка вещей. Ихъ товаръ—легкая походка и граціозныя движенія, рѣзкій хохотъ и лукавые глаза, накрашенныя губы и подведенныя брови, пѣвучіе голоса и уловки обольщенья—не имѣли больше цѣны, потому что война захватила тѣхъ людей, которые покупали все это, и на нихъ не было спросу. То, что онѣ продавали, такъ же не требовалось, какъ и фальшивые брильянты, блестки, искусственныя розы, дорогіе наряды, бездѣлушки на Rue de la Paix и поддѣльные предметы древности на Rue Mazarin. Молодые люди, снаряды, сѣно, полотно для бинтовъ, носилки, лубки, шприцы требовались въ гигантскомъ количествѣ, но спросъ совершенно отсутствовалъ на жрицъ легкой любви съ запахомъ

*) „Это война“!
**) „Подождите, пожалуйста“!

дешевыхъ духовъ или на фей подмостковъ со всѣми ихъ па новѣйшаго танго. Танцовальная музыка превратилась въ траурный маршъ, и за обольстительнымъ ритмомъ танго послѣдовалъ мѣрный топотъ ногъ, направлявшихся на поля битвы. Добродѣтель могла привѣтствовать новый порядокъ жизни какъ свою побѣду. Поднявъ свои цѣломудренно опущенные взоры, она могла произнести благодарственную молитву за то, что Парижъ омылся отъ всего грѣха, что война очистила его населеніе отъ всей плотской скверны, и что мужская молодежь націи очистилась душой и пошла по стопамъ суровой нравственности. Да, это было дѣйствительно такъ. Война захватила души и тѣла людей, и подъ ея дисциплиной крови и мученій грѣховные помыслы людей, обольщенія плоти, жалости ихъ сердца были обузданы и сурово связаны.

И все-таки, по-христіански становилось жаль этихъ бѣдныхъ мотыльковъ, которые были сокрушены безпощадной войной. Я искренно жалѣлъ ихъ, не стыдясь своего чувства, когда я наблюдалъ, какъ онѣ проходили легкими шагами по улицамъ Парижа въ тотъ сентябрскій вечеръ, когда городъ какъ бы замеръ, ожидая прихода враговъ, и впослѣдствіи въ продолженіе долгихъ, томительныхъ недѣль войны. У нихъ былъ испуганный видъ, какъ у маленькихъ хорошенькихъ звѣрковъ, попавшихъ въ ловушку. У нихъ были голодные глаза, выражавшіе глубокую задумчивость. Ихъ лица поблѣднѣли, потому что румяна были дороги, когда приходилось тратить послѣдніе гроши на хлѣбъ, и ихъ губы потеряли карминовый цвѣтъ. Однажды двѣ изъ нихъ заговорили со мной, стоя около Taverne Royale, гдѣ я строчилъ статью для того, чтобы ее вычеркнулъ цензоръ. Въ нихъ не было замѣтно ни кокетства, ни одного изъ пріемовъ ихъ ремесла. Онѣ говорили совершенно просто и серьезно.

— Вы англичанинъ?

— Да.

— Но не солдатъ?

— Нѣтъ. Вы видите въ какомъ я костюмѣ.

— Вы пріѣхали въ Парижъ для удовольствія? Это странно. Теперь здѣсь никто не веселится.

Я спросилъ ихъ, какъ онѣ живутъ теперь, во время войны.

Одна изъ дѣвушекъ, у которой было хорошенькое деликатное личико и серьезная манера говорить, улыбнулась со вздохомъ, который, казалось, выходилъ изъ ея маленькихъ ботинокъ на высокихъ каблукахъ.

— Трудно жить. Я пѣла на Монмартрѣ. Мой возлюбленный на войнѣ. Здѣсь никого не осталось. Со всѣми нами одно и то же. Черезъ нѣсколько времени мы умремъ съ голоду. Mais, pourquoi pas? Смерть пѣвички ничего не значитъ для Франціи и не омрачитъ радости ея побѣдъ.

Она подняла рюмку съ amer picon—за привилегію услышать правду отъ нея я съ удовольствіемъ заплатилъ за него—и сказала шопотомъ „Vive la France“! и затѣмъ, коснувшись рюмки губами: „Vive l'Angleterre“!

Другая дѣвушка нагнулась ко мнѣ черезъ столъ и задала мнѣ вѣжливый и серьезный вопросъ.

— Не угодно ли мосье немного любви?

Я покачалъ головой.

— Ça ne marche pas. Je suis un homme serieux*).

— Любовь теперь дешева,—сказала дѣвушка.—Ça ne coute pas cher, en temps de guerre**).

7.

Послѣ битвы на Марнѣ старая жизнь Парижа постепенно возстановилась. Тѣ, кто бѣжали сотнями тысячъ, постепенно и мало-по-малу возвращались назадъ изъ Англіи и провинціальныхъ городовъ, гдѣ они ненавидѣли свое изгнаніе и стыдились своего бѣгства. Они вернулись въ свои маленькія квартирки или въ комнаты на чердакахъ, радуясь, что все осталось цѣло подъ слоемъ пыли, проливая слезы при видѣ дѣтскихъ игрушекъ, которыя были оставлены на полу, и при видѣ открытаго фортепіано съ нотами на немъ, которыя оставила дѣвушка, когда она вскочила на серединѣ такта, закончивъ его крикомъ ужаса, и всѣхъ домашнихъ сокровищъ, которыя были собраны цѣлой жизнью труда и были брошены, какъ казалось, навсегда, когда по слухамъ непріятель стоялъ въ двадцати миляхъ отъ Парижа. Городъ былъ спасенъ. Нѣмцы находились въ полномъ отступленіи. Тѣнь страха разсѣялась, и сердце Парижа забилось радостной надеждой, несмотря на весь ужасъ la'—bas, гдѣ такъ много молодыхъ людей приносили въ жертву за Францію свою жизнь.

Съ теченіемъ времени улицы становились болѣе оживленными, и начали открываться магазины, при чемъ въ нихъ торговали большей частью женщины и старики. Огромная непріятельская армія окопалась меньше чѣмъ въ шестидесяти миляхъ отъ Парижа. Безконечная битва, все время угрожающая дорогамъ въ Парижъ, отъ Амьена до Суассона, Реймса и Викъ-сюръ-Эна свирѣпствовала и днемъ, и ночью, мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Но въ тотъ моментъ, когда непріятель отступилъ къ Эну, страхъ, висѣвшій подобно черному покрову надъ духомъ Парижа, разсѣялся, какъ будто бы отъ дуновенія сильнаго вѣтра, и населеніе обнаружило разумный и сильный духъ мужества, довѣрія и терпѣнія, удивительный для тѣхъ, кто еще вѣрилъ въ фривольность, нервность и измѣнчивость чувствъ парижанъ.

Однако, хотя нормальная жизнь внѣшне возстановилась (по существу все рѣшительно измѣнилось), невозможно было забыть про войну или выкинуть ее изъ головы больше чѣмъ на полчаса. Въ уличной толпѣ видно было множество солдатъ всѣхъ французскихъ полковъ, проходившихъ между тыловой частью и фронтомъ. Улицы пестрѣли цвѣтами всѣхъ этихъ формъ—краснымъ

*) Нѣтъ. Я человѣкъ степенный.

**) Она не дорого стоитъ во время войны.

зуавовъ, голубымъ африканскихъ стрѣлковъ, темно-синимъ артиллеристовъ и морскихъ солдатъ. Романическія фигуры разгуливали по бульварамъ и грѣлись на солнцѣ въ садахъ Тюльери. Арабскій шейхъ въ бѣломъ бурнусѣ и развѣвающимся плащѣ, въ мягкихъ туфляхъ пробирался между вереницей кокотокъ, улыбавшихся ему, смотря лукаво на его важное лицо Отелло съ черными влажными глазами и остроконечной бородой. Сенегальцы и тюркосы съ выпученными глазами сидѣли, широко улыбаясь, за столиками въ Café de la Paix, платя бѣшеныя деньги за огненную воду, восхищенные этой роскошью жизни послѣ грязнаго ада окоповъ и сырого климата, который заставлялъ ихъ кашлять, какъ чахоточныхъ между взрывами смѣха. По временамъ какая-нибудь необыкновенно яркая форма заставляла всѣхъ оборачиваться съ вопросамъ „Qui est ça“? какъ, напримѣръ, парадный франтовской мундиръ офицера, летчика въ его съ ногъ до головы ярко-красномъ костюмѣ съ золотымъ крыломъ на рукавѣ. Летчикъ скромнаго ранга не былъ такъ великолѣпенъ, но все же въ своей кожаной курткѣ, голубыхъ рейтузахъ и длинныхъ сапогахъ былъ героемъ улицъ и притягивалъ къ себѣ глаза женщинъ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ службѣ, окутанной все еще фантастичностью войны, рискуя жизнью ежедневно въ своихъ чудесныхъ полетахъ и паря подобно божеству надъ позиціями врага среди грохота обстрѣливающихъ его снарядовъ.

Хаки также появился въ Парижѣ, и хотя этотъ цвѣтъ носили многіе штатскіе, напялившіе его на себя въ качествѣ чего-то въ Красномъ Крестѣ—Богъ знаетъ чего!—Но сукно этого цвѣта волновало сердца всѣхъ парижанъ, которые въ первые мѣсяцы войны, по крайней мѣрѣ, были преисполнены безмѣрнымъ чувствомъ благодарности за то, что Англія пришла къ нимъ на выручку въ часъ опасности и великодушно отдала свою кровь Франціи, укрѣпивъ Entente Cordiale безсмертными узами боевого товарищества.

— Comme ils sont chies, ces braves anglais!*)

Парижане не скоро прекратили выражать свое восхищенье этимъ „шикомъ“ нашихъ молодыхъ офицеровъ, такъ щегольски и практично одѣтыхъ, съ коричневыми ремнями, коричневыми сапогами и въ рейтузахъ цвѣта хаки.

Дѣвушки-мотыльки порхали около этихъ молодыхъ офицеровъ съ фронта и этихъ рыцарей Краснаго Креста, прельщали ихъ всѣми своими коварными чарами и вели ихъ, многихъ изъ нихъ, къ своей повелительницѣ Цирцеѣ.

На каждомъ перекресткѣ или подъ деревьями бульваровъ какой-нибудь странный эпизодъ, какая-нибудь удивительная фигура великой драмы привлекала вниманіе пораженнаго зрителя. Внезапное появленіе трагедіи заставляло содрогаться смѣющихся. Слезы и смѣхъ мѣшались другъ съ другомъ по всему Парижу въ это время войны.

---

*) Какъ шикарны эти бравые англичане!

8.

Ни одинъ нѣмецкій солдатъ не вошелъ въ ворота Парижа, и нѣмецкія пушки не пробили бреши ни въ одномъ изъ укрѣпленій возлѣ Парижа. Но время отъ времени крылатый вѣстникъ смерти, двигавшійся быстро по небу, показывался надъ воротами города и высоко надъ фортами, убивая нѣсколькихъ людей и затѣмъ скрываясь въ облакахъ. Въ Парижѣ было немного лицъ, которыя видѣли какъ таубе, нѣмецкій голубь, совершалъ свой полетъ и бросалъ бомбы. Только небольшая точка показывалась на небѣ, виденъ былъ блескъ металлическихъ частей и слышался далеко гудящій шумъ воздушной машины. Можно было думать, что одинъ изъ французскихъ авіаторовъ возвращается изъ рекогносцировки надъ непріятельскими позиціями на Энѣ или совершаетъ свой полетъ надъ Парижемъ, чтобы расправить свои крылья. Маленькія приказчицы глядѣли вверхъ и думали, какъ было бы чудесно носиться высоко какъ звѣзды съ однимъ изъ этихъ летчиковъ съ острымъ профилемъ, у которыхъ были такіе плутовскіе глаза, когда они спускались на землю. Французы, гулявшіе по бульварамъ, смотрѣли на небо и улыбались. Наверху были храбрые ребята, которые защищали воздухъ Парижа. Ни одинъ бошъ не смѣлъ сунуться со своей машиной надъ крышами города. Но нѣкоторые изъ парижанъ чувствовали безпокойство и стояли, напряженно глядя вверхъ. Замѣчалось что-то особенное въ формѣ этихъ крыльевъ en haut. Казалось, они были закруглены у краевъ, тогда какъ у Блеріо крылья прямыя.

На какой-нибудь боковой улицѣ Парижа тяжелая масса падала на землю и разверзала ее съ грохотомъ. Женщина, переходившая улицу съ маленькой дѣвочкой—она только что вынырнула изъ своего двора купить молока—почувствовала, что мостовая подъ ней поднялась и ударила ее въ лицо своими обломками. Это было странно. Никогда еще съ ней не случалось ничего подобнаго. „Сюзетта“? Она застонала и закричала: „Сюзетта“?... Но Сюзетта не отвѣчала. Дѣвочка лежала бокомъ съ лицомъ, обращеннымъ къ мостовой. Ея бѣлое платице было окрашено багровымъ и все увеличивающимся пятномъ. Что-то случилось съ одной ея ногой, которая торчала вверхъ, какъ лапка мертвой птички.

— Suzette! Ma petite!... Oh, mon Dieu!*)

Полицейскій наклонился надъ маленькой Сюзеттой. Затѣмъ онъ выпрямился и поднялъ свой сжатый кулакъ къ небу.

Народъ сбѣгался съ улицы и изъ дворовъ. Санитарная каретка быстро прошмыгнула черезъ толпу. Маленькая дѣвочка, которую звали Сюзетта, была подобрана съ мостовой изъ лужи крови. Ея лицо лежало бокомъ на плечѣ полицейскаго, бѣлое какъ у мраморнаго ангела на гробницѣ. Казалось, что Сюзетта, чьи ножки танцовали по улицамъ Парижа, больше никогда уже

*) Сюзетта, мое дитя!... О, Боже!

не будетъ ходить. Всегда случалось то же самое, когда надъ городомъ появлялся таубе. Эта зловѣщая птица выбирала своей добычей женщинъ и дѣтей, и Парижъ проклиналъ подлецовъ, которые вели войну съ невинными.

Но Парижъ не былъ напуганъ. Его женщины не сидѣли въ четырехъ стѣнахъ изъ-за того, что онѣ могли быть неожиданно убиты на улицахъ. Онѣ смотрѣли на небо и презрительно улыбались. Онѣ были даже рады, что таубе показывался надъ городомъ, такъ что и онѣ, парижскія женщины, могли подвергнуться риску въ этой войнѣ и раздѣлить опасность съ ихъ мужчинами, которые каждый день въ окопахъ, là-bas, встрѣчали смерть ради Франціи. „Нашъ шансъ смерти ничтоженъ—одинъ противъ милліона“, сказала одна изъ нихъ. „Мы были бы ничтожествомъ, если бы мы боялись ихъ“.

9.

Но были и другіе корабли смерти, которые могли появиться надъ Парижемъ, плывя по небу въ безлунную и тихую ночь. Непріятель старался устрашить душу Парижа угрозою разрушенія и смерти, когда надъ городомъ появится флотъ цеппелиновъ. Но Парижъ насмѣхался надъ нѣмецкой угрозой. Проходили недѣли и мѣсяцы, а цеппелины не появлялись, такъ что нѣмецкая угроза обратилась въ шутку. Самое слово „цеппелинъ“ произносилось со смѣхомъ. Въ газетахъ появились статьи, подтрунивавшія надъ нѣмецкимъ графомъ, который изобрѣлъ эти огромные пузыри съ газомъ. Появились и серьезныя статьи, доказывавшія невозможность воздушныхъ рейдовъ. Цеппелины подвергались бы преслѣдованію французскихъ авіаторовъ, какъ только воздушные корабли были бы замѣчены. Они испытали бы судьбу испанской Армады, окруженной небольшими англійскими кораблями, извергавшими огонь и чугунъ въ ихъ неповоротливые остовы. Ни одинъ изъ нихъ не избѣжитъ гибели.

Парижская полиція, болѣе нервная чѣмъ публика, придумала систему сигналовъ на случай, если покажутся цеппелины. По всему городу должны были раздаться звуки сигнальныхъ рожковъ, и сигналъ ихъ долженъ былъ означать „тушить огни“ по всему Парижу. Нѣсколько ночей производились репетиціи темноты, и городъ былъ погруженъ въ пучину мрака, благодаря которому публика, обѣдавшая въ ресторанахъ, плутала на знакомыхъ улицахъ и ощупью находила себѣ дорогу, смѣясь, когда прохожіе натыкались другъ на друга.

Парижъ наслаждался приключеніями романической таинственностью въ этомъ мракѣ, непривычной прелестью его. Тюльерійскіе сады безъ единаго луча свѣта кромѣ слабаго мерцанія звѣздъ были очарованнымъ мѣстомъ съ ихъ бѣлыми статуями богинь, которыя казались смутными и колеблющимися въ этомъ мірѣ тѣней возлѣ грядъ невидимыхъ цвѣтовъ, которые наполняли неподвижный воздухъ своимъ ароматомъ. Узкія улицы каза-

лись черными туннелями, въ которые парижане погружались съ дрожью романтическаго страха. Высокія мрачныя стѣны окружали ихъ, и они смотрѣли вверхъ на небо, какъ бы со дна гигантской пропасти. Стоявшій на балконѣ au cinquième курилъ папиросу и, когда онъ затягивался, огонекъ папиросы былъ какъ бы маленькимъ маякомъ, освѣщавшимъ его лицо, затѣмъ огонь тухнулъ и оставлялъ все во мракѣ. Мужчины и женщины держались за руки, подобно дѣтямъ, играющимъ въ кошку и мышку. Влюбленныя парочки цѣловались въ этомъ огромномъ темномъ городѣ, гдѣ никто не могъ замѣтить, что онѣ дѣлали. Смѣхъ женщинъ, шопотъ, шорохъ бѣгущихъ ногъ, крики испуга, все это наполняло городъ неумолчнымъ ропотомъ. La Ville Lumière сталъ темной гробницей, наполненной привидѣніями. Но цеппелины не показывались, и утромъ Парижъ смѣялся надъ страхами ночи.

Но однажды ночью, въ мартѣ мѣсяцѣ тѣ парижане, которые не спали, говоря о своихъ сыновьяхъ на фронтѣ, или дремали надъ Temps, услыхали непривычную музыку на улицахъ, подобную трубамъ волшебнаго міра. Эти странные монотонные звуки, въ которыхъ было что-то зловѣщее, приближались и становились все громче и громче.

— Что это?—спросилъ мужчина, сидѣвшій въ мягкомъ креслѣ, смотря по направленію къ окну, выходившему на Boulevard St.Germain.

Женщина, сидѣвшая напротивъ, потянулась устало.

— Какой-нибудь пьяный солдатъ горнистъ... Господи, уже часъ, а мы еще не спимъ!

Мужчина вскочилъ со своего кресла и распахнулъ окно.

— Слушай!.. Рожки должны играть, когда появятся цеппелины... Можетъ быть...

Съ улицъ Парижа доносились другіе звуки. Въ отдаленіи чуть слышно раздавались свистки. Колокола пожарныхъ упорно звонили, не переставая.

— L'alerte*)!—сказалъ мужчина.—Цеппелины летятъ!

Лампа на углу внезапно потухла, оставивъ улицу въ полной темнотѣ.

— Fermez vos rideaux!**)—закричалъ грубый голосъ.

Послышались поспѣшные шаги по тротуару, и затѣмъ все смолкло.

— Пустяки!—сказала женщина.—Фальшивая тревога.

— Слушай!

Парижъ теперь совершенно стихъ. Звуки рожка были слабы, какъ звонъ далекихъ колоколовъ, относимый вѣтромъ. Но вѣтра не было, и воздухъ былъ неподвиженъ. Все было тихо за исключеніемъ особенной вибраціи, низкаго гудящаго звука, похожаго на жужжаніе огромной пчелы надъ клевернымъ полемъ. Гудѣніе усилилось, превратившись какъ бы въ гулъ органа, на которомъ

---

*) Тревога!

**) „Спустите ваши гардины“!

взяли послѣднюю ноту, прекративъ игру. Этотъ страшный непрестанный гулъ исходилъ отъ огромной невидимой машины высоко въ воздухѣ. Теперь ее стали искать прожекторы. Длинные лучи, подобные огромнымъ бѣлымъ рукамъ, распростирались по небу, стараясь поймать ее. Они пересѣкали другъ друга, то падая, то поднимаясь, обходили осторожно по темному своду неба, какъ бы нащупывая каждый дюймъ его, чтобы отыскать невидимую опасность. Пушечные выстрѣлы нарушили молчаніе своими глухими раскатами. Откуда-то изъ Парижа на мгновенье поднялось пламя, освѣтивъ въ своей быстрой вспышкѣ группы темныхъ фигуръ въ открытыхъ окнахъ и на плоскихъ крышахъ.

— Смотри!—сказалъ мужчина, который смотрѣлъ на Boulevard St.. Germain.

Женщина глубоко вздохнула.

— Да, это одинъ изъ нихъ!.. И другой!.. Какъ быстро они мчатся!

На небѣ было черное пятно, чернѣе темноты ночи. Пятно это двигалось съ огромной скоростью, и громкіе вибрирующіе звуки слѣдовали за нимъ. На мгновенье, пойманное однимъ изъ длинныхъ свѣтовыхъ лучей, оно обнаружило себя. Это былъ корабль смерти, бѣлый отъ носа до кормы и пересѣкавшій небо подобно молніи. Онъ опять исчезъ въ темнотѣ, и его движеніе только можно было видѣть благодаря какимъ-то маленькимъ огонькамъ, которые какъ бы падали съ него. Они гасли, какъ французскія спички, разбрызгивая искры.

Во всѣхъ частяхъ Парижа тысячи людей слѣдили за этимъ привидѣніемъ на небѣ. Жители Монмартра взобрались на верхъ Sacrê Coeur и жадно слѣдили за свѣтомъ прожекторовъ и за взрывами шрапнели. Звуки рожковъ, призывавшіе каждаго оставаться внутри зданій, заставили парижанъ вскочить съ кроватей и поспѣшить на улицы. Въ отвратительномъ настроеніи духа въ Парижѣ были тѣ, кто спалъ въ продолженіе alerte и утромъ встрѣтилъ новости съ недовѣрчивымъ „ Quoi? Non, ce n'est pas possible!*)

Въ пригородахъ было разбито нѣсколько домовъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено въ ихъ постеляхъ. Неразорвавшіяся бомбы были найдены въ садахъ и на кучахъ мусора. Въ концѣ-концовъ налетъ цеппелиновъ оказался смѣхотворной неудачей въ тонкомъ искусствѣ убивать людей, и списокъ потерь былъ такъ незначителенъ, что Парижъ осыпалъ насмѣшками корабли смерти, которые приходили ночью. Графъ Цеппелинъ какъ былъ, такъ и остался тѣмъ же самымъ старымъ blagueur'омъ. Его пресловутые воздушные корабли были смѣшны.

Струйки критики проникли въ газеты и избѣжали цензора. Гдѣ же были французскіе авіаторы, которые поклялись защищать Парижъ отъ подобнаго налета? Ходили непріятные слухи о томъ, что эти отважные молодые господа проводили эту ночь съ дамами ихъ сердца. Говорили, что телефонистъ, который долженъ

*) „Да? Нѣтъ, это невозможно!“

былъ послать имъ извѣщеніе, тоже дѣлалъ la bombe или спалъ далеко отъ своего поста. Не было никакихъ сомнѣній, что нѣкоторыхъ, хорошо извѣстныхъ, авіаторовъ видѣли въ парижскихъ ресторанахъ до ихъ закрытія... Критика была убита оффиціальнымъ опроверженіемъ генерала Галіени, который выступилъ на защиту этихъ молодыхъ господъ, подвѣдомственныхъ ему, и утверждалъ, что каждый изъ нихъ былъ на своемъ посту. Это было такое опроверженіе, которое заставило злословящихъ парижанъ улыбаться такъ же загадочно, какъ и Мона Лиза.

10.

Призракъ войны проникалъ въ каждую замочную скважину въ Парижѣ, и ни одинъ мужчина и ни одна женщина, запершись на высокомъ чердакѣ, не могли избавиться отъ злыхъ геніевъ, которые господствовали надъ интеллектомъ и воображеніемъ и налагали свои холодныя руки на всѣ чувства въ ту страшную зиму, когда лучшая кровь Франціи лилась въ полузатопленныхъ водой траншеяхъ отъ Фландріи до Аргоннъ. Все же въ Парижѣ находились кружки, которые старались, насколько возможно, забыть войну и притворялись, что искусство все еще живо, и что философія не была затронута всѣми ужасами на фронтѣ.

Въ Restaurant des Beaux-Arts и другихъ boîtes, гдѣ представители искусствъ снисходили удовлетворять свое низменное чувство голода за одинъ франкъ пятьдесятъ сантимовъ (vin compris), старые художники, старые актеры, скульпторы, бороды которыхъ, казалось, были покрыты бѣлой пылью ихъ мастерскихъ, и литераторы, которые напишутъ вамъ сонетъ или эпитафію, рѣчь по случаю бракосочетанія или политическое воззваніе въ самомъ изящномъ стилѣ французской поэзіи и прозы (немножко архаичной въ своихъ выраженіяхъ), собирались каждую ночь совершенно такъ же, какъ и въ дни мира. Нѣкоторые изъ юныхъ лицъ, которые обычно сидѣли здѣсь за столами, исчезли, и по временамъ здѣсь наступало молчаніе на мгновенье, когда одинъ изъ habitués поднималъ свой стаканъ въ память солдата Франціи (призваннаго къ знаменамъ въ роковой день въ августѣ), который палъ на полѣ чести. Духъ войны прокрадывался даже въ Restaurant bes Beaux-Arts, но его присутствіе игнорировалось какъ только возможно длинноволосыми членами богемы въ грязныхъ засаленныхъ костюмахъ и съ немытыми руками, которые обсуждали какъ будто бы съ прежнимъ огнемъ духъ красоты древней Греціи, присущую женщинамъ порочность, вульгарность буржуазіи, прозу Анатоля Франса, юморъ Рабле и его преемниковъ и другіе предметы вѣчныхъ споровъ.

Даже клубы артистовъ не всѣ закрыли свои двери, хотя такъ много молодыхъ художниковъ теперь мѣшали кровь съ грязью и наблюдали импрессіонистическія картины разрушенныхъ деревень сквозь дымъ рвущихся снарядовъ. Я наблюдалъ сквозь папиросный дымъ въ высшей степени причудливое собраніе въ

одномъ изъ этихъ клубовъ вблизи бульвара Saint-Germain. Славянки съ заплетенными косами, американки въ футуристическихъ платьяхъ, итальянки, похожія на фигуры съ прерафаелитскихъ фресокъ, мужчины съ обезьяньими лицами и обезьяньими манерами, мужчины съ лицами средневѣковыхъ святыхъ, нѣсколько испорченными искушеніями дьявола, наполняли длинную комнату безъ всякихъ украшеній, говорили другъ съ другомъ на странныхъ языкахъ и страстно ухаживали другъ за другомъ на всемірномъ языкѣ любви и въ темныхъ углахъ, гдѣ стояли ободранные диваны. Уродливое крошечное созданіе, взгромоздившись на стулъ у рояля, ударило по клавишамъ разстроеннаго инструмента, пропуская неигравшія ноты съ большой ловкостью, и послышалась восхитительная мелодія.... Это былъ тотъ же самый старый Парижъ даже и во время войны.

11.

Живыя картины и движущіяся статуи въ Grand Palais давали представленіе объ изящномъ искусствѣ войны, какъ оно практикуется цивилизованными людьми, употребляющими разрывные снаряды, бомбы, шрапнель, ручныя гранаты, пулеметы и другія хитроумныя изобрѣтенія, благодаря которымъ созданія Господа Бога могутъ быть передѣланы для того, чтобы прійтись по вкусу современнымъ людямъ. Я видѣлъ здѣсь весеннюю выставку великой войны, какъ она была занесена въ каталогъ хирургами, докторами и научными экспертами по раненіямъ и нервнымъ болѣзнямъ.

Это было не особенно красивое зрѣлище. Единственно, что искупало его безобразіе, было то, какъ всѣ эти врачи посвятили себя почти безнадежному дѣлу возстановленія подобія человѣка изъ людей, изуродованныхъ художниками смертоноснаго искусства.

Въ этомъ огромномъ дворцѣ, по которому въ мирное время разгуливали хорошенькія женщины, поднявъ высоко брови и и восклицая: „Ciel“! (даже француженки возмущались самыми передовыми среди футуристовъ), находилось большое количество необыкновенныхъ машинъ, поражающихъ ужасомъ зрителя, которыми пользовались французскіе солдаты разныхъ чиновъ и въ различныхъ мундирахъ съ вывихнутыми, переломанными и парализными членами. Одинъ молодой человѣкъ, повидимому кавалерійскій офицеръ, сидѣлъ верхомъ на странномъ велосипедѣ, который не двигался со своего пьедестала, хотя колеса его вертѣлись благодаря движенію ногъ сѣдока. Онъ двигалъ ногами со всей силой, хотя очевидно у него было отвердѣніе нижнихъ мускуловъ, такъ что каждое движеніе причиняло ему боль. Другой инвалидъ, съ бакенбардами какъ у тигра, сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ, держась за два кольца, спускавшихся съ машины и соединенныхъ съ двумя гирями. Монотонно и безъ всякаго выраженія въ глазахъ онъ поднималъ и опускалъ свои руки на нѣсколько дюймовъ для того, чтобы вернуть имъ спо-

собность движенія, утраченную при нервномъ ударѣ. Въ этой огромной залѣ вращалось много колесъ, и къ нимъ были привязаны люди, какъ будто бы въ камерѣ пытокъ, дьявольски устроенной. Однако, здѣсь задача была уничтожить жестокости войны, послѣ того, какъ она сдѣлала свое ужасное дѣло.

Худшее зрѣлище было въ другихъ комнатахъ, въ которыхъ бѣдные разбитые люди лежали внизъ лицомъ въ наполненныхъ горячимъ воздухомъ ящикахъ, гдѣ они оставались неподвижными и молчаливыми какъ будто бы въ гробахъ, или съ половиной ихъ тѣлъ, погруженной въ электро-ванну. Сестры массировали искалѣченные и разбитые члены и трудились съ огромнымъ терпѣніемъ и деликатностью надъ онѣмѣлыми пальцами солдатъ, нѣкоторые изъ которыхъ остались только съ одной рукой, такъ что, если имъ не придется дѣйствовать своими оставшимися тремя или четырьмя пальцами, они не будутъ въ будущемъ годны ни для какого дѣла. Но всѣхъ несчастнѣе были длинные ряды параличныхъ и слѣпыхъ, которые лежали въ палатѣ безъ движенія, ничего не видя, съ обезображенными лицами. Эта скульптура во дворцѣ искусствъ могла заставить и камни расплакаться.

Трудно было думать о войнѣ и смерти, когда пришла весна съ ея обѣщаніемъ новой жизни. По всему городу какъ бы проходилъ трепетъ этой новой жизни. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ сокъ поднимается въ деревьяхъ на бульварахъ. Или, быть можетъ, это былъ только вѣтеръ, наигрывающій свои мелодіи на невидимыхъ струнахъ арфы, на телеграфныхъ проволокахъ или напѣвавшій весеннюю пѣснь въ ухо парижанъ?

12.

Я написалъ много относительно души Парижа во время войны. Однако, всѣ маленькія подробности, которыя я привелъ, обнаруживаютъ лишь только тривіальныя черты города. Поднимаясь надъ всѣми этими эпизодами и мелкими фактами на огромную высоту, душа Парижа представляла собой непрестанно горѣвшее пламя.

Въ Парижѣ были и embusbuês—уклоняющіеся отъ воинской службы—сотни или даже тысячи молодыхъ людей, которые находили для себя нетрудное дѣло, благодаря чему ихъ не посылали на фронтъ подъ огонь непріятеля, или выдавали себя съ успѣхомъ за больныхъ при помощи семейныхъ или политическихъ связей. Будемъ говорить правду, такъ какъ нѣтъ ничего выше истины. Но мужское населеніе Парижа въ цѣломъ послѣ первой дрожи и ужаса, послѣ первыхъ страданій разлуки съ привычнымъ безопаснымъ образомъ жизни благородно откликнулось на призывъ „La Patrie en danger“! Пожилые отцы семействъ и младшіе сыновья уходили далеко съ веселыми пѣснями, скрывая печаль подъ личиной беззаботной веселости. Восемнадцатилѣтніе юноши послѣдовали за ними въ апрѣлѣ мѣсяцѣ послѣ девяти мѣсяцевъ войны, и не слышалось ни одного голоса, ко-

торый возсталъ бы противъ этой послѣдней и ужасной жертвы. Парижъ проклиналъ безсмысленность войны, кричалъ „Доколѣ, о Господи, доколѣ“? въ то время, какъ война продолжалась во всей ея неприглядности со все увеличивавшейся тратой жизней, слабѣлъ при мысли о второй зимней кампаніи и стоналъ, когда его улицы наполнялись ранеными и женщинами въ траурѣ. Но хотя Парижъ и страдалъ отъ острыхъ мукъ, какъ страдаетъ всякое существо съ повышенной чувствительностью, онъ не терялъ ни вѣры, ни мужества и былъ въ состояніи смѣяться иногда, несмотря на всѣ его слезы.

Городъ красоты, созданный мечтою великихъ художниковъ и великихъ поэтовъ, я наблюдалъ тебя во время войны, проходя по твоимъ молчаливымъ улицамъ въ роковые и ужасные дни, мѣшаясь съ твоими толпами, когда множество калѣкъ еле передвигалось по залитой солнцемъ улицѣ, знакомясь съ твоимъ унынiемъ и надеждой, блуждая по твоимъ церквамъ, твоимъ театрамъ и твоимъ госпиталямъ, и бродя ночью подъ звѣзднымъ небомъ, блѣдно простиравшемся надъ твоею темнотою. И всегда сердце мое преклонялось предъ твоимъ духомъ, который послѣ тысячи лѣтъ исторій и тысячи милліоновъ преступленій все еще сохраняетъ свѣжую непорочность пылкаго юноши, храбрость доблестной расы и безсмертную вѣру во все, что есть прекраснаго, нѣжнаго и благороднаго въ жизни и искусствѣ. Нѣмцы, какъ бы велика ни была ихъ армія, никогда не могли завладѣть душой Парижа.

ГЛАВА IX.

СОЛДАТЫ ФРАНЦІИ.

Когда въ началѣ войны я видѣлъ солдатъ Франціи, отправлявшихся на фронтъ, я уже тогда былъ убѣжденъ, что боевыя качества французскаго народа не понизились за сорокъ четыре года мира, считая со времени того разгрома, когда вся храбрость солдатъ не могла исправить ошибокъ и преступленій правительства. Впослѣдствіи, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ странствуя по мѣстностямъ, охваченнымъ войной, я мало-по-малу хорошо узналъ французскаго солдата, ведя съ нимъ продолжительныя бесѣды подъ грохотъ пушекъ въ первой линіи окоповъ, въ госпиталяхъ, гдѣ онъ спокойно говорилъ, когда товарищи его засыпали вѣчнымъ сномъ, въ деревняхъ, превращенныхъ артиллерійскимъ огнемъ въ груды развалинъ, въ воинскихъ поѣздахъ, переполненныхъ ранеными, въ лѣсахъ и на поляхъ съ зіяющими ямами, вырытыми „котлами“, и въ ресторанахъ Парижа и провинціальныхъ городовъ, гдѣ съ пустымъ рукавомъ или съ одной ногой подъ скатертью стола, онъ откровенно разсказывалъ мнѣ о своихъ боевыхъ переживаніяхъ, не утаивая истины. Изо всѣхъ этихъ

дружескихъ встрѣчъ и разговоровъ по душѣ характеръ французскихъ солдатъ встаетъ передо мною въ героическомъ свѣтѣ.

Конечно, индивидуально характеръ этихъ солдатъ отличается одинъ отъ другого, какъ отличаются между собой люди въ каждомъ государствѣ, въ каждомъ классѣ общества. Я видѣлъ неврастениковъ, дрожавшихъ въ припадкѣ воображаемыхъ ужасовъ, и людей со стальными нервами, которые были глухи къ страшному реву пушекъ, и ѣли горбушку хлѣба съ сыромъ съ завиднымъ аппетитомъ въ двухъ шагахъ отъ смерти. Я встрѣчалъ аристократовъ и снобовъ въ одномъ и томъ же вагонѣ съ крестьянами и рабочими, грубая рѣчь и безцеремонное отношеніе которыхъ оскорбляли ихъ утонченныя чувства. Война не могла совершенно уничтожить кастовыя различія даже во Франціи, гдѣ равенство—любимое слово, и она не претворила въ одинъ и тотъ же типъ всѣ интеллектуальныя и нравственныя качества, несмотря на дисциплину обязательной службы и тѣ химическіе процессы, которые объединяютъ плоть и кровь въ тигелѣ битвы. Такимъ образомъ, невозможно говорить о французскомъ солдатѣ, какъ объ единомъ лицѣ или дѣлать широкія обобщенія относительно французской арміи. Трусъ всегда встрѣчается на войнѣ, а человѣка съ чистой душой въ рядахъ арміи часто оскорбляетъ безстыдство циника.

Однако, нужно сказать, что изъ всей массы людей, сражающихся за Францію, выступаетъ нѣкій опредѣленный типъ, покрывающій собою всѣ индивидуальныя различія. Я видѣлъ нѣкоторыя свойства, которыя принадлежатъ большинству французскихъ солдатъ и составляютъ существенныя черты народнаго духа Франціи. Напримѣръ, свойственный французамъ патріотизмъ яркимъ блескомъ сіяетъ среди всѣхъ этихъ милліоновъ людей, которые забыли всѣ свои мелочные личные интересы ради высокой цѣли защиты Франціи. У Англіи имѣется свой собственный патріотизмъ—мы дали доказательство этого въ потокахъ крови—но онъ не похожъ на патріотизмъ Франціи, не такъ напоминаетъ религію и не такъ страстенъ, не такъ женствененъ. Для большинства французскихъ солдатъ, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ, съ которыми я говорилъ, любовь къ Франціи то же, что вѣра набожнаго католика въ свою церковь. Она не требуетъ доказательствъ. Она считается самой истиной жизни. Она заключаетъ въ себѣ всю красоту французскихъ идеаловъ, все богатство воображенія, всю поэзію и музыку, которыми была проникнута Франція съ начала нашей цивилизаціи, всѣ ея страданія и слезы. Для послѣдняго солдата Франціи „La Patrie“ представляетъ великую мать, проникнутую всей нѣжностью материнской любви,—авторитетомъ материнства, святостью материнства, подобно тому, какъ Святая Дѣва представляется для католика духовной матерью. Возможно, что въ качествѣ одного изъ ея дѣтей, онъ вынесъ очень много, голодалъ и боролся, получилъ много ударовъ, но онъ не потерялъ любви къ своей матери. Мысль о насильственныхъ рукахъ, хватающихся за ея одежды, о вражескихъ ногахъ, попирающихъ ее, о злостныхъ посягательствахъ на ея

свободу и честь приводитъ его въ такое же бѣшенство, какъ если бы его родной матери, произведшей его на свѣтъ, угрожали бы тѣмъ же самымъ. Онъ не любитъ смерти—онъ страшится мысли о ней—но безъ колебанія онъ бросается впередъ, чтобы спасти свою мать-родину и умираетъ на ея груди съ крикомъ „Vive la France“!

2.

Французскій солдатъ, какъ бы грубъ или деликатенъ онъ ни былъ, всегда нуждается въ утѣшеніи женщины, и всѣ его идеалы, стремленія и жалость къ самому себѣ тѣсно связаны съ женской любовью, особенно же съ любовью одной женщины—его матери. Когда Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ о величіи своихъ побѣдъ и затѣмъ мрачно задумывался, вспомнивъ свое трагическое паденіе, и вся его душа была охвачена отчаяніемъ, онъ обыкновенно старался отогнать отъ себя всѣ эти мысли и говорилъ: „Давайте говорить о женщинахъ.... и о любви“. Во время несчастій французъ всегда ищетъ утѣшенія у женщины. Одно маленькое происшествіе, которому я былъ свидѣтелемъ года два тому назадъ, дало мнѣ ключъ къ этой сторонѣ французскаго характера. Это случилось, когда Ведринъ, знаменитый летчикъ, былъ побитъ въ полетѣ вокругъ Англіи. Капитанъ Конно—„Бомонъ“, какъ онъ называлъ себя—обогналъ и дожидался его съ французской галантностью для того, чтобы пожать руку соперника, котораго онъ побѣдилъ въ полетѣ. Большая толпа нарядныхъ мужчинъ и женщинъ ждали также въ Брукландѣ съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать второго въ состязаніи, который въ Англіи всегда болѣе популяренъ, нежели побѣдитель. Но когда Ведринъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ соперника спустился на землю съ голубого неба, онъ былъ взбѣшенъ и золъ. Потеря денежнаго приза была крупнымъ несчастьемъ для этого летчика, который поставилъ на ставку все свое честолюбіе. Онъ выкрикивалъ ругательства по адресу тѣхъ, кто подходилъ къ нему съ привѣтствіями, и отталкивалъ ихъ бѣшено отъ себя, когда они намѣревались похлопать его по спинѣ. Онъ былъ въ злобномъ бѣшенствѣ. Затѣмъ вдругъ какъ будто бы что-то порвалось въ немъ, и его лицо дрогнуло.

— Нѣтъ ли здѣсь женщины, которая обняла бы меня?—спросилъ онъ.

Изъ толпы вышла хорошенькая француженка и, понявъ соотечественника, хотя она раньше и не видала его, простерла къ нему руки и подняла свое лицо.

— Allon donc, mon vieux!*)—сказала она.

Летчикъ обнялъ и поцѣловалъ ее, въ то время какъ слезы струились по его лицу, покрытому потомъ и пылью. Онъ успокоился и утѣшился, подобно мальчику, который ушибся и бро-

*) „Пойдемъ же, старина“.

сился въ объятія своей матери. Это былъ странный эпизодъ, совершенно невозможный для англичанина, но самое обыкновенное явленіе во Франціи.

Когда французъ умираетъ и находится почти безъ сознанія, онъ всегда кричитъ или шепчетъ имя женщины, хотя не всегда имя жены или возлюбленной. Одно слово слышится постоянно въ палатахъ госпиталей, гдѣ лежатъ бородатые „пуалю“ такіе сильные, когда они выступали на войну, и такіе слабые и безпомощные передъ смертью:

— Maman! Maman!

Духъ француза въ послѣдній часъ стремится къ его матери.

— О, моя милая мамочка,—пишетъ молодой артиллерійскій лейтенантъ,—какъ бы хорошо было попасть опять въ мою комнату, гдѣ вашъ портретъ виситъ надъ моей кроватью и смотритъ на бѣлыя подушки, которыя вы крестили прежде, чѣмъ я засыпалъ. Я часто стараюсь увидѣть во снѣ, что я опять въ этой спальнѣ, но здѣсь слишкомъ холодно, чтобы видѣть сны, и снаряды проносятся съ воплемъ надъ моей головой. Война только страданія и бѣдствія.

3.

Однако, если кто-нибудь изъ англійскихъ читателей вообразитъ себѣ, что благодаря этой чувствительности французскіе солдаты слабы духомъ, онъ глубоко ошибется. Люди, которыхъ я видѣлъ на фронтѣ и въ тылу, были такъ же тверды въ моральномъ и духовномъ смыслѣ, какъ и въ физическомъ. Эта твердость поразила меня уже въ началѣ войны, когда я еще не зналъ такъ хорошо французскаго солдата, какъ знаю теперь. Послѣ нѣсколькихъ недѣль въ строю эти люди, которые были рабочими и мастеровыми, клерками и журналистами, артистами и поэтами, приказчиками магазиновъ и желѣзнодорожными носильщиками, лакеями гостиницъ и юными аристократами Парижа, дурачившимися съ хорошенькими женщинами, были доведены до твердости и гибкости закаленной стали. Сухіе и поджарые—пайки французской арміи меньше, чѣмъ въ нашей—и испытавшіе долгіе переходы по пыльнымъ дорогамъ, безпрерывный бой въ отступленіи передъ подавляющими силами непріятеля, нравственную пытку арріергардныхъ боевъ и непередаваемую картину ужасовъ среди убитыхъ и умиравшихъ товарищей, они были проникнуты мужественной красотой, которую я находилъ величественной. Они загорѣли, были грязны и обросли волосами, но у нихъ былъ видъ рыцарей со спокойнымъ сіяніемъ въ глазахъ и твердой настойчивостью въ очертаніяхъ ихъ рта. Среди нихъ не было веселья въ тѣ дни, когда Франція находилась въ страшной опасности, и они не находили ничего забавнаго въ этой войнѣ. Изъ своего огненнаго крещенья они вышли съ опаленными сердцами, зная жестокость и безчеловѣчность того дѣла, которому они должны были служить, но хотя они и не скрывали своего отвра-

щенья къ нему, ни тѣхъ ужасовъ, которые они испытывали, ни своего страстнаго гнѣва противъ народа, который навлекъ на нихъ эту войну, они не проявляли никакихъ признаковъ слабости. Они были готовы умереть за Францію, хотя они ненавидѣли смерть и, несмотря на первый страшный натискъ нѣмецкихъ полчищъ, они чувствовали интеллектуальное презрѣніе къ арміи врага, казавшееся мнѣ тогда несправедливымъ, хотя они и были правы въ этомъ, какъ показало дальнѣйшее. Они были выше нѣмцевъ по храбрости и ловкости, были выше въ артиллерійскомъ бою, выше въ кавалерійскихъ и штыковыхъ атакахъ, и сражаясь противъ равнаго имъ числа враговъ, они были неодолимы.

Въ Англіи существовало скрытое убѣжденіе, выражаемое потихоньку въ клубахъ и женщинами надъ своимъ вязаньемъ, что французскіе солдаты были жалкими воинами, полными сентиментальности и хвастовства, съ высокими словами на устахъ, но съ малымъ запасомъ мужества въ ихъ сердцахъ. Британскіе солдаты, возвратившіеся домой послѣ первыхъ сраженій и трехнедѣльнаго арьергарднаго боя, распустили сказку о томъ, что „эти французишки никуда не годятся и бѣгутъ передъ нѣмцами какъ кролики“. Они ничего не знали за исключеніемъ того, что они видѣли въ своихъ окопахъ. Они были поражены чудовищнымъ ужасомъ современной войны, а кромѣ того они были проникнуты раздраженіемъ и непріязнью къ французамъ за то, что тѣ не поддержали ихъ въ продолженіе трехъ недѣль въ августѣ между Шарлруа и Компьэнемъ. Впослѣдствіи англійская печать, стараясь вполнѣ естественно указать на героическіе подвиги нашихъ войскъ во Франціи и помѣщая только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что происходило на французскомъ фронтѣ, представила общее положеніе въ искаженномъ видѣ и изобразила всю картину войны внѣ фокуса, подобно изображенію зрителя въ выгнутомъ зеркалѣ. Значеніе британской экспедиціонной арміи было крайне преувеличено не потому, что ея значеніе было раздуто, а просто потому, что на дѣйствія французовъ обращалось весьма мало вниманія. До сихъ поръ въ Англіи находятся люди, которые проникнуты убѣжденіемъ или благочестивой и страстной вѣрой, что наши солдаты выдержали всѣ атаки нѣмецкой арміи, въ то время какъ французы только смотрѣли и благодарили Бога за оказанную имъ помощь. Тотъ фактъ, что мы занимали фронтъ только въ тридцать миль въ продолженіе девяти мѣсяцевъ войны, и что французы успѣшно удерживали линію въ пятьсотъ миль противъ повторныхъ яростныхъ атакъ непріятеля, ни разу не приходилъ въ голову многимъ честнымъ душамъ въ Англіи, которыя были преисполнены патріотической гордостью при мысли о героизмѣ британскихъ войскъ сообразно старой традиціи о томъ „Какъ Англія спасла Европу“.

4.

Да, ничто не можетъ умалить значенія нашей помощи Франціи. Могилы нашихъ солдатъ будутъ служить памятниками того,

что мы сдѣлали для Франціи. Но Англія должна знать, что совершила въ свою защиту Франція, и понять стойкій героизмъ французовъ, вставшихъ послѣ первыхъ ошибокъ стальной стѣной, о которую разбилась огромнѣйшая боевая машина въ Европѣ.

На протяженіи всего этого фронта въ пятьсотъ миль длиною нѣтъ мили, гдѣ не происходила бы битва, и нѣтъ ни одной мили, гдѣ не было бы могилы молодого француза, который бился съ вѣрой мученика, равнодушный къ сохраненію своей жизни. Уже къ концу сентября 1914 года я встрѣчался съ солдатами, стоявшими на восточной границѣ, которые имѣли право называться ветеранами, такъ какъ они дрались безпрерывно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ безчисленныхъ стычкахъ и сраженіяхъ, по большей части не занесенныхъ на страницы газетъ.

Вначалѣ они были молодцоватыми солдатами, чисто выбритыми и даже щеголеватыми въ ихъ новыхъ синихъ шинеляхъ и красныхъ панталонахъ. Теперь война положила на нихъ слой грязи и какъ будто состарила ихъ лѣтъ на пятнадцать, оставивъ свой неизгладимый отпечатокъ на ихъ лицахъ. Щетина небритыхъ волосъ покрывала ихъ подбородки, и ихъ щеки ввалились послѣ скудной пищи въ окопахъ и безсонныхъ ночей на поляхъ битвъ съ мертвыми, лежавшими съ ними рядомъ. Ихъ синія шинели превратились въ грязно-сѣрыя. Ихъ ярко-красные панталоны были запачканы багровыми пятнами крови ихъ товарищей. Они были оборваны и перепачканы грязью и тиной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были закалены въ лишеніяхъ, хотя иногда одинъ изъ нихъ кашлялъ, задыхаясь отъ бронхита, или былъ блѣденъ отъ чрезмѣрной усталости.

Въ лѣсистой мѣстности двухъ „Утраченныхъ провинцій“ рѣдко приходилось хоронить мертвыхъ, загромождавшихъ холмы и поля, да и времени для этого не было. Въ теченіе шести недѣль съ начала войны ужасъ царилъ въ областяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Мёрта, между деревнями Бламонъ и Бадонвиллье, Сирэ-ла-Форжъ и Арракуръ, Шато-Салэнъ и Бодрекуръ. Склоны Гартмансвейлеркопфа были омыты волнами крови, которая струилась по нимъ болѣе девяти мѣсяцевъ до окончательнаго захвата этой горы французами Сенъ-Міэль и Лезъ-Эпаржъ и тотъ треугольникъ, который нѣмцы вбили между французскими позиціями, былъ мѣстомъ ужасающей бойни, прежде чѣмъ листья облетѣли съ деревьевъ въ первый годъ войны. Въ Аргоннахъ люди дрались какъ волки, и тамъ началась партизанская борьба небольшихъ отрядовъ, сражавшихся отъ дерева до дерева, отъ одной деревни до другой, при чемъ отряды обоихъ противниковъ были разбросаны по широкой площади впереди главныхъ силъ. Тамъ они зарывались въ окопы, изъ которыхъ выползали по ночамъ, подкрадывались къ непріятельскимъ позиціямъ, бросаясь другъ на друга, дѣйствуя штыками и прикладами, звѣрски убивая одинъ другого безъ жалости и въ сумасшедшей ярости ужаса, который представляетъ изъ себя самый бѣшеный родъ храбрости. Въ Лотарингіи война проходила неоднократно по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, и ни та, ни другая сторона не подбирала своихъ

убитыхъ или раненыхъ. Люди лежали тамъ живыми цѣлыми днями и ночами, медленно истекая кровью, пока не умирали. Горячее солнце жгло ихъ, и жажда доводила ихъ до сумасшествія, такъ что они пили свою мочу и несвязно бормотали въ дикомъ бреду. Нѣкоторые изъ нихъ лежали тамъ въ теченіе трехъ недѣль, все еще живые, съ членами, пораженными гангреной, въ которыхъ ползали вши, и отъ этихъ несчастныхъ исходило отвратительное зловоніе.

— Я не могу описать вамъ всего, что я видѣлъ,—сказалъ мнѣ одинъ молодой солдатъ, который ѣхалъ со мной изъ Лотарингіи.

У него было странное выраженіе въ глазахъ, когда онъ произнесъ эти слова, и онъ старался скрыть его, отвернувшись отъ меня въ сторону. Но онъ разсказалъ мнѣ, какъ поля были усѣяны мертвыми, разложившимися и покрытыми мухами, при чемъ трупы лежали скорчившись, но нѣкоторые изъ нихъ были въ такомъ положеніи, что ихъ открытые глаза были неподвижно устремлены на тѣ трупы, что находились рядомъ съ ними. И онъ разсказалъ мнѣ, какъ въ ту ночь, когда онъ самъ былъ раненъ, французскіе и нѣмецкіе солдаты еще не умершіе, говорили въ одно и то же время при свѣтѣ луны, которая проливала свое блѣдное сіяніе на всѣхъ этихъ распростертыхъ на землѣ людей, придавая ихъ лицамъ мертвенно блѣдный оттѣнокъ. Онъ слышалъ кругомъ шопотъ голосовъ и стоны умиравшихъ, поднимавшіеся до ужасающихъ воплей. Въ эту ночь вражда была забыта тѣми людьми, которые дрались какъ звѣри и теперь лежали и мучились. Французскій солдатъ далъ свою флягу съ водой нѣмецкому офицеру, который кричалъ отъ жажды. Нѣмецъ отпилъ немного и затѣмъ поцѣловалъ руку того, кто былъ его врагомъ. „На томъ свѣтѣ не будетъ войны“, сказалъ онъ.

Другой солдатъ, уроженецъ Монмартра, нашелъ въ двухъ шагахъ отъ себя люксембуржца, котораго онъ зналъ, какъ посыльнаго въ огромномъ парижскомъ отелѣ. Молодой нѣмецъ заплакалъ, увидавъ своего стараго знакомаго. „Эта война—глупость“, сказалъ онъ. „Вы и я, мы были счастливы, когда мы были пріятелями въ Парижѣ. Зачѣмъ насъ заставили драться другъ съ другомъ?“ Онъ умеръ, охвативъ руками шею солдата, который разсказалъ мнѣ объ этомъ, не стыдясь своихъ слезъ.

За недѣлю этой встрѣчи шею того же солдата охватывали руки нѣмецкаго офицера на полѣ битвы во время одной изъ безчисленныхъ стычекъ, которыя происходили за четыре дня до французскаго отступленія. Снарядъ раздробилъ обѣ ноги этому молодому нѣмцу, получившему кромѣ того еще нѣсколько ранъ. У него хватило силы жалобно застонать, но когда солдатъ поднялъ его, смерть уже ждала несчастнаго.

— Онъ весь сгнилъ,—сказалъ солдатъ.—Отъ него шелъ такой отвратительный запахъ, что я чуть не выронилъ его, и меня рвало, когда я тащилъ его.

Я узналъ кое-что изъ психологіи французскаго солдата отъ того молодого пѣхотинца, вмѣстѣ съ которымъ я ѣхалъ въ поѣздѣ, набитомъ ранеными, вскорѣ послѣ той ночи въ Лота-

рингіи, когда мѣсяцъ свѣтилъ на поле, усѣянное мертвыми и умирающими, гдѣ и онъ лежалъ съ перебитой ногой. Онъ выдержалъ страшное испытаніе. Его нервы были сильно расшатаны, и мнѣ казалось, что онъ боялся сойти съ ума при воспоминаніи о томъ, что онъ видѣлъ и выстрадалъ, такъ какъ онъ старался принудить себя говорить о тривіальныхъ вещахъ, какъ-то о красотѣ цвѣтовъ, растущихъ рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги, и о гербахъ на англійскихъ фуражкахъ. Но затѣмъ онъ опять возвращался къ своему разсказу о бояхъ въ Лотарингіи и продолжалъ свой длинный и быстрый монологъ, въ которомъ одна за другой пробѣгали картины ужаса, какъ будто его умъ былъ кинематографъ, показывающій мелодраму. Странные отрывки философіи прерывали его разсказъ. „Эту войну только потому и можно вынести, что она создастъ окончательный миръ въ Европѣ“. „Люди откажутся выносить такія страданія въ другой разъ“. „Это конецъ милитаризма“. „Если бы я думалъ, что мой маленькій сынъ долженъ испытать все то, что я вынесъ, я задушилъ бы его въ колыбели, чтобы спасти его отъ этого ужаса“.

По временамъ онъ говорилъ о Франціи съ религіознымъ чувствомъ въ глазахъ.

— Конечно, я готовъ умереть за Францію. Она по праву можетъ потребовать мою жизнь. Я принадлежу ей, и она можетъ сдѣлать со мной, что ей угодно. Сражаться въ ея защиту—мой долгъ, и хотя я говорю вамъ, мосье, всякіе ужасы о войнѣ, я вовсе не хочу сказать, что я не радъ былъ сдѣлать все, что отъ меня требовалось. Черезъ нѣсколько недѣль моя рана залѣчится, и ради Франціи я снова пойду въ этотъ адъ. Это адъ, quand même!

Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ страхахъ съ простой откровенностью и признавался, что много разъ мучился всего больше благодаря воображаемымъ ужасамъ. Послѣ нѣмецкаго отступленія отъ Люневиля, онъ былъ поставленъ въ передовую цѣпь. Когда онъ стоялъ ночью, опершись на ружье, онъ увидалъ черныя фигуры, двигавшіяся на него. Онъ поднялъ свое ружье и палецъ его дрожалъ на спускѣ ружья. При первомъ выстрѣлѣ онъ поднялъ бы на ноги батальонъ, который находился вблизи него. Солдаты спали, но такъ, какъ спятъ въ ожиданіи атаки. Они, конечно, стали бы стрѣлять, не дожидаясь дальнѣйшаго, и по всей вѣроятности онъ первый погибъ бы отъ пуль своихъ. Что это было? Непріятель? Фигуры направлялись прямо къ французамъ. Переднія изъ нихъ были уже въ двадцати ярдахъ отъ него. Нервы его были напряжены до чрезвычайности. Его бросало въ жаръ, и онъ покрывался потомъ. Его глаза заболѣли отъ напряженія, когда онъ старался проникнуть въ окружавшій его мракъ. Онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе выстрѣлить и закричать, чтобы покончить съ неопредѣленностью, которая мучила его душу. Наконецъ, онъ окликнулъ приближавшихся, удержавшись отъ выстрѣла. И хорошо сдѣлалъ. Это были солдаты одного французскаго полка, перемѣнявшаго свои позиціи подъ покровомъ ночи. Если бы онъ потерялъ голову и выстрѣ-

лилъ, приближавшіеся къ нему солдаты были бы убиты своими же товарищами.

„Болѣе всего страдаешь отъ воображенія“, сказалъ онъ, и я вспомнилъ слова одного англійскаго офицера, который сказалъ мнѣ однажды, что люди съ сильнымъ воображеніемъ не должны быть на этой войнѣ. Благодаря именно этой причинѣ, т.-е. сильно развитому воображенію, французскіе солдаты страдаютъ гораздо больше, чѣмъ ихъ англійскіе товарищи.

Французы видятъ рискъ болѣе живо, хотя они и встрѣчаютъ опасность мужественно. Они болѣе чувствительны къ зрѣлищамъ и звукамъ сраженія, нежели обыкновенный англійскій „Томми“, который обладаетъ болѣе хладнокровнымъ темпераментомъ и не позволяетъ своимъ мыслямъ останавливаться на крови и мученіяхъ. У французовъ также имѣется даръ самоанализа и умѣнье описывать свои впечатлѣнія, такъ что они способны переводить свои чувствованія на языкахъ живыхъ словъ, тогда какъ наши солдаты по большей части молчатъ о своихъ чувствахъ и разсказываютъ о прошломъ объективно, смотря внѣ себя, а не въ себя.

5.

Нѣкоторыя изъ солдатскихъ писемъ, нацарапанныхъ въ грязи траншей, представляютъ изъ себя документы, въ которыхъ французскіе солдаты говорятъ о себѣ съ необыкновенной откровенностью и въ которыхъ они излагаютъ всю правду, не скрывая своего ужаса и жажды крови въ дикомъ сумасшествіи штыковыхъ атакъ, ни той тоски, которая нападаетъ на нихъ, когда они думаютъ о женщинахъ, которыхъ они любятъ, ни тѣхъ странныхъ чувствъ, которыя охватываютъ ихъ въ страшные часы битвъ. Они наблюдаютъ восходъ солнца и улавливаютъ его красоту въ нѣсколькихъ строкахъ своихъ писемъ. Они описываютъ съ литературнымъ умѣньемъ, вызываемымъ силой душевныхъ волненій, мракъ и ужасъ долгихъ ночей рядомъ съ окопами врага, откуда каждое мгновенье можно ждать новой атаки. И все же, хотя они и не скрываютъ моментовъ упадка духа и отчаянія, во всѣхъ ихъ письмахъ чувствуется великолѣпная храбрость людей, которые готовы принести себя въ жертву родинѣ и жаждутъ показать свою доблесть.

„Я пишу это письмо“, пишетъ молодой зуавъ, „прячась подъ кучкой земли въ двадцати ярдахъ отъ нѣмецкой траншеи и находясь въ худшемъ положеніи, нежели кроликъ въ своей норѣ, потому что, когда охотникъ уйдетъ, кроликъ можетъ выйти и щипать травку въ свое удовольствіе. Ты, старый другъ, находишься въ такихъ же мучительныхъ условіяхъ и ты долженъ знать и обрадоваться, что произведенъ въ унтеръ-офицеры въ ночь на 13 ноября на берегахъ Изера. Насъ осталось въ ротѣ семьдесятъ человѣкъ изъ 200, остальные спятъ вѣчнымъ сномъ около дома перевозчика, который прославленъ газетами.... Какія нравственныя страданія я вынесъ! Теперь насъ перевели къ югу отъ Изера,

и мы продолжаемъ вести унылую жизнь въ передовыхъ окопахъ. У насъ нѣтъ ни минуты отдыха: снаряды, бомбы и пули падаютъ вокругъ насъ непрерывно. Какъ измѣнилась храбрость въ современной войнѣ! Герой прежнихъ временъ принималъ красивую позу и какъ бы игралъ для галерки, потому что онъ дрался передъ восхищавшимися имъ зрителями. Въ настоящее время, если не считать смертоносныхъ ночныхъ атакъ, въ которыхъ храбрости не видно, такъ какъ едва ли можно разсмотрѣть своего сосѣда, наша доблесть состоитъ исключительно въ стоицизмѣ. Только что сейчасъ у меня убили одного изъ солдатъ около бойницы. Товарищи оттащили его въ сторону и совершенно спокойно замѣнили выбывшаго навсегда изъ строя другимъ солдатомъ. Развѣ это не храбрость? Развѣ не храбрость получить прямо въ лицо мозги товарища и затѣмъ стоять на стражѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ павшій, невыносимо страдая отъ холода и сырости?.... Въ ночь на 13-е я командовалъ отрядомъ труповъ, во что превратилъ моихъ товарищей огонь пулемета. Мнѣ повезло, я избѣгнулъ смерти и закричалъ этимъ бѣднякамъ, чтобы они шли послѣдній разъ на штурмъ. Тогда я понялъ, что случилось, и увидалъ, что мое ружье сломано, и моя одежда вся въ лохмотьяхъ. Командиръ говорилъ со мной ночью и сказалъ: „Лучше перемѣните вашу одежду. Вы можете теперь пришить къ рукавамъ нашивки унтеръ-офицера“.

Одно мѣсто въ письмѣ этого молодого зуава указываетъ на то, какъ тяжела эта война для духа француза. „Наша храбрость состоитъ исключительно въ стоицизмѣ“. Это не тотъ родъ храбрости, который соотвѣтствуетъ французскому темпераменту, и сидѣть въ траншеѣ мѣсяцами, безъ движенія, ожидая смерти подъ дождемъ снарядовъ, представляетъ изъ себя самое тяжелое испытаніе для души французскаго солдата. Все же онъ подчинился своей судьбѣ и твердо держится вдоль линіи окоповъ на протяженіи 500 миль съ такимъ терпѣніемъ и выносливостью, которымъ не повѣрилъ бы ни одинъ критикъ Франціи до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ доказательствъ этого.

„Много труповъ все еще лежитъ между окопами“, пишетъ одинъ солдатъ, „и у насъ нѣтъ возможности подобрать ихъ. Это страшное зрѣлище постоянно у насъ передъ глазами. Нѣкоторые изъ труповъ совершенно цѣлы, а другіе разорваны на части снарядами, которые продолжаютъ падать на нихъ. Зловоніе этого разложившагося мяса распространяется кругомъ и доносится до насъ. Куски гніющихъ труповъ летятъ намъ въ лицо или надъ нашими головами, когда взрываются новые снаряды и разбрасываютъ ихъ во всѣ стороны. Мы какъ будто бы живемъ на кладбищѣ, гдѣ дьяволы забавляются тѣмъ, что бросаютъ мясо мертвецовъ въ живыхъ людей со злобной насмѣшкой. Запахъ гніющихъ труповъ пропитываетъ нашу пищу и наши души, такъ что мы больны духовно и физически. Такова война“.

„Эта ужасная потѣха ведется со всей страстью въ нашемъ углу“, пишетъ другой солдатъ. „Въ теченіе семидесяти четырехъ дней мы продвинулись на 1200 ярдовъ. Это скажетъ вамъ все.

Мы подвигаемся впередъ, такъ сказать, по одному дюйму и теперь мы всѣ знаемъ, чего стоитъ вернуть обратно кусочекъ Франціи".

6.

Смерть не прерывала своей жатвы вдоль французскихъ окоповъ, несмотря ни на какую погоду, и хотя цѣлыми мѣсяцами не было наступленія ни съ той, ни съ другой стороны, ни одного дня не проходило безъ того, чтобы не дать новой работы для докторовъ, санитаровъ и могильщиковъ. Одинъ фактъ можетъ служить показателемъ того, что дѣлается въ госпиталяхъ рядомъ съ фронтомъ. О немъ говоритъ письмо сестры милосердія къ ея пріятельницѣ въ Парижѣ.

„Около полудня намъ привезли раненаго генерала, котораго мы устроили въ маленькой комнаткѣ, какъ было только возможно удобнѣе. Хотя страданія его и были ужасны, онъ не пожелалъ, чтобы на него обращали особое вниманіе, и только думалъ о томъ, чтобы его два офицера были помѣщены какъ можно лучше. Случайно черезъ нѣсколько минутъ въ госпиталь былъ привезенъ солдатъ его полка. Генералъ обрадовался этому, потому что онъ могъ узнать сразу, что случилось съ его молодцами. Онъ потребовалъ немедленно къ себѣ солдата.

„Скажите мнѣ, что командиръ?"

„Убитъ, mon général".

„А капитанъ?"

„Убитъ, mon général".

„Четыре раза задавался вопросъ, и четыре раза солдатъ, голосъ котораго становился все глуше и печальнѣе, отвѣчалъ то же самое. Тогда генералъ опустилъ голову и больше не спрашивалъ. Мы увидѣли, какъ слезы побѣжали по его покрытому шрамами лицу, и мы вышли изъ комнаты на цыпочкахъ".

7.

Несмотря на всѣ ужасы войны, французскій солдатъ, въ душу котораго глубоко запала эта трагедія, и который никогда ея не забудетъ, писалъ домой съ той бодростью, которая проходитъ красной нитью черезъ горькія сцены его воспоминаній. Интересно прочесть новыя „Lettres de mon moulin" *), написанныя молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, занимавшемъ старую мельницу на очень важномъ пунктѣ. Письма были адресованы его „милой мамочкѣ", и думая о всѣхъ тѣхъ хорошенькихъ ручкахъ, которыя вязали и шили для него, онъ описываетъ свои попытки согрѣться, когда онъ надѣлъ присланныя вещи.

„Сегодня ночью я навьючилъ на мое грѣшное тѣло фланелевый жилетъ, фланелевую рубашку и фланелевый поясъ, обвязавъ

*) „Письма съ моей мельницы".

его три раза вокругъ живота, жилетъ съ рукавами, посланный мнѣ самой мамочкой, кожанный жилетъ, полученный отъ тети Шарлотты, шерстяной жилетъ, посланный мнѣ неизвѣстной матерью одного молодого драгуна, теплую куртку, полученную недавно отъ моего портного, и шерстяную фуфайку и одѣяло, связанные мадамъ П. Ж. Такимъ образомъ я готовъ отойти мирно ко сну, если боши великодушно позволятъ мнѣ спать".

Непріятель не часто позволялъ спать этому юному джентльмену, и снаряды рвались все время около мельницы.

Въ одно воскресное утро снаряды чуть не разбили маленькой церкви, выстроенной въ двѣнадцатомъ столѣтіи, куда явился со своей мельницы молодой офицеръ, чтобы присутствовать на мессѣ, гдѣ солдаты пѣли хоромъ, а служилъ солдатъ подъ аккомпаниментъ гармоніума, на которомъ игралъ другой солдатъ. Окна были выбиты, и красивый старый домъ рядомъ съ церковью лежалъ въ развалинахъ.

Офицеръ проводилъ одинокіе часы на своей мельницѣ возлѣ телефоннаго аппарата, корректируя стрѣльбу баттарей. Солдаты въ окопахъ и около пушекъ въ ямахъ знали объ его одиночествѣ и изобрѣли способъ развлечь его. Такимъ образомъ, послѣ того какъ наступала ночная тьма, и канонада стихала, онъ прикладывалъ телефонную трубку къ ушамъ и слушалъ тирольскую пѣсенку, которую пѣлъ вѣстовой, удивительное подражаніе собачьему лаю, исполняемое саперомъ, и парижскую шансонетку, великолѣпно исполнявшуюся авіаторомъ.

„Bonne nuit, maman" *), заканчивалъ артиллерійскій офицеръ каждое свое письмо съ мельницы.

8.

За малымъ исключеніемъ линія фронта не измѣнялась цѣлыми мѣсяцами, но во многихъ пунктахъ этой линіи происходили отчаянныя битвы, по временамъ штыковыя атаки и ужасающая рѣзня, когда люди приходили въ бѣшенство отъ вида крови и убивали съ наслажденіемъ.

Около Стэнбака была небольшая ферма, вокругъ которой много дней свирѣпствовала битва. Къ ней вела дорога, проходившая по оврагу, занятая непріятелемъ, и однажды нѣмцы поставили на дорогу жителей изъ захваченной ими деревни для того, чтобы предотвратить атаку французовъ.

„Среди нихъ мы могли видѣть женщину, съ волосами, падающими на плечи, и съ руками, завязанными за спиной. Эта новая гнусность воспламенила нашихъ солдатъ. Рота кинулась впередъ съ примкнутыми штыками. Дорога къ фермѣ яростно обстрѣливалась непріятелемъ, но ничто не могло остановить нашихъ людей. Несмотря на потери, мы захватили позицію и овладѣли фермой. Въ этотъ моментъ не было пощады врагамъ".

*) „Спокойной ночи, мама!"

Въ нѣкоторыхъ изъ окоповъ непріятеля происходили ужасающія сцены. Одно изъ самыхъ страшныхъ зрѣлищъ французы видѣли въ Апремонскомъ лѣсу въ дистриктѣ Вевра, гдѣ непріятель сильно укрѣпился въ каменоломняхъ, совсѣмъ рядомъ съ французскими окопами, которые постепенно приближались къ ямамъ, занятымъ нѣмцами. Когда умолкалъ ружейный огонь, французскіе солдаты часто слышали пѣніе. Иногда покрывая голоса нѣмцевъ, раздавался рядъ пронзительныхъ воплей, похожихъ на страшный жалобный крикъ совы, за которымъ слѣдовалъ дикій леденящій кровь хохотъ. Это былъ голосъ сумасшедшей женщины, одной изъ тѣхъ, что были захвачены въ сосѣднихъ деревняхъ и приведены нѣмцами въ траншеи. Однажды нѣмецкіе солдаты пронесли ее по всей длинѣ ихъ окоповъ. Выше уровня почвы видна была только одна ея голова. На ней была надѣта нѣмецкая каска, пряди волосъ развѣвались вокругъ ея мертвенно блѣднаго лица, и это ужасное зрѣлище казалось какъ бы адскимъ видѣніемъ, когда она двигалась то съ дикими криками, то съ безумнымъ хохотомъ.

Чувствуешь глубокое облегченіе, отворачиваясь отъ этихъ ужасовъ и останавливаясь на героизмѣ французскаго солдата, на преданности его своимъ офицерамъ, на его письмахъ къ chere maman, передъ которой его сердце всегда остается какъ бы сердцемъ ребенка, на вѣрѣ, которая спасаетъ людей по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе грубыхъ и жестокихъ поступковъ, совершаемыхъ на войнѣ.

9.

Духъ д'Артаньяна все еще живъ. По дорогамъ Франціи я встрѣчалъ веселыхъ ребятъ, чья храбрость напоминала смѣющуюся храбрость знаменитаго мушкатера и его гасконскую отвагу, которая обращаетъ въ шутку саму смерть. Несмотря на всѣ ужасы современной войны съ ея губительнымъ артиллерійскимъ огнемъ и съ ея чудовищными пушками, французскій солдатъ обыкновенно сохраняетъ въ себѣ тѣ свойства юности, которыя парятъ высоко надъ грязью и бѣдствіями жизни въ окопахъ.

Характеръ юнаго лейтенанта артиллеріи, который пришелъ замѣстить бѣднягу, убитаго около своего зарядnаго ящика, является типичнымъ для огромнаго большинства французскихъ солдатъ. Онъ представился своимъ солдатамъ въ самой изысканной формѣ, обратился къ своей батареѣ съ маленькой рѣчью, которая заставила всѣхъ солдатъ хохотать, и затѣмъ пожалъ руку каждому изъ нихъ. На слѣдующій день онъ уже зналъ каждаго по имени, сталъ обращаться къ нимъ на „ты“ и завоевалъ ихъ сердца своими беззаботными манерами и улыбкой, которая показывала, что жизнь для него забава. Все было шуткой для него. Онъ окрестилъ свои четыре пушки нелѣпыми именами и особенно полюбилъ старую „Громыхалку“, на которой были слѣды нѣмецкихъ снарядовъ. Капитанъ прозвалъ этого юнаго джентльмена лейтенантомъ Маскотъ, такъ какъ ему посто-

янно везло. Онъ направлялъ свои пушки съ удивительнымъ умѣньемъ. Нѣмецкая батарея должна была поспѣшно сняться съ мѣста черезъ пять минутъ послѣ его перваго выстрѣла, и когда непріятельскія пушки смолкли, онъ крикнулъ телефонисту „не кудахтайте больше“. Таковъ былъ его приказъ о пріостановкѣ огня.

Одинъ разъ лейтенантъ Маскотъ вскочилъ на стогъ сѣна, чтобы направлять огонь своей батареи, и тотчасъ же послѣ этого нѣмецкій снарядъ разорвался надъ нимъ и разбросалъ часть стога по всѣмъ направленіямъ. Это былъ мучительный моментъ для зрителей. Капитанъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и артиллеристы продолжали заряжать орудія автоматически, съ опечаленными лицами. Телефонистъ высунулъ голову изъ своей ямы. Онъ смотрѣлъ на развалившійся стогъ. Безъ сомнѣнія мосье Маскотъ былъ мертвъ. Внезапно телефонистъ какъ бы преобразился, слушая въ трубку, и началъ кричать: „не кудахтайте больше!“ Лейтенантъ послалъ ему обычный приказъ. Черезъ десять минутъ самъ лейтенантъ вернулся къ орудіямъ, весело хохоча, и послѣ того, какъ онъ сбросилъ солому съ своего грязнаго мундира, онъ поласкалъ рукой старую „Громыхалку“, которая раздробила непріятельскую батарею. Капитанъ горячо обнялъ его...

10.

Духъ юности и вѣры не можетъ прикрыть всѣхъ ужасовъ войны и не можетъ искупить преступленія, въ которомъ замѣшано все человѣчество, точно такъ же, какъ и не можетъ прекратить массоваго убійства, которое продолжается безпрерывно. Однако юность и вѣра ярко сіяютъ изъ окружающаго ихъ мрака и дѣлаютъ убійство не такимъ уже чудовищнымъ. Эта война не могла погубить душу Франціи, и нѣмецкія пушки, уничтожая красоту старыхъ городовъ и покрывая поля сѣвера трупами молодежи, не могли побѣдить этого народа, который со всѣми своими недостатками и страстями, скрываетъ въ себѣ духовный пылъ, ставящій его выше жалкой повседневности жизни.

Солдаты Франціи испили полную чашу страданій, и поэтому нельзя осуждать ихъ смѣхъ, какъ бы ни грубо было ихъ веселіе. Ихъ арміи отъ Ипра до Сенъ-Міэмъ должны были выказать больше храбрости и выносливости, чѣмъ требовалось отъ узниковъ въ средне-вѣковыхъ камерахъ пытокъ, и они прошли черезъ это испытаніе съ героизмомъ, который представляетъ изъ себя одну изъ блестящихъ страницъ исторіи. Однако до сихъ поръ исторія записывается только въ короткихъ сообщеніяхъ, сухо констатируя факты. Напримѣръ, въ мартѣ 1915 года было опубликовано слѣдующее: „Въ Маланкурскомъ лѣсу между Аргонномъ и Маасомъ непріятель направилъ на одну изъ нашихъ траншей горючую жидкость, такъ что траншею пришлось оставить. Занимавшіе траншею получили тяжкіе ожоги“. Это офиціальное сообщеніе не даетъ никакого понятія о томъ ужасѣ,

который испытали очевидцы новой нѣмецкой системы захвата траншей. Болѣе подробный разсказъ объ этой первой атакѣ жидкимъ огнемъ даетъ одинъ изъ солдатъ.

„Это произошло вчера, какъ только стемнѣло. Весь день прошелъ довольно спокойно. Какъ всегда надъ нами рвались снаряды, и ничто не предвѣщало нѣмецкой атаки. Неожиданно одинъ изъ моихъ товарищей закричалъ: „Смотрите! Что это такое? Кажется, это нефть". Мы не могли повѣрить его словамъ, но жидкость, которая начала обливать насъ, дѣйствительно была похожа на нефть. Нѣмцы поливали насъ изъ насосовъ. Нашъ лейтенантъ велѣлъ намъ погасить наши трубки. Но это была излишняя предосторожность. Черезъ нѣсколько секундъ воспламеняющія бомбы начали падать на насъ и вся траншея была охвачена пламенемъ. У насъ начался настоящій адъ. Нѣкоторые изъ солдатъ начали ужасно кричать, срывая съ себя одежду, стараясь потушить огонь. Другіе посылали проклятія, задыхаясь въ горячемъ чаду, который душилъ насъ. „Іисусе Христе!—вскричалъ одинъ изъ моихъ товарищей,—я ослѣпъ". Для того, чтобы завершить свое адское дѣло, эти нѣмецкіе бандиты, воспользовавшись нашимъ замѣшательствомъ, подкрались къ траншеѣ и бросили въ нее горящіе факелы. Ни одинъ изъ насъ не избѣжалъ этого огненнаго потока. Наши брови и рѣсницы были опалены, большая часть нашей одежды сгорѣла, и наши тѣла шипѣли подобно жарившемуся мясу. Все-таки нѣкоторые изъ насъ начали стрѣлять въ масляный дымъ, стоявшій облакомъ надъ нами, и нѣкоторые изъ этихъ дьяволовъ поплатились за свои грѣхи".

Хотя нѣсколько защитниковъ траншеи обратились въ пылающіе факелы, а другіе лежали обгорѣлыми трупами, траншея не была оставлена до тѣхъ поръ, пока вторая линія французовъ не успѣла кинуться въ контръ-аттаку. Разъяренные, благодаря воплямъ и стонамъ, доносившимся изъ пылающей ямы, гдѣ лежали ихъ товарищи, французы съ яростью дикихъ звѣрей бросились на врага, который бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ триста мертвыхъ и раненыхъ.

11.

На протяженіи пятисотъ миль по всему фронту отъ Артуа до Аргонна такія сцены слѣдовали одна за другой, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, не всегда съ горючей жидкостью, но съ ручными гранатами, бомбами, снарядами съ удушливымъ газомъ, воспламеняющими бомбами, снарядами, выпускающими облака дыма, и градомъ шрапнели. Убійственная монотонность жизни въ сырыхъ траншеяхъ, гдѣ продрогшіе люди сидѣли, скорчившись въ грязи, испытывая голодъ и тоску, не смѣя высунуть головы изъ окоповъ хотя бы на секунду, прерывалась только атаками и контръ-атаками, когда давался приказъ выйти изъ окоповъ и кинуться впередъ ярдовъ на сто, при чемъ шансовъ на жизнь было гораздо меньше, нежели шансовъ на смерть.

Вотъ какъ французскій солдатъ описываетъ одну изъ такихъ атакъ:

„Взводъ пѣхоты залегъ съ утра на опушкѣ лѣса, ожидая приказа взять приступомъ ту несложную и грозную позицію, которая состоитъ изъ колючей проволоки впереди непріятельскихъ окоповъ. Пушки гремятъ съ полудня безпрерывно, сметая все на землѣ. Нѣмцы отвѣчаютъ страшными ударами, и такъ идетъ артиллерійская дуэль, служащая вступленіемъ къ атакѣ. Каждый знаетъ, что, когда замолчатъ пушки, прозвучитъ короткая команда, обѣщая смерть. Однако, солдаты спокойно говорятъ другъ съ другомъ, и между ними находятся и такіе, которые въ минуту грозящей гибели находятъ какое-то мучительное удовольствіе, смягчающее ихъ тоску, въ томъ, чтобы вызвать въ памяти тѣ дорогія имъ существа, которыхъ, возможно, они больше никогда не увидятъ. Я слышу, какъ огромный бѣлокурый парень повѣствуетъ сосѣдямъ о своей маленькой восьмилѣтней дочуркѣ. Сухой трескъ прерываетъ его разсказъ. Телефонъ, установленный на деревѣ, вызываетъ лейтенанта. Въ тотъ же самый моментъ артиллерія выпускаетъ одинъ за другимъ нѣсколько снарядовъ, и затѣмъ наступаетъ тишина. Офицеръ вынимаетъ свои часы, ждетъ, пока не пройдутъ десять минутъ, и затѣмъ говоритъ: „Поднимайся“ такъ же спокойно, какъ капралъ произноситъ „смирно“ на ученьѣ. Это приказъ итти впередъ. Каждый понимаетъ, въ чемъ дѣло, и встаетъ за исключеніемъ пяти человѣкъ, которыхъ приковала къ землѣ нервная агонія. Они деморализованы долгимъ ожиданіемъ и воспоминаніями о своихъ семьяхъ, и пригвождены къ землѣ страхомъ. Лейтенантъ, запасной офицеръ съ сѣдиной въ бородѣ, смотритъ на пятерыхъ ослушниковъ безъ гнѣва. Онъ вынимаетъ не саблю изъ ноженъ, а папиросу изъ портсигара, закуриваетъ ее и говоритъ просто:

— Eh bien!

„Кто можетъ передать интонацію этого „Eh bien?“ Какой актеръ можетъ имитировать это? Въ этомъ „Eh bien“ не было ни удивленія, ни строгости, ни рѣзкаго призыва къ исполненію долга, скорѣе въ немъ была жалость старшаго брата къ слабости младшаго, которую онъ считаетъ лишь временной. О, это „Eh bien!“ Какъ много авторитета и жалости, братской увѣренности и силы воли вложилъ въ него нашъ старшій братъ! Пятеро солдатъ вскочили на ноги... И вы знаете, что мы заняли деревню, отвоевывая каждый домъ. На углу двухъ переулковъ лейтенантъ былъ убитъ, и вотъ почему его „Eh bien!“ будетъ всегда звучать въ моей душѣ какъ благородный призывъ неизвѣстнаго героя. Повидимому, эта война должна оставаться безличной — такова политическая формула нашихъ дней—и называть имена воспрещено. Eh bien? Развѣ я назвалъ кого-нибудь?“

12.

Изъ однообразныхъ повѣствованій о войнѣ въ окопахъ по временамъ появляются разсказы болѣе необыкновенные, чѣмъ

кошмарныя фантазіи Эдгара По, разсказы о людяхъ, зарытыхъ живыми благодаря подкопамъ и минамъ, о людяхъ, разорванныхъ на куски подземнымъ взрывомъ, который оставляетъ одного человѣка въ живыхъ среди разбросанныхъ членовъ его товарищей, такъ что онъ сходитъ съ ума и хохочетъ надъ ужаснымъ юморомъ смерти. Эти разсказы обнаруживаютъ правду о современной войнѣ, скрытую благодаря ножницамъ цензора. Французскій лейтенантъ разсказываетъ слѣдующую героическую и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасную исторію:

„Мы хотѣли поправить захваченную траншею. Два часовыхъ на сложенной кучѣ мѣшковъ съ пескомъ, которыми заканчивалась она, стояли на стражѣ, такъ что мы могли работать спокойно. Внезапно изъ туннеля, скрытаго отъ насъ возвышеніемъ почвы, посыпался на наши головы цѣлый градъ бомбъ, и прежде чѣмъ мы могли опомниться, десять человѣкъ изъ насъ уже лежали мертвыми и ранеными. Я только что хотѣлъ закричать слова команды, когда камень, взлетѣвшій вверхъ отъ разрыва снаряда, ударилъ меня по головѣ и я упалъ безъ чувствъ. Однако безсознательное состояніе продолжалось только нѣсколько секундъ. Разорвавшимся снарядомъ мнѣ оторвало кисть лѣвой руки, и я пришелъ въ себя благодаря боли. Когда я открылъ глаза и застоналъ, я увидалъ, какъ нѣмцы перепрыгивали черезъ мѣшки съ пескомъ къ намъ въ траншею. Ихъ было человѣкъ двадцать. У нихъ не было ружей, но у каждаго изъ нихъ въ рукахъ была плетеная корзина съ бомбами. Я посмотрѣлъ налѣво отъ себя. Всѣ наши уже бѣжали кромѣ тѣхъ, что лежали въ лужахъ крови. А нѣмцы все приближались. Еще нѣсколько мгновеній, и они достигнутъ меня. Въ этотъ моментъ одинъ изъ моихъ солдатъ, раненый въ лобъ и подбородокъ, съ лицомъ, сплошь залитымъ кровью, сѣлъ, схватилъ мѣшокъ съ ручными гранатами и закричалъ:

— Возстаньте, мертвые!

Солдатъ всталъ на колѣна и началъ швырять бомбы въ толпу нѣмцевъ. На его зовъ откликнулись другіе раненые. Двое съ перебитыми ногами схватили ружья и открыли огонь. Герой-лейтенантъ съ лѣвой рукой, висѣвшей какъ плеть, схватилъ правой рукой штыкъ. Когда онъ всталъ на ноги, совершенно придя въ себя, одни изъ нѣмцевъ были ранены, а другіе въ паникѣ старались выбраться изъ траншеи. Однако гигантскій, потный, красный отъ бѣшенства нѣмецкій унтеръ-офицеръ, прислонившись къ мѣшкамъ съ пескомъ, остался на мѣстѣ и выпустилъ двѣ пули изъ своего револьвера. Солдатъ, который первый рѣшился защищать траншею, герой, воскликнувшій: „Возстаньте, мертвые!“ получилъ пулю въ горло и упалъ. Но лейтенантъ, схватившій штыкъ и передвигавшійся ползкомъ отъ трупа до трупа, поднялся съ усиліемъ въ четырехъ футахъ отъ мѣшковъ съ пескомъ, избѣгнулъ двухъ пуль, пущенныхъ въ него, и вонзилъ свой штыкъ въ горло нѣмцу. Позиція была спасена, какъ будто бы мертвые дѣйствительно возстали изъ могилъ.

13.

Какъ я сказалъ, французскій солдатъ удивительно откровенно описываетъ свои чувства и нисколько не стыдится того, что онъ испытывалъ страхъ. Я помню, какъ одинъ молодой драгунскій лейтенантъ разсказывалъ мнѣ объ охватившемъ его ужасѣ, когда непріятельская шрапнель впервые разорвалась надъ его головой:

„Когда снарядъ проносился съ визгомъ надо мной и затѣмъ разрывался, я наклонялъ голову и задавался вопросомъ, этотъ ли покончитъ со мной или слѣдующій. Шрапнельныя пули летѣли съ пѣніемъ: „Гж! Гж!“ Ахъ, эта отвратительная пѣсня! Но больше всего я боялся ружейныхъ пуль при пѣхотной атакѣ. Я не могъ не смотрѣть по сторонамъ при звукахъ „Зинь! зинь! зинь!“ Было что-то ужасающее и неумолимое въ этомъ, и нельзя было увернуться отъ смерти, которую приносятъ съ собой эти маленькія пули. Это ужасно!“

Однако этотъ офицеръ, у котораго образовался нарывъ на ногѣ послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ въ сѣдлѣ и который дрался каждый день и почти каждую ночь въ теченіе этого времени, былъ угнетенъ мыслью, что онъ долженъ былъ покинуть свой эскадронъ на нѣкоторое время, пока не заживетъ его нога. Самое большее черезъ пять дней онъ долженъ былъ вернуться въ адъ, ненавидя всѣ эти ужасы, страшась воющихъ снарядовъ и шипящихъ пуль, однако предпочитая умереть за Францію, нежели остаться живымъ и бездѣятельнымъ, когда товарищи сражались за родину.

Я слышалъ описаніе жизни этихъ кавалеристовъ отъ многихъ изъ нихъ въ началѣ войны. Ихъ посылали на развѣдку по шести или восьми человѣкъ вмѣстѣ. Было извѣстно, что непріятель находится по сосѣдству. Необходимо было обнаружить его мѣстопребываніе, опредѣлить его силы, уничтожить нѣкоторые изъ его аванпостовъ и затѣмъ отойти назадъ къ своей кавалерійской дивизіи и доставить свѣдѣнія о видѣнномъ. Задача не изъ легкихъ! Часто случалось, что изъ шести человѣкъ только одинъ возвращался къ своимъ, изумляясь своему счастью. Нѣмецкіе развѣдчики вели себя весьма хитро.

Однажды около Бетюна они примѣнили одну изъ своихъ уловокъ, самую любимую. Мой пріятель ѣхалъ съ шестью драгунами по направленію къ деревнѣ, гдѣ видѣли улановъ. Французы замѣтили ихъ на поворотѣ дороги. Выпустивъ нѣсколько пуль изъ своихъ карабиновъ, нѣмцы обратились въ бѣгство. Французскіе драгуны помчались въ погоню за ними черезъ поля и затѣмъ около опушки спокойнаго лѣса. Вдругъ въ этомъ самомъ мѣстѣ уланы остановили своихъ лошадей, и изъ лѣса послышался страшный трескъ нѣмецкаго пулемета. Къ счастью, имъ плохо управляли, и мой пріятель съ его шестью драгунами успѣлъ ускакать отъ этой адской машины, которую такъ ловко поставили нѣмцы, чтобы захватить его врасплохъ.

Въ первые дни войны для кавалеріи не было отдыха. Пѣхота

каждый день останавливалась на привалѣ, въ окопахъ также бывалъ иногда отдыхъ, но кавалерія должна была всегда находиться въ движеніи, чтобы задержать наступленіе непріятеля.

Молодой русскій, офицеръ французскихъ драгунъ, говорилъ мнѣ, что, находясь въ бою все время съ начала войны, онъ ни разу не спалъ больше трехъ часовъ въ ночь, а часто и совсѣмъ не спалъ. Нерѣдко онъ проводилъ короткое время сна на свекловичныхъ поляхъ, на которыхъ нѣмецкая шрапнель выискивала жертвы, и по временамъ онъ просыпался, слушая хорошо извѣстную пѣсню смерти, и засыпалъ снова.

Въ четыре часа утра передъ разсвѣтомъ нужно было вставать и сѣдлать лошадей. Было холодно, и люди дрожали какъ въ лихорадкѣ. Имъ давали чашку чернаго кофе и кусокъ хлѣба.

Этотъ русскій, служившій офицеромъ во французскомъ драгунскомъ полку, жилъ раньше въ британскихъ колоніяхъ и, проснувшись, видѣлъ предъ собою какъ бы миражъ британскаго завтрака. Мысль о жареныхъ копченыхъ селедкахъ и о ветчинѣ съ яйцами на моментъ приводила его въ полное уныніе. Черезъ десять минутъ драгуны снова двигались. Отрядъ ихъ былъ посланъ на вѣрную смерть, охранять мостъ около Бетюна, и только когда послѣдній драгунъ былъ убитъ, нѣмцы переѣхали на другую сторону.

Во мракѣ ночи кавалеристы наклонялись надъ шеей лошади, всматриваясь впередъ, прислушиваясь къ звуку стремянъ и бряцанью уздечки. Въ одну ночь до нихъ донесся шопотъ ихъ передового офицера.

— Идутъ! Тише...

Вереница темныхъ фигуръ двигалась имъ навстрѣчу. Драгуны подняли свои карабины. Раздался залпъ, а затѣмъ послышался крикъ:

— Cessez feu! Cessez feu!

Этотъ крикъ драгуны слышали и отъ нѣмецкихъ офицеровъ, говорящихъ прекрасно по-французски, но на этотъ разъ въ немъ не было вѣроломства. Тѣни, двигавшіяся во мракѣ, были французы, продвигавшіеся изъ однихъ окоповъ въ другіе.

14.

Пѣхотному солдату приходилось также туго. Совершенно вѣрно, что теоретически иной разъ онъ могъ урвать нѣсколько часовъ, чтобы выспаться или въ окопахъ, или въ открытомъ полѣ, но въ дѣйствительности ночной холодъ часто заставлялъ его отказываться отъ сна. Вопросъ питанія былъ труднымъ вопросомъ. Когда предстоялъ серьезный бой или быстрое передвиженіе, провизія становилась такой затруднительной проблемой, какъ и сонъ.

Я слышалъ отъ одного пѣхотнаго сержанта живописный разсказъ, который можетъ дать понятіе о томъ, какъ приходилось голодать французскому солдату въ началѣ войны.

Его взводъ, проснувшись однажды утромъ вблизи Армантьера

и испытывая муки голода, увидалъ старую крестьянку съ телѣжкой картофеля.

— Вотъ вамъ на завтракъ, малютки,—сказала она,—смотрите, я привезла также и вязанку хвороста. Если вы разложите костеръ, черезъ двадцать минутъ у васъ будетъ жареная картошка.

— Мадамъ, вы добры безмѣрно,—сказалъ сержантъ. Онъ помогъ разложить костеръ и положить въ золу картофель. Онъ и его товарищи благодарили старуху, когда пріятный запахъ защекоталъ ихъ обоняніе. И только что картофель былъ почти испеченъ, является на сцену вѣстовой на мотоциклеткѣ съ приказомъ о томъ, чтобы взводъ немедленно передвинулся на пятнадцать километровъ. Это была настоящая трагедія! Со слезами на глазахъ разстались они съ картофелемъ. Пройдя пятнадцать километровъ, они нашли замокъ, гостепріимную владѣлицу его и хорошую кухарку, которая приготовила для нихъ великолѣпное жаркое съ превосходнымъ жаренымъ картофелемъ. И только что хозяйка пришла и сказала „Messieurs, le dîner est servi“ *), къ замку подъѣхалъ задыхавшійся бельгійскій велосипедистъ съ извѣстіемъ, что большія силы нѣмецкой кавалеріи идутъ сюда съ пятьюстами моторовъ, съ пулеметами, многими мотоциклетками и въ дополненіе всего, съ баттареей конной артиллеріи. Эта была вторая трагедія. Третья трагедія произошла черезъ шестнадцать часовъ, когда взводъ, бывшій почти все это время въ пути, легъ спать на открытомъ полѣ безъ ужина.

Однако, „все пустяки кромѣ дождя“, какъ сказалъ мнѣ одинъ пріятель, французскій артиллеристъ. Онъ пожалъ плечами, когда онъ сказалъ это, и выраженіе отвращенія появилось на его бородатомъ лицѣ. Можетъ быть, онъ думалъ о своихъ возлюбленныхъ пушкахъ, которыя не могли двигаться въ трясинахъ, покрывавшихъ поля въ дождливое время, но дождь непріятенъ также для людей и лошадей. Французская шинель должна сушиться восемь дней, чтобы быть совершенно сухой, послѣ того какъ она побываетъ на проливномъ дождѣ. Даже плащъ кавалериста плохая защита противъ сильнаго ливня, а сырая солома или лужа въ траншеѣ ночью не представляетъ изъ себя пріятной постели.

— Война,—сказалъ мнѣ одинъ изъ французскихъ офицеровъ,—вовсе не состоитъ въ однихъ сраженіяхъ, какъ, повидимому, склонны думать нѣкоторые. Лишенія, испытываемыя на войнѣ, губительнѣе для здоровья, нежели шрапнель. Вотъ этито лишенія, какъ напримѣръ, невозможность смѣнить бѣлье въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, они-то и подрываютъ нравственную энергію гораздо больше, нежели рискъ проститься съ жизнью.

Рискъ смерти принимается легко французами. Правда, почти каждый французскій солдатъ убѣжденъ, что рано или поздно онъ будетъ убитъ. Въ воображеніи онъ часто видитъ себя убитымъ и полонъ жалости къ своей женѣ и дѣтямъ. Однако, это не

*) „Господа, обѣдъ готовъ“.

подрываетъ ни его мужества, ни его веселья, ни его желанія сражаться за Францію, ни его долготерпѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ испытываетъ невзгоды и страданія.

Раненые солдаты, которые идутъ потоками съ поля битвы, невѣроятно терпѣливы. Я видѣлъ какъ раненые въ ногу вставали, чтобы уступить свое мѣсто въ вагонѣ женщинамъ съ младенцами. Они помогали своими перевязанными руками вносить корзины бѣженцевъ. Они забываютъ свои раны, вспоминая то, что съ ними произошло, и простой солдатъ описываетъ битву, въ которой онъ участвовалъ съ живымъ краснорѣчіемъ, котораго не хватаетъ британскому Томми, не обладающему даромъ слова.

Въ крови и характерѣ французскаго солдата имѣется что-то такое, что возвышаетъ его въ качествѣ воина и придаетъ ему черты рыцаря. Крестьянинъ, буржуа или патрицій, онъ всегда отличается утонченными манерами джентльмена, и знать его въ походѣ значитъ любить его.

15.

Все же во французской арміи имѣются и такіе люди, какъ и въ нашей, конечно, которые показываютъ, какъ тонокъ тотъ слой, который прячетъ подъ личиной цивилизованнаго человѣка примитивнаго дикаря, для котораго убійство такая же радость, какъ и для дикаго звѣря, охотящагося за своей добычей въ джунгляхъ и въ пустынѣ. Сейчасъ мнѣ приходитъ на умъ одинъ такой человѣкъ. Онъ находился въ передовыхъ окопахъ возлѣ Альбера и не могъ никогда усидѣть на мѣстѣ. Какъ только становилось темно, онъ вылѣзалъ изъ траншеи и ползъ по болотистымъ лугамъ до глубокой ямы, рядомъ съ нѣмецкими окопами, вырытой „котломъ“. Тутъ онъ прятался и выпускалъ пулю въ каждаго нѣмца, который вылѣзалъ изъ своей норы подъ покровомъ тьмы для того, чтобы перетащить въ свои окопы трупы товарищей или собрать куски дерева и хворостъ для костра. Нѣмцы совершенно не подозрѣвали, что этотъ французъ сидитъ въ ямѣ рядомъ съ ними и внимательно прислушивается ко всякому звуку, который могъ бы выдать ему врага. Каждую ночь, сидя въ своей холодной засадѣ, онъ убивалъ двухъ или трехъ человѣкъ, если ему везло „счастье“. Затѣмъ при разсвѣтѣ онъ ползъ назадъ къ своимъ съ касками, поясомъ или какимъ-нибудь трофеемъ въ качествѣ доказательства своего успѣха. Однажды ночью онъ застрѣлилъ нѣмца, который споткнулся совсѣмъ рядомъ съ его ямой, и какой-то инстинктъ жалости къ жертвѣ охватилъ его, такъ что онъ два лишнихъ раза проползъ по открытому мѣсту для того, чтобы притащить заступъ и зарыть убитаго. Однако, скоро послѣ этого онъ снова началъ свою охоту. У себя въ траншеѣ онъ говорилъ весьма мало и, казалось, всегда ждалъ того часа, когда онъ могъ выползти, подобно краснокожему въ поискахъ за скальпами. Онъ былъ первобытнымъ человѣкомъ, какъ и его предки въ каменномъ вѣкѣ, за исключеніемъ ружья и

знанья искусствъ и красоты современной жизни, такъ какъ онъ не былъ французскимъ канадцемъ изъ дѣвственныхъ лѣсовъ, ни альпійскимъ стрѣлкомъ изъ глухихъ горъ, но хорошо извѣстнымъ адвокатомъ изъ провинціальнаго города, воспитаннымъ и образованнымъ. Этотъ охотникъ за нѣмцами представляетъ интересъ для психолога, но онъ вовсе не является типичнымъ французскимъ солдатомъ, который въ массѣ вовсе не проникнутъ жаждой крови и ненавидитъ избіеніе себѣ подобныхъ, за исключеніемъ моментовъ дикаго возбужденія, вызываемаго страхомъ и бѣшенствомъ, когда при крикахъ „En avant!“ [1]) французы выскакиваютъ изъ окоповъ и бросаются на нѣмцевъ, закалывая ихъ штыками, разбивая имъ головы прикладами, и когда они на нѣсколько минутъ дьявольскаго опьяненія, съ налитыми кровью глазами, чуютъ запахъ крови и находятъ дикую радость въ рѣзнѣ.

— Мы не обращали вниманія на мольбы раненыхъ, на крики о сдачѣ, — говорилъ французскій солдатъ, описывая одну изъ такихъ сценъ.—Намъ не нужны были плѣнные, и въ Аргоннскомъ лѣсу обѣ стороны не давали пощады. Штыкъ въ рукѣ, на подобіе кинжала, былъ лучше штыка, примкнутаго къ ружью. Еще лучше всякаго штыка былъ кусокъ желѣза, сломанное ложе ружья или острый ножъ. Въ рукопашномъ бою не было выстрѣловъ, но только борьба переплетавшихся тѣлъ съ пальцами, вцѣпившимися въ горло. Я видѣлъ, какъ люди дѣйствовали зубами и загрызали своего противника на смерть, впиваясь въ его горло. Такова война въ двадцатомъ вѣкѣ или одна изъ сценъ этой войны. Только впослѣдствіи, избѣжавъ смерти, начинаешь содрогаться при мысли обо всемъ томъ ужасѣ, который низвелъ насъ до звѣрей, даже хуже чѣмъ до звѣрей, потому что у насъ есть разумъ и душа, чтобы знать, какъ это отвратительно.

Солдаты Франціи настолько разумны, что большинство ихъ возмущается отвратительнымъ дѣломъ, которое они должны совершать, и проклинаютъ войну, навязанную имъ нѣмцами. Уже болѣе девяти мѣсяцевъ я постоянно слышу, какъ французскіе солдаты задаютъ вопросъ: „Почему Богъ допускаетъ такіе ужасы? Какой толкъ въ цивилизаціи, если она ведетъ къ этому?“ И честное слово, я не въ состояніи отвѣтить имъ.

16.

Какъ популярна во Франціи Марсельеза! Подобно лейтъ-мотиву она проходитъ во всей драмѣ этой войны, воодушевляя французскій народъ, терпѣливо ожидающій побѣды, скрывающій слезы объ убитыхъ, утѣшающій своихъ раненыхъ и калѣкъ и отдающій своихъ юношей и своихъ мужчинъ богу войны. Въ чемъ заключается волшебство этой мелодіи, если при исполненіи ея даже на дешевомъ фортепіано во временномъ госпиталѣ или на пили-

[1]) „Впередъ!“

кающей скрипкѣ во дворѣ Парижа, дрожъ пробѣгаетъ по тѣлу? Когда я ѣхалъ изъ Парижа въ Нанси въ ночь на третье августа, мнѣ казалось, что вся Франція пѣла Марсельезу—звуки ея неслись со всѣхъ станцій на моемъ пути—и что съ кладбищъ по темнымъ холмамъ и полямъ, освѣщеннымъ тонкой свѣтлой полосой на далекомъ горизонтѣ встаютъ тѣни убитыхъ солдатъ и поютъ ее тѣмъ, кто идетъ сражаться за свободу Франціи.

Съ тѣхъ поръ Марсельеза постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ. Я слышалъ ее ночью въ Амьенѣ, когда французская армія находилась въ отступленіи, и когда всѣ молодые люди этого города, еще не призванные къ знаменамъ благодаря своей юности, поспѣшно уѣзжали на поѣздѣ, чтобы избѣжать нѣмецкаго плѣна, прежде чѣмъ не взорвутъ желѣзнодорожнаго моста. Молодежь пѣла хоромъ свѣжими, звучными голосами, хотя неподалеку отъ нихъ солдаты Франціи мрачно отступали отъ покинутыхъ позицій:

Entendez-vous, dans les campagnes,
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans nos bras.
Egorger nos fils, nos compagnes!
Aux armes, citoyens!
Formez vos bataillons!
Marchons!..

Я прислушивался къ юношескимъ голосамъ, и волшебство этой пѣсни захватило меня. Въ ней звучалъ страстный героизмъ стараго времени, кровавыхъ и дикихъ битвъ революціи и жажда свободы. Руже де-Лиль написалъ ее однажды ночью въ Страсбургѣ, въ состояніи опьяненья, какъ гласитъ легенда. Но душа его была опьянена не виномъ. Это было опьяненіе 1792 года, когда стремленіе къ свободѣ заставило французовъ какъ бы впасть въ безуміе... Марсельцы пришли въ Парижъ съ пѣніемъ ея. Парижане услышали и подхватили ея слова. Она шествовала съ республиканцами на пути къ побѣдамъ. „Мы дрались одинъ противъ десяти“, писалъ французскій генералъ, „но на нашей сторонѣ была Марсельеза“. „Пошлите намъ“, писалъ другой генералъ, „десять тысячъ людей и одинъ экземпляръ нотъ Марсельезы, и я отвѣчаю за побѣду“.

Больше ста лѣтъ прошло съ того времени, а эта пѣсня не устарѣла и не выдохлась. Въ приказахъ снова и снова читаешь, что „рота шла въ бой съ пѣніемъ Марсельезы. Лейтенантъ Х., захвативъ непріятельскую позицію, палъ въ то время, когда онъ пѣлъ ее“, или что „альпійскіе стрѣлки вскарабкались на вершину горы при пѣніи Марсельезы“.

Ея духомъ проникнутъ разсказъ французскаго пѣхотинца, который описываетъ дѣло въ Аргоннахъ, гдѣ его полкъ удерживалъ деревню, подвергнувшуюся ожесточенной непріятельской атакѣ. Яростный бой шелъ на улицахъ, и противники дрались въ рукопашную въ домахъ и даже въ погребахъ. „Кровь“, пишетъ онъ, „струилась по канавамъ, какъ вода во время дождя“. Нѣмцы

жестоко насѣдали на французовъ, и французскіе резервы пришли какъ разъ во время.

„Когда рожки трехъ полковъ возвѣстили атаку, вдругъ зазвучала Марсельеза. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, при пламени горящихъ домовъ мы могли отчетливо видѣть битву, и никогда мнѣ не придется увидѣть такого фантастическаго зрѣлища, какъ эти тысячи красныхъ ногъ, идущихъ въ атаку тѣсными рядами. Сѣрыя ноги стали подаваться (они не любятъ штыка), а Марсельеза продолжала звучать вмѣстѣ съ рожками въ то время, какъ наши пушки изрыгали огонь непрестанно. Наша пѣхота столкнулась съ непріятелемъ. Ни одного выстрѣла не слышалось больше, дѣйствовала только холодная сталь... Вдругъ рожки прекратили пѣть атаку. Вмѣсто этого они заиграли призывъ къ знамени. Au drapeau! Наше знамя захвачено! Инстинктивно мы прекратили огонь, какъ пораженные громомъ. Тогда громко и могуче зазвучала Марсельеза, заглушая сигналы рожковъ, настоятельно призывавшихъ къ знамени. Мы увидали страшную рукопашную битву, борьбу на смерть, при чемъ Марсельеза заглушала всѣ крики и вопли... Вы, воображающіе, что знаете Марсельезу, потому что вы слышали, какъ ее играютъ при раздачѣ наградъ, должны сознаться, что вы ея не знаете. Чтобы знать Марсельезу вы должны слышать ее такъ, какъ слышалъ ее я, когда льется кровь, и знамя Франціи находится въ опасности“.

Для этого солдата невыносима была мысль, что побѣдный гимнъ Франціи распѣваютъ при раздачѣ наградъ или въ кафешантанахъ, пропитанныхъ духами женщинъ. Однако даже въ парижскомъ кафешантанѣ или въ третье-классномъ кабачкѣ провинціальнаго города эта пѣсть звучала со всей своей волшебной силой. Я слышалъ ее однажды въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она исполнялась весьма посредственно. Въ залѣ находились французскіе poilus, калѣки и выздоравливающіе и, окруженные своими женщинами, они стояли, когда исполнялся національный гимнъ. Они знали, что означаетъ Марсельеза, и ихъ женщины тоже знали это. Нѣкоторые изъ нихъ поблѣднѣли какъ полотно, тогда какъ лица другихъ горѣли пламенемъ. Ихъ глаза были серьезны, и въ нихъ свѣтился странный огонь. Въ то время, какъ я стоялъ въ этомъ залѣ, наполненномъ табачнымъ дымомъ и духами, мнѣ казалось, что я чувствую запахъ крови и пушечнаго пороха и слышу въ музыкѣ Марсельезы хриплые голоса людей въ штыковой атакѣ, вопли раненыхъ и затѣмъ тихій шорохъ на полѣ битвы при восходѣ солнца, освѣщающаго разорванныя и прострѣленныя знамена Франціи.

ГЛАВА X.

ЛЮДИ ВЪ ХАКИ.

Когда наша маленькая профессіональная армія высадилась на берегу Франціи, врядъ ли хотя бы одинъ изъ тысячи солдатъ имѣлъ ясное представленіе о томъ, изъ-за чего онъ идетъ драться

съ нѣмцами, и каковъ будетъ характеръ этой войны. Если бы его спросили, изъ-за чего мы воюемъ съ Германіей, солдатъ регулярной арміи почесалъ бы въ затылкѣ и пробормоталъ бы что-нибудь о „проклятыхъ нѣмцахъ“ и о томъ, что нужно помочь „лягушатникамъ“, т.-е. французамъ. О международной политикѣ, міровыхъ вопросахъ, тевтонскомъ честолюбіи, славянской опасности, бѣлыхъ или желтыхъ книгахъ онъ ровно ничего не зналъ и нисколько ими не интересовался. Его долгъ профессіональнаго солдата заключался въ томъ, чтобы драться со всякимъ, съ кѣмъ ему прикажутъ, какого бы цвѣта кожи и какой бы національности не былъ противникъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ казалось, что ему придется воевать въ Ирландіи, и, вообще говоря, онъ былъ радъ, что врагъ, противъ котораго ему дѣйствительно пришлось выступить, говорилъ на иностранномъ языкѣ. Это было болѣе ему по вкусу. Что такое писалъ Блэчфордъ о нѣмцахъ? Онъ не могъ припомнить содержаніе статей редактора „Клэріона“ кромѣ того, что нѣмцы готовились годами для того, чтобы разгромить Англію, хотѣли захватить всѣ наши колоніи и чертовски усиливали свой флотъ. Конечно, наше правительство, какъ и всегда, спало и нисколько не интересовалось этимъ. Такъ поступало всегда британское правительство, насколько онъ могъ припомнить. Какъ бы то ни было, нѣмцы были нашими врагами, а французы—друзьями, что было странно, и британская армія опять шла спасать Европу, согласно съ славными традиціями этой арміи, какъ неоднократно упоминалъ полковникъ. Славное это было время, пока не пришлось разставаться съ женой и ребятишками. Каждый солдатъ былъ героемъ для соотечественниковъ, которые хлопали его по спинѣ и угощали его спиртными напитками. „Привезите намъ нѣмецкихъ касокъ, Джокъ!“ кричали дѣвушки. „И не забудьте вести себя прилично съ этими француженками“.

Интересно будетъ посмотрѣть какъ живутъ на континентѣ. Французы говорятъ на забавномъ языкѣ, но они правильный народъ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ, судя по газетамъ и по тому шоферу, который уѣхалъ во Францію и вернулся оттуда съ такими элегантными манерами. „Послѣ васъ, мосье. Пардоннэй-моа“. Будетъ что поразсказать парнямъ, когда все будетъ покончено. Конечно, дѣло будетъ жаркое, нѣкоторые изъ нашихъ ребятъ совсѣмъ не вернутся—это случается и въ самыхъ образцовыхъ войнахъ — но при небольшомъ счастьѣ нужно ждать пышнаго возвращенья домой съ колокольнымъ звономъ, толпами на улицахъ и съ оркестромъ, играющимъ „Герой побѣдитель приходитъ домой“. Мы выучились кое чему послѣ Южной Африки, и наша армія готова встрѣтиться съ непріятелемъ. Нѣмцы должны глядѣть въ оба.

2.

Я думаю, что такъ именно думалъ средній британскій солдатъ, который былъ посланъ во Францію, въ ту невѣдомую страну,

гдѣ онъ долженъ былъ исполнять, что ему прикажутъ. Младшіе изъ солдатъ еще ничего не знали о психологическомъ дѣйствіи орудійнаго огня, и страхъ не касался ихъ воображенія. Старые солдаты, вернувшіеся въ строй изъ запаса, судили о войнѣ примѣнительно къ Южно-Африканской кампаніи или Омдурману и не подозрѣвали, что эта война будетъ гораздо чудовищнѣе предыдущихъ, такъ что Трансваальская кампанія будетъ казаться по сравненію съ ней попросту пикникомъ. Они еще не слышали страшнаго рева нѣмецкой артиллеріи и не видали небеса разверстыми и изливающими смерть.

Британскій офицеръ былъ задумчивъ и озабоченъ, но онъ не дѣлился своими думами съ солдатами. Только въ спокойной бесѣдѣ среди своихъ полковыхъ товарищей онъ говорилъ о тѣхъ предчувствіяхъ, которыя тяготили его душу.

— Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая армія величайшая боевая машина въ Европѣ. Мы можемъ не любить ихъ методовъ, ихъ желѣзную систему и все такое—о, я знаю, что писалъ объ ихъ послѣднихъ маневрахъ сотрудникъ Таймса—но они подготовлялись къ этой войнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ихъ организація совершенно закончена. Ну, а какъ французы? Да, храбрости имъ не занимать стать, и я видѣлъ ихъ артиллеристовъ—прямо-таки удивительные люди—но хватитъ ли у нихъ выдержки? Подготовлены ли они? Какъ относительно ихъ политиковъ? Вообще, мнѣ не нравится положеніе вещей. Мы ввязались въ эту чертовскую войну, должны были ввязаться, это правда,—но если у французовъ дѣла пойдутъ неважно, у насъ не найдется ничего, чѣмъ можно было бы ихъ поправить. Не то, чтобы я былъ пессимистомъ, сохрани меня Боже...

Нѣтъ, эти британскіе офицеры не были пессимистами, когда они прослѣдовали во Францію, и младшіе изъ нихъ, всѣ эти лейтенанты, которые только что вышли изъ военныхъ школъ Сандхерста и Стонихерста и англійскихъ колледжей со всей великолѣпной невозмутимостью ихъ класса и касты, скрывая свои юные годы подъ маской степенности и не выдавая себя ни малѣйшимъ жестомъ или словомъ, отправились на эту войну съ безстрастнымъ и безсознательнымъ героизмомъ. Въ противоположность французскимъ офицерамъ, у которыхъ развиты тѣ черты, благодаря которымъ они радуются поклоненію на улицахъ, привѣтственнымъ крикамъ толпы, развѣвающимся платкамъ женщинъ и дождю цвѣтовъ съ высокихъ балконовъ, эти англійскіе юноши укладывали свои чемоданы и покидали свои семьи, какъ будто они уѣзжали въ школу послѣ каникулъ, нѣсколько мрачные и серьезные при мысли о предстоящемъ дѣлѣ.

— До свиданья, мама.

Объятья длились нѣсколькими секундами дольше, чѣмъ обыкновенно. Мать крѣпко прижимала къ себѣ сына и блѣднѣла, но ея голосъ звучалъ такъ же ровно, какъ и всегда, и она говорила привычныя слова ласки и совѣта, какъ если бы ея мальчикъ отправлялся на охоту или на игру въ поло.

— До свиданья, милый. Ты будешь остороженъ, не правда ли? Избѣгай излишняго риска.

— Да, мама, Навѣрное, скоро вернусь.

Этимъ въ большинствѣ случаевъ ограничивалось все. Ни рыданій, ни отчаянія, ни пышныхъ словъ о патріотизмѣ и о сладости смерти за родину, объ обязанности поддержать старыя боевыя традиціи. Все это подразумѣвалось само собой, какъ оно подразумѣвалось, когда этотъ высокій молодой человѣкъ въ франтовскомъ костюмѣ хаки съ ремнями коричневой кожи былъ лысымъ младенцемъ на кружевной подушкѣ или безпокойнымъ мальчуганомъ въ огромной дѣтской. Слово патріотизма никогда не произносится въ семьяхъ этого класса. Въ нихъ не слышно торжественныхъ разсужденій о долгѣ по отношенію къ родинѣ. Все это признается такимъ же обыденнымъ, какъ хлѣбъ съ масломъ за завтракомъ, какъ хорошія манеры воспитанныхъ людей. Когда у матери родился младенецъ мужескаго пола, она знала, что этотъ первенецъ будетъ солдатомъ. Въ тысячахъ семействъ все еще царитъ такая традиція. Мать знала также, что если появится необходимость для Англіи послать карательную экспедицію противъ какого-нибудь дикаго племени или захватить новый клочекъ земли для Британской имперіи, ея мальчикъ приметъ участіе въ этомъ и будетъ подвергаться риску смерти совершенно такъ же, какъ его отецъ и его дѣдъ въ прежніе дни. Сынъ зналъ это также, хотя ему никогда не говорили объ этомъ. При достиженіи имъ извѣстнаго возраста отъ него ожидалось извѣстное рѣшеніе.

— Я думаю, что ты скоро будешь готовъ для поступленія въ Сандхёрстъ, Дикъ?

— Да, я надѣюсь, папа!

Такимъ образомъ, когда была объявлена война, молодые люди этого класса, произведенные въ офицеры за шесть мѣсяцевъ до войны, отправились во Францію, какъ большинство людей ежедневно идетъ на свои занятія, безъ энтузіазма, но и безъ страха, совершенно такъ же, какъ клеркъ какого-нибудь лондонскаго банка отправляется на утреннемъ поѣздѣ изъ пригорода въ Сити. Но вѣдь возможно, что ихъ ждала смерть? Да. Очень вѣроятно. Они умрутъ тогда также спокойно. Это былъ вполнѣ естественный конецъ, принимая во вниманіе родъ ихъ службы. Чертовски скверное обстоятельство, конечно, но его не слѣдуетъ принимать въ соображеніе больше, чѣмъ рискъ сломать себѣ шею при скачкѣ съ препятствіями. Для этого риска и былъ рожденъ этотъ молодой человѣкъ. Это была цѣна, которую онъ платилъ за принадлежность къ своей кастѣ.

3.

Въ британской арміи были кой-какія проявленія чувства, невидимыя на поверхности. Въ гостиныхъ многихъ домовъ происходили интимныя драмы. Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ

были въ „растрепанныхъ“ чувствахъ: эта неожиданная война означала разлуку съ женщинами, которыя должны были попасть въ чертовски трудное положеніе, если что-нибудь случится съ извѣстными майорами и капитанами. Любовныя дѣла, отличавшіяся нѣсколько сложнымъ характеромъ, были разрѣшены сразу и просто: „Нужно разстаться, мой другъ... Мнѣ тяжело оборвать наши отношенія, но, можетъ быть, въ концѣ-концовъ это послужитъ къ лучшему для обоихъ насъ. Не правда ли?“ Война давала выходъ для людей, находящихся въ запутанномъ положеніи, съ мучительными долгами и съ глупыми обязательствами, которыхъ нельзя было исполнить. Да, это былъ случай все оборвать и бѣжать. Между новой жизнью и старой не будетъ моста, черезъ который можетъ перейти женщина или неотвязчивый призракъ долга. Война всегда является путемъ спасенія, хотя бы въ концѣ-концовъ пришлось перейти въ мрачную долину смерти.

На лицахъ англійскихъ офицеровъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ этой тайной драмы. Когда они высадились въ Булони, на ихъ лицахъ, которыя были пріучены казаться безстрастными, не было замѣтно рѣшительно ничего. Въ Руанѣ, въ Ле-Манѣ, въ Сенъ-Омерѣ и многихъ другихъ французскихъ городахъ я наблюдалъ нашихъ офицеровъ и старался прочитать ихъ характеръ послѣ того, какъ я пріучился наблюдать людей другого склада ума среди французовъ. Дѣйствительно, по-своему они были великолѣпны—первые джентльмены въ мірѣ, наиболѣе совершенный типъ аристократа. Ихъ спокойствіе и ихъ холодность сильно поразили меня, благодаря рѣзкому контрасту съ окружавшими ихъ французами. Въ первый разъ въ моей жизни я увидалъ моихъ соотечественниковъ какъ бы глазами иностранца и понялъ всю силу нашего національнаго характера. Пріятно было наблюдать сильныя фигуры этихъ людей, съ ихъ рѣзко очерченными англійскими лицами и съ ихъ красивыми легкими движеніями, совершенно безсознательными и непринужденными, благодаря тому, что они играли во всѣ игры съ ранняго возраста, такъ что ихъ атлетическое сложеніе было не испорчено преднамѣреннымъ искусственнымъ развитіемъ. Я также отдалъ дань почтенія покрою и удобству ихъ форменной одежды, такой щеголеватой, простой и такой практичной для похода. Только англичане могутъ носить такой костюмъ и казаться хорошо одѣтыми. Въ этихъ французскихъ городахъ я видѣлъ, какъ вліяніе англійской школьной жизни и всѣхъ нашихъ соціальныхъ традицій рѣзко выдѣляетъ англичанъ среди другого народа съ другими привычками и идеалами. Они были увѣрены, ничѣмъ внѣшнимъ не обнаруживая этого, въ томъ, что они были высшими существами, предназначенными Богомъ или силою судьбы къ тому, чтобы поддержать цивилизацію во всемъ ея величіи. Они были вполнѣ увѣрены въ этомъ, не хвастаясь, не упоминая объ этомъ, а смотря на это какъ на признанный фактъ точно такъ же, какъ они принимали за признанный фактъ, что они должны были отправиться во Францію и умереть, если это имъ суждено. И наблюдая ихъ за столикомъ кафе, въ главной квартирѣ, на

мѣстахъ ихъ стоянокъ, я согласился съ тѣмъ, что въ общемъ они были правы. Несмотря на необыкновенное невѣжество огромнаго большинства ихъ въ искусствѣ и литературѣ, несмотря на понятія, вбитыя въ нихъ стереотипнымъ образомъ ихъ школами и университетами, такъ что можно было въ точности знать ихъ отношеніе къ такимъ вопросамъ, какъ соціальная реформа, международное сближеніе, самоуправленіе для Ирландіи, равноправіе женщинъ, т.-е. ко всякой широкой проблемѣ, требующей свободы и отсутствія предвзятости—все же невозможно было не признать, что эти британскіе офицеры обладаютъ высшими качествами, дающими верховенство надъ людьми. Ихъ храбрость не была страстью, вызванной яростью, или религіознымъ пыломъ, или патріотическимъ энтузіазмомъ. Она была самимъ закономъ ихъ жизни, существенной частью ихъ. Они не сознавали своей храбрости, какъ человѣкъ не сознаетъ того, что онъ дышетъ. Ихъ честь не служила темой для ихъ разговоровъ. Болтать о чести арміи или о чести Англіи было для нихъ то же, что говорить о чести матери. Этого не могло быть. И все-таки, какъ говорилъ Маркъ Антоній, „Они были всѣ честные люди“ и казалось были проникнуты суровой доблестью, которой не могло коснуться искушеніе, доблестью суровыхъ людей, кодексъ которыхъ допускаетъ извѣстные легкіе грѣхи, но не прощаетъ ни предательства, ни трусости. У этихъ молодыхъ людей, пришедшихъ на эту страшную войну, была прекрасная манера держать себя. Было невыразимо пріятно слышать, какъ они говорятъ другъ съ другомъ, говорятъ такъ же вѣжливо, безстрастно и спокойно, какъ это принято въ клубахъ Сентъ-Джемсъ-Стрита. Ни разу, на манеръ французскихъ солдатъ, они не кидались въ горячіе дебаты объ этикѣ войны и философіи жизни или о прогрессѣ цивилизаціи и правахъ демократіи. Никогда они не открывали передъ случайнымъ знакомымъ, какимъ былъ для нихъ я, того, что открывали сотни французскихъ солдатъ, а именно, своихъ сердечныхъ тайнъ о женщинахъ, которыхъ они оставили, о своемъ страхѣ смерти или понятіи о Божествѣ. Даже война, расторгнувшая старые запреты, разбившая вдребезги старыя условности, не могла пошатнуть кодексъ этихъ юныхъ англійскихъ джентльменовъ, первые и послѣдніе уроки которыхъ заключались въ умѣньѣ не говорить о себѣ и въ умѣньѣ владѣть собой. Въ Англіи эти черты подразумѣваются сами собой и о нихъ едва ли тамъ думаютъ. Только иностранецъ можетъ подмѣтить ихъ въ англичанахъ. Но во Франціи во время войны, въ странѣ трепещущей чувствами, сдержанность манеръ и рѣчи и полнѣйшее игнорированье всѣхъ проблемъ и тайнъ жизни вмѣстѣ со спокойнымъ, бодрымъ отношеніемъ къ страшной войнѣ изумляло англичанъ, которые такъ давно жили заграницей, что могли смотрѣть со стороны на этихъ офицеровъ и находить въ нихъ черты характера, которыхъ они раньше въ Англіи не замѣчали. Было что-то величавое въ этихъ простыхъ самоувѣренныхъ, нормальныхъ людяхъ, которые не суетились, а повиновались приказаньямъ или давали ихъ съ тѣмъ духомъ дисциплины, который былъ врожденъ ихъ думамъ,

а не былъ навязанъ извнѣ. И все же нужно сказать, что я могъ понять, почему нѣкоторые изъ французовъ, несмотря на свое восхищенье ими, приходили иногда въ раздраженіе отъ британскихъ офицеровъ. Были моменты, когда сходство этихъ офицеровъ между собой, однообразіе этихъ смѣшныхъ маленькихъ подстриженныхъ усовъ, интонація голосовъ и манера цѣдить слова, усвоенная въ школахъ, представлялись для французовъ невыносимыми. У англійскихъ офицеровъ были манеры касты и тѣ черты высокомѣрія и надменности, которыя присущи кастѣ, находящейся въ силѣ. Каждая ихъ мысль была мыслью касты, и они презирали вѣжливымъ образомъ тѣхъ бѣднягъ, у которыхъ были другія мысли, и которые были виновны—не по собственной винѣ, конечно—въ чудовищно скверномъ образѣ мыслей. Быть соціалистомъ въ ихъ обществѣ было бы хуже чѣмъ быть пьянымъ. Выразить вѣру въ демократическую свободу, значило бы заставить ихъ внезапно замолчать, какъ будто бы какая-то непристойность выше предѣловъ, позволенныхъ въ офицерскомъ клубѣ, была высказана невоспитаннымъ человѣкомъ.

Ихъ отношеніе къ французскимъ офицерамъ въ началѣ войны было нѣсколько натянутое. Это было вѣжливое, но надменное снисхожденіе. Извѣстное число французскихъ офицеровъ лучшихъ фамилій было назначено въ качествѣ переводчиковъ въ британскую экспедиціонную армію. Между ними были аристократы, чьи имена проходили золотою нитью черезъ страницы французской исторіи. Поэтому понятно, что юный виконтъ де-Шозъ или нѣкій маркизъ де-Машэнъ былъ приведенъ въ полнѣйшее замѣшательство, когда къ своему удивленію онъ находилъ, что его знаніе англійскаго языка служитъ для того, чтобы купить коробку папиросъ для лейтенанта, который не говорилъ по-французски, или чтобы бѣжать по порученіямъ для британскихъ офицеровъ, которые принимали такія услуги, какъ нѣчто должное. Солдаты британской арміи, первыми пришедшіе во Францію, были также нѣсколько неразборчивы по отношенію къ французской щепетильности. Послѣ перваго взрыва энтузіазма и привѣта, который простирался на всякаго, одѣтаго въ хаки, французы стали смотрѣть нѣсколько косо на шотландскіе и англійскіе полки, солдаты которыхъ требовали подарковъ въ магазинахъ и, находясь подъ хмѣлькомъ, обходились не совсѣмъ-то вѣжливо съ приличными и хорошо воспитанными молодыми женщинами. Это было неизбѣжно. Въ нашей регулярной арміи были подонки многихъ городовъ, такъ же какъ и лучшая кровь нашего крестьянства и нашихъ хорошихъ старыхъ фамилій. Грубые молодцы, призванные изъ запаса изъ Глазго и Ливерпуля, Кардифа и Лаймхауса, не признавали утонченностей младшаго поколѣнія солдатъ, которые предпочитаютъ лимонадъ виски и конфекты крѣпкому табаку. Эти-то молодцы первой экспедиціонной арміи и задали много хлопотъ военной полиціи и впослѣдствіи очутились подъ желѣзной пятой дисциплины, которая сурова и необходима во время войны.

4.

Эти англичане были героями, но преклоненіе передъ героями не должно закрывать намъ глаза на истину. Нѣтъ ничего болѣе фальшиваго, какъ воображать, что война очищаетъ людей отъ всѣхъ ихъ недостатковъ и грѣховъ, и что огромная масса людей, собранная подобно англійской арміи изъ всѣхъ классовъ населенія и многихъ городовъ, внезапно превратится подъ тѣнью смерти въ безпорочныхъ воиновъ безъ страха и упрека, воодушевленныхъ высочайшими идеалами рыцарства. Если бы только послѣ войны появился изъ рядовъ арміи какой-нибудь новый Шекспиръ и далъ намъ безсмертные портреты Фальстафа двадцатаго вѣка вмѣстѣ съ современными Нимомъ, Пистолемъ и Бардольфомъ, что за чудная комедія предстала бы передъ нами среди всей этой трагедіи во Франціи и Фландріи, оттѣняя собою величавый героизмъ всѣхъ тѣхъ благородныхъ и возвышенныхъ бойцовъ, которые думали какъ рыцари короля Генри при Азинкурѣ, что „чѣмъ меньше борцовъ, тѣмъ больше для нихъ чести“, и дрались за Англію, преданные ей и безразличные къ смерти. Послѣ британскаго отступленія отъ Монса, когда наши регулярныя войска поняли, что такое современная война, убѣдившись на опытѣ, что это не „пикникъ“, а ужасная борьба противъ подавляющаго численностью врага и противъ его адскихъ орудій, во Францію потянулись въ высшей степени удивительные типы людей, призванныхъ заполнить порѣдѣвшіе ряды англичанъ и принять участіе въ смертельной борьбѣ. Территоріальные офицеры, которые служили въ іоманри, старые солдаты, которые когда-то служили въ Индіи, Египтѣ и Южной Африкѣ, до сего времени игравшіе вѣчныя партіи въ шахматы на Сентъ-Джемсъ-стритѣ или распивавшіе чай у сельскихъ пасторовъ и гонявшіе крокетные шары на лужайкахъ; провинціальные учителя, которые могли прочесть наизустъ страницу изъ Овидія съ высшей степени отчетливой дикціей; старые господа съ багровыми лицами, которые въ теченіе многихъ лѣтъ искушали Провидѣніе и апоплексію своимъ бѣшенымъ гнѣвомъ на своихъ лакеевъ, и молодые аристократы, которые въ свое время послужили въ гвардіи, прежде чѣмъ бездѣльничать въ Брайтонѣ съ хористками, всѣ прибывали въ Булонь или въ Гавръ съ каждымъ пароходомъ и изумляли жителей этихъ городовъ своими воинственными манерами. Красный Крестъ былъ отвѣтственъ за многихъ поразительныхъ представителей британской національности во Франціи, гдѣ появились и другіе кресты—Пурпурный, Зеленый, Синій и Черный. Благосклонные старые джентльмены, наряженные на манеръ подержанныхъ фельдмаршаловъ, ковыляли по набережнымъ и отвѣчали на козырянье пораженныхъ и изумленныхъ французскихъ солдатъ съ кроткой, но важной благосклонностью. Евреи не только жертвовали Красному Кресту свои неисчерпаемыя богатства, но и своихъ богатыхъ молодыхъ людей, которые отдали себя и свои автомобили для этого гуманнаго дѣла, хотя большая часть ихъ

не приближалась къ фронту (не по своей винѣ) дальше, чѣмъ Руанъ или Парижъ, гдѣ они тратили гигантскія суммы денегъ въ лучшихъ отеляхъ и вывозили кататься своихъ знакомыхъ дамъ на великолѣпныхъ санитарныхъ моторахъ. Булонь была переполнена мужчинами и женщинами въ военныхъ мундирахъ неизвѣстнаго образца съ гербами загадочнаго значенія. Даже сыщики Скотландъ-Ярда были приведены въ замѣшательство нѣкоторыми изъ этихъ господъ, паспорта которыхъ были въ порядкѣ, но костюмы которыхъ вызывали глубокое подозрѣніе. Что могли они подѣлать, напримѣръ, съ молодымъ индусомъ, одѣтымъ какъ бой-скаутъ, въ очкахъ съ черепаховой оправой и съ цѣлымъ наборомъ висящихъ мѣшковъ, флягъ, географическихъ картъ, кухонной утвари и прочихъ матеріаловъ, разсчитанныхъ на пребываніе на необитаемомъ островѣ? Или что могли они сказать дамѣ въ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, съ револьверомъ, заткнутымъ за поясъ, и съ морской шляпой на головѣ, желавшей ухаживать за ранеными въ частномъ госпиталѣ въ Ниццѣ? Цѣлые отряды рѣдкостныхъ дамъ наводняли чайныя въ Булони и вызывали панику среди горничныхъ. На нихъ были шляпы ковбоевъ и синіе мундиры подъ толстыми синими шинелями, которыя были буквально усыпаны мѣдными пуговицами. На ихъ могучихъ бюстахъ были четыре ряда пуговицъ, и опять-таки рядъ мѣдныхъ пуговицъ на каждой сторонѣ ихъ шинелей, равно какъ на ихъ плечахъ и на спинѣ подъ ременными кушаками. При свѣтѣ фонарей въ чайныхъ, гдѣ онѣ поглощали безчисленную массу пирожныхъ и кэкса, глаза посѣтителя болѣли отъ всего этого блеска сіяющаго металла. На раненаго видъ одной изъ этихъ дамъ долженъ былъ производить ошеломляющее дѣйствіе, какъ будто бы рядомъ съ его кроватью только что разорвался снарядъ и разсыпалъ вокругъ куски стали. Молодые офицеры, только что получившіе приказъ о производствѣ, на которомъ едва высохли чернила, пощипывали свои пробивающіеся усики и говорили, что война настоящій адъ.

Нѣкоторые изъ пожилыхъ офицеровъ, призванные въ войска послѣ многихъ лѣтъ покоя, обрѣли опять духъ юности, какъ только они вступили на почву Франціи, и бросились во всѣ тяжкія, какъ тогда, когда они были младшими лейтенантами среди холмовъ Индіи. Я помню, какъ одинъ изъ этихъ старыхъ джентльменовъ не хотѣлъ итти спать въ Hôtel Tortoni въ Гаврѣ, хотя онъ долженъ былъ выступить въ шесть часовъ слѣдующаго утра съ вѣроятностью быть убитымъ, прежде чѣмъ не пройдетъ недѣля. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ уговорили его уйти въ его комнату, какъ разъ передъ полночью, но онъ опять сошелъ внизъ, проклиная ихъ, и вышелъ на большую молчаливую площадь, призывая во все горло лондонскій таксомоторъ. Мнѣ стало жалко, что такой старый офицеръ со многими орденскими ленточками на груди, указывавшими на выдающуюся службу, станетъ блуждать по городу, гдѣ во мракѣ ночи таилось много подозрительныхъ типовъ. Я спросилъ его, не указать ли ему дорогу назадъ къ Hôtel Tortoni. „Сэръ, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ

нужно попасть на площадь Пиккадилли-сиркосъ, и если я услышу отъ васъ еще какую-нибудь дерзость, я сверну вамъ шею". Черезъ нѣсколько минутъ два апаша показались около него, и онъ удалился съ ними въ глухую улицу, говоря по-французски съ большимъ затрудненіемъ и съ ужасающимъ акцентомъ. Это былъ Фальстафъ двадцатаго вѣка, который могъ бы послужить драматургу для созданія смѣхотворнаго типа среди мрачнаго ужаса войны.

5.

Нужно стараться помнить, что армія только собирательное понятіе, и насколько возможно стараться видѣть въ ней совокупность отдѣльныхъ индивидуальностей съ различными темпераментами, идеалами и складомъ ума. У насъ уже слишкомъ много пишется о британской экспедиціонной арміи, какъ будто бы она представляла собою гигантскій живой организмъ, воодушевленный одною мыслью и преслѣдующій одну цѣль. Въ ея рядахъ находился и уличный торговецъ съ его лондонскимъ говоромъ и лондонскимъ остроуміемъ, съ его непривычкой къ тишинѣ и молчанію и съ его чувствомъ одиночества и потерянности вдали отъ сіянія газовыхъ фонарей и хриплыхъ голосовъ толпы лондонскихъ переулковъ, такъ что когда я встрѣтился съ нимъ среди тумана на тянущихся далеко болотистыхъ равнинахъ Фландріи, онъ признался мнѣ, что чувствуетъ себя совсѣмъ скверно. Тутъ же былъ ирландскій крестьянинъ, который слышалъ голосъ феи Банши, предвѣщавшей смерть, и слышалъ другіе загадочные голоса сверхъестественныхъ существъ, шепчущихъ съ той меланхоліей, которая была присуща ему, уроженцу пустынной Коннемары. Рядомъ съ нимъ находился англійскій ремесленникъ, человѣкъ здраваго смысла, великолѣпно знающій свое дѣло, со смѣтливымъ, острымъ умомъ и стальными нервами, а также шотландецъ, уроженецъ равнины, упорный и жесткій, съ грубой рѣчью и дикими боевыми инстинктами. Солдаты, побывавшіе въ бояхъ и знавшіе, какъ вести себя, были какъ бы цементомъ въ полкахъ, составленныхъ изъ новичковъ, первое знакомство которыхъ съ орудійнымъ огнемъ такъ потрясало ихъ души, что нѣкоторые изъ нихъ хныкали и были бѣлы, какъ полотно, отъ страха.

Тѣ, что пришли во Францію съ первой экспедиціонной арміей, встрѣтили ужасы, которыхъ не зналъ міръ до этихъ поръ, и недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ они должны были твердо держаться противъ бури снарядовъ, которые, казалось, были не дѣломъ рукъ человѣческихъ, а дьявольскимъ ухищреніемъ по своей силѣ и разрушительности. Уничтожались цѣлыя роты, батальоны превращались въ кучки людей, но уцѣлѣвшіе должны были снова итти на смерть. Знаменитые въ исторіи Англіи полки терпѣли страшный уронъ въ людяхъ, и такъ часто заполнялись новыми бойцами, что старые полки существовали только по имени, и оставшіеся въ живыхъ офицеры и солдаты почти теря-

лись въ массѣ вновь пришедшихъ. Однако, благодаря какому-то чуду, кроющемуся въ крови британскаго народа, какъ и въ крови каждаго народа, если онъ не выродился совершенно, эти лондонцы и крестьяне, шотландцы и ирландцы, жители центральной Англіи, ея сѣвера и мѣстностей, прилегающихъ къ Лондону, встрѣтили это чудовищное испытаніе стойко и безъ жалобъ. Съ мужественной гордостью, съ упорнымъ и непоколебимымъ презрѣньемъ ко всей этой дьявольской пыткѣ, ненавидя ее, но не избѣгая ея, испытывая страхъ, но отказываясь отдаться малодушію, больные душой отъ крови и всего этого звѣрства, но все же здоровые и умомъ, и тѣломъ, несмотря на то, что ихъ нервы были расшатаны, солдаты британской экспедиціонной арміи во Франціи и во Фландріи, подъ начальствомъ молодыхъ людей, отдававшихъ свою жизнь чудовищному аппетиту смерти съ расточительностью мотовъ, дрались съ сверхчеловѣческой храбростью.

6.

Хотя я и находился по большей части среди бельгійцевъ и французовъ, мнѣ все же представлялось много случаевъ видѣть британскія войска и говорить съ англійскими офицерами и солдатами, только что вернувшимися съ поля сраженія. Я проходилъ по британскимъ госпиталямъ и британскимъ санитарнымъ поѣздамъ, гдѣ тысячи ихъ лежали съ недавно полученными ранами, и я обѣдалъ съ ними, когда послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія они возвращались на фронтъ для того, чтобы опять снова подвергнуться риску смерти. Всегда я испытывалъ родъ какого-то изумленія передъ этими людьми. Послѣ многихъ мѣсяцевъ войны нераненые англичане съ внѣшней стороны все еще оставались такими же, какъ и раньше, хотя что то измѣнилось въ ихъ душахъ. Они были попрежнему спокойны, въ совершенствѣ владѣли собой, не обнаруживали своихъ чувствъ. Только благодаря нервнымъ движеніямъ ихъ рукъ, безпокойству, съ которымъ они не могли сидѣть на одномъ мѣстѣ, и внезапному молчанію можно было замѣтить признаки переутомленія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Даже легко раненые солдаты были поразительно жизнерадостны, энергичны и не впадали въ унынiе. Бывали моменты, когда мнѣ приходило на умъ, что мое воображеніе преувеличивало то, что я видѣлъ и слышалъ, и что въ концѣ-концовъ война не такъ ужъ страшна, а попросту походитъ на опасную охоту на дикаго звѣря. Только когда я проходилъ среди тяжело раненыхъ, я снова убѣждался въ необъятности того ужаса, который испытали эти люди, и къ которому нѣкоторые изъ нихъ возвращались снова. Когда крики бѣдныхъ страдальцевъ раздавались въ моихъ ушахъ, когда однажды я прошелъ мимо офицера, сидѣвшаго на своей кровати и съ безумнымъ хохотомъ смотрѣвшаго на себя въ зеркало, и когда я увидалъ людей съ обѣими ногами, ампутированными до бедеръ, или съ одной ногой, разорванной въ клочья, и другой ногой, уже отпи-

ленной, находившихся среди слѣпыхъ, парализованныхъ и обезображенныхъ до того, что въ нихъ трудно было признать человѣческія существа, тогда я оцѣнилъ храбрость тѣхъ, кто видѣлъ и зналъ все это, но шелъ опять навстрѣчу тому же самому ужасу.

7.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на британскомъ фронтѣ установилось сравнительное спокойствіе послѣ страшныхъ атакъ на наши позиціи у Суассона, Венизеля и Викъ-сюръ-Эна и еще болѣе кровопролитныхъ битвъ вокругъ Ипра осенью перваго года войны. Каждый изъ противниковъ устроился на зиму, и истребленіе другъ друга происходило главнымъ образомъ благодаря постоянному артиллерійскому огню, изрѣдка прерываемому штыковыми боями между засѣвшими въ траншеяхъ. Этотъ долгій періодъ мрачныхъ дождливыхъ дней былъ самымъ тяжелымъ испытаніемъ для нашихъ солдатъ, когда угнетеніе духа тяжко чувствовалось ими, и когда при всей ихъ храбрости такія пышныя слова какъ честь и слава не будили энтузіазма въ ихъ сердцахъ. На „Улицѣ Сточной канавы“ и въ другихъ траншеяхъ, получившихъ такое же краснорѣчивое названіе, между двухъ стѣнъ липкой грязи, гдѣ ноги ихъ покрывались коростой и болячками, они стояли по колѣни въ водѣ до тѣхъ поръ, пока многіе изъ нихъ не были отправлены въ тылъ съ бронхитомъ и пневмоніей, а оставшіеся, напоминая собой вороньи пугала, до того они были облѣплены грязью, дрожали отъ холода и сырости, несмотря на всѣ ихъ шарфы и фуфайки. Вши кишѣли на англичанахъ, этихъ джентльменахъ изъ приличныхъ уважаемыхъ семей, на этихъ дэнди, которые когда-то прогуливались по тѣневой сторонѣ Пэль-Мэля, чистые и безукоризненные какъ ихъ лавендовыя перчатки. Отвратительныя насѣкомыя ѣли ихъ живьемъ и причиняли невыносимые зудъ и страданіе. Неслыханныя и страшныя заболѣванія начались между ними, хотя распространеніе ядовитыхъ микробовъ и было пріостановлено бдительными людьми науки въ лабораторіяхъ, находящихся далеко отъ фронта. Впервые люди, чуждые науки, услышали названіе цереброспинальнаго менингита и содрогнулись. Война превратилась въ безнадежную, нудную процедуру безъ всякихъ впечатлѣній за исключеніемъ случаевъ, когда люди, по колѣна стоявшіе въ водѣ, разрывались на части снарядами и плавали въ кровавой кашѣ, наполнявшей траншею. Это было уродливо, безобразно и не придавало бодрости защитникамъ траншей. Сильныя страсти, если онѣ и пылали когда-нибудь въ сердцахъ этихъ британскихъ солдатъ, сгорѣли и превратились въ бѣлую золу терпѣливаго страданія. Конечно, у нихъ не было никакой ненависти къ врагамъ, находившимся къ нимъ такъ близко. Эти нѣмцы переносили тѣ же мученія. Англичане испытывали къ нимъ только жалость и чувство товарищества какъ къ людямъ, осужденнымъ жестокими богами испытывать тѣ же самыя муки.

Это чувство товарищества достигло удивительныхъ размѣровъ на Рождествѣ. Между врагами заключались перемирія, и тѣ, что занимались убійствомъ другъ друга, выходили изъ своихъ окоповъ и братались со своими противниками. Имѣется много фотографій, гдѣ нѣмцы и англичане стоятъ рядомъ и держатъ другъ друга за руки. Они обмѣнивались папиросами, похлопывали другъ друга по плечу и проклинали войну... Война стала самымъ трагическимъ фарсомъ въ мірѣ. Ужасная безсмыслица ея была очевидна, когда солдаты двухъ народовъ, истребляющихъ другъ друга, стояли рядомъ въ сѣромъ туманѣ и чувствовали только симпатію другъ къ другу. Эти саксы не хотѣли убивать саксовъ: они были той же самой расы и крови, они такъ похожи другъ на друга, съ тѣми же самыми чувствами и взглядами. И тѣ, и другіе находились подъ чарами далекихъ, могучихъ силъ, которыя вызвали эту войну и такъ поработили ихъ, что, подобно гладіаторамъ въ римскихъ циркахъ, они убивали другъ друга для того, чтобы не быть убитыми своими повелителями. Чудовищное безсмысліе войны, этого дьявольскаго фарса было понято этими кучками людей, стоявшихъ рядомъ другъ съ другомъ въ туманахъ Фландріи... Это безсмысліе сдѣлалось настолько очевиднымъ, что потребовались особые приказы по арміи, чтобы предотвратить такого рода перемирія. Приказы эти были изданы, но не всегда исполнялись. Въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ нѣмецкіе и британскіе солдаты въ сосѣднихъ окопахъ все еще держались тайнаго соглашенія: они стрѣляли для виду въ извѣстныя имъ мѣста въ извѣстное время и затѣмъ спокойно расходились, увѣренные въ своей безопасности и въ томъ, что другая сторона ихъ не обманетъ.

Нѣмецкій офицеръ сигнализировалъ изъ своей траншеи одному нашему лейтенанту:

— У меня въ окопѣ шесть вашихъ солдатъ. Что мнѣ съ ними дѣлать?

Лейтенантъ сигнализировалъ въ отвѣтъ:

— У меня двое вашихъ. Настоящая потѣха!

Англійскій офицеръ обратился къ двумъ нѣмцамъ:

— Послушайте, вы лучше ушли бы отсюда. Иначе я долженъ считать васъ плѣнными.

— Мы хотимъ быть плѣнными, — отвѣчали нѣмцы, которые говорили съ акцентомъ Тоттенхэмъ-Коуртъ-Роада.

Въ концѣ-концовъ лейтенантъ не захотѣлъ воспользоваться ихъ любезностью и попросилъ ихъ убраться во свояси.

Такимъ то образомъ, только со случайными эпизодами въ родѣ этого, нарушавшими мертвящее однообразіе жизни въ окопахъ и заставлявшими обѣ стороны подумать о загадочныхъ свойствахъ людей, согласившихся избивать себѣ подобныхъ по приказу высшихъ силъ, недоступныхъ ихъ пониманію, эта страшная зима прошла въ одной долгой агоніи холода и страданій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

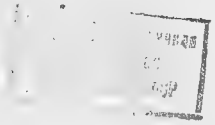
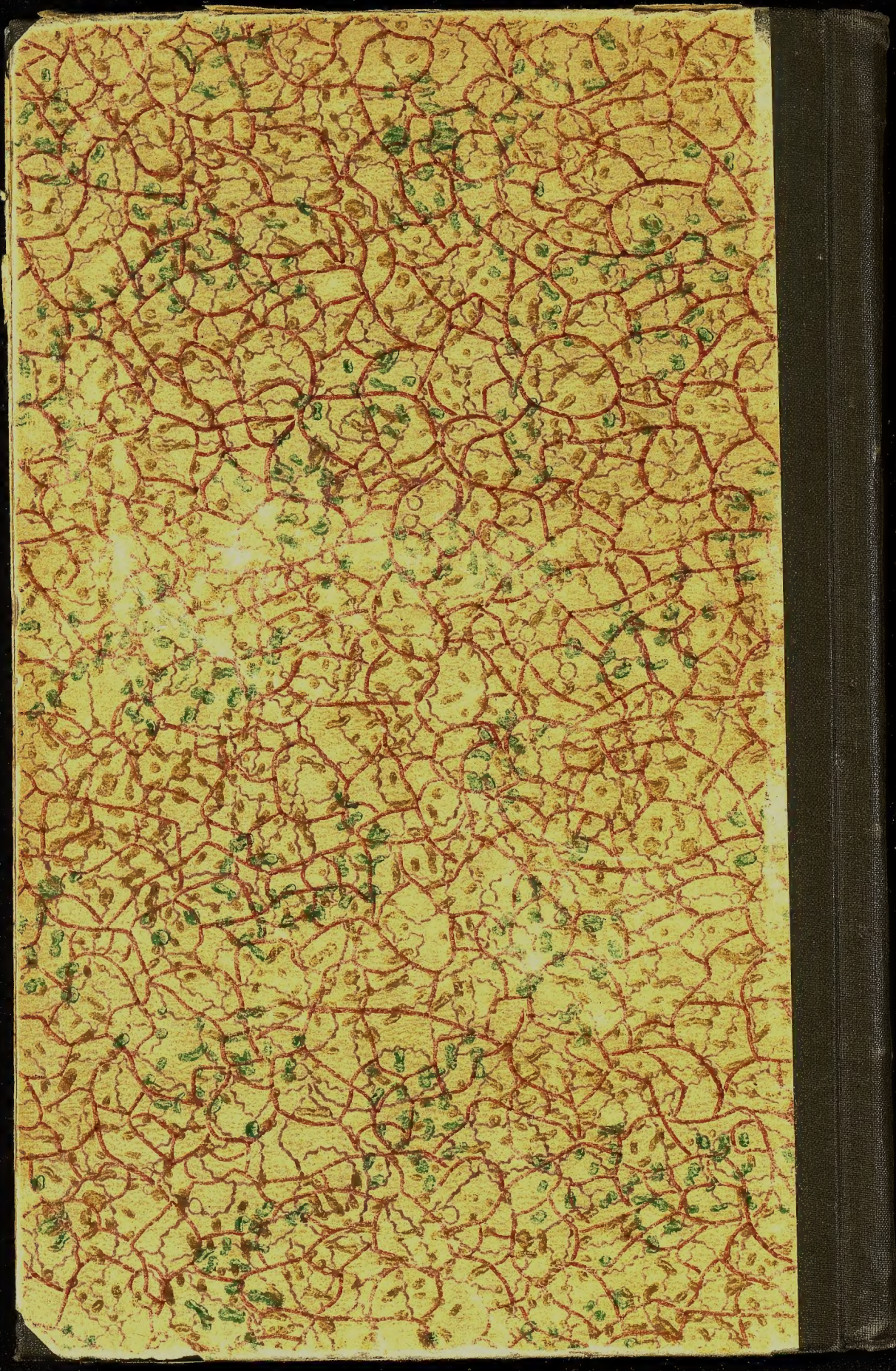
Я занесъ въ эту книгу попросту сцены и типы войны, какъ они проходили у меня передъ глазами и какъ я наблюдалъ ихъ почти въ продолженіе года. Если и имѣется какая-нибудь цѣль, которую я преслѣдовалъ здѣсь кромѣ передачи фактовъ, такъ она состоитъ въ разоблаченіи души войны безъ всякихъ прикрасъ и напыщенныхъ фразъ. Изъ всѣхъ моихъ убѣжденій самымъ сильнымъ является то, что каждый, кто наблюдалъ войну, долженъ, если онъ не лишенъ чувства состраданія и дара передавать свои мысли, посвятить свой умъ и сердце священной обязанности не допускать другой войны, подобной этой. Человѣкъ, владѣющій перомъ, какъ бы слабо оно ни было, долженъ пользоваться имъ для того, чтобы высказать правду объ этомъ чудовищномъ ужасѣ, запечатлѣть его жестокости въ умахъ читателей и сорвать съ него покровы, которыми стараются прикрыть его гнусность вожди народовъ. Совѣсть Европы не должна быть снова убаюкана наркотиками старыхъ фразъ объ „облагораживающемъ вліяніи войны“ и объ ея „очистительномъ огнѣ“. Эта совѣсть должна пробудиться къ подлинной реальности преступленія, въ которое вовлечено все человѣчество, такъ чтобы со стороны всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра раздался крикъ бѣшенства и ужаса въ томъ случаѣ, если духъ милитаризма опять подниметъ свою голову и потребуетъ новыхъ кровавыхъ жертвъ и гибели красоты жизни. Нѣмцы показали міру, что такое война, ея дьявольскую душу въ полномъ ея значеніи съ наиболѣе безпощадной логикой. Вожди ихъ страшной военной касты были честнѣе насъ: зная, что война убійство, они приняли методы убійцъ цѣликомъ, со всей силой нѣмецкаго ума и дарованія, не ослабленныхъ какимъ бы то ни было страхомъ общественнаго мнѣнія, какими бы то ни было укорами совѣсти или чувствомъ жалости. Ихъ логика кажется мнѣ непогрѣшимой, хотя она и дьявольскаго свойства. Если позволено бросать милліоны людей другъ на друга, пользуясь такими методами истребленія, которые производятъ массовую бойню, сметая окопы, превращая сотни людей въ куски единственнымъ выстрѣломъ огромной пушки, усѣивая поля мертвыми и разрушая города такъ, что въ ихъ развалинахъ не остается ничего живого, тогда глупо дѣлать различіе между однимъ родомъ смерти и другимъ или разбирать степени ужаса. Удушающій газъ ничѣмъ не хуже, чѣмъ туча снарядовъ, а если хуже, такъ зато и гораздо дѣйствительнѣе.

Жизнь мирныхъ гражданъ, не сражающихся, ни въ коемъ случаѣ не должна уважаться больше, чѣмъ жизнь людей въ мундирахъ, такъ какъ современная война не представляетъ изъ себя военной игры между небольшими отрядами профессіональныхъ солдатъ, какъ въ старое время, а представляетъ собою борьбу не на жизнь, а на смерть между однимъ народомъ и

другимъ. Блокада непріятельскихъ портовъ, медленное умерщвленіе голодомъ жителей осажденнаго города, что допускалось военными моралистами старой и сентиментальной школы, не щадитъ мирныхъ гражданъ. Истощенная и голодная женщина съ младенцемъ на груди не можетъ дать ему молока. Невинные гибнутъ тысячами изъ-за ядовитыхъ микробовъ. Такъ къ чему же быть нелогичными и прислушиваться къ фальшивому сентиментализму? Почему не потопить „Лузитанію“ и не усѣять морскія волны трупами дѣтей и старухъ? Вѣдь это только значитъ, что однимъ ужаснымъ случаемъ будетъ больше на войнѣ, которая вся представляетъ собою ужасъ. На такую адскую логику нельзя ничего отвѣтить... Это война, и если милліоны людей выставлены для того, чтобъ убивать другъ друга, задавить промышленность врага, разорять, доводить до голодной смерти и уничтожать его съ тѣмъ, чтобъ его женщины не могли больше родить дѣтей, и чтобъ его дѣти гибли отъ эпидемій, тогда соблюденіе какихъ-то правилъ рыцарства, крупица жалости, ничто иное, какъ глупость и жалкое лицемѣріе со стороны тѣхъ, кто старается убаюкать свою совѣсть съ помощью успокоительныхъ капель. Такова, по крайней мѣрѣ, философія нѣмецкихъ повелителей армій, и если согласиться, что война ведется однимъ народомъ противъ другого, эта философія кажется мнѣ здравой и неоспоримой при всей своей мерзости.

Германія вовлекла въ войну Европу предумышленно и послѣ тщательной подготовки. На совѣсти ея дипломатовъ и высокопоставленныхъ лицъ кровь и преступленіе: они стоятъ передъ міромъ, какъ убійцы, съ обагренными руками, кровавыми глазами и душами, черными, какъ адъ. Въ этой войнѣ мы правы, прибѣгнувъ къ самозащитѣ, и не нуждаемся въ оправданіи. Мы не хотѣли войны и дошли до границъ терпѣнія, чтобъ избѣжать ея. Но если осталась еще какая-нибудь надежда для человѣчества въ будущемъ, мы должны итти въ поискахъ за правдой дальше, чѣмъ цитировать и анализировать Бѣлыя и Желтыя книги съ дипломатической перепиской. Мы должны спросить себя, искренна ли была вѣра въ идеалы, на которыхъ покоится цивилизація въ Англіи, во Франціи или въ Россіи, этихъ защитникахъ современной цивилизаціи. Сдѣлали ли что-нибудь вожди современной мысли со всѣми своими талантами и знаніемъ для того, чтобъ уничтожить старые предразсудки ненависти и невѣжества между однимъ народомъ и другимъ или чтобы вложить такую силу въ руки народовъ, съ помощью которой они могли оказать сопротивленіе тиранніи высшихъ кастъ и военныхъ идеаловъ? Развѣ наши политики и наши учителя, за немногими исключеніями, не пользовались всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы воспитывать въ людяхъ мрачныя, старыя суевѣрія, которыя таятся въ такихъ словахъ, какъ патріотизмъ и честь, чтобы держать народъ въ слѣпотѣ и не дать ему видѣть сіяющаго свѣта свободы, и чтобы замѣнить ученіе Христа, которое исповѣдуетъ большинство людей евангеліемъ международной зависти, основанной на интересахъ торговли и коммерческой жадности? Военныя касты под-

держивались въ Европѣ благодаря тому, что простымъ людямъ вбивалось въ голову величіе старыхъ традицій. Христіанскія церкви поддерживали эти традиціи и совершенно не сумѣли проповѣдывать слова мира, потому что въ сердцѣ священника находится патріотъ, такъ что каждый народъ вѣрилъ, что полки его ведетъ Богъ. На землѣ не можетъ быть мира до тѣхъ поръ, пока народы не признаютъ своего братства и не откажутся отъ того, чтобъ ихъ вели на международную бойню. Если нѣтъ на это надежды, если, какъ полагаютъ нѣкоторые, война будетъ свирѣпствовать всегда, потому что сама жизнь ни что иное, какъ постоянная война, и каждый человѣкъ живетъ только на счетъ другого, тогда надѣяться нечего, и всѣ идеалы людей, стремящихся къ прогрессу человѣчества, всѣ мечты поэтовъ и жертвы ученыхъ просто безполезны и нелѣпы, и набожные люди должны молить Бога, чтобы наша планета столкнулась съ какой-нибудь звѣздой, и такимъ образомъ кончилась бы вся эта безсмыслица.



КОНСЕРВАЦИЯ
02.04.02